

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Адам Духаев

ЭПОХА ШАЙХОВ

Нальчик
ООО «Печатный двор»
2016

УДК 297.1
ББК 8638
Д-85

*Автор благодарит за помощь в составлении
и издании настоящей книги Ш. К. Айдамирова, Л. Д. Инуркаеву,
У. Ш. Гадаева, С. М. Ахметханова и Б. А. Куштова*

Р е ц е н з е н т ы:

помощник Главы Чеченской Республики,
кадий гор. Грозный **М. Х. Хийтанаев**;
кандидат исторических наук, заведующий отделом
гуманитарных исследований КНИИ им. Х. И. Ибрагимова
Российской академии наук **А. М. Бугаев**

Духаев А. И.
Д-85 Эпоха шайхов. — Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. — 344 с.:
ил., 3-е изд., перераб. и дополн.

Монография посвящена истории становления и развития суфизма в Чечне и Ингушетии, через призму деятельности выдающихся чеченских шайхов Усмана-Хаджи и Каны Хантиевых. В своей работе автор использовал малоизвестные архивные источники, а также собрал большой нарративный материал.

Книга предназначена для кавказоведов, религиоведов, специалистов по истории исламского мира, а также для всех, кто интересуется отечественной историей.

© А. И. Духаев, 2016
© Архивное управление
Правительства ЧР, 2016
© ООО «Печатный двор»,
2016

ISBN 978-5-905770-95-1

КНИГА О СВЯТЫХ

Настоящее переработанное и дополненное издание книги А. И. Духаева «Эпоха шайхов» представляет собой исторический труд, охватывающий несколько веков духовного просвещения чеченцев, ингушей и других народов Кавказа. Адам Идрисович Духаев, будучи профессиональным журналистом и историком-архивистом, скрупулёзно изучил огромный пласт архивного материала на заданную тему и наглядно показал этапы духовного развития вайнахов.

Следует отметить, автор хорошо разбирается в густом разветвлении исламских течений и рассказывает о них предельно объективно, как и подобает настоящему историку. В частности, указана роль чеченских святых в годы трагических событий и опасных ситуаций, угрожавших исчезновением их народа, как отдельного этноса. А. И. Духаев правильно заметил, что духовные лидеры и странствующие дервиши суфийских орденов проникали в самые глухие места, где люди вели достаточно примитивный образ жизни и несли Слово Всевышнего до каждой живой души. При этом носители духовности, нередко обрекали себя на нужду, лишения и гонения. В этом и заключался их подвиг, о чём недвусмысленно повествуется в настоящей книге.

Пришло время воздать запоздалую хвалу мученикам веры, пожертвовавшим всем, ради духовного просвещения и очищения своих соплеменников. «Эпоха шайхов» — лишь малая толика того, чего заслуживают наши духовные отцы. А нам остаётся быть достойными наших шайхов и следовать их заповедям. Именно такого курса придерживался наш духовный лидер, Первый Президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров.

Очень убедительно излагает автор ценность зикра в Исламе и приводит его разновидности в двух основных суфийских тарикатах, которые исповедуют жители Чечни и Ингушетии. Приведён также большой список имён основателей различных суфийских школ. Всё это полезно знать верующим.

В ходе огромной исследовательской работы по созданию этого произведения, Адам Духаев изучил документы десятков архивов России, ближнего и дальнего зарубежья, а также личные архивы потомков упоминаемых духовных наставников народа, дополнил и систематизировал полученную информацию. В итоге получилась легко читаемая и усваива-

емая книга, способная стать учебным пособием для учащихся светских и духовных учебных заведений. Это при том, что все события, указанные в книге, подкреплены официальными архивными документами (порой недавно рассекреченными). Широкий кругозор, трудолюбие и упорство в достижении цели позволили автору создать своего рода кладезь знаний о духовно-нравственном устроении наших предков и методах их воспитательной работы с молодёжью. Кроме того, в ней описано немало эпизодов из частной жизни того периода и судьбы самых разных людей.

Настоящее издание может стать одним из ориентиров, по которому мы сможем продвигаться вперёд, не повторяя ошибок предшественников, а максимально используя их достижения. Уверен, что каждый, вдумчиво прочитавший эту книгу, почерпнёт для себя немало ценного и полезного.

М. Х. ХИЙТАНАЕВ,
*помощник Главы Чеченской Республики,
кадий города Грозный*

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию А. И. Духаева «Эпоха шайхов»

Рецензируемая книга А. Духаева — это уникальный труд, посвящённый исследованию духовно-религиозных аспектов истории чеченского народа. Как известно, фундаментом духовно-нравственного мира чеченского народа, одним из главных факторов его самоидентификации, бесспорно, является Ислам. Основная заслуга в его распространении в Дагестане, Чечне, Ингушетии, как известно, принадлежит суфиям. Именно они являлись истинными носителями ценностей Ислама, хранителями его канонов. Эти вопросы достаточно масштабно исследованы доктором философских наук, профессором В. Х. Акаевым — авторитетным учёным, с компетентным мнением которого считаются не только в широких академических кругах, но и в среде известных религиозных деятелей.

В Чечне суфии (эвлия) всегда пользовались большим уважением и почитанием. Это высокое их признание сегодня в Чечне востребовано как никогда. Поэтому исследование их многогранной деятельности в прошлом, их роли в настоящем является задачей исключительной важности. Естественно, это достаточно многоплановая работа, требующая высокого профессионализма не только в религиозной сфере, но и в сфере академической. При этом необходимо учитывать широту географических параметров не только деятельности суфиев (шайхов), но и их фактического влияния, и не только духовного, нравственного, но и обыденного, практически-повседневного. Видимо, осознавая эту многоаспектность, автор и сформулировал задачу постараться «изучить жизнь братьев-шайхов Усмана-Хаджи и Каны Хантиевых», которые, по его мнению, «были одними из первых поборников накшбандийского тариката в Притеречье, откуда распространили это учение в других районах Чечни и Ингушетии». Однако автор «перешагнул» самим же обозначенные границы. В данном случае эта «экспансия», на наш взгляд, похвальна. В работе А. Духаева на основе документальных (архивных) источников, в т. ч. и впервые вводимых в научный оборот, реконструированы малоизвестные или вовсе неизвестные страницы биографии не только братьев Хантиевых, но и Алихана (Элах-муллы) Дебирова, Абдул-Азиза (Докки) Шаптукаева, Дени Арсанова и др. При этом автор сумел показать, насколько тесной

была их дружба, одухотворённая Всевышним. Отсюда понятен высочайший уровень их культуры почитания своего учителя и наставника — шайха Абу (Башира) из Ташкечу (Аксай), а также трепетно-уважительного отношения к представителям кадирийского тариката, прежде всего к учению Кунта-Хаджи Кишиева и его последователям.

Впервые в мельчайших деталях А. Духаев воспроизвёл трагическую судьбу Элах-муллы Дебирова из Шеды-Юрта, ставшего жертвой чудовищной клеветы. Используя архивные источники, А. Духаев сумел развеять мифические версии его ареста, в т. ч. и тиражируемые отдельными нашими современниками в целях дискредитации своих оппонентов.

В рецензируемой книге освещаются не только страницы духовной деятельности шайхов из Надтеречья, но и их участие в решении текущих — повседневных вопросов, в т. ч. и миротворческих, как внутри чеченских общин (селений), так и между чеченцами и казаками.

Нашли отражение в книге и отдельные политические аспекты. Мы имеем ввиду арест и ссылку Бамат-Гирея-Хаджи Митаева, Сугаип-муллы Гайсумова, Докки Шаптукаева, Каны Хантиева и ряда других шайхов, обвинённых царскими чиновниками в помощи известному народному мстителю (абреку) Зелимхану Харачайскому. Лаконично, но достаточно ёмко говорится о деятельности Каны Хантиева и Дени Арсанова по защите неприкосновенности населённых пунктов правобережной притеречной зоны в первые месяцы после октябрьского (1917 г.) большевистского переворота.

Как известно, в т. н. период триумфального шествия советской власти горские общества, в т. ч. и чеченское, были расколоты по политическим мотивам. Отдельные религиозные деятели, в частности Нажмутдин Гоцинский и Узун-Хаджи, проповедовали идею создания теократического государства — имамата. Непримируемыми оппонентами этого проекта выступили Дени Арсанов (до своей гибели), Сугаип-мулла Гайсумов, его сын Абас Гайсумов, а также Кана Хантиев. Чеченские шайхи отчётливо понимали, что эти планы неосуществимы. Поэтому они оберегали свой народ от напрасных жертв.

Этим же принципом они руководствовались и в ходе гражданской войны. Их тактические манёвры в условиях деникинской оккупации территории Чечни были продиктованы задачами текущего момента, и прежде всего руководствуясь всё тем же принципом.

После установления советской власти тактика Сугаип-муллы Гайсумова, его сына Абаса, а также Али Митаева, Каны Хантиева и их последователей была рассчитана на долговременную перспективу. Но

большевистская власть оказалась чудовищно коварной. Она использовала их влияние в сложных для себя ситуациях. Но почувствовав их реальный авторитет и влияние в горских массах, более высокое, чем у официальных институтов власти, она пошла по пути их дискредитации. А отдельных из них — репрессировала.

Все эти вопросы нашли освещение в книге Адама Духаева. Несмотря на то что данным аспектам уделяли внимание В. Акаев, М. Заурбеков, В. Бибулатов и др., он сумел логично «поместить» эти интересные факты в контекст биографии указанных религиозных деятелей. Примечательно, что, не увлекаясь жанром мистики, ему удалось показать праведную мудрость шайхов в реальных делах, порою запутанных и противоречивых.

Самая большая ценность книги Адама Духаева состоит в том, что она написана на основе большого круга документов, выявленных лично автором в различных архивах России, Грузии и других стран, а также и полевого материала, собираемого им в течение 25 лет — четверти века.

По уровню профессиональной компетентности А. Духаев по праву считается одним из ведущих архивистов нашей республики. Уверен, что его новая книга будет интересна широкому кругу читателей, а также научным работникам, студентам и аспирантам, занимающимся изучением конкретных не только проблем истории родного края, но и вопросов источниковедения.

А. М. БУГАЕВ,

канд. истор. наук,

заведующий отделом гуманитарных

исследований КНИИ

им. Х. И. Ибрагимова РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная заслуга в распространении Ислама в Дагестане, Чечне и Ингушетии принадлежит суфиям. Суфизм, возникший после триумфа мусульманской религии, принял на себя миссионерскую деятельность в донесении людям религии Аллаха. Странствующие дервиши суфийских орденов проникали далеко за пределы исламского мира и несли Слово Всевышнего в самые глухие деревушки, где проживали племена, имевшие примитивные религиозные верования и представления о мироздании. Что характерно, среди этих невежественных людей, удивлявшихся существованию жизни за пределами их среды обитания, суфии находили верных прозелитов, ревностно соблюдавших заповеди Корана, в то время как просвещённые народы, считая свой уклад жизни привычным и удобным для себя, а свою цивилизацию древнее Ислама, не столь охотно обращались в новую веру.

Существует хадис, согласно которому Пророк (саллалаху алайхи ва саллам) сказал, что иудеи раскололись на 71 ветвь, христиане — на 72, а мусульмане разделятся на 73 ветви. И все они попадут в огонь, кроме одной общины. На вопрос, что им делать, если они доживут до этого времени, Пророк (с.а.с.) ответил: «Найдите праведную общину и её имама». В том случае, если они не найдут эту общину и имама, Посланник Аллаха (с.а.с.) сказал, что они должны найти дерево в пустыне и зубами вцепиться в его корни, не отпуская до самой смерти, лишь бы не присоединиться к неправедным общинам. Так как отшельниками, уединявшимися в пустынных местах, были суфии-аскеты, нам представляется, что Пророк (с.а.с.) в этом хадисе завещал людям держаться за религию с помощью древа суфийского братства. Ведь недаром структура цепи духовной преемственности — сила суфиев, напоминает дерево. А чтобы подчеркнуть, насколько сильно они должны держаться за религию, Посланник Аллаха (с.а.с.) посоветовал им вцепиться зубами в корень, так как корень дерева крепко держится в земле, а цепкость челюсти человека крепче рук. В свете этого хадиса нам становится понятен выбор нашими предками пути к суфийским тарикатам, проповедующим одни и те же духовные ценности.

Идрис Шах в книге «Суфизм» переводит слово «тарикат» как высокое пальмовое дерево¹. Подобное сравнение мы находим и в книге «Ценности зикра»: «Зикр — это главный принцип тасауфа (суфизма) и задействован

¹ Идрис Шах. Суфизм. М., 1994. С. 435.

во всех школах суфизма... Зикр — это дерево, дающее плоды познания Аллаха. В лексике суфиев — плоды состояния и степеней осознания присутствия Аллаха. И чем больше зикра, тем крепче корень этого дерева, а чем крепче корень, тем больше плодов»¹.

Чеченский фольклор сохранил имена первых суфиев, проповедовавших Ислам среди нашего народа. Это Абу-Муслим, Берса и Термола. Согласно народным преданиям, они в основном боролись за то, чтобы представители нашего народа перестали употреблять в пищу свинину. Конечно, помимо этого первые шайхи призывали соотечественников совершать молитву и соблюдать другие каноны мусульманской религии, но люди, веками жившие в невежестве, не сразу внимали их призывам. Как считают историки, Ислам окончательно утвердился среди чеченцев во времена шайха Мансура. В настоящее время вайнахи относятся к мусульманам-суннитам шафиитского мазхаба (толка).

Под влиянием исламской религии в чеченский язык пришло слово «сюпа» («суьпа»), которое в переводе на русский язык означает богомольный, набожный². Это слово произошло от термина «суфий», оригинальные версии о возникновении которого приводятся в книге Марата Йорданова «Сакральные тайны Ислама». Автор пишет: «Надо отметить, что этот термин отпочковался от «тасаввуф», который обычно переводится как «мистицизм», или более расширенно — «мистико-аскетическое выражение (течение) Ислама». Существуют различные мнения насчет происхождения указанных понятий. Рассмотрим некоторые варианты, для наглядности выделим коренные согласные, служащие по законам арабского языка своего рода скелетом для формирования слов (в нашем случае «С-Ф») и сопроводим их небольшими пояснениями.

Суф — шерсть. Первые суфии традиционно носили простую шерстяную одежду.

Суффа — навес, укрытие. Суфии первоначально собирались под навесом у мечети Пророка в Медине, где дискутировали, размышляли, предавались созерцаниям и откуда распространяли свои идеи.

Сафа — чистота. Суфии стремятся к нравственной чистоте, поэтому некоторые суфийские формирования назывались «Ихван ас-Сафа» — «Чистые братья».

Суфии — рядовой, или стоящий в ряду других. Суфии имеют стройные структуры, состоящие из рядовых членов.

¹ Шейхуль Хадис Маулана Мухаммад Закария Кандехлеви. Ценности зикра. Нальчик, 2004. С. 48, 49.

² Чеченско-русский словарь / Сост. А. Г. Мадиев. М., 1961. С. 383.

Сифат — свойство. Суфии наделены особыми свойствами, характерными только для них.

Соф — мудрость (по-гречески). Суфии через знания и мудрость стремятся к постижению Истины.

Представляется, что ни один из этих вариантов не следует отвергать, они все вместе максимально освещают содержание и признаки понятия «суфизм»¹.

Кроме этого слова, суфизмом в чеченский язык привнесены следующие слова и термины: «тарикат» (чеч. — «тарикъат») — путь, направление в суфизме; «хал» («хьал») — состояние; «сабр» («собар») — терпение; «карамат» («корматалла») — чудодейство, чудо, щедрость; «силсила» — цепочка имён суфийских учёных; «шовк» («шовкъ») — сильное желание, экстаз, транс; «хак, хакикат» («хьакъ, хьакъикъат») — истина, постижение реальности; «пекар» («пекъар», араб. «факъир») — бедный, нищий, синоним дервиша-аскета; «миска» (араб. «миск») — нуждающийся; «говс» («гловс») — помощник, высший ранг в суфийской иерархии; «эвлия» («эвляя», ар. «авлия») — праведник, святой; «шайх» — учёный, старец, руководитель суфийского братства; «устаз» — учитель, духовный наставник, указывающий путь в тарикат; «муршид» — «направляющий», суфийский наставник; «мурд, мурид» — «ищущий», ученик, последователь, соратник муршида; «молла» (араб. «мавла») — господин, почётный титул суфийских учителей, разрешает тяжбы людей, часто выполняет функции кадия села или настоятеля мечети; «зиярат» — «посещение», в суфизме — место захоронения святого, которое посещается его последователями; «вирд» — 1) «место водопоя», где суфии утоляют жажду познания; 2) «обязанность», возлагаемая устазом на своего мурида; 3) направление внутри тариката, состоящее из братства учеников одного суфийского устаза; «зикр» («зуъкар», араб. «зикр, зикруллаһ») — «поминание Аллаха»; «холбат» (араб. «халват») — уединение в яме, с целью отрешения от всего мирского и т. д.

В Чечне и Ингушетии на сегодняшний день распространены два суфийских тариката: накшбандийя (накъшбанди) и кадирийя (къадари). Основателем кадирийского тариката был Абдул-Кадир (Абдул-Къедар) Гилани, родившийся в персидской области Гилан в 1077 году, в семье араба Али Салиха. Абдул-Кадир был учеником Абу Саида Мубаррака Мухаррами из Багдада, который преподавал в медресе мазхаб Абу Хан-

¹ Иорданов М. Сакральные тайны Ислама. М., 2006, С. 87, 88.

бала. Позже наставником этого медресе стал сам Абдул-Кадир Гилани. Скончался он в Багдаде в 1166 году. Считается, что тарикат кадирийя ведёт свою духовную преемственность от самого имама Али — зятя пророка ¹. Основателем Северо-Кавказской школы кадирийя, получившей название «зикризм», стал чеченский суфий Кунта-Хаджи Кишиев из Илсхан-Юрта ².

Последователь кадирийского шайха Мани Назирова — Шахаб Сугаипов из Баммат-Юрта, в своём трактате приводит цепочку передатчиков учения кадирийя. Однако в ней не соблюдается хронологическая последовательность мусульманских учёных, живших в разные времена. Поэтому она нам кажется недостоверной ³.

Отличительной чертой кадирийского тариката был громкий зикр, сопровождаемый хлопаньем в ладоши, покачиванием туловища и бегом по кругу во время исполнения религиозных гимнов («назмаш»). В некоторых вирдах этого тариката назмаш сопровождаются музыкальными инструментами. К примеру, ученик Кунта-Хаджи — Чиммирза Хамирзаев из Майртупа, стал исполнять зикр под аккомпанемент тамбурина (чеч. «жиргIа»), а Вис-Хаджи Загиев из Алхан-Юрта (ум. в 1973 г.) помимо тамбурина ввёл скрипку (чеч. «Iад хьокху пондар»). Магомед Назиров (Мани) практиковал зикр с сильным покачиванием головы вверх-вниз, в результате чего исполнители этого ритуала, быстро достигающие состояния экстаза, во время выдоха издавали звуки, напоминающие посвистывание.

В отличие от кадирийских суфиев, последователи накшбандийского тариката предпочитают делать зикр тихо и уединённо ⁴. Основателем этого тариката считается Бахауддин Накшбанди (Хаваж-Баудди Накъшбанди), который перенял и усовершенствовал свое учение от Юсуфа Хамадани и Абдул-Халика Гудждувани. «Силсила аз-захаб» (золотая цепочка) тариката накшбандийя тоже возводит свои звенья к Пророку (с.а.с.), который, согласно суфийской традиции, передал сокровенные знания своему асхабу Абу-Бакру (ум. в 13 г. х. / 635 г.). От Абу-Бакра спускается следующая цепочка передатчиков суфийского учения: Салман ал-Фарси

¹ Яндаров А. Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 48.

² Акаев В. Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 26.

³ Фурат Дагистан фи айнай бустан бил касайд шафийа валь — фараид кафийа лиль — факир Шихаб ад-Дин ал-Баммади ад-Дагистани, хадим аш-шайх ал-уммийиль — Мухаммадийй Мухаммад ар-Раббани. Петровск: Типо-литография А. М. Михайлова, 1327 г. х. (1909). С. 2, 3.

⁴ Яндаров А. Д. Указ. соч. С. 47.

(ум. в 33 г. х. / 654 г.) — Касум ибн Мухаммад ибн Абубакр (ум. в 101 г. х. / 719 г.) — Джаафар ас-Садик (80—148 гг. х. / 700—766 гг.) — Абу-Язид (Баязид) ал-Бистами (188—261 гг. х. / 804—874 гг.) — Абдул-Хасан Харкани (ум. в 425 г. х. / 1034 г.) — Абу Али ал-Хармади (XI век) — Абу Юсуф ал-Хамадани из Бухары (440—535 гг. х. / 1049—1141 гг.) — Абдул Халик ал-Гудждувани (ум. в 575 г. х. / 1179 г.) — Ариф Ривкири (ум. в 647 г. х. / 1250 г.) — Махмуд Инджир Фагнави (ум. в 685 г. х. / 1286 г.) — Хазрат-Азизан Ходжа Али Ромитани (ум. в 715 г. х. / 1316 г.) — Ходжа Мухаммад-Баба Самаси (ум. в 755 г. х. / 1354 г.) — Саид-Амир Кулали (ум. в 771 г. х. / 1370 г.) — Бахауддин Мухаммад Увайси ал-Бухари Накшбанд (718—791 гг. х. / 1318—1389 гг.)¹ — Алауддин Аттари (ум. в 802 г. х. / 1400 г.) — Якубал Чархи (ум. в 851 г. х. / 1447 г.) — Насириддин Убайдуллах Ходжа Ахрар (806—895 г. х. / 1404—1490 гг.) — Мухаммад Захид ас-Самарканди — Дервиш Мухаммад — Хаваджаки ал-Амканаки — Мухаммад Баки — Имам Ахмад Фаруки (род. в 971 г. х. / 1563 г.) — Мухаммад Масум — Сайфулдин ал-Фаруки — Саид-Нур-Мухаммад Бадвани — Хабибулла Марзужани — Абдуллах Дахлави (ум. в 1809 г.) — Халидал Багдади-Сулеймани (1776—1827) — Исмаил Курдамири — Хас-Мухаммад Ширвани — Мухаммад ал-Яраги².

Закрывающий в приведённой цепи преемственности учения накшбандийя Мухаммад ал-Яраги (Мулла-Магомет Ярагский) является зачинателем этого тариката на Северном Кавказе и начал свои проповеди в 1823 году в родном сел. Яраг³. Он был последователем шайха Хас-Мухаммада из Ширвана. Мухаммад Ярагский родился в 1772 году (по другой версии — в 1761 г.) в сел. Верхний Яраг Кюринского округа⁴ в лезгинской семье. Продолжение своего учения возложил на Джамалуддина Гусейна ал-Казикумухи, Ташу-Хаджи Саясанского, Умалат-Шайха Серженьюртовского, Гази-Хаджи (Геза-Хъаьжа) Зандакского и др.

¹ Хваджаган-Бахауддин Мухаммад Бурхан ад-Дин ал-Бухари, носивший псевдоним Накшбанд — что означает художник, чеканщик. Родился в местечке Касри, недалеко от Бухары, в семье таджика-чеканщика.

² *Казикумухский Джемалэддин*. Адабуль-Марзия (правила достойных приличий) / Пер. с араб. // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). Вып. II. Тифлис, 1869. С. 6, 7; См. также: *он же*. Ал-Адаб ул-Марзия. Накшбандийский трактат (Араб. текст, рус. пер.). Оксфорд, 1986. С. 27—29; *Иорданов М.* Указ. соч. М., 2006. С. 128—135; *Тримингэм Дж.* С. Суфийские ордены в Исламе. М., 1989. С. 61, 62; *Ислам: Энциклопедический словарь*. М., 1991. С. 186—188; *Мухаммедходжаев А.* Идеология накшбандизма. Душанбе, 1991. С. 66.

³ *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 174.

⁴ Ныне Ахтынский район Дагестана.

Мухаммад ал-Яраги скончался в 1838 году, в разгар газавата Шамиля. Часть историков считает его идейным вдохновителем этого движения.

Джамалуддин Казикумухи (ум. в 1867 г.) передал тарикат Гази-Магомеду¹, Шамилю, Шайху-Эпенди и т. д. Шайх-Эпенди, в свою очередь, оставил после себя Абдурахмана-Хаджи из Согратли (Абдурахман Сугри). Он передал иджазу² («дарж») суфийского шайха Сулейману-Хаджи Ибрагимову из Апши (Хъабьшара Сулим-Хъабьжа, 1848—1922 гг.), а последний — Мухаммаду ал-Балахани (1874—1923) и Узуну-Хаджи (ставшему впоследствии эмиром Северного Кавказа). Мухаммад ал-Балахани в 1923 году был арестован чекистами и умер в тюремном лазарете в Порт-Петровске (Махачкала). Похоронен в селении Балахани нынешнего Унцукульского района Республики Дагестан³. В Чечне, особенно в Притеречье, в настоящее время есть последователи вирда Сулима-Хаджи Ибрагимова. В Верхнем-Науре продолжительное время проживал его сын Мухаммад-Хаджи Сулейманов (1885—1933), который в 30-е годы XX в. был сослан в Сибирь. Сам Сулим-Хаджи часто гостил у Газима Салихова из Мундар-Юрта (эпоним фамилии Газимовых из тайпа аргланой).

Мухаммад Ярагский признал Ташу-Хаджи шайхом с особыми полномочиями и «с абсолютным разрешением («изн мутлак») проповедовать в землях, простирающихся от Чечни до Анапы»⁴. Среди чеченцев он получил большую популярность и был назван «Великим Хаджи» («Воккха-Хъабьжа»). Ташу-Хаджи считается первым проповедником накшбандийского тариката в Чечне. Его имя фигурирует даже в силсиле чеченских шайхов тариката кадирийя. Родом он был из Эндирея, скончался в марте 1845 года⁵. Похоронен в селе Сесана (Саясан). После себя Ташу-Хаджи оставил Бешто из Саясана и ряд других шайхов.

Другой ученик Мухаммада Ярагского — Умалат-Шайх из кумыкского селения Костек, долгие годы жил в Сиржа-Эвле (Сержень-Юрт Шалинского района ЧР). Его дочь была замужем за Пайхой из эрсеновского тайпа, сыном Сиржи — основателя села, но позже развелась с

¹Первый руководитель газавата в Дагестане и Чечне, ум. в 1832 г.

²И д ж а з а — в суфизме — разрешение принимать новых членов в тарикат.

³Иорданов М. Указ. соч. С. 136, 137, 140, 167, 168, 175.

⁴Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Чечня и Россия: обществу и государства. Сборник статей. М., 1999.

⁵А. Б. Закс в книге «Ташев-Хаджи — сподвижник Шамиля» (Грозный, 1992. С. 24), приводит ошибочную дату его смерти — 1841 год.

Шайх Мухаммад ал-Яраги

Шайх Джамалуддин Гусейн

Шамиль, Абдурахман Сугри и Мухаммад ал-Ободи

Эпенди-Шайх

Шайх Сулим-Хаджи из Апти

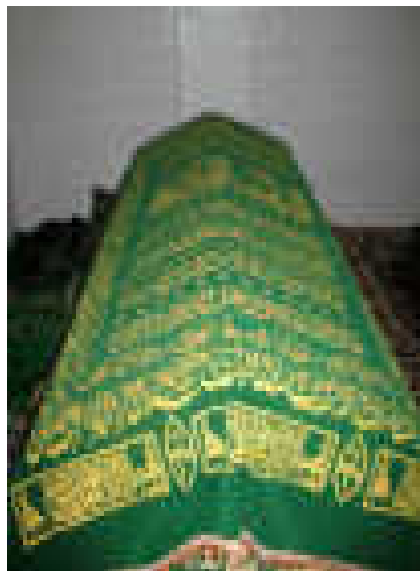
Шайх Мухаммад Балахани

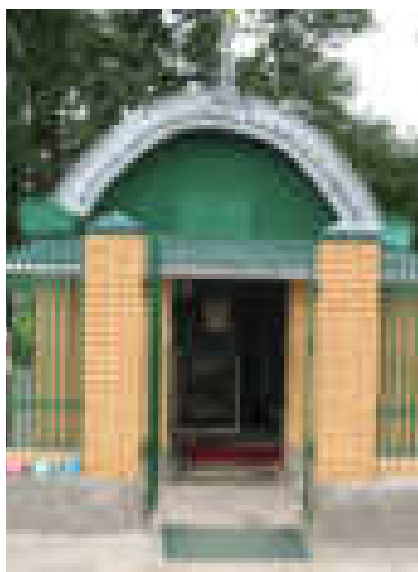
Шайх Магомед-Хаджи Сулейманов

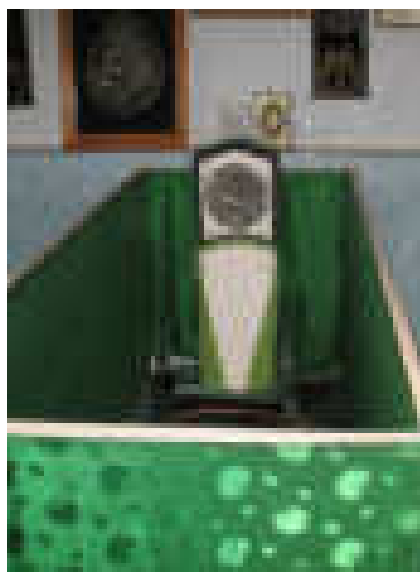
Зиярат шайха Ташу-Хаджи (Саясан)

Могила Ташу-Хаджи

Зиярат Умалат-Шайха (Сержень-Юрт)

Могила Умалат-Шайха

ним¹. Умалат-Шайх скончался в 1266 году Хиджры² в селе Сиржа-Эвла. Здесь же он похоронен и над его могилой сооружён зиярат, ставший местом посещения последователей не только накшбандийского тариката, но и кадирийского. Существует предание, согласно которому Умалат-Шайх показал Кунте-Хаджи Кишиеву место своего будущего погребения. Кладбище, где он предрёк себе последнее пристанище, находилось рядом с рекой Хулхулау. Кунта-Хаджи с иронией сказал по этому поводу: «Если тебя похоронят в этом месте, то ноги твои скоро будут болтаться в реке!». Однажды, во время половодья Хулхулау, зиярат Умалат-Шайха был затоплен, но вода не повредила усыпальницу праведника. Вскоре река вернулась в своё русло. Стараниями муридов теперь это место защищено от наводнения³.

Умалат-Шайх передал право своего духовного унаследования сыну Гёги (Гобги) — шайху Абу (прозвище Башир) из Ташкечу (Аксай). Учение последнего распространилось среди плоскостных чеченцев и ингушей. Сегодня мы ставим перед собой задачу — описать историю распространения учения Абу-Шайха в Чечне и Ингушетии. В частности, в своём исследовании мы постараемся изучить жизнь братьев-шайхов Усмана-Хаджи и Каны Хантиевых, которые были одними из первых поборников накшбандийского тариката в Притеречье, откуда распространили это учение в других районах Чечни и Ингушетии.

Данная тема до настоящего времени мало исследована. Её отдельные аспекты нашли освещение в 90-е годы XX в. в нескольких статьях, опубликованных нами в газетах «Республика», «Теркйист», «Даймохк», а также в небольшой брошюре «Плеяда шейхов из Надтеречья». Надо признать, что в этих работах в основном из-за дефицита источникового и информационного (полевого) материала нами был допущен ряд неточностей, которые мы постарались исправить в настоящем издании. Насколько нам это удалось — судить специалистам и заинтересованным читателям. Одновременно хотелось бы отметить, что в данном издании нами использован достаточно широкий круг источников: архивных документов и малотиражной литературы, а также большой объём полевого материала, собранного за последние 25 лет.

¹ Записано в июле 2007 года со слов Абдулвахида Абдулхаликовича Эпендиева (1930 г. р.), жителя сел. Сержень-Юрт Шалинского района ЧР.

² Нач. 16.11. 1849 — кон. 04.11. 1850 г. (Здесь и далее даты приводятся по новому стилю).

³ Записано 28.03. 1999 г. со слов Дакалова Абу Ансаровича (1900—24.08. 2001), жителя сел. Надтеречное Надтеречного района ЧР и Абдулвахида Абдулхаликовича Эпендиева (1930 г. р.) из Сержень-Юрта.

Особую ценность представляют арабские рукописи-тептары, описывающие события минувших лет, причём с указанием конкретных дат, что даёт возможность ориентироваться в их хронологической последовательности.

Нами также использованы и материалы личного происхождения, принадлежавшие духовным лицам (шайхам и муллам), которых, к сожалению, сегодня нет среди нас. Хочется выразить признательность их потомкам за то, что они бережно сохранили для истории эти бесценные реликвии, несмотря на потрясения последних лихолетий.

У читателя может возникнуть вопрос, почему в нашей книге везде используется слово «шайх», вместо принятого до сих пор и привычного «шейх». Дело в том, что в арабском и чеченском языках оно пишется и произносится именно в той транскрипции, в какой используем мы. Поэтому решили придерживаться версии, приближённой к языкам, которым это слово принадлежит. Тем более, в последнее время в научных изданиях тоже используется слово «шайх»¹. Кроме того, мы пишем слово «Ислам» с большой буквы, потому что это — имя собственное мусульманской религии. А названия самих религий: иудаизм, христианство, буддизм, мусульманство и т. д. можно писать с маленькой буквы.

Мы предлагаем читателю вместе с нами совершить путешествие в таинственный мир мистики и исторического прошлого родного края, чтобы пропитаться очень ценившимися у наших предков мудростью, честностью, достоинством, духовно-нравственной аурой и всеми теми добрыми качествами, которые давали нашему народу силу в его постоянной борьбе за достойное существование.

¹См.: Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 65, 186, 289; Аликберов А. К. Эпоха классического Ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). М.: Вост. лит., 2003. С. 19, 26, 27, 445, 625, 626, 683–688.

ПОИСК ПУТИ

Время рождения Упы (Иупа, в будущем Иусман-Хьабжа) было очень сложным для чеченского народа. Царская администрация в лице полковника Пулло применяла жестокие меры, пытаясь запугать его и покорить силой своего оружия. Одно за другим безжалостно сжигались чеченские селения, даже те, которые считались мирными. Решившимся покориться российской власти предписывались условия, согласно которым жители селений должны были выдавать аманатов и одно ружье в хорошем состоянии с каждых 10 саклей¹. Исключение не делалось и для мирных надтеречных чеченцев. Мало того, последних заставляли служить в царских войсках, воюющих против восставших соплеменников. В своём донесении генерал-адъютанту Чернышёву о военных действиях в Чечне от 4 июля 1835 года генерал-адъютант Розен пишет, что командующий Сунженской линией подполковник Пулло с войсками, казаками и 200 терскими чеченцами выступил в Энгелик, против Ташев-Хаджи². 27 августа 1836 г. Пулло, уже получивший звание полковника, рапортует начальнику штаба Кавказской линии и Черномории генерал-майору Петрову о результатах экспедиции против непокорных горцев, в котором сообщает, что выступая против Ташев-Хаджи, он расположил в крепости Грозной «сто человек надтеречных чеченцев»³. Это было продолжением тактики Ермолова.

В своей монографии «Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX веках» Э. А. Гелаева приводит интересную цитату из «Записок А. П. Ермолова»: «Всем владельцам лежащих по правому берегу Терека деревень дано наставление не терпеть у себя вредных людей, не пропускать через земли свои хищников и выставить в известных местах караулы, начертаны правила самые строгие, коим руководствоваться должны начальники воинские в отношении к владельцам, каким сии последние обязаны им послушанием и подвластные им повинностями. Вместо дани поставлено по наряду начальников высылать

¹ Центральный госархив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД), ф. 133, оп. 4, д. 7, л. 21.

² ЦГАРД, ф. 133, оп. 4, д. 3, л. 43–44.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 6306, л. 69 об.

на службу людей с собственным вооружением и на своем содержании. Еще не было примера, чтобы кто заставить мог чеченцев употребить оружие против своих единоземцев, но уже сделан первый к тому шаг и им внушено, что того всегда от них требовать будут. Прекраснейшие земли, коими они пользуются, и боязнь с потерей их подвергнуться бедности, которую претерпевают строго преследуемые, вынуждают со стороны их сие повиновение»¹.

З. Гелаева правильно отмечает, что «более или менее установившееся спокойствие в Надтеречной Чечне было нарушено политикой полковника Пулло. Был издан приказ о разоружении чеченцев, несовместимый с менталитетом горцев, испокон веков утвердившимися традициями ношения оружия»².

Под воздействием описанных выше мер вся Чечня, от Терека до высокогорных районов, восстала против российской администрации. В этой антиколониальной борьбе с царизмом лидеры тайпа аллерой, к которому принадлежал Упа, приняли самое активное участие. Муца из Эчкахите (Аьчкахите — ныне Зебир-Юрт Надтеречного района ЧР) был наибом местности от с. Топли (на р. Аргун) до реки Хулхулау (у места впадения в неё речки Мичик). Упомянут в 1854 году³.

Наиб Думи в 1840 году вместе с наибом Ахверды Магомой совершил набег на Моздок, где взял в плен 16-летнюю дочь армянского купца Анну Улуханову. Пленница понравилась Шамилю и была отбрана у Думи. Анна приняла Ислам, была наречена новым именем Шуаннат и стала любимой женой Шамиля. Ревнивый владыка Чечни и Дагестана не мог смириться с мыслью, что его красавицей-женой до него любовался наиб Думи. И по его приказу ему выкололи оба глаза. После этого Думи ушёл из стана Шамиля и поселился в Пседахе (Доблаке).

Наиб Ойса Алароевский (Айсу Гайребеков) из Гунашка (Гунашка, ныне — посёлок Побединский Грозненского сельского района) тоже поссорился с Шамилем из-за его репрессивных мер по отношению к чеченцам. Возле старинных кладбищ в селении Исти-Су (Мелчхи) Ойса сразился со сторонниками имама. После этого со своими людьми он вернулся домой. Ойса имел двух жён, которые родили ему четырёх сыновей: Хаки

¹ Гелаева З. А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII–XIX веках. Махачкала, 2013. С. 56 // Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 322.

² Гелаева З. А. Указ. соч. С. 60; См. также: газета «Теркйист». № 24–25 от 20 марта 2007 г.

³ Хожиев Далхан. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. Грозный, 1998. С. 214.

(Хъабка), Сайта (СаӀид), Хакима (Хъабкам) и Садулла (СаӀдулла), в последующем ставших известными и уважаемыми людьми¹.

Согласно семейным преданиям жителей сел. Нижний-Наур (Надтеречное) Ахметхановых, их предок Ахметхан (Ахьматха, Ахьмадхан) тоже был одним их четырёх набов Шамиля. Происходил он из колена Алхи (Алхин-некъе) тайпа аллерой. Со слов внука Кана-Шайха — Мухади Абдурахимовича Ахметханова (1922—13.07. 2007) их предки из родового села Аллерой нынешнего Ножай-Юртовского района — переселились в Аллерой Шалинского района. Затем — в Чечен-Аул, где на старом погосте, называемом «Кладбище газавата» («Пазотан кешнаш»), похоронен эпоним их фамилии Ахметхан. Сын Ахметхана — Хента (Ханти, ХӀента) с семьёй и родственниками переехал из Чечен-Аула в Бердыкель. Немного прожив там, они переселились в старинное притеречное село Девкар-Эвл (Старый-Юрт, ныне — Толстой-Юрт Грозненского района ЧР).

Другой внук Кана-Шайха — Тагир (ТахӀир) Абдурахманович Ахметханов (1922 г. р.) свидетельствовал, что их предки в Старом-Юрте проживали рядом с семьёй Докка-Шайха (Абдул-Азиза Шаптукаева). Тогда вокруг своего хозяйства жители рыли канаву, у которой сажали кустарники, заменявшие ограду. У парадного входа ставилась изгородь («заӀаран керт»), сплетённая из прутьев. Люди тогда жили бедно и им не хватало средств для сооружения забора вокруг всей усадьбы. В таком огороженном дворе, в землянках жило от трёх до восьми семей, преимущественно родственников. Выход на улицу был через общую калитку («ринжа»), а со стороны огорода находились ворота для выгона скота и других хозяйственных нужд.

Житель сел. Надтеречное Умар Дигаев, долгое время собиравший исторические сведения о своём тайпе аллерой, считает, что согласно рассказам старожил, у которых он черпал информацию, во время переселения Хенти в Девкар-Эвла его старшему сыну Упе было 13 лет. Его матерью якобы была кумычка, уроженка селения Баммат-Эвла (Новый-Юрт, ныне — сел. Виноградное Грозненского района ЧР). В Девкар-Эвла мать Упы нашла свой последний приют и похоронена недалеко от зиярата Докку-Шайха. После возвращения домой из казахстанской ссылки, сыновья Кана-Шайха Абдурахман и Абдурахим Ахметхановы, поставили чурт над её усыпальницей, так как за время пребывания чеченцев в ссылке (1944—1957) надмогильные памятники их соплеменников

¹ Записано 31.03.1999 года со слов Умара Дигаева, 1952 г. р., проживающего в гор. Грозный, выходяца из сел. Надтеречное Надтеречного района ЧР. Посемейный список Айсу Гайребекова смотрите: РГВИА, ф. 13454, оп. 5, д. 450, л. 19.

были использованы новыми поселенцами в качестве стройматериала. Чуть позже Мухади Ахметханов со своим братом Шамханом сделал железную ограду вокруг её могилы. По словам Мухади Ахметханова, родственники Упы по матери до сих пор не теряют связи с ними. Они навещают друг друга во время праздников или траурных дней, когда помощь и поддержка близких нужны как никогда.

В ходе поиска источников на арабском языке, несущих информацию по истории Чечни, в личном архиве покойного Харон-муллы (Мурти) Мухтаровича Пудигова (1913–07.04. 1994) мы нашли интересную копию рукописи-тептара, автором которой являлся ученик Упа-муллы — Эламирза из Урус-Мартана. Рукопись представляет собой описание смерти Упа-муллы (Иусман-Хьабжа) на арабском языке, а также несколько важных дат из его жизни, переписанных Алаудином Астемировым из Урус-Мартана с оригинала, написанного рукой его дяди по матери Эламирзы Эльдарова. Подпись, поставленная под основным содержанием документа, переводится буквально так: «Из рукописи его (т. е. Упа-муллы. — *Авт.*) ученика Эламирзы Урусмартановского это переписал сын его сестры Алаудин бин Данилсултан».

Копии с рукописей Эламирзы Эльдарова и Алаудина Денисултановича Астемирова (тайп гендаргенной), а также их переводы, нам любезно предоставил краевед Юсуп Бимурзаев из Урус-Мартана.

Согласно найденным нами арабским документам, Эламирза переписал с рукописей Упа-муллы несколько дат, касающихся жизни последнего. Первая из них даёт следующую информацию: «Моё рождение моей матерью Тана, дочерью Джанса, из того, что рассказывают дяди по отцу и матери, [было] в первой декаде месяца шаабан 1252 года». Если перевести приведённую дату на григорианский календарь, получается, что Упа-мулла родился между 10 и 19 числами ноября 1836 года. Данная запись свидетельствует, что матерью Упа-муллы была Тана, дочь Джанса, тогда как в семье Ахметхановых считается, что его мать звали Зерихой. Это имя стоит и на её надгробном камне. Кроме Упы она родила дочь Залихан, которая позже вышла замуж за жителя сел. Новые-Атаги (Жима-Атага).

По сведениям историка Саид-Хасана Мусхаджиева, полученным в результате его полевых исследований от Вахи Ярагиевича Зубайраева (1958 г. р.) и Адлана Магомедовича Зубайраева (1965 г. р.), жителей села Старый-Юрт из тайпа шоной, мать Упы была родной сестрой их предка Гапа (Папа) Джансуева, брата шайха Уди-муллы. Их генеалогия состоит из следующих имён: Мока — Чима — Девлетгири — Девлетмирза — Джансу. У Джансу было трое детей: сыновья Уди-мулла (Уьди) и Гапа

(Гапа), а также дочь Тана. У Уди-муллы не было сыновей, а у Гапа родился сын Зубайра, от которого пошла фамилия Зубайраевых. У Зубайры было два сына: Сирдин и Курейш (Къурейш). Потомки Сирдина: Хасмагомед и Али. А сыновья Курейша: Айнди и Яраги. У Хасмагомеда было четыре сына: Рамзан, Магомед, Ризван и Мовлад. У Али два сына: Иса и Муса. Айнди скончался в юношеском возрасте. Яраги воспитал двух сыновей: Арби и Ваху. От них ведут своё начало современные Зубайраевы из Старого-Юрта.

Исходя из того факта, что во время переселения Ахметхановых в Притеречье Упе было 13 лет (а родился он в 1836 г.), мы вычисляем, что в Девкар-Эвл их семья поселилась в 1849 году.

Как мы указывали выше, время рождения Упы было тревожным для чеченцев. Издревле, в поисках мирной жизни жители внутренней и горной Чечни переселялись в Притеречье, как это сделала семья Хенти Ахметханова. Но в указанное время здесь тоже было беспокойно. Царский офицер М. Ольшевский в своих воспоминаниях пишет: «Чечня находилась в полном восстании. Только староюртовцы и брагунцы остались нам верны: все же прочие чеченские аулы, жившие между Терекком и Сунжею, ушли за эту последнюю реку. Огромные партии чеченцев тревожили не только кумыков и гарнизоны наших передовых укреплений, но и наши казачьи поселения на Тереке»¹.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится подлинник документа, свидетельствующего о восстании надтеречных чеченцев. В нём сообщается: «В июне месяце 1840 года надтеречные чеченцы деревень Старого-Наура, Нового-Наура, Эминсуловской, Мундарова, Боян-Юрта, Кагерман-Юрта, Ногай-Мирза-Юрта, Мижи-Юрта, Кожакки, Калаузова, Мамакай-Юрта и Гунешки бежали, забрав свое имущество и истребив частью огнем свои жилища. Из жителей означенных деревень только незначительная часть осталась нам преданными, ведомость при сем прилагается»².

Опустевшие после восстания чеченские сёла в Притеречье, согласно А. П. Берже, были вновь восстановлены только спустя 7–8 лет. В 1847 году царская администрация разрешила чеченцам поселиться в сёлах Новокиевском (Хазу-Башаево), Ново-Мусин, Мундаров (Эльдаров) и Али-Юрт (Алхасов). В 1848 году были заселены Чанти-Юрт (Шеды-Юрт, ныне — сел. Терское Грозненского района ЧР) и Карчаги (Наги-Мирзаево)³.

¹ Ольшевский М. Кавказ с 1841-го по 1866 год. СПб., 2003. С. 26.

² РГВИА, ф. 13454, оп. 2, д. 636, л. 1 с об.; См. также: Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала, 1959. С. 307.

³ Берже А. П. Чечня и чеченцы // Чечня и чеченцы в материалах XIX века. Элиста, 1990. С. 41, 42.

Не случайно в смутное время восстания надтеречных чеченцев семья Хенти Ахметханова поселилась в Старом-Юрте, поскольку это селение наряду с Новым-Юртом и Брагунами оставалось мирным. В силу обстоятельств, он и его братья Понча и Эдалгири вынуждены были покинуть зону конфликта.

Жителей Притеречья, живших в мире с русскими, приверженцы Шамиля причисляли к неверным. Поэтому они часто подвергали сёла надтеречных чеченцев набегам. В одной из таких вылазок они умыкнули вторую жену Хенти — Жовхар из тайпа курчалой (ум. в 1305 г. х.)¹. Похищенная стала призывать на помощь. Она жалобно вопрошала: «Неужели не найдётся хоть один курчаловец, который заступится за меня?»². Услышав эти слова, джигит из дружины сторонников Шамиля, по имени Арсанука (Арсанукъа), подошёл к ней и спросил: «Разве ты из курчалоевского тайпа?»³. Жовхар утвердительно кивнула головой. Оказалось, что Арсанука её одготайповец. Он заступился за неё и Жовхар была отпущена на свободу. После этого похитители пожаловались Шамилю, что Арсанука не дал им получить выкуп за пленную. Из-за возникших разногласий Арсанука покинул стан Шамиля и стал абреком, а свою семью переселил в Притеречье².

В Посемейных списках сел. Нижний-Наур 1886 года семья Арсануки Солтаханова значилась под номером 233. Ему в то время было 67 лет. Он владел 1 домом, 1 лошастью, 4 быками, 3 коровами, 2 телятами и 2 буйволами. Старший сын Арсануки — Эсанука (Элсанукъа), в документах приведён под номером 234. Ему в 1886 году было 35 лет и он имел девятилетнего сына Аюсхана (эпоним фамилии Айсхановых). Вместе с Арсанукой проживали другие его сыновья — Эса (27 лет, эпоним фамилии Исаевых), Аслахан (24 года; учил арабский язык при «туземной школе»), Умар (15 лет), а также сыновья Эсы — Дедык (3 года) и Абубакар (1 год).

У Арсануки было два брата — Эскарха и Эзарха. В указанных посемейных списках под номером 231 значится семилетний Эзерханов Исмаил (эпоним фамилии Исмаиловых), а под 232 номером — Эскирханов Кусай (28 лет, эпоним фамилии Кусиевых), его сыновья — Дауд (4 года, предок Даудовых), Халит (1 год) и брат Кайсыр (КӀацӀа, 14 лет, давший своё имя фамилии Кацаевых)³.

Во время восстановления чеченских сёл по правобережью Терека в

¹ Нач. 19.09. 1887 — кон. 07.09. 1888 г.

² Записано 22.06. 2007 г. со слов жителя сел. Надтеречное Эльти Музаева (1917 г. р.).

³ Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (далее — ЦГА ЧИАССР), ф. 149, оп. 1, д. 9.

1847 году, представители тайпов аллерой и шотой одними из первых переселились из Старого-Юрта в Ново-Мусин. Это село возникло на месте разрушенных после мятежа 1840 года Старого-Наура и Нового-Наура, напротив казачьей станицы Наурской, а позже опять разделилось на два села: Нижний-Наур и Верхний-Наур.

Предание гласит, что после похорон матери Упы семья Ахметхановых недолго жила в Девкар-Эвла. На надмогильном памятнике-чурте мы обнаружили дату её смерти — 1268 год от Хиджры (1851—1852). Значит, Хента с семьёй переехал в Нижний-Наур в начале 50-х годов XIX века.

Вместе с Ахметхановыми из Старого-Юрта переселился их однотайповец Жаапар (ЖаӀпар — предок Дигаевых, Базуркаевых, Мальцаговых, Татаевых и т. д.). В то время семья Хенти должна была состоять из второй жены Жовхар (ЖовхӀар), а также сыновей, рождённых ею: Вазархана (1838—1918 гг.; ум. в 1336 г. х.), Бокаша (Бокхаш, 1840—1934 гг.; ум. в 1353 г. х.), Даки (1845—1923 гг.; ум. 1341 г. х.) и Каны (1848—1933 гг.; ум. в 1351 г. х.). Тахир Ахматханов вспоминал, как двоюродный брат его отца Саид пересказывал ему со слов своего отца Вазархана, что раньше, когда Ахметхановы проживали в Девкар-Эвла, Невре (диал. — «Нойре») ¹ был маленьким хутором рядом с красочным терским лесом. Он служил местом постоянных грабежей затеречных казаков. Малочисленный Невре не в силах был тогда противостоять их набегам. Согласно А. П. Берже, здесь в 1847 году проживало всего 690 жителей, из которых 300 душ женского пола ². Тогда Совет старейшин Девкар-Эвла решил переселить туда часть своих жителей во главе с Хенти Ахметхановым, так как считали его достойным человеком, который сумеет помирить чеченцев с соседями-казаками.

«Когда наши предки переселялись в Невре, — рассказывал Тахир Абдурахманович, второй по возрасту, сын Хенти, — Вазархан, был ещё мальчишкой. С посторонней помощью он садился верхом на тяглых волов и заменял погонщика. После переселения туда наших предков, это село окрепло, стало расширяться за счёт новых переселенцев и процветать. Мой дядя Абдурахим (Петак) Ахметханов говорил, что впервые среди наших селений мусульманская религия распространилась в Невре» ³.

На новом месте поселения Хента подружился с мелардоевцем Беной (предок Белаевых, Саралиевых, Хасиевых, Дакаловых и др.), кото-

¹ Так по-чеченски первоначально называлось село, которое позже разделилось на Лаха-Невре (Нижний-Наур) и Лакха-Невре (Верхний-Наур).

² Берже А. П. Указ. соч. С. 42.

³ Записано 26.09. 2000 г. со слов Тахира Абдурахмановича Ахматханова (1922 г. р.), уроженца сел. Нижний-Наур.

рый был однотайповцем князей Турловых, считавшихся основателями Нижнего-Наура и Верхнего-Наура. Кроме него, друзьями Хенти были аллероевец Жаапар, (упомянутый выше предок Дигаевых и др.), вашиндароевец Сёлжа (Сольжа — предок Мадаевых, Ахмадовых, Шамсудовых и Музаевых), памятовец Хаки (Хъаька — предок Хусиевых, Хачукаевых, Якубовых, Абдулкадыровых, Дениевых, Гишларкаевых и Даудовых из тайпа пхьамтой, тукхума шотой).

Житель сел. Надтеречное Нурди Арсамирзаевич Хусиев (1930 г. р.) со слов своей бабушки Биси Тахаевой (ум. 11.06. 1975 г.), которая была ровесницей дочери Упы — Бати и носила на руках старшего сына Каны — Абдурахмана, рассказывал, что их предок Хаки Хамбиев приехал в Нижний-Наур вместе с Хенти Ахметхановым. Поначалу они хотели занять землю, где в настоящее время расположена Центральная районная больница в сел. Надтеречном. Наняв работников дагестанцев, они даже вырыли ров для обозначения контуров своего хозяйства. Но потом решили, что там тяжело будет доставать воду, и спустились с террасы вниз, где грунтовые воды ближе к почве, а недалеко протекает Терек¹.

Когда Хента переселился в Невре, к нему пришёл один человек и попросился на работу пастухом его овец. Он оказался беглым холопом какого-то князя из плоскостной Чечни. Тогда для князя считалось позором не найти своего раба («лай»). Другие князья всю жизнь могли упрекать его за такую оплошность и клеймить позором всё его потомство. Не выдавали за них в жёны своих дочерей, а князьям разрешалось жениться только на чистокровной княжне. Дети, родившиеся от брака с простолюдинкой, становились чанка (чеч. «ч'аьнк'а» — метис) — т. е. нечистокровными князьями.

В те далёкие времена беглецы-холопы или кровники обычно направлялись в Притеречье, которое только начали заново осваивать после опустошительных войн. Здесь мало кто знал об их происхождении, так как по Тереку селились люди из разных уголков и тайпов Чечни. Поэтому они находили тут надёжный приют. Зная это, тот князь обратился за помощью к шурину Хенти (вторая его жена Жовхар была из Курчалоя нынешнего Шалинского района) и попросил его поехать в Притеречье, чтобы с помощью зятя отыскать его беглого раба. Ему нужно было всего лишь найти его, чтобы не опозориться. Если же найдут беглеца, князь обещал освободить его от зависимости (чеч. — «хьалха вуьту»). По чеченским адатам раб, не получивший такой индульгенции у своего хозяина,

¹ Записано в марте 2007 г. со слов Нурди Арсамирзаевича Хусиева (1930 г. р.), жителя сел. Надтеречное Надтеречного района ЧР.

не мог быть соучастником жертвоприношения Курбан-Байрам («Гурба») и других мусульманских ритуалов, наравне со свободными узденями. Поэтому для холопа считалось счастьем получить свободу от владельца.

Когда к Хенти приехал его шурин и поделился с ним целью своего визита, тот сказал ему, что у него пастухом работает недавно принятый незнакомец, происхождения которого он не знает. Хенти тотчас решил проверить. Подойдя к пастуху, он попросил его сказать правду, откуда он пришёл, и сообщил ему, что если он тот холоп, которого ищет князь из Шали, то хозяин дарит ему свободу. Осмелевший после такого обещания пастух признался, что он тот самый, кого ищут. Негаданно, неожиданно бывший раб стал вольным человеком, полноправным членом общества. Женится и стал родоначальником нескольких уважаемых фамилий, которые и поныне живут в селе Надтеречном. А князь, получив радостную весть от шурина Хенти, в свою очередь тешился тем, что на его семью и потомков не падёт клеймо позора из-за пропажи холопа ¹.

Ханти — сын Ахмада скончался в 1278 году от Хиджры ² и похоронен на нижненаурском сельском кладбище. Дата его смерти и имя взяты из надгробного памятника-чурта.

Упа был самым хилым и малорослым среди детей Хенти Ахметханова. Левая рука у него с рождения была увечной («чолакха»). Однако Бог наделил его редким умом и феноменальной памятью. Каждому человеку Всевышний с рождения предначертал путь, который ему предстоит пройти при жизни. Физически ущемленный Упа был наделён мудростью блаженного праведника. Поэтому отец его, обнаружив в нём незаурядные способности, дарованные Всевышним, отдал его в начальную арабскую школу — «хьюьжар» села Мелчхи, где арабской грамоте и догматам мусульманской религии обучал Чопан-мулла ³. Мухади Ахметханов слышал от своего отца Абдурахима (Петак), а тот — от своего отца Каны Хантиева о том, что в Мелчхи вместе с Упой учился его приятель из Шеды-Юрта Элах Дебиров из тайпа энгенной (анганой). Хотя Упа был старше Элаха (Алихана), они вместе начали и завершили учёбу, а также вместе приняли устаза. Это были люди одинакового мышления, схожие по характеру и внешности. Оба были маленького роста, но отличались безмерным умом, сметливостью и скромностью.

Определить время окончания Упой учёбы в Мелчхи нам помогла упомянутая выше рукопись Эламирзы Эльдарова из Урус-Мартана. Текст

¹ Записано 26.09. 2000 г. со слов Тахира Абдурахмановича Ахметханова.

² Нач. 09.07. 1861 — кон. 28.06. 1862 г.

³ Варианты: Чопа-молла, в арабских рукописях — Чуфан.

Могила матери Упа-Хаджи (Старый-Юрт)

Могила Хенти Ахметханова

Могила Залихан, дочери Хенти

Могилы Хенти и его дочери Залихан (Нижний-Наурыл)

Башир-Шайх (Абу) из Аксея

этого «тептара» сообщает нам следующее: «Я, миска¹ хаджи Упа², закончил учёбу и чтение «Шархуль мин хаджи», называемую «Джалалуль Махали»³ у покойного Чопана⁴ в 1279 году, затем вернулся в свой дом, в своё селение в 1280 году⁵. Из рукописей в его (Упы. — Авт.) доме [переписал] в 1315 году⁶ его ученик Эламирза».

Согласно цитированному источнику, Упа завершил курс учёбы у Чопа-муллы в 27 лет. По некоторым преданиям Упа, Элах, Докка Шаптукаев из Старого-Юрта, Сугаип-мулла Гайсумов из Шали, Бисултан-мулла Тагиров из Урус-Мартана и Идрис-Хаджи из Мескер-Юрта вместе обучались ещё в медресе сёл Энгель-Юрта и Мелчхи. Эти сёла расположены ближе к Дагестану. Существует предание, что Элах, будучи муталимом в Энгель-Юрте, вместе с другими учениками пошёл собирать «напха»⁷. Тогда люди жили бедно и корзины муталимов редко наполнялись милостыней, даже после обхода по всем дворам в селе. К тому же, в те годы и сёла были небольшие. Поэтому Элаху с муталимами пришлось пойти в соседнее село Ташкечу (Аксай). Сами того не подозревая, они зашли просить «напха» во двор к известному в то время суфийскому шайху Абу. Последний предложил им заработать еду, исполнив ему назам⁸. Муталимы удовлетворили желание шайха. Абу дал им кусок бараньего мяса и попросил исполнить ещё раз. После второго раза он добавил им очередной кусок мяса. Согласно преданию, назам был повторён и в третий раз, а корзина муталимов наполнилась третьим куском мяса от шайха. Тогда жена Абу — Санет, упрекнула мужа: «Что ты собираешься дать, когда придут просить другие?». Шайх ответил: «Если бы ты, как я, могла видеть среди них одного муталима, ты бы тоже не пожалела им ничего». Этим муталимом был Элах. Абу был уверен в том, что ему суждено стать его последователем. Голос у Элаха был необычайно красив и привлекал к себе внимание. Впоследствии за эти замечательные качества голос Элаха сравнят с голосом пророка Дауда.

После завершения курса обучения арабскому языку, мусульманскому

¹ Нуждающийся в помощи Аллаха.

² В арабском оригинале «Луфа».

³ Свод разъяснений мусульманского права и ритуала.

⁴ В оригинале «Чуфана».

⁵ 1279 год — нач. 29.06. 1862 — кон. 17.06. 1863 г. 1280 год — нач. 18.06. 1863 — кон. 05.06. 1864 г.

⁶ Нач. 02.06. 1897 — кон. 21.05. 1898 г.

⁷ Добровольные пожертвования в виде продуктов питания, дров для отопления, а также нефти или керосина для освещения, производимых жителями сёл в поддержку учеников арабских школ-хьюъжар.

⁸ Религиозный гимн.

праву — фикху и толкованию Корана, по существующим в те времена правилам, муталимы выходили искать себе суфийского наставника — устаза. Поиски привели Упа-муллу и Элах-муллу в Сержень-Юрт, к зиярту Умалт-Шайха. Прибыв на место захоронения этого суфия, от посетителей они узнали о том, что в Ташкечу (Аксай) живёт ученик Умалат-Шайха по имени Абу, которого он нарёк именем Башир (новость). Их привлекало учение этих шайхов, и молодые муллы из Притеречья решили навестить Абу-Шайха.

Существует версия о чеченском происхождении Абу Аксайского. Со слов жителя Автуров, ныне покойного должителя Лечи Нунаева, Абу был его однотайповцем-дишнинцем. Эту версию подтверждают также потомки Абу — Башировы из Аксая и Мескер-Юрта. Предки шайха — выходцы из Дишни-Ведено. В Кавказскую войну Абу был наибом Шамиля, проживал в Дарго. Получив ранение в правую ногу, он на всю жизнь остался хромым. Был арестован царской администрацией и сослан на пять лет в Астрахань. Там женился на татарке Асет. Всего у Абу было четыре жены, которые родили ему четырех сыновей и двоих дочерей. У Асет детей не было. У самого шайха было ещё два брата и сестра.

При возвращении из ссылки ему не разрешили жить в Чечне и поселили в Аксае (Ташкечу — от кумыкского «таш» — камень, «гечо» — брод, т. е. «Каменный Брод») ¹. Абу был искусным плотником. Имел собственный лес, откуда получал древесину. Кроме того, у него было несколько речных мельниц. Сын Абу — Халад часто приезжал в гости к Нуне — отцу Лечи и поддерживал родственные отношения с их семьёй.

Все четыре сына Абу — Апти (Абдулмутлаэлап, ум. в 1312 г. х.) ², Саид (Саид, ум. в 1338 г. х.) ³, Арип (Арб, ум. в 1338 г. х.), Халад (ум. в 1353 г. х.) ⁴, а также сыновья Апти — Далха (Далхья, 1874–1963 гг.) и Абдулла (1894–1948) Башировы были шайхами.

У Апти тоже было четыре жены. Они стали родителями двух сыновей — Далхи и Абдуллы, а также трёх дочерей — Ханипат (Мади), Абидат (Абидат), Рабихат (Рабалат). Рабихат была замужем за сыном праведника Солса-Хаджи — Абдул-Хамидом Яндаровым, которому сан шайха достался от Абдулвахаба Дыдымова. У Арипа было семеро детей: Бауддин, Зияуддин, Алауддин (Алу), Саният (Лала), Халипат, Зайнап и Хажар. Детей Саида звали: Ахмад, Чубай, Айшат, Кхатай, Чапай и

¹ Записано 07.07. 2007 г. со слов Мансура и Магомеда-Эми Башировых из Аксая.

² Нач. 05.07. 1894 — кон. 23.06. 1895 г.

³ Нач. 26.09. 1919 — кон. 13.09. 1920 г.

⁴ Нач. 15.04. 1934 — кон. 04.04. 1935 г.

Саният. У Халада — четыре сына: Салман, Сайпулла, Шамшид и Нажмудди, а также дочери Сапи и Хава (Малика). У Далхи было четыре дочери: Салимат, Нана, Раиса и Умжаминат, а у его брата Абдуллы — три сына: Ваха (Вахарг), Асламбек, Султан и дочь Зулай. Из всех потомков Абу лишь семья Абдуллы была выслана в Казахстан.

По суфийской традиции, Абу посвятил в шайхи Хож-Ахмада (Аджамат) из Ташкечу (кумык, ум. в 1297 г. х.)¹, Упа-муллу, Элах-муллу и Гереха-Хаджи из Костека. Хож-Ахмад передал привилегию («дарж») Апти. От Апти сан шайха получили Абдулвахаб-Хаджи Дыдымов из Ташкечу, Сугаип-мулла Гайсумов из Шали, Солса-Хаджи Яндаров из Урус-Мартана и Исхак-Хаджи (Исхьякъ) из Гючка-Юрта (Гуьчка-Юрт — кумыкское село Кизляр Моздокского района)².

Прибыв в Аксай и поближе познакомившись с учением Абу-Шайха, Упа и Элах почувствовали, что оно близко им по духу. Спустя некоторое время оба они решили заключить с шайхом акт духовного покаяния («тоба», «ахд»). В своём сочинении «Адабуль-марзия» (правила достойных приличий), шайх Джамалуддин Казикумухский так описывает ритуал тарикатского обета: «Накшубандийские шейхи, по возможности, собирают к себе учеников и принимают от них обеты. Сначала ученик должен сесть пред шейхом в совершенной чистоте. Потом шейх кладет свою руку в руки ученика и говорит ему: «Я делаю ахд, во имя Бога, между тобою и мною, на Коране и пути Пророка, — не совершай большого греха и не постоянствуй в малых. Когда ты впадешь в такую погибель, то поспеши раскаяться и снять с себя грехи. Постоянно исполняй обязательные и постоянно совершай и необязательные, но хорошие молитвы; действуй с твердым намерением; удаляйся от всяких отступлений от существенных правил веры, позволительное ли оно будет или произвольное. Мы все — братья в Боге; кто из нас будет спасен в день страшного суда, тот возьмет за руку своего брата. Мы принадлежим к последователям тарикатского имама, убежища народов, господина и красоты веры, Магомеда-Увайсского-Бухарского-Накшубандийского, и идем по его пути. Ты должен вспоминать Бога постоянно: это есть шлифование сердец и средство к достижению всякого искомого добра». Потом шейх потребует от него раскаяния во всех грехах и противных вере действиях, в которых он растратил всю прошедшую жизнь, и при этом оба произнесут по три раза: «Прошу прощения у великого Бога, который един и нет Бога кроме

¹ Нач. 15.12. 1879 — кон. 02.12. 1880 г.

² *Мусостов Хамид*. Ташкичуьра шайхаш («Аксайские шайхи») // Журнал «Вайнах». № 6, июнь 2007 г.

Него, живого, вечного, и возвращаюсь к Нему». Потом шейх прочтет для благословения следующие стихи Корана: «Те, которые повинуются тебе (обращено к Магомеду), повинуются лишь Богу. Божья рука выше их рук. Кто нарушит это повиновение, тот нарушит его во вред себе, а кто исполнит то, к чему Бог его обязал, тот получит великую награду». Потом оба кладут свои руки на колени, закрывают глаза, и шейх вспомнит три раза имя Божие, с намерением внушить его сердцу ученика, а ученик также вспомнит сердцем тоже самое три раза; потом поднимают руки кверху и шейх читает молитву, а ученик говорит «Аминь». По окончании молитвы, оба обтирают лицо руками; потом ученик целует колени своего шейха, встает и, по дозволению его, уходит и занимается тем, что шейх ему прикажет. Он должен сохранить навсегда свои отношения к шейху и исполнять обет ненарушимо до смерти»¹.

Таким образом Абу-Шайх посвятил Упу и Элаха в накшбандийскую школу суфиев и возложил на первого формулу зикра с рецитацией слова «Аллах», а на второго — «Ла илаха иллаллах»². О величии этих зикров в хадисах сказано, что «кыямат³ не может произойти до тех пор, пока на земле есть кто-либо, говорящий Ла иляха илляллах. В других хадисах сказано, что до тех пор, пока есть кто-нибудь на земном мире, кто говорит: «Аллах, Аллах», Судного Дня не будет»⁴.

Поиск религиозного пути будущих шайхов завершился успешно, а впереди их ожидала не менее ответственная миссия — постигнуть глубины суфийских тайных наук, чтобы в грядущем наставлять на путь истинный своих беспокойных соплеменников.

¹ *Казикумухский Джемалэддин*. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 10, 11; См. также: *Он же*. Ал-Адаб ул-Марзия. Накшбандийский трактат (араб. текст, рус. пер.). Оксфорд, 1986. С. 31–33.

² Ш а х а д а т — засвидетельствование единства Бога. Перевод: «Нет бога, кроме Аллаха».

³ «Судный День» (чеч. — «Къематде»).

⁴ Шейхуль Хадис Маулана Мухаммад Закария Кандехлеви. Ценности зикра. Нальчик, 2004. С. 71.

СТАНОВЛЕНИЕ ШАЙХОВ

В суфийских школах существовали очень суровые, спартанские правила учтивости ученика по отношению к своему устазу, которые тренировали в муриде лучшие качества духовно богатого человека. Для собственного уничтожения и подавления в себе признаков гордости, послушники тариката прислуживали муршиду и выполняли все его приказания. Это помогало им подавить в себе личное эго, вызывающее у человека чувство собственного превосходства над другими. По Джону Спенсеру Тримингэму, «в каждом человеке заложены возможности освобождения от своего «Я»,... но находятся они в скрытом, дремлющем состоянии и не могут быть высвобождены без наставлений учителя, за исключением случаев, когда Бог дарует способность особого озарения»¹. Кто с особым усердием и терпеливостью проходил через эти испытания, становился человеком кристальной чистоты, свободным от эгоизма. Такая методика суфизма пробуждала в последователях чувство ничтожества человека по отношению к великому мирозданию и делала послушника необычайно скромным в последующей жизни. Эти правила в своём уникальном сочинении «Адабуль-Марзия» приводит уже известный нам по предыдущему содержанию нашего исследования шайх Джамалуддин Гусейн Казикумухский. С позволения читателя, мы процитируем их без сокращения.

«В книге Пророка сказано: «Кто не почтит своего учителя, тот подвергается от Бога трем гибельным несчастьям: первое — язык его не повернется при смерти на свидетельство единства Божия; второе — обеднеет в течение своей жизни, и, наконец — забудет все, что знал». Правила учтивости состоят в следующем:

Ученик (мурид) должен: совершать омовение, прежде чем вступить в сообщество шейха (учителя), — потому что чистота служит проводником понимания и увеличивает его; раскаться во всех своих грехах; очистить сердце от всякого рода познания и образа предметов; не входить к шейху без спроса и тогда войти с самоуничижением, с поникшею головою; поклониться ему сердцем, а не языком; поцеловать его правую руку и, отошедши задом, стоять около дверей до тех пор, пока шейх не позволит ему сесть и не укажет места; не наступать на коврик шейха во время целования его руки, а поднять его и подойти на коленях; не допускать в сердце мирских

¹Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в Исламе. М., 1989. С. 17.

мыслей в присутствии шейха, потому что они отражаются в сердце шейха и могут вредить ему; не думать о том, чтобы уйти от него самовольно; не начинать разговора без позволения шейха; не возвышать голоса при разговоре, а говорить так, чтобы слышал только шейх; не смотреть долго в лицо шейха, потому что это противно учтивости и уменьшает величие шейха в сердце его, и тем может прекращать его вдохновение: ученик должен быть как вор перед строгим царем; не изменить своего чувства к шейху, если бы он ему сказал грубое слово или унизил его пред товарищами; не упрекать шейха за его противошариатские действия; если же чего не поймет, пусть скажет: «Он лучше меня знает» и пусть вспомнит повесть Пророка о Хизри и Моисее; не противиться никогда приказанию шейха, хотя бы он приказал ему броситься в огонь, — потому что от послушания своему шейху происходит несчастье; не опровергать суждений шейха, хотя бы он сам был прав, потому что это есть нарушение обета; не говорить ему «почему» или «зачем», потому что это есть упрек; быть убеждену в том, что шейх принадлежит к Божьим святым и что он охраняет от сопротивных ему; не полагать, что он охранен от грехов, потому что и святой может согрешить; быть убеждену в том, что его шейх есть самый высший из шейхов, а путь его выше всех путей, потому что, если ученик не убежден в этом, то ему может понравиться другой шейх и он может предпочесть путь его, и тогда прекратится вдохновение от прежнего шейха; не вращаться много около шейха; не входить в его сообщество, если этого не требуют правила вступления в тарикат; не сидеть долго у шейха, потому что это может уменьшить любовь и величие шейха в его глазах, и тогда прекратится вдохновение; не скрывать от шейха ничего из своих видений и обстоятельств, потому что это препятствует достижению цели; если ему откроется что-нибудь из тайн его шейха — не обнаруживать этого никому, хотя бы его живого распилили на части, и когда он захочет выйти от шейха, то должен просить позволения его, а когда шейх позволит, должен поцеловать его руку и колено, а потом выйти, отступая назад и не поворачиваясь к нему спиною до тех пор, пока какой-нибудь предмет не скроет его от шейха.

Кто строго и точно будет соблюдать эти правила учтивости, тот воспользуется сообществом, которое доведет его до Бога; в противном случае, все его стремления и самое поступление в сообщество шейхов навлекут на него гнев Божий и заблуждения»¹.

Вот такие жесткие правила лежали на пути становления самостоятельным шайхом. Как пишет К. Казанский, неопит должен был занять

¹ *Казикумухский Джемалэддин. Указ. соч. С. 12–14; См. также: Он же. Ал-Адаб ул-Марзия. Накшбандийский трактат (араб. текст, рус. пер.). Оксфорд, 1986. С. 33–35.*

всё своё внимание исключительно личностью руководителя. Указанный исследователь мистицизма считал, что «мюршид с этого времени является по истине волшебником, в руках которого находятся ключи от мыслей его ученика»¹.

Предания свидетельствуют, что Упа и Элах строго придерживались этих предписаний. Ныне покойный долгожитель из сел. Надтеречное Абу Ансарович Дакалов (1900—24.08. 2001) рассказывал, что, когда Упа и Элах намеревались навестить своего устаза Абу-Шайха, они только искупавшись выходили из дома. А когда доезжали до Ташкечу, даже в зимнюю стужу, сделав прорубь на льду, омывали свои тела на реке Ясси (Аксай) до того, как зайти в дом Абу. Это соответствует одному из приведённых выше правил, согласно которому «ученик должен совершить омовение, прежде чем вступить в сообщество шейха». Тому, что они следовали предписанию исполнять все приказания шайха, даже если он прикажет броситься в огонь, свидетельствует другое предание. Однажды, желая проверить, насколько родной брат Абаз предан ему, Абу-Шайх попросил его залезть в горящую жаровню². Тот отказался. Шайх сказал ему: «Я знаю, кто туда залезет». В этот момент во дворе показался Элах, который шёл навестить своего наставника. Абу адресовал свою просьбу ему. Элах, не раздумывая, исполнил просьбу шайха. Когда он залез в раскалённую жаровню, Абаз в ужасе не находил себе места, совершил три круга от растерянности и, обращаясь к Абу, воскликнул: «Ты изжарил его! Ты погубил его! Нам придется искупить его кровь. Ты с ума сошел на старости лет». Но Абу, ничуть не смущаясь, приказал: «Элах, выходи из жаровни». К удивлению Абаза, тот вышел живым и невредимым. Лишь край одной брови был наполовину обожжён. Позже Элах-мулла узнавали по этой примете. Здесь нужно указать, что описанное предание перекликается с историей о том, как Пророк Ибрахим залез в огонь и вышел невредимым. Видимо суфии старались как можно больше брать пример у пророков.

Однажды Элах-мулла вместе со своим родственником Дени Арсановым навестил Абу Аксайского. Тот поведал им, что каждый четверг, ночью, к зиярату Умалат-Шайха Серженьюртовского приходит один незнакомец и глумится над его могилой. Оба энгеноевца ничего не сказали на это и после полезного общения с аксайским суфием ушли. В следующий четверг Дени Арсанов подкараулил того нечестивца, насмежавшегося над Умалат-Шайхом, и строго наказал. Когда, после этого к нему в очередной

¹ Казанский К. Мистицизм в Исламе. Самарканд, 1906. С. 74.

² Куьрк — печь для обжарки кукурузы до помола кукурузной муки «ахьар».

раз пришёл Элах, Абу сказал ему: «Молодой человек, которого ты привел ко мне в прошлый раз, расправился с тем негодяем как следует»¹. Так муриды-послушники защищали честь своих устазов.

Другое предание свидетельствует, что, когда Упа намеревался углубить свои познания в области эзотерических наук путём изучения новых богословских книг («жайнеш»), он всегда испрашивал на это разрешение своего устаза Абу-Шайха. Часто современники открыто выражали ему своё мнение, что он стал превосходить знаниями многих авторитетных шайхов. В подобных случаях от такой похвалы он съезживался в комок и уподоблялся маленькому воробью². Таким образцовым исполнением всех предписаний на пути достижения сана шайха отличались среди своих сверстников Упа и Элах. За это Абу-Шайх проникся к ним уважением и доверием. Малыми «порциями» он стал посвящать их в суфийские тайные науки, которые научным языком называются оккультизмом или мистикой. Чеченская традиция называет это обучением «Таинственных книг» («Кхераме жайнеш»), потому что тот, кому не под силу их освоение — сходил с ума и в скором времени умирал. Чтобы этого не произошло, нужно было под руководством наставника строго соблюдать ограниченный объем постижения скрытого.

Марат Иорданов считает, что «по преданию, основы тайных знаний содержатся в особом Сборнике из ста книг под названием «Сиру Раббана» (Секрет Господа нашего). Чтобы усвоить содержание первых 99 книг, незаурядному человеку необходимо изучать их десятилетиями, а вот сокровенный смысл, собранный в Сотой Книге, доступен далеко не каждому, кто даже изучил все предыдущие тома». Мы полагаем, что «Сиру Раббана» и есть сборник тех «Таинственных книг» из поверья чеченцев. Далее автор «Сакральных тайн Ислама» пишет, что тот, кто сумеет прочесть Сотую Книгу и понять ее содержание, становится Посвящённым Высочайшей Степени. «Таких людей в мире единицы, они способны одолеть временные, пространственные и прочие ограничения и любые преграды»³.

Про ту же книгу в 1869 году в «Воспоминаниях муталима» писал и Абдула Омаров: «Есть... книжка Сиру-раббан (тайна Божия), состоящая большею частию из отдельно написанных букв. Уразумевший эту книгу

¹ Записано со слов Абу Ансаровича Дакалова.

² Записано в 1992 г. со слов Магомедта Хамидовича Абуева (1949 г. р.), жителя сел. Надтеречное Надтеречного района ЧР.

³ Иорданов М. Указ. соч. С. 57, 58.

отыскивает Исмуль-агзам¹ (великое имя Божие) и с помощью его может совершать чудные дела. Есть предание, что... известный ученый, доктор и химик, Дамадан Мухинский знал Сиру-раббан и с помощью Исмуль-агзама совершил путешествие в Аравию в один миг»².

Мухади Ахметханов рассказывал, что Упа-мулла тоже был посвящён в Сиру-Раббана и мог мгновенно оказаться в Мекке во время пятничного богослужения (рузба). На юго-западной окраине села Надтеречное есть курган возле автотрассы, у которого проезжающие приподнимаются в знак почтения. Люди считают этот курган местом, где собирались эвляии, но Мухади Ахметханов утверждает, что это не так. По этому поводу его отец Абдурахим (Петак) как-то сказал: «Неужели эвляии не находили места, куда зайти, чтобы они вынуждены были собираться возле этого холма?»³. Другая версия, связанная с этим курганом, говорит, что он служил отправной точкой Упа-муллы в Мекку. Нам же представляется, что это скорее всего место захоронения какого-то древнего человека, а приподнимаются ему из-за культа могил, извечно существовавшего у чеченцев и ингушей.

Теперь посмотрим, как в цитируемой нами литературе объясняется противоестественное природе явление исчезновения или мгновенного преодоления человеком больших расстояний (телепортация), а также совершения других чудес. Прежде всего о возможности телепортации свидетельствуют коранические истории о ночном переносе Пророка Мухаммада (с.а.с.) из Мекки в Иерусалим³ и доставлении Пророку Сулейману (а.с.) одним из сподвижников, «у которого было знание из книги», в мгновение ока трона царицы Савской Билькис из Йемена в Иерусалим⁴. Современная наука, в силу своего несовершенства, пока затрудняется дать исчерпывающее объяснение этому паранормальному явлению. Марат Иорданов пишет: «Ещё в древности египетские жрецы и тибетские ламы приводили своих прихожан в состояние одновременного восторга и страха своей способностью неожиданно исчезать и появляться вновь на этом же, или в другом месте. При этом наблюдатели замечали, что там, где только что был исчезнувший из виду человек, некоторое время остаётся нечто газообразное, наподобие дымки, которое потом материализовывалось, и исчезнувший появлялся снова. Если же эта «дымка» пропадала, а потом обнаруживалась в другом месте, то человек возникал там... Согласно учению акмеологии, у достаточно продвинутого в духовном отношении

¹ Исмуль-агзам.

² Омаров А. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. II. Тифлис, 1869. С. 65.

³ Коран. Сура 17, аят 1.

⁴ Коран. Сура 27, аят 40.

индивидуума, в результате интенсивного обучения и многолетних физико-психических тренировок могут выработаться данные, позволяющие ему посредством целенаправленного душевного усилия остановить процесс собственного сознания. Остановка сознания, в соответствии с теорией интермедиатизма, превращает материю физического тела в невидимое энергетическое поле, в котором едва заметна становится биоплазменная астральная мыслящая субстанция»¹.

Согласно интернетресурсам, ученые из Биофизического центра при НИИ онкологии Минздрава РФ «ставят очень интересные эксперименты в области квантовой телепортации — мгновенном переносе информации о биологическом объекте на любые расстояния. Пока что объектом служат лабораторные мыши, но результаты уже позволяют сделать вывод: то, что предсказал еще сто лет назад Альберт Эйнштейн, а потом многожды обыгрывали фантасты, вполне возможно. Всё это, хоть и практически пока недостижимо, действующим законам физики нисколько не противоречит»².

Идрис Шах говорит словами Абдул-Кадира Гилани, что «чудеса, которые столь часто приписывают суфиям, вовсе не являются следствием какого-либо могущества, как об этом обычно думают: «Когда вы приобретаете божественное знание, вы становитесь неотделимы от Бога... Ничто иное уже не может воздействовать на вашу внутреннюю сущность. Люди приписывают чудеса вам, но они только кажутся исходящими от вас, в то время как их источником и творцом является Бог»³.

Далее в своей книге Идрис Шах пишет, что по правилам суфиев совершать чудеса можно только в случае крайней необходимости, по возможности придавая им вид случайных событий⁴, а не демонстрировать свой дар при людях, с целью показать своё превосходство над другими. Существует также мнение, что суфии, для передачи аллегорического учения или совершения чудес, использовали дозволенную магию (сихруль-халал), алхимию и гипноз⁵.

Для достижения чудодейства, начинающему суфию нужно было сначала преодолеть множество испытательных ступеней. В «Суфийских орденах в Исламе» описываются эти стадии, стоящие на пути к духовному росту подвижника. Среди них «нафс» — путь познания муджахада, духовный джихад, ведущий к очищению и совершенству души, «путь через

¹ Иорданов М. Указ. соч. С. 145, 146.

² <http://anomaly.ru/teleportaciya.htm> (дата обращения 20.02. 2016).

³ Идрис Шах. Указ. соч. С. 331.

⁴ Там же. С. 362.

⁵ Идрис Шах. Указ. соч. С. 371, 372; Иорданов М. Указ. соч. С. 83.

Чеченская сакля XIX в. Народы России (энциклопедия). М., 1994. С. 399

Грамматика арабского языка, по которой учились в школе Усмана-Хаджи (рукописная книга XIX века)

Муриды на коллективной молитве (АУП ЧР, ф. Страна нахчо, сн. 166–167)

различные стадии (макамат), ведущий к Богу. Созерцательная жизнь (мушахада), в которой аскетизм составляет важный подготовительный этап, основана на поминании Бога («зикр») и проходит под руководством наставника»¹. Общей сложностью, посвящаемый в шайхи суфий должен преодолеть четыре стадии. Это шариат (правила), тарикат (путь), маарифат (знание) и хакикат (истина). «В большинстве суфийских систем начинающий проходит период послушничества 1001 день. За это время оценивается и увеличивается способность кандидата воспринимать указания. Если он не сумеет дождаться окончания этого срока... ему придётся покинуть школу (медресе)»². Во время преодоления ступени — тарикат, «суфии в результате продолжительного обучения и тренировок (сулук) могут быть доведены своим муршидом до особого психоэкстатического состояния (хал)»³.

Большое значение на пути становления шайха суфии также придавали диете. «Пост воспринимался ими как непереносимое условие их мистической практики: мало есть, мало спать, мало говорить — принципы повседневной жизни», — констатирует правила суфизма доктор философских наук М. Т. Степанянец. Далее учёный пишет: «Первые суфии вообще проповедовали культ голода, утверждая, что продолжительное воздержание от пищи «превращает тьму сердца в свет», открывает доступ духовной пище, нисходящей от Бога»⁴.

Согласно одному преданию, Абу Аксайский приказал Упа-мулле умерить питание. Исполняя поручение своего устаза, нижненаурский послушник практически перестал кушать. В один день Упа-мулла, заняв место имама впереди, совершал молитву совместно с Элах-муллой и Доккой. Когда они поклонились в суджуд⁵, Упа от бессилия не смог приподняться. Тогда Элах и Докка пожаловались Абу о том, что Упа истощился от чрезмерного недоедания. Выслушав их нарекания, шайх вышел на улицу, вырубил топором ветку тополя и приказал передать его Упе, чтобы он питался, взвешивая еду с ней. Присланная Абу ветка тополя с каждым днём становилась легче, в зависимости от того, насколько она высушится. В результате этого еды тоже становилось меньше. Такую диету соблюдал Упа-мулла во время прохождения стадий достижения истины.

В ходе этих испытаний под руководством Абу, Упа вырыл у себя дома

¹Тримингэм Дж. С. Указ. соч. С. 118.

²Идрис Шах. Указ. соч. С. 391.

³Иорданов М. Указ. соч. С. 94.

⁴Степанянец М. Т. Исламский мистицизм. М., 2009. С. 52, 53.

⁵Земной поклон во время молитвы.

яму и постился в ней сорок дней и ночей. Этот суфийский обряд называется халватом. Сидящий в ней не может выйти на свет, купаться, думать о мирском, общаться с близкими. До конца испытания в халвате суфий не убирает и не отгоняет от себя никаких паразитов. Даже, если в яму к нему заползёт змея, он должен просидеть до конца срока в её обществе. Как правило, уединившийся в халвате питается крайне умеренно. Разговляется строго едой, приготовленной женщиной, совершившей предмолитвенное омовение. Это затворничество напоминает жизнь в могиле и имеет целью достижение суфием мистических состояний и видений. Проходящий испытание в халвате должен всё время молиться, поминать Аллаха, обращаться к Всевышнему с мольбой о прощении грехов, читать заученные наизусть аяты Корана, так как в крошечной темноте подземелья нет другой возможности прочесть это Священное Писание. «О прогрессе мурида при прохождении ...стадий (становления шайхом. — *Авт.*) муршид судит, толкуя сны и видения, которые посещают мурида во время отправления им упражнений персонального зикра в аскетическом уединении (халва)»¹.

Назма (*чеч.* «назам») ² про Упа-муллу, сочинённая его последователями, описывает легендарную историю о том, как в халвате к суфию из Нижнего-Наура явился шайтан в образе старика и как Упа расправился с ним, не поддавшись его искушению. Согласно этому произведению, когда Упа схватил демона и силой ударил оземь — в земле появилась трещина. Помочь своему шайтану не в силах оказался даже Иблис — главный демон, который, согласно содержанию назма, плакал от бессилия. Зато Абу ликовал и восторженно отзывался о своём ученике, обуздавшем дьявола. Эту сцену, как утверждает в указанном произведении, ясно видели не только Абу и другие кавказские эвляи, но и арабские шайхи в Мекке. Такое явление типично в суфийской практике, согласно которой шайхи, достигшие определенного уровня святости, могли обладать телепатическими способностями. Современная наука относит это явление к парапсихологии, о которой в «Большом энциклопедическом словаре» сказано, что это «область исследований так называемых паранормальных психофизических явлений: экстрасенсорного восприятия, происходящего без участия органов чувств (телепатия, ясновидение, лозоискательство, парадиагностика и т. п.), воздействия человека на внешние физические процессы без посредства мышечных усилий (телекинез, парамедицина и т. д.). Возникла в конце XIX века. Явления, изучаемые парапсихоло-

¹ Тримингэм Дж. С. Указ. соч. С. 133.

² На з м а — религиозный стих, читаемый нараспев.

гией, не получили удовлетворительного научного объяснения и вызывают острые дискуссии»¹.

Согласно преданию, когда завершилось сорокадневное уединение Упа-муллы, он так сильно истощился от поста и других самоистязаний, что пришлось помогать ему выбираться из ямы. После халвата Абу провозгласил Упу самостоятельным шайхом, с разрешением создать собственную школу подготовки суфийских подвижников. Кроме него, Абу возвёл в сан шайха Элах-муллу из Шеды-Юрта.

После завершения своего становления суфием Упа-мулла отдал на обучение в медресе Абу-Шайха своего младшего брата Кану. Будучи большим жизнелюбом, Кана с крайней неохотой принял каноны строгой духовной жизни, так как не мог послушаться старшего брата. Но, приобщившись к изучению богословия и суфийских тайных наук, он целиком ушёл в этот процесс и продолжал его до последних дней. Когда не стало Абу-Шайха, обучение Каны и других муталимов продолжил кумыкский суфий Хож-Ахмад, сын Мусы из Аксаля.

По преданиям, поначалу Хож-Ахмад был противником учения Абу-Шайха, вёл праздный образ жизни, был богатым, чересчур растолстевшим человеком. Однажды Хож-Ахмад, желая проверить святость Абу, велел своей жене Салтанат приготовить для него дохлую курицу. Жена Хож-Ахмада была приверженкой учения Абу. Шайх из Аксаля, ничуть не смущаясь, съел эту курицу. Узнав об этом, Хож-Ахмад стал насмехаться над ним перед женой: мол, претендующий на знание сокровенного Абу, не узнал в преподнесённой ему птице дохлятину. Спустя некоторое время Абу и Хож-Ахмад встретились в селе. Шайх подозвал к себе своего насмешника и прилюдно открыв свой рот, спросил: видит ли он там что-нибудь? Тот ответил отрицательно. Тогда Абу велел посмотреть повнимательней. Хож-Ахмад посмотрел еще раз и, очевидно под гипнотическим воздействием шайха, признался, что видит море.

Абу спросил:

— Что ты ещё видишь?

— На берегу моря вижу какую-то мёртвую птицу, — отвечал Хож-Ахмад.

— Загрязнила бы эта птица море, которое ты видишь?

— Нет, конечно.

— Неужели ты думаешь, что та дохлая курица, которой ты угостил меня, способна повлиять на мою чистоту?

После этого диалога Хож-Ахмад упал, изо рта у него пошла пена, и

¹ Большой энциклопедический словарь.

он стал корчиться в судорогах. Когда люди попытались помочь ему, Абу отстранил их и велел ждать исхода.

Спустя некоторое время Хож-Ахмад пришёл в себя и направился домой. После этого случая он бросил пить и курить, стал вести аскетический образ жизни и рьяно соблюдать каноны Ислама. Все своё немалое состояние, за исключением самого необходимого, Хож-Ахмад раздал нуждающимся в виде милостыни, во искупление своих грехов. У себя дома он установил брус между печью и подоконником, на котором, соблюдая равновесие, совершал все богослужения. Когда на Хож-Ахмада находила дремота, он падал с бруса и просыпался, для того чтобы вновь взобраться на него и продолжить богоугодное дело. От такого образа жизни он сильно исхудал, но душа его при этом становилась светлее и выше. Таким образом он достиг сана шайха¹.

Во время обучения у Хож-Ахмада, помимо богословия и суфизма Кана освоил кумыкский язык. Он ещё не завершил учёбу, когда старший брат Упа женил его на девушке по имени Замза. Это была дочь аллероевца Еси Муртаева из Нижнего-Наура. Но даже после женитьбы, Кана ещё два года жил в доме Упа-муллы².

Когда Кана, завершив изучение томов по мусульманскому фикху под названием «Джалалуль Махали», собирался выехать домой, Хож-Ахмад задержал его со словами: «Я не могу просто так отпустить брата Упа-муллы» и начал ритуал посвящения молодого богослова в шайхи. Завершение этого ритуала он поручил Упа-мулле. Таким образом, считается, что сан шайха Кана Хантиев унаследовал от своего старшего брата. Позже, когда Хож-Ахмад справился у него о судьбе Каны, Упа-мулла ответил, что его младший брат полон духовных сил и жизненной энергии как ягнёнок, кормившийся у двух овцематок. Этим подразумевалось, что Кана прошёл обучение у двух именитых духовных наставников.

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

² Записано со слов Тахира Ахматханова.

В ОРЕОЛЕ СВЯТОСТИ

После посвящения в сан шайха, по совету своего наставника Упа-мулла отправился в Хадж. Рукопись Эламирзы Эльдарова из Урус-Мартана сообщает нам, что «Упа вышел для совершения Хаджа в первый день месяца Рамадан, в понедельник, 1291 года¹ и вернулся домой десятого дня месяца Раббиуль-авваль 1292 года². О Аллах, прими от нас!». Эта запись была сделана 5 Раббиуль-авваля 1295 года³ самим Упа-муллой на полях для комментариев одной из своих богословских книг. Оттуда была переписана Эламирзой в последние дни Зуль-хиджа 1315 года⁴.

Ослабевший после халвата, Упа-мулла заболел на пути к святым местам. Он отпустил своих спутников, чтобы они смогли поспеть в Мекку до начала времени Хаджа. Спустя три недели его еле живым нашёл Джонса Мисербиев, представитель тайпа арганой (арганой) из Мундар-Юрта⁵, также направлявшийся в паломничество. Узнав Упа-муллу, он взялся лечить его. Когда шайх стал упрашивать мундарюртовца, чтобы он не задерживался из-за него, Джонса сказал: «Какой у меня Хадж, если я брошу тебя тут?». Мисербиев, имевший высокий рост и мускулистое телосложение, носил больного на руках, ухаживая за ним, как за ребёнком. Он стал ему верным помощником на пути к заветной цели. Согласно преданию, Упа и Джонса доехали до Мекки на три недели раньше, чем те спутники, которых ранее отпустил нижненаурский шайх⁶.

Согласно другим источникам, Упа-мулла значительно отстал от своих спутников. Шайх Джамалуллайл, относившийся к потомкам Пророка (с.а.с.), встречал прибывающих из далёких краёв паломников на окраине Мекки. У мекканских суфиев было видение, что во время Хаджа должен проявить своё чудодейство некий шайх из Дагестана⁷. Когда подошла группа из Чечни, он спросил у них, есть ли с ними ещё кто-нибудь? Те

¹ 30 сентября (12 октября) 1874 г.

² 5 апреля (17 апреля) 1875 г.

³ 10 марта 1878 г.

⁴ Во второй половине мая 1898 г.

⁵ Чулга-Юрт, Знаменское.

⁶ Записано 11.05. 2007 г. со слов потомка Джонса-Хаджи Мисербиева — Аслана Сайдахасаева, жителя гор. Моздок РСО—Алания.

⁷ Дагестан (чеч. — «Дегласта») — под этим названием подразумевались современные территории Дагестана и Чечни.

ответили, что должен подъехать один паломник, отставший от них на своём слабом коне. Джамалуллайл подождал, пока тот не подоспел. Это был Упа-мулла. Араб поприветствовал его, крепко обнял и пригласил в свой дом¹. Они быстро подружились и весь период Хаджа Упа жил в его доме. Тогда не было гостиниц, а странноприимные дома были не в состоянии приютить всех паломников. Поэтому пилигримам приходилось договариваться с местными арабами о предоставлении им платного места для ночлега. Упа, благодаря знакомству и дружбе с Джамалуллайлом, нашёл в его доме безвозмездный приют².

Когда Упа совершал ритуальные круги вокруг Каабы, он взял к себе на плечи мальчика Сайд-Альви, внука Джамалуллайла и ходил с ним. Во время совершения в Мекке пятничного коллективного намаза-рузба, арабский шайх возглавил молящихся. Когда он словами «Аллаху Акбар!» начал намаз, Упа-мулла попросил его начать молитву заново. Тот откликнулся на его просьбу. Но и на второй раз Упа-мулла проявил недовольство. Тогда присутствующие потребовали у него объяснений. Упа отговаривался, но люди не унимались. Тогда он сказал:

— Когда мы в первый раз начали намаз, у предстоящего имама появилась мысль, насколько бы он разбогател, если бы завладел имуществом каждого паломника. Наша молитва после таких мыслей не была бы принята Всевышним, и я попросил начать молитву заново. Но на второй раз шайтан опять одолел имама мыслью, насколько бы он разбогател, если бы каждый паломник и житель Мекки принесли ему по мешку золота. И я вновь решил поправить молитву.

Убедившись, что Упа-мулла прочитал его мысли, арабский шайх прослезился и сказал:

— Ты и есть тот шайх, которого мы ждали. Твоё место не позади меня. Встань вперёд и возглавь нашу молитву.

Упа-мулла покраснел от смущения и отказался выйти вперёд. Но Джамалуллайл настоял на своём и Упе пришлось встать на место имама молитвы. Согласно преданию, во время совершения пятничного богослужения под его руководством, Всевышний показал знамение в образе каравана белых верблюдов на небесах. После совершения ружба Джамалуллайл нарёк Упа-муллу новым именем — Усман-Хаджи и, обращаясь ко всем присутствующим, сказал, что Аллах предоставил ему благодать — где бы он ни находился, в мгновение ока прибыть в Мекку и возглавить пятничный намаз. Поэтому в Нижнем-Науре время совершения ружба было

¹ Записано в 1994 г. со слов Сулима Ахметханова (1914–04.06. 2000).

² Записано в 2007 г. со слов Мухади Ахметханова.

отодвинуто на полчаса, чтобы Упа успел совершить молитву в Мекке, а вернувшись домой — со своими односельчанами ¹.

После этого события престиж шайха из Лаха-Невре, наречённого новым именем Усман-Хаджи, значительно возрос, как среди паломников, так и местных жителей. Под этим именем Упа-мулла вошёл в историю.

В другой раз, при совершении пятничной молитвы в Мекке, стоя за Джамалуллайлом, Усману-Хаджи пришла в голову мысль: если бы он не принял вирд Абу, то наверняка стал бы муридом Джамалуллайла. В это время Абу, совершавший молитву-рузба в мечети Ташкечу, узнал о мыслях своего ученика. Усман-Хаджи тут же сожалел, что к нему прокрались такие неблагородные мысли и после возвращения из паломничества долго не решался навестить своего устаза. Тогда Абу сам позвал ученика к себе, и Усман-Хаджи извинился перед ним. Аксайский шайх приказал Упе поститься во искупление вины.

Из Мекки паломники на верблюдах направились в Медину, чтобы посетить могилу Пророка (с.а.с.). Существует предание, согласно которому посланник Аллаха (с.а.с.), отвечая на «салам» Усмана-Хаджи, протянул ему руку из своей могилы. Подобные истории про шайхов нельзя воспринимать в прямом смысле, потому что в таком варианте они противоречат Корану, в котором Аллах (свят Он и велик) говорит, что после смерти ни одно живое существо, в том числе и пророки, неспособны подавать признаков жизни до Дня Воскресения мёртвых. Такие видные шайхи, как Усман-Хаджи, прекрасно знавшие и толковавшие Коран, не могли вступать с ним в противоречие. Если бы хоть один пророк был наделён возможностью воскреснуть в любой удобный момент, то не было бы надобности присылать в мир, для исправления заблудших, всё новых и новых пророков (наби) и посланников (расул). «Ведь ты не заставишь слышать мертвых...», — гласит 52 аят 30 суры Корана «Румы».

Вместе с тем Пророк (с.а.с.) сказал, что после его смерти он будет сниться праведным мусульманам в вещих снах и эти сны не могут быть от шайтана. Абу Хурайра передал следующий хадис: «Я слышал, как посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, говорил: «Кто увидит меня во сне, тот увидит меня наяву, — или же, — словно видел меня наяву — шайтан не уподобляется мне» ².

Ещё один хадис, переданный со слов Анаса бин Малика, да будет доволен им Аллах, сообщает нам, что посланник Аллаха, да благословит его

¹ Записано со слов Мухади Ахметханова и Аслана Сайдхасаева.

² Сахих Муслим. Казань, 2005. Хадис 2266. С. 636; Сахих аль-Бухари (Краткое изложение). Казань, 2005. Хадис 1795 (6993). С. 940.

Аллах и приветствует, сказал: «Хорошие сны праведных людей являются одной из сорока шести составных частей пророчества»¹. Муслим, со слов Абу Хурайры, приводит другой хадис, согласно которому Пророк (с.а.с.) сказал: «Когда приблизится время, сны муслима (авт. — мусульманина) уже почти не будут лгать. Сновидение того из вас правдивее, кто правдивее в разговоре. Кроме того, сновидение муслима — одна из сорока пяти частей пророчества...»². Согласно хадису от Ибн Умара: «Годное сновидение — одна из семидесяти частей пророчества»³.

В свете этих хадисов мы можем предположить, что Усман-Хаджи в Медине увидел вещий сон, в котором Пророк (с.а.с.) пожал ему руку. В силу того, что приснившийся во сне Пророк (с.а.с.), согласно процитированным нами хадисам, считается увиденным наяву, возможно и возникло представление о том, что он прямо из могилы ответил на салам Усмана-Хаджи.

В народе существует также поверье о том, что Усман-Хаджи поведёт в рай 70 тысяч грешников. Подобные представления заставляют людей легкомысленно относиться к религии, совращают их от совершения молитв, дачи милостыни и других богоугодных дел, они предаются пьянству, курению, блуду и другим тяжким грехам, надеясь на то, что кто-нибудь заступится за них и поведёт в рай. Между тем, в мусульманском вероучении говорится, что Аллах не примет заступничество за грешников и многобожников даже у величайшего из пророков Мухаммада (с.а.с.), не говоря уже о святых праведниках. В Коране Всевышний обращается к Пророку (с.а.с.) с такими словами: «Проси для них прощения или не проси для них. Если (даже) ты будешь просить для них семьдесят раз, и то никогда не простит им Аллах!»⁴. Прочитируем и другие аяты, относящиеся к той же теме: «И никогда не молись ни об одном из них, кто умер, и не стой над его могилой. Ведь они не веровали в Аллаха и Его посланника и умерли, будучи распутными!»⁵. «Не следует пророку и тем, которые уверовали, просить прощения для многобожников, хотя бы они были родственниками, после того как стало ясно для них, что они — обитатели огня. И просьба Ибрахима о прощении отцу была только согласно обещанию, которое он ему дал. Когда же ему стало ясно, что он — враг Аллаха, он отказался от него. Поистине, Ибрахим — сострадатель, кроток! Аллах — не таков, чтобы сбивать с пути народ после того, как

¹ Сахих аль-Бухари. Казань, 2005. Хадис 1792 (6983). С. 939.

² Сахих Муслим. Казань, 2005. Хадис 2263-0. С. 635.

³ Там же. Хадис 2265. С. 636.

⁴ Коран. Сура 9 «Товбат» (Покаяние), аят 80.

⁵ Там же, аят 84.

Он вёл их прямо, пока не разъяснит им, чего им остерегаться. Поистине, Аллах о всякой вещи сведущ! Поистине, Аллаху принадлежит власть над небесами и землёй! Он живит и умерщвляет, и нет у вас помимо Аллаха заступника и помощника»¹.

С приходом к власти атеистов в России была начата изощрённая борьба против религии, в результате которой почти всё духовенство было репрессировано и расстреляно. С уничтожением улемов — знатоков мусульманского вероучения, в Чечне ослабло знание Ислама. Во время советской власти было очень мало людей, знавших арабский язык и толкование Корана, потому что это сулило гонения. Арабская литература практически вся была изъята и уничтожена. Лишь единицы осмеливались тайно читать Коран, не понимая его смысла. В то же время большевики готовили людей, подрывавших религию изнутри, путём распространения разных фантастических небылиц о пророках и святых, чтобы в будущем уличить мусульманскую религию в противоречиях. Тут следует указать, что сами шайхи не любили рассказывать о своих чудесах. Естественно, в таких условиях нашим отцам тяжело было противостоять напору безбожников, и в народе быстро распространялись искажённые приспешниками атеистов рассказы из жизни мусульманских праведников. Но надо отдать должное нашим предкам — они остались мусульманами, несмотря на все ухищрения противников религии.

Сегодня канула в лету та грязная антирелигиозная идеология, а вероисповедание осталось на высоте. Благо нынче богословская литература стала общедоступной, и любой желающий может свободно углублять свои знания по Исламу, и, когда возникают спорные вопросы в религии, находить на них ответы в Коране и хадисах Пророка (с.а.с.), которыми каждый мусульманин должен руководствоваться. Всё, что противоречит этим надёжным источникам, только уводит людей от Ислама — в дебри заблуждения. Святые люди, вроде Усмана-Хаджи, не для этого наставляли наш народ на истинный путь, придерживающийся буквы и духа Корана.

Согласно преданию, Усман-Хаджи каждое утро будил своих дочерей на молитву и говорил им, чтобы они не надеялись на его заступничество в Судный День, так как согласно догматам Ислама — только вера и богоугодные деяния самого человека спасут его от страшных адских мучений. Вероятнее всего Упа-мулла, наделённый даром ясновидения, предсказал, что его учение направит на истинный путь 70 тысяч бывших грешников, которые после этого попадут в рай. Эта версия ближе к истине. У Усма-

¹ Коран. Сура 9 «Товбат» (Покаяние), аяты 113–116.

на-Хаджи было около 70 учеников. Если даже свет религии, исходящий от каждого из них, исправит до Судного Дня по одной тысяче грешников, то в сумме мы получаем указанную цифру спасённых от адских мучений людей. Но не будем дальше философствовать на эту тему и перейдём к дальнейшему повествованию.

Во время совершения Хаджа, паломникам с Кавказа было объявлено, что в ближайшее время дорогу к святым местам закроют. Ответы на свои вопросы, адресованные арабским шайхам, они могут получить у Усмана-Хаджи, которого Аллах послал для удержания угрозы Исламу со стороны неверных («керстанан урх кара елла»). Причиной закрытия границ, скорее всего, служила назревавшая в то время Русско-Турецкая война 1877—1878 годов, поскольку в то время область Хиджаз — колыбель святынь Ислама, входила в состав Османской империи.

Когда Усман-Хаджи возвращался из паломничества домой, он увидел одного араба, сидевшего на камне и курившего трубку (чеч. — «луьлла»). Шайх обратился к нему:

— Курение — харам. Зачем ты куришь трубку?

Араб ответил:

— Мне разрешил наш имам.

— Даже если тебе разрешил курить ваш имам, это запрещено, — категорично предупредил его Усман-Хаджи.

После этого араб ударил трубку о камень, на котором он сидел, и разбил её вдребезги.

— Больше не буду курить, — сказал он, виновато посмотрев на Усмана-Хаджи¹.

Шайхи очень убедительно выступали против курения. Когда кто-то сказал Усмону-Хаджи, что в Священном Писании нет конкретного указания о запрете табака, шайх дал такой ответ:

— Я поверю, что курящий попадёт в рай только после того, как встречу его там.

Один человек просил у Докку-Шайха разрешения курить, ссылаясь на то, что ему приходится во время частых разъездов ночевать в лесу, где он боится получить укус змеи. Он слышал, что пресмыкающиеся не любят запаха табака и поэтому не подползают к курящему человеку. Докку-Шайх дал ему лаконичный ответ:

— Да простит Аллах! Да простит Аллах! Это поразительно! Если даже гад считает курение гадостью — насколько же оно должно быть

¹ Записано в 1994 г. со слов Сулима Ахметханова.

гадко?! («АстогИфируллах! АстогИфируллах! Ма доккха хIума ду-кх хьо! Бобхачу хIуманна а бобха хеташ йолу хIума, ма бобха хила еза-кх?!.»)¹.

Усман-Хаджи вернулся из паломничества спустя пять месяцев и три недели. Навстречу ему во Владикавказ выехал его брат Бокаш. На подводе, запряжённой двумя волами («ши сту», в простонародье — «шуста»), он сделал брезентовый верх к повозке, для защиты от дождя и солнца. В этой кибитке и приехал шайх вместе со своим другом Джонса-Хаджи.

Желая породниться с семьёй своего друга, Усман-Хаджи сосватал брату Вазархану сестру Джонса-Хаджи — Элу Мисербиеву. Вскоре состоялась свадьба². Когда от этого брака родился младенец, Усман-Хаджи положил его себе на колени и по Сунне Пророка (с.а.с.) прошептал ему в правое ухо слова азана (призыва на молитву), а в левое — предмолитвенное объявление («къамат»). После этого, раскрыв Коран, первым увидел слово «саид» (ар. «учёный») и нарёк этим именем новорожденного. Потом, прожевав у себя во рту финик, обмазал его соком нёбо Саида, сказав, что это — райский плод. После завершения такого ритуала в честь рождения ребёнка, Усман-Хаджи воздел руки и сделал дуа («до!а», мольба) прося Аллаха вырастить здоровым и крепким будущего учёного — Саида. Как он и предсказал, Саид Вазарханов впоследствии действительно стал известным учёным-улемом. По велению Усмана-Хаджи, согласно Сунне, за новорожденного Саида было пожертвовано («хьякъикъат») два годовалых барана³.

Согласно хадису, переданному со слов Асмы бинт Абу Бакр, «в Мекке она забеременела Абдуллахом бин аз-Зубайром, да будет доволен Аллах ими обоими. (Асма, да будет доволен ею Аллах), сказала:

— Когда я уезжала (в Медину), срок беременности уже почти закончился. Приехав в Медину, я остановилась в Куба и родила его там, а потом принесла (новорожденного) Пророку, да благословит его Аллах и приветствует, и положила его ему на колени. После этого он велел принести себе финик, разжевал его и положил образовавшуюся кашицу из своего рта в рот (ребёнку). Таким образом, первым, что попало в его желудок, была слюна посланника Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует. А после этого (пророк, да благословит его Аллах и приветствует) помазал этой кашицей его нёбо, обратился к Аллаху с мольбой за него

¹Кадиев Р. Ца магийна а, дихкина а ду // Газета «Исламан зIаьнарш» (Зори Ислама). № 16 (132) от 31 мая 2007 г.

²Записано со слов Аслана Сайдахсаева.

³Записано в 1994 году со слов сына Саида — Арба Ахметханова (1922–12.06. 1997), уроженца сел. Нижний-Наур Надтеречного района ЧР.

и призвал на него благословение, и был он первым из родившихся в Исламе...»¹.

Из описанного хадиса мы видим, что Усман-Хаджи во всём подражал Пророку (с.а.с.) и строго соблюдал все мусульманские ритуалы.

Когда Усман-Хаджи вернулся из Хаджа, к нему хлынул народ. Каждый старался засвидетельствовать своё почтение к новому Хаджи. И стар, и млад завороженно слушали занятные истории о других странах и народах, о святых местах. Ведь многие из них в те времена всю жизнь прозябали, не выходя за пределы своих деревень, и для них было большим событием — встретиться с человеком, повидавшим столько удивительного и чудесного в мире. Слава о Хаджи из Нижнего-Наура быстро расползлась по аулам Дагестана, Чечни и Ингушетии. К нему приезжали даже из самых отдалённых селений.

Приезжал к нему также его устаз Абу Аксайский. Однажды, когда помощник («туркх») Усмана-Хаджи — Хакиев Абдулкадыр (Абдулкадыр — предок Абдулкадыровых из тайпа пхямтой, тукхума шотой), проживавший недалеко от своего устаза, молотил и очищал на улице зерно («эра доккхуш»), рядом с ним проехал Абу-Шайх. Абдулкадыр не заметил суфийского наставника, который прибыл в гости к Усману-Хаджи. Шайхи послали людей позвать его. Когда Абдулкадыр прибыл в дом Упы и увидел Абу, он удивлённо спросил у него: «Как ты приехал?». Аксайский шайх ответил:

— Я проехал рядом с тобой, когда ты молотил хлеб.

— А почему я тебя не заметил? — с ещё большим удивлением спросил Абдулкадыр.

Усмехнувшись, Абу ответил:

— Ты не увидел меня потому, что надел на голову войлочную шапку².

Шайхи не любили войлочные шапки и не одобряли их ношение своими муридами.

Как-то Усман-Хаджи оживлённо стал возиться с самоваром. Его жена Дода, удивлённая тем, что он никогда до этого не поступал так, справилась, в чём причина его беспокойства. На что шайх ответил, что к ним едут гости.

— Ну и что? — недовольно проворчала Дода, — угостим их чем богаты и проводим.

Однако знавший, какие гости едут, Усман-Хаджи часто подходил к воротам и выглядывал на улицу. Как только самовар закипел, на конной

¹ Сахих аль-Бухари. Казань, 2005. Хадис 1536 (5469). С. 840.

² Беглиган куй или по-другому — мангалан куй.

повозке к ним подъехали двое небогато одетых мужчины. Это были Абу-Шайх и его сын Апти. Усман-Хаджи пригласил их в дом. Гости совершили предмолитвенное омовение, после чего Абу взобрался на деревянный топчан, для совершения намаза. По воспоминаниям современников, двухкомнатная сакля Усмана-Хаджи была низкой, поэтому взобравшийся на кровать доставал головой потолок. Аксайский шайх, зная о недовольстве Доды, топнул правой хромой ногой о топчан, и сказал:

— Дода, ты ожидала гостей высокого роста, одетых в дорогие черкески, которые принесли бы тебе в дом мешки, набитые орехами и яблоками. Но от нас тебе пользы будет больше, чем от них. На этой земле мало места, куда бы не ступала моя правая короткая нога.

После совершения намаза Усман-Хаджи пригласил гостей к столу. Дода накрыла на стол и собиралась налить калмыцкий чай («Галмакх-чай»). В этот момент, обращаясь к Усмани-Хаджи, Абу сказал:

— Я забыл принести башлык, который изготовила для тебя моя жена.

— Позволь мне принести его, — попросил у своего устаза Усман-Хаджи.

Получив разрешение шайха, Упа вышел. Не успела Дода наполнить три чаши калмыцким чаем, как Усман-Хаджи вернулся с башлыком, вмиг оказавшись в Аксае. Несмотря на то что его мурид настолько быстро преодолел такое большое расстояние, Абу спросил вернувшегося ученика:

— Что ты там задержался?

— Я справлялся о здоровье твоей жены Санет, — ответил Усман-Хаджи. После этого случая Доде стало как никогда неловко, оттого что она поначалу недооценила своих гостей. Она призналась в этом своей невестке («кхин») Замзе ¹.

На второй день присмотреть за коровами и волами Усмана-Хаджи пришли его муриды Ахмад и Ахмар Базаковы. Они часто просили Доду рассказать что-нибудь новое из жизни её мужа. На сей раз она рассказала им вышеописанную историю ².

Дода была второй женой Усмана-Хаджи. Она была сестрой Доки Куркаева (1837 г. р.) ³ из Нижнего-Наура. Их семья происходила из тайпа вашиндарой, шатоевского племени (тукхума). От Доки пошла фа-

¹ Записано со слов Мухади Ахметханова.

² Записано в 1994 г. со слов Базакова Жюнида Керзувича (1903—26.05. 1998), жителя сел. Надтеречное Надтеречного района ЧР.

³ Многие годы рождений жителей сел. Нижний-Наур, встречающиеся в нашем повествовании, взяты из посемейных списков 1886 г.

милия Докаевых (Дакаевых), представители которой в настоящее время проживают в сел. Надтеречное.

У Доды была ещё одна сестра Селасат, находившаяся в замужестве за офицером царской службы Сайтом Муртаевым, братом Варзаба, Гандора (Гандор) и Турло (Турло). Их отец Себа-Хаджи был дядей тестя Каны — Еси Кесаева, ставшего эпонимом фамилии Есиевых, и Лорсы Дициева, от которого пошла фамилия Лорсановых из тайпа аллерой. От сыновей Еси — Махмуда, Накказа, Джабраила и Джамбека произошли фамилии Махмудовых, Наказовых, Джабраиловых и Джамбековых.

Первой женой Усмана-Хаджи была Зулай (Дулай) из Бердыкеля. Однажды шайх отпустил её домой. Брат попросил Зулай сшить башлык. Поэтому она не успела вернуться домой в назначенное мужем время. В Нижний-Наур её сопровождал брат. На следующий день, собираясь в обратную дорогу, он, заметив недовольство своего зятя Усмана-Хаджи, спросил как поступить ему со своей сестрой, оставить её в его доме или нет? Усман-Хаджи попросил его забрать Зулай с собой. После развода с ней суфий женился на Доде (ум. в 1337 г. х.)¹. Не разводясь с Додой, Усман-Хаджи женился ещё дважды: на Хазбат из Зебир-Юрта (прожила с ним недолго) и дочери Зубайра-Хаджи из Девкар-Эвла — Жде (ум. в 1320 г. х.)². Последняя приходилась сестрой Хулима — жены шайха Арипа Баширова из Аксяя.

У Усмана-Хаджи, по свидетельству его внучки Марем Ахмадовны Базаковой-Зубайраевой (1911 г. р.) было семь дочерей: Сайхат (Сайхъат), Непист (ум. в 1943 г.), Бати (ум. в 1340 г. х.)³, Ада (Ада, ум. в 1918 г.), Селехат (Селехъат), Заидат и Совдат (ум. в 1325 г. х.)⁴. Старшая дочь шайха Сайхат вышла замуж за Халада из Али-Юрта (совр. Гвардейское), Непист — за Музаева Жанарали (ЖанарАелу из Мекен-Юрта, тайп буной, предок Магомадовых), Ада — за Базакова Ахмада (Джанкин Ахьмад — отец М. А. Зубайраевой, тайп Аларой). Остальные дочери не были замужем. Бати увлеклась чтением Корана и религиозных книг — «жайнеш», Заидат скончалась раньше отца, а Совдат скончалась 11 лет спустя после смерти Усмана-Хаджи⁵.

Вазархан, как мы знаем, женился на Элу Мисербиевой из Чулга-Юрта (ум. в 1965 г., тайп арГаной). У них было два сына: Саид и

¹ Нач. 07.10. 1918 — кон. 25.09. 1919 г.

² Нач. 10.04. 1902 — кон. 29.03. 1903 г.

³ В 1922 году.

⁴ Совдат скончалась в 1908 году.

⁵ Записано со слов Марем Зубайраевой, Тахира Ахматханова, братьев Сулима (1914—2000) и Арба Ахметхановых (1922—1997) из сел. Надтеречное.

Ахмад, а также три дочери: Месли, Секент и Хадижа (ум. в 1975 г.). У третьего брата Бокаша было две жены. Одна из них — Тоаза Эсункаева (Эсанкын Тоаза, 1860—1940 гг.). У Бокаша тоже было шесть дочерей: Пада, Чорни, Забу, Мати (ум. в 1353 г. х.)¹, Халипат (1895—1973) и Халисат. Четвёртый брат — Даки был женат на Нойпе, которая родила трёх сыновей: Даги, Баца (эпоним фамилии Бацаевых) и Шамсти. Младший Кана, женатый на Замзе Есиевой (1855—1951)² имел детей: Абдурахмана (Дара, 1879—08.08. 1969 гг.), Абдурахима (Петак, 1885—08.06. 1969 гг.), Абубакара (прим. 1890 г. р., умер в младенчестве), Абу (1894—21.10. 1937), Макку (1898—05.06. 1981), Яраги (1900—10.02. 1955), Мединат (1901—1921), Хаву (1902—01.01. 1995) и Хадижат (1908—10.08. 1996). По признанию самой Замзы, у неё всего было 11 детей, трое из которых не выжили³.

Абдурахман Ахметханов был многожёнцем. Одна из его жён — Дагман, была дочерью полковника Эдилсултана Баймурзаева из Майртуга (тайп чартой). Из-за ранней её смерти сын Тагир остался на попечении бабушки Замзы. Ещё Абдурахман был в браке с Паладой Шахбиевой из Зебир-Юрта (1886 г. р.) и Мархой из Аду-Юрта (1893 г. р.).

Абдурахим Ахметханов женился на Машаш из Зебир-Юрта. Абу Канаев — на Машок Юсуповой из Нижнего-Наура. Яраги Ахметханов взял в жёны Кусу Даудову из Нижнего-Наура (1894 г. р.).

Макка Канаева была замужем за Шамсуддином Мамакаевым из Нижнего-Наура (тайп чартой). После его гибели в 1921 г. родила дочь, которая вскоре скончалась. Макка больше не выходила замуж. Её сестра Мединат (Медна) вышла замуж за Магомеда Дакаева (тайп вашиндарой) и в 1921 г. скончалась при родах. Её похоронили в могиле дочери Усмана-Хаджи — Совдат. Быть похороненной рядом со своей сестрой мечтала другая дочь Упа-Хаджи — Бати. Но Мединат Канаева скончалась на год раньше неё и старейшины определили ей место рядом с Совдат. А умершую в 1922 г. Бати похоронили в могиле своей матери Доды.

Третья дочь Кана-Шайха — Хава, была замужем за Яраги Закриевым (Ясаковым) из Нижнего-Наура (тайп Иаларой). Она дожила до преклонного возраста и скончалась 1 января 1995 г. Похоронена рядом с сестрой Маккой. Младшая дочь шайха — Хадижат (Хадишт) в 1935 г. вступила в брак с будущим Героем Советского Союза Мавлидом

¹ Нач. 15.04. 1934 г. — кон. 04.04. 1935 г.

² Год смерти Замзы на памятнике — 1371 г. от Хиджры.

³ Записано со слов Тахира Ахматханова.

Алероевичем Висаитовым (13.05. 1913—23.05. 1986) из Нижнего-Наура.

Сестра Замзы — Ловда была замужем за Белаевым Мисли (тайп мелардой) из Нижнего-Наура. Однажды буйвол Мисли за потраву полей был задержан Халидом, сыном подполковника Шеды Эльмурзаева. Хутор Эльмурзаева и лес на берегу Терека, принадлежавшие этим землевладельцам, граничили с Мекен-Юртом и Нижним-Науром. Позже лес Шеды (Шидин-хьун) перешёл во владение Нижненаурского сельского общества. Халид Эльмурзаев был приятелем Мисли Белаева, поэтому последний послал к нему своих детей, чтобы попросить у потомственного владельца вернуть его буйвола. Но тот потребовал за скотину выкуп в размере трёх рублей. Тогда это были немалые деньги. Спустя некоторое время, по пути в станицу Наурскую Мисли встретил Халида, ехавшего на своём тарантасе домой. Белаев упрекнул его за то, что он не вернул буйвола, хотя они были друзьями. Эльмурзаев ответил, что он без уплаты выкупа не вернул бы животное, даже если бы к нему пришёл просить сам Мисли. Озлобленный этим, последний вырвал с его повозки люшню (чеч. «ялкса») и ударив им, сломал хребет лошади Эльмурзаева. После этой ссоры Халид угрожал отомстить Мисли. Но как-то Дени Арсанов по дороге в Нижний-Наур завернул к Эльмурзаеву и посоветовал ему заключить с Белаевым перемирие, так как эта ссора обернётся не в его пользу. Тем самым Дени-Шайх дал ему понять, что Мисли — свояк (бажа) его друга Кана-Шайха и, следовательно, сам он будет на их стороне. Таким образом, Арсанов переубедил Халида, который путём рукопожатия помирился с Белаевым¹.

Как-то Абу-Шайх со своими муридами стоял на берегу Койсу (Гойси). Рядом пролегла железная дорога. Абу сказал своим последователям, что по этой дороге поезд больше не приедет в их сторону, а уедет от них обратно. Но не прошло и двух недель, как поезд проехал через их земли в Баку. Тогда муриды Абу, обеспокоенные тем, что предсказание шайха не сбылось, прибыли к Усману-Хаджи для получения разъяснений. Когда они рассказали о случившемся, Усман-Хаджи спросил:

- Абу в это время стоял или сидел?
- Сидел, — ответили муриды.
- В какую сторону было обращено его лицо?
- В сторону киблы («к'билбехъ»).
- Куда он смотрел?
- На землю, перед собой.

¹ Записано в 1999 г. со слов Абу Дакалова (1900—2001).

— Абу был прав. Он предсказывал вам, смотря в Небесную книгу («Лавхъал Махъфуз»), но после этого Аллах вынес другое решение и раскинул пропитание людей («рицкъа») по разным уголкам Земли. А поезд проехал, чтобы развезить это пропитание.

Когда Абу-Шайх заболел, Усман-Хаджи поехал навестить его. В это время аксайский шайх завещал ему:

— Я не смог выполнить поручение своего устаза, но ты постарайся исполнить моё. После моей смерти похорони меня в могиле, вырытой во дворе нашего дома. Если ты уложишь меня, повернув лицом к Тереку — неверные не смогут перейти эту реку. Если повернёшь меня на юг («къилбехъа») — в Дагестане будет голод. А если положишь на спину («аркъал») — неверные принесут на нашу землю горе и страдания, но люди не будут знать голода. Перенести голод будет труднее, чем страдания от неверных, которые пройдут. Поэтому положи меня на спину. И ещё, пусть в моей же могиле откопают нишу («лахъта») для захоронения моего мурида Хож-Ахмада. Он недолго проживет после меня и, где бы его ни похоронили, сквозь землю перейдет в мою могилу¹.

Абу-Шайх скончался в месяц Рамадан 1292 года от Хиджры Пророка (с.а.с.)². В это время Усман-Хаджи вместе со своим туркхром Абдулкадыром Хакиевым совершал утреннюю молитву в мечети родного села. Завершив намаз, шайх поторопил Абдулкадыра и они на повозке-двойке выехали в сторону Аксая. Таким взволнованным и торопливым Усман-Хаджи не был никогда и удивил своим поведением Абдулкадыра Хакиева. Последний из-за уважения к нему не решился спросить у шайха, куда они едут и в чём причина его беспокойства. Усман-Хаджи тоже ничего не объяснял, а лишь просил подгонять лошадей. К полудню они доехали до Аксая. Улица, на которой жил Абу-Шайх, была заполнена народом, прибывшим со всех концов Дагестана, Чечни и Ингушетии на похороны («тезет») почтенного праведника. Только прибыв туда, Абдулкадыр узнал причину спешки: Усман-Хаджи хотел поспеть до похорон своего устаза и исполнить его завещание. Он приказал вырыть могилу Абу-Шайху у него во дворе. Но аксайцы проявили недовольство. Однако сославшись на завещание своего наставника, Усману-Хаджи удалось их переубедить,

¹ Записано в 1999 году со слов Абу Дакалова (1900–2001).

² С 1 по 30 октября 1875 года. Год смерти Абу-Шайха — 1292 г. х., приводится также в работе Дзахо Гатуева «Шейхизм в Чечне» // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН), ф. 1, оп. 1, д. 282, л. 26.

а также добиться у пристава («пурстоп») разрешения вырыть могилу во дворе шайха.

Чтобы уложить Абу в своей усыпальнице, в могилу спустились Усман-Хаджи и ещё два человека. Узнав, что нижненаурский шайх собирается положить покойного на спину, те два помощника выступили против этого решения. Усман-Хаджи попытался объяснить, что похоронить его таким образом завещал сам Абу-Шайх. Но никакие доводы не могли их переубедить. Тогда Усман-Хаджи достал из-за пазухи пистолет фирмы «Наган» и угрожающе обратился к ним:

— Кто посмеет помешать мне исполнить завещание моего устаза? Я применю этот револьвер, если вы не вылезете из могилы.

Удалив таким образом противившихся, Усман-Хаджи в точности исполнил завещание Абу Аксайского. Абдулкадыр Хакиев рассказывал позже, что всегда находившийся рядом с Усманом-Хаджи, в этот день он в первый и последний раз видел у него оружие.

Когда муриды стали засыпать могилу Абу-Шайха землей, Усман-Хаджи попросил их сделать передышку. По преданию, сделать подобную паузу завещал и Пророк (с.а.с.), когда будут хоронить его¹.

Со слов Анаса бин Малика передаётся хадис, согласно которому Пророк (с.а.с.) сказал: «После того, как раба Аллаха положат в могилу, а его товарищи повернутся и уйдут, а он даже услышит стук их сандалий — к нему явятся два ангела, усадят его и спросят его: «Что говорил ты об этом человеке, Мухаммаде, да благословит его Аллах и приветствует?» Он скажет: «Я свидетельствую, что он — раб Аллаха и Его посланник», после чего ему скажут: «Посмотри на своё место в огне: Аллах заменил его для тебя на место в раю». Затем пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «И он увидит оба эти места. Что же касается неверного (или лицемера), то он ответит (ангелам): «Не знаю, я лишь повторял то, что говорили люди». Тогда ему скажут: «Ты не знал и не читал!» — а потом ему нанесут удар железным молотком между ушей, и он издаст такой крик, который услышат все, кто окажется поблизости, кроме людей и джиннов»².

Спустя некоторое время после ухода из жизни Абу, его сын Апти приехал к Усману-Хаджи в Нижний-Наур, чтобы по суфийской традиции

¹ Записано со слов Абу Дакалова, Мухади Ахметханова и Илеса Абуева из сел. Надтеречное.

² Сахих аль-Бухари (краткое изложение). М., 2002. Т. 1. Хадис 623 (1338). С. 298, 299.

подарить ему балахон («оба»), который при жизни носил его отец. Упа сказал, что он недостойн носить его. Апти в недоумении спросил:

— Кто же достоин его носить, если не ты?

— В своём селе Ташкечу встретишь одного мастера-кумыка, которого зовут Абдул-Вахаб. Узнаешь его по бородавке на руке. Сделай ему этот подарок, даже если он будет говорить, что недостойн его носить, — ответил Усман-Хаджи.

Апти последовал совету Упа-муллы и передал балахон Абдул-Вахабу-Хаджи Дыдымову из Аксяя, которого посвятил в шайхи.

Как предсказал Абу-Шайх, его мурид Хож-Ахмад недолго прожил после него. Согласно арабским историческим хроникам, составленным из поколения в поколение улемами и кадиями Притеречья, Хож-Ахмад скончался 8 сафара 1297 года¹. По сведениям, полученным у ныне покойного кадия села Чулга-Юрт (Знаменское) Амаева Махмуда (1918 г. р.), этот шайх из Аксяя скончался в ночь со среды на четверг («сарийн буйса»). 8 января 1880 года (по старому стилю), согласно нашим подсчетам, как раз выпадает на четверг. Хож-Ахмад был похоронен не в могиле Абу-Шайха, а на восточном кладбище села Ташкечу.

После кончины Абу-Шайха и Хож-Ахмада, бремя руководства учением аксайского суфия легло на плечи Усмана-Хаджи и Элах-муллы. В это время Элах-мулла (Алихан) Дебиров был кадием в Новых-Атагах нынешнего Шалинского района, где сменил Берса-муллу. На этом посту он проработал около 13 лет. В это время Элах-мулла воспитал трёх суфиев: Маадуллу (МоИдулла), Мудара и Хути (ХІуьта) из Новых-Атагов. Там же, на старинном кладбище похоронены два его мальчика, умершие в младенческом возрасте. Над ними позже муриды сделали зиярат, названный «Элах-моллин берийн зиярат» («Зиярат детей Элах-муллы»)².

В связи с этим, со сложными религиозными вопросами в Притеречье все обращались к Усману-Хаджи. Даже известные шайхи советовались с ним при вынесении решений согласно мусульманскому праву. К примеру, шайх Хасемик (Хьесамак-молла) из Чулга-Юрта обратился к Усману-Хаджи с письмом, в котором просил разъяснить о разделе имущества по завещанию. В это время он был муллой в своём селе и известным тарикатским шайхом, прошедшим суфийскую подготовку у ученика

¹ 8 (20) января 1880 года. См. также: РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 282, л. 26.

² Бибулатов В. Элах-моллас Жимачу АтаГлахь яьккхина хан / Статья на чеченском языке в газете «Исламан зIабнарш» («Зори Ислама»). № 4 (174) от 26 февраля 2009 г.

Гази-Хаджи Зандакского — Умалата (Маты) из Аллероя¹. Хасемик Хабаев тоже был родом из Зандака. Духовное прозрение получил в 40 лет. Скончался в 1303 году Хиджры².

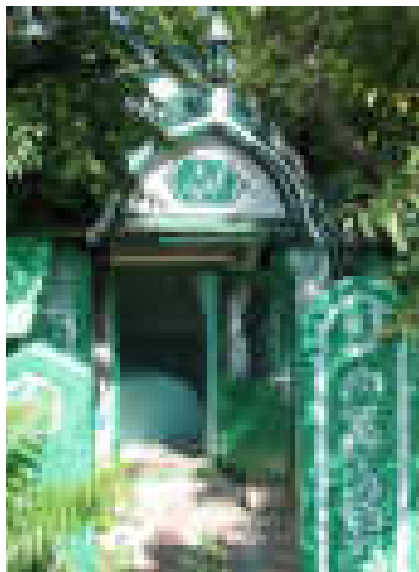
В архиве Харон-муллы (Мурти) Мухтаровича Пуцигова сохранилась копия письма-ответа Усмана-Хаджи Хасемику-мулле на арабском языке, следующего содержания: «Кадью Хасемику из Чулга-Юрта. Если третью часть своего имущества завещать («весет дан») кому-то, не упомянув имени, к примеру, кормилец делает такое завещание: «Я завещал третью часть своего имущества», — такой весет дозволяется и раздаётся слабым и нуждающимся. Потому что такое завещание предназначено для того, чтобы имелись в виду именно они. Раздача этой доли производится в месте, которое должно быть указано в завещании, согласно книге («жайне») Ибн-Хаджара «Аваилул васийати». Исполняющий это завещание, будь то опекун («верас»), кадий или его наиб — не имеет права решать что-либо от себя. Нужно распределить так, как указал завещавший. Ва салам! Прошу тебя сделать весет-дуа. Это написал Упа-Хаджи, отвечая на вопрос своего брата Хасемика».

Из этого письма мы видим, что Усман-Хаджи был большим знатоком мусульманского права, если даже такие учёные мужи, как Хасемик-мулла, просили у него совета. Существует ещё одна бумага с ответами подобного характера, данными Усманом-Хаджи 15 Рабиуль-Ахира 1314 года Хиджры (11 (23) сентября 1896 года).

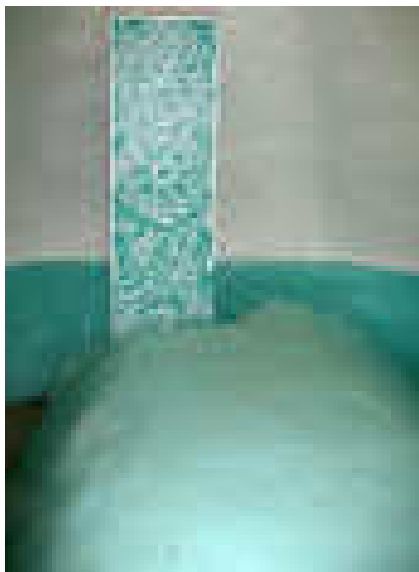
Недаром шайх имел большой авторитет в народе и занимал среди духовенства своего времени высшую степень в суфийской иерархии. Такой почёт и слава среди жителей края настораживала власти Грозненского округа Терской области. Ещё свежи были в Чечне последствия мятежа Алибека-Хаджи Алдамова 1877 года. Они опасались появления среди чеченцев очередного лидера, способного поднять новое восстание против царизма. Поводом к таким подозрениям служили проповеди Усмана-Хаджи и Элах-муллы о близком пришествии последнего имама Махди. Упа-мулла часто любил повторять при людях, что жизнь день ото дня будет ухудшаться, пока не появится Махди-имам. Мансура, Шамиля и иных деятелей, претендовавших на власть в Чечне, Усман-Хаджи и другие эвлия не признавали имамами, а называли «владельцами сабли» («туьран дай»), т. е. военными предводителями. Чеченские праведники утверждали, что имам ещё не появлялся.

¹ Мусхаджиев С.-Х. Гази-Хаджи Зандакский: пространство и время героя. Майкоп, 2009. С. 69.

² Нач. 10.10. 1885 — кон. 28.09. 1886 г.

Зиярат Башир-Шайха (Акса́й)

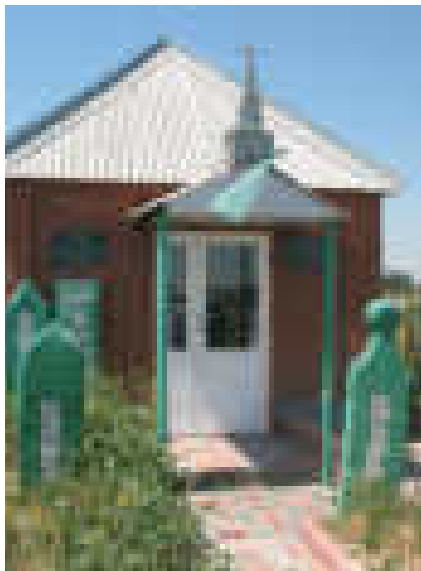
Могила Башир-Шайха (Абу)

Зиярат Апти-Шайха (Акса́й)

Могила Апти-Шайха Баширова

Зиярат шайха Хож-Ахмада (Аксай)

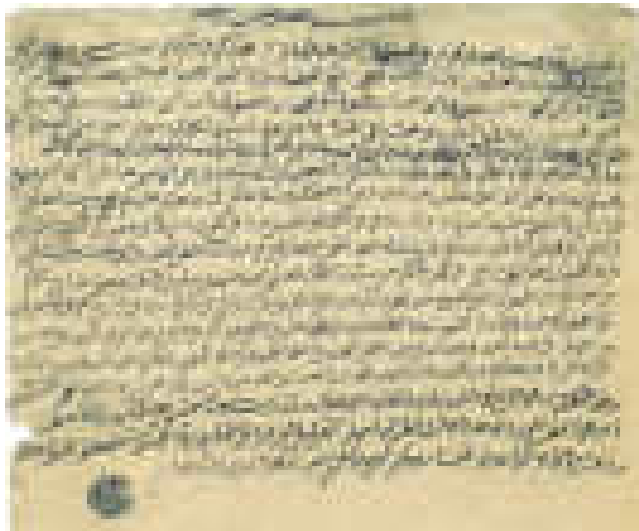
Могила шайха Хож-Ахмада

Апти-Шайх Баширов

Упа-Хаджи Хантiev

Письмо шайха Джамалуллайла с печатью

С лева направо: *сидят* – неизвестный, мальчик Шис (сын Муслима-муллы Эпендиева), Сайид-Салих (сын шайха Джамалуллайла), шайх Юсуп Байбетиров, *стоит* – Исмаил-Хаджи Юшаев из Шали

Шайх Сайид-Хусайн Джамалуллайл
из Мекки

Сайид-Альви Джамалуллайл Гусейнов
(с и д т) с сыном Сайид-Аднаном,
дочерью Нурой и муридами

Слева направо: Таурус Кадиевна
(жена Арцу), Арсемик Чермоев (сын
Арцу, стоит) и генерал Арцу Чермоев

Генерал Арцу Чермоев
(РГАКФД, Ал. 1076, сн. 24)

— Имам будет только один и придёт в предназначенное для него время, — предсказывали они ¹.

Подтверждение этим проповедям мы получаем также в архивных документах. В деле «Об убийстве подполковника Шеды Эльмурзаева», хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания, находим, что соратник Усмана-Хаджи Элах-мулла (Алихан Дебиров) был «учителем-проповедником-уастазом, проповедывавшим пришествие в Чечню Магда ² и великого Имама, приобретшим значительное влияние между туземцами Грозненского округа и мечтавшим о значительной политической роли...» ³.

Шайхи предсказывали, что Махди появится на поляне Бай-тоге («Бай-тогIе»), недалеко от Старого-Юрта, где между мусульманами и неверными произойдёт решающая битва. Об этом вещала также известная ясновидящая («кошпалла долу зуда») из Нижнего Наура — Бижа. По мусульманской традиции, женщина не может быть ни пророком, ни святой. Поэтому Бижу считали просто прорицательницей. Она предсказывала многое, в том числе и то, что в урочище Бай-тоге будет сражение между армией имама Махди и неверными, в котором мусульмане победят и прогонят неверных за реку Волгу (Идал). Даже спустя два-три года подростки, пасущие овец, будут находить на поле битвы оружие, приклады которого станут использовать вместо дров для разведения костров. В этом оружии уже не будет надобности, так как с торжеством Ислама в мире под руководством имама Махди придёт «золотой век» и люди перестанут воевать друг с другом ⁴. Поэтому необходимость в оружии отпадёт.

В проповедях Усмана-Хаджи и Элах-муллы о грядущем пришествии имама Махди, царская администрация усмотрела намёк на то, что Усман-Хаджи сам собирается в скором будущем объявить себя имамом и поднять очередное восстание против России. Царская агентура тоже знала на кого «стучать». По негласному указанию администрации Надтеречного участка Грозненского округа к Усману-Хаджи для допроса пришёл старшина Нижнего-Наура. Он спросил у шайха:

¹ Записано в 1999 г. со слов Абу Дакалова (1900—2001).

² Махди.

³ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (далее — ЦГА РСО—А), ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 2 об.

⁴ Записано в 1999 году со слов Абу Дакалова.

— Говорят, что ты не наживаешь богатства потому, что готовишься стать имамом и воевать против неверных?¹

Усман-Хаджи ответил старшине, что аскетический образ жизни суфия вызвал у него отвращение к богатству и не потому, что он собирается стать имамом, а потому что богатство лишает человека нравственности.

Усман-Хаджи жил в низкой сакле, состоявшей из двух комнат: по правую и левую стороны небольших сеней. Вместе с шайхом в одной комнате жили его жена Дода и маленькая дочь Совдат, которую он прозвал ласкательным именем «Сюйлиг», что означало «Рыбка»¹. В другой комнате ложились спать вторая жена Жада с остальными дочерьми. Усман-Хаджи предпочитал скромность. Спал на деревянном топчане («дечиг маьнга»), подстилал истёршуюся двойную пёструю кошму («истанг»), а под голову клал подушку, набитую отходами шерсти («кенан Гайба»). Когда Жада возвращалась из отцовского дома («децџера йоглуш»), она в подарок мужу принесла роскошный ковёр, но шайх запретил ей расстилать его. Лишь когда к нему на молитву зашли гости-старики, он разрешил стелить ковёр на полу своей комнаты².

Рядом с жилым домом, через деревянную ограду стоял двухкомнатный дом для гостей с печкой, в котором он любил уединяться для богослужений, лечил душевнобольных, принимал учеников и делал наставления в религиозных вопросах. Его хозяйство состояло из двух лошадей, запрягаемых в повозку, 5—6 коров и быков, 2—3 буйволов, а также домашней птицы, преимущественно кур, так как он запрещал держать и употреблять в пищу гусей и уток. Говорил, что туда, где шумят гуси, не идут ангелы. Неприятие этих видов птиц дошло у него до такой степени, что однажды Усман-Хаджи заставил своего брата выбросить зарезанную им утку³. Даже курицу он ел только после того, как неделю держал её под корзиной и кормил чистым зерном.

После подозрений властей по поводу добровольной бедности Усмана-Хаджи, состоятельные знакомые шайха из плоскостных аулов Чечни построили для него амбар. При помощи своих друзей и муридов Ус-

¹ Сюйлиг-чџара — вид рыбы.

² Записано 20.05. 2008 г. со слов Марем Ахмадовны Базаковой (1911 г. р.) из сел. Нижний-Наура.

³ Записано в 1994 г. со слов Ахметханова Сулима.

ман-Хаджи вырастил у себя на усадьбе прекрасный сад, в котором зрели ароматные и сочные яблоки разных сортов ¹.

Несмотря на принятые меры, спустя некоторое время агентура вновь донесла начальству Грозненского округа, что Усман-Хаджи продолжает свои публичные проповеди о грядущем пришествии Махди-имама. Инарла (генерал) ² призвал шайха на допрос к себе, в Грозный. Шайх в качестве переводчика взял с собой Автархана Гереханова (1845 г. р.), деда Абдурахмана Авторханова, который знал русский язык, обучался в русской школе. В то время генералом был также чеченец Арцу (Орца) Чермоев, с которым Усман-Хаджи был в приятельских отношениях. Он попросил Автархана сначала заехать к Арцу. Там шайх объяснил генералу-чеченцу, что он не собирается стать имамом, а всего лишь предсказал его пришествие в будущем. Упа попросил Чермоева заступиться за него перед начальником Грозненского округа.

Арцу отправился в окружное правление и увидел у начальника округа двух нижненаурцев, которые пришли доносить на Усмана-Хаджи. Генерал попросил привести на очную ставку самого шайха. А. Чермоев привёл к начальнику Грозненского округа Упа-муллу и убедил первого в том, что доносчики клеветают на Усмана-Хаджи, которого он хорошо знает. Арцу заявил, что все долгие годы их знакомства Упа Хантиев всегда был бедным и добропорядочным человеком, который никому не мешал и проводил большую часть времени у себя дома в богослужениях. Просто нашлись завистливые люди в его селе, которым не по душе, что Усман-Хаджи пользуется уважением в народе за свою честную и беспорочную жизнь. После такой характеристики со стороны Арцу Чермоева начальник Грозненского округа дал ему слово, что больше не поверит клеветникам и не будет беспокоить бедного факира («пекъар»). А сам Арцу Чермоев сказал шайху, что он сотрёт двух «стукачей» в порошок. Усман-Хаджи уговорил генерала не делать этого, а, наоборот, в следующий их приезд оказать им гостеприимство. Тогда Арцу обратился к нему:

— Говорят, что ты часто гостишь у Касума Баширова и Айды Арсамирзоева ³. Приезжай почаще и ко мне.

¹ Записано в 1994 г. со слов ныне покойного первого советского учителя в Надте-речном районе Абдул-Муслима (Амис) Керзуевича Базакова (1905—30.04. 1997).

² Начальник Грозненского округа Терской области.

³ Известные чеченские купцы, о богатстве которых слагали легенды.

Упа-Хаджи, шутя, ответил:

— Когда у меня есть дело — еду к ним, а когда нужна твоя помощь — приеду к тебе.

Чермоев после этого попросил шайха:

— Между тобой и генералом встану я. Ты тоже встань между мной и Богом ¹.

Таким образом, Усману-Хаджи удалось спастись от неминуемых репрессий. Власти действительно больше не стали его беспокоить. По возвращении домой Вазархан справился у брата, чего от него хотел генерал? Усман-Хаджи ответил, что начальник округа не имеет никаких претензий, просто доносчики постоянно преподносят ему сведения, выставляющие шайха в дурном свете. Усман-Хаджи признался также, что ему стало стыдно как никогда, когда увидел в кабинете начальника своих односельчан: Товсолту и Жаапара ², приехавших доносить на него. Кана, имевший вспыльчивый характер, вскочил с места, схватился за кинжал и хотел идти мстить клеветникам, но Усман-Хаджи остановил его и приказал своим братьям не мстить, а наоборот — уступить им дорогу ³.

¹ Записано со слов Абдул-Муслима (Гамис) Базакова.

² Не путать с Жаапаром, другом Хенти Ахметханова, который жил на одно поколение раньше описываемого периода.

³ Записано со слов Тахира Ахматханова.

ШАЙХОМ БЫТЬ НЕЛЕГКО

По учению Накшбандия, святой («вали») имеет три признака: привлекательную внешность, красноречие, а также чистоту помыслов и красоту движений всех частей тела. Согласно последователям Накшбанди, существует два вида святости: «валойят» и «виллойат». Первый вид преобладает над вторым. Бывает человек, обладающий только одним видом святости, а бывает и такой, который обладает обоими видами ¹.

Чеченская традиция тоже подразделяет святых угодников на две категории: шайхов («эвлия»), возлагающих на муридов тарикатский вирд, а также праведников («кошфалла долу нах», «эвлиян дакъа долу нах»), не возлагающих вирд, но способных совершать чудеса, предсказывать будущее, вести беспорочный образ жизни и разбирать людские тяжбы.

По мнению многих жителей Притеречья ко второй категории суфийских подвижников относились Хаси-мулла из Ломаз-Юрта (Ногай-Мирза-Юрт; Братское), Эдалсолта-мулла из Элин-Юрта, Магомед-мулла Шамаев, Решед и Сангари Хутаев (Сангари-молла) из Бено-Юрта, Джонса-Хаджи, Джантемир-Хаджи и Дюхка-Хаджи Гербихаджиев (Дуьхка-Хьабжа, тайп Гордалой) из Чулга-Юрта, Чолаки (Чолакхи) из Эмасуле (тайп нашхой), Шахаб-мулла Абдурахманов, Сота Эдельгириев и Ахмад из Верхнего-Наура, Хуси Успахаджиев (Хьубса-молла, тайп дишний), Тарам-Хаджи Керимов (тайп чартой), Хамад Наурбиев (Новрбин Хьамад, тайп хьуркой), Абдурахим Ахметханов (Петак, тайп Галарой) и Дата Билиеви (тайп дишний) из Нижнего-Наура, Шахтемир (Шахьтмар-молла) из Эчкахите (Зебир-Юрт), Зияуддин Магомадов (сын Мани-Шайха) и многие другие.

Шайхами, возлагающими вирд на своих последователей, в Притеречье были Эльбуздук (Оьлбаздукь-молла) из Ломаз-Юрта, Хасемик-мулла, Хабир Юсупов (Хьабар-молла) и Магомед-мулла (Мома) из Чулга-Юрта, Магомад-Хаджи Сулейманов, сын Сулима-Гаджи Ибрагимова, проживавший в Верхнем-Наура, Упа-мулла (Иусман-Хьабжа) и Кана из Лаха-Невре (Нижнего-Наура), Дени-Шайх (Деда) и Бахауддин (Баха) Арсановы из Зебир-Юрта (проживали также в Мекен-Юрте и Кень-Юрте), Алихан Дебириев (Элах-молла) и Абдул-Вахаб-Хад-

¹Мухаммедходжаев А. Идеология накшбандизма. Душанбе, 1991. С. 200.

жи (Иапи) из Чанти-Юрта, Абдулазиз (Докку-Шайх) Шаптукаев из Девкар-Эвла, Харон (кумык), Абдулмежед Догужоев (черкес) и Магомед Назиров (Мани-Шайх, тайп харачой) из Бамат-Юрта (Виноградное).

Каждый из перечисленных выше праведников пользовался в народе заслуженным уважением. Они выступали в роли наставников народа, были отзывчивы и сострадательны к людским проблемам. Все конфликты разрешались с помощью их дипломатии. Приведём пару примеров из жизни Усмана-Хаджи.

Это было во времена, когда Арсанука Солтаханов, спасший жену Хенти — Жовхар из шамилёвского плена, был абреком. Его дочь собиралась выйти замуж за Солту, сына Кони Темиева из Нижнего-Наура (тайп бийтрой). Но другой односельчанин Тазурка (Тозаркъа) хитростью умыкнул её себе. Узнав, что её привели не в тот дом, дочь Арсануки возмущённо заявила: «Не прикасайтесь ко мне! Я не за Тазурку вышла. Вы поступили вероломно. Я назначила срок («хан йиллина») и собиралась выйти замуж за Солту».

Девушка была отобрана у Тазурки и приведена к Упа-Хаджи. Шайх предостерегающе сказал, что, если об этом случае узнает её отец, он не успокоится до тех пор, пока не отомстит семье похитивших его дочь. Поэтому Упа поручил сельчанам караулить его по всем улицам села. Тем временем Арсанука незаметно пришёл домой и, собрав своих сыновей, поклялся им, что если они до захода солнца не убьют двух человек из родственников Тазурки, то он до его восхода убьёт их самих. Сыновья выскочили, чтобы исполнить приказание отца, но были задержаны односельчанами, стоявшими в карауле.

Узнав об этом, Упа-Хаджи решил уладить конфликт и во главе большой группы людей, переживающих за это дело, пришёл к Арсануке. Войдя во двор, шайх воскликнул: «Эй, горлера ¹ Арсанука! Сейчас узнаем, насколько ты окажешься молодцом («къонаха»)!».

Арсанука попросил Упу: «Хаджи, я подавленно себя чувствую и прошу не задавать мне много вопросов. Я поклялся в качестве отпущения убить двух человек из семьи виновных. Но теперь, когда ты пришёл решить наш конфликт мирным путём, тебе тоже не могу отказать, хотя перед Богом буду виноват за клятву. Ведь я воевал в стане Шамиля, желая получить в газавате милость Аллаха и заслужить себе рай».

Усман-Хаджи заверил его, что если он простит людям их вину, то больше получит от Бога воздаяния и не будет на нём греха за его клят-

¹Горлера — подбадривающее чеченское слово.

ву, принесённую в пылу гнева. Тогда Арсанука успокоился и сказал: «Я дарю тебе свою дочь. Отныне ты её отец и решаешь это дело по-своему».

После этого шайх предложил семье Тазурки дать калым за похищенную невесту семье Кони и выдал дочь за Солту¹ (1871 г. р.). Спустя некоторое время Темиев Кони (1846 г. р.) вместе с семьёй уехал в Сирию. Дома остался его сын Мита (1874 г. р., эпоним фамилии Митаевых из тайпа бийтрой). У Кони было четыре брата: Эжа, Базурка (Бозаркъя), Бойсу (предок Байсуевых) и Тунгузби (Тунглазби, родоначальник фамилии Тунгузбиевых). От сыновей Эжи — Тойсы и Мады тоже пошли две фамилии Тайсаевых и Мадаевых. Брат Кони — Базурка в 1319 году Хиджры² переселился в Турцию.

Подобный же конфликт Усман-Хаджи урегулировал в конце 1894 года между жителем сел. Кулары Цокой и Музой Эдиевым из Нижнего-Наура. Шайх написал письмо на имя имама села Кулары Сулеймана Базуркаева, в котором известил его, что девушка из их селения добровольно пришла к ним, с намерением выйти замуж за Музу, сына Эды. В письме Усман-Хаджи просит кадия Сулеймана поставить об этом в известность отца этой девушки Цоку и выяснить, какую сумму калыма он попросит за свою дочь. Также шайх призывает Сулеймана, чтобы он удержал отца этой девушки от агрессии против хороших намерений и от поступков, свойственных невежественным и мерзким людям. Письмо было подписано следующими словами: «Ва салам! Написал Хаджи Упа. 13 джумада-ахир 1312 года»³.

В воспоминаниях старины далёкой житель сел. Зебир-Юрт Ноаман Магомадов поведал нам, что в XIX веке по проекту, составленному Усманом-Хаджи, жители их села, возглавляемые его дедом — кадием Зебир-Юрта Тукой Гелаевым (Тукъин Гела) и Дени Арсановым, утопили минеральный источник Эчкахи («Железная вода») под землёй, чтобы его после дождя не загрязняли селевые потоки, так как это был единственный источник воды в их селе. Они выкопали траншею глубиной полтора метра и длиной пару километров. Обложив его камнем-песчаником и засыпав сверху землёй, зебирюртовцы сделали естественный трубопровод и пустили речку Эчкахи по нему. После этого вода из него оставалась чистой и прозрачной даже после проливных дождей. Такой полезной общественной деятельностью занимались практически все чеченские шайхи.

О том, что не все суфийские подвижники имели право возлагать вирд

¹ Записано со слов Эльти Музаева.

² Нач. 20.04. 1901 — кон. 09.04. 1902 г.

³ 29.11. 1894 (по новому стилю — 11.12. 1894 г.).

на последователей мы узнаём из предания, рассказанного Абу Дакаловым из сел. Надтеречного. Как-то один знакомый обратился к Ансару — отцу Абу:

— Ты хорошо знаешь Усмана-Хаджи. Спроси у него, пожалуйста, можно ли сменить устаза? Я начал исполнять вирд одного наставника, но стал сомневаться в его привилегии.

Недалеко от местожительства Усмана-Хаджи и Ансара Дакалова, на месте нынешней усадьбы фамилии Мадаевых (тайп вашиндарой) стояла участковая мечеть («джамаАат-маъждиг»), в которой располагалась также арабская школа — «хьюъжар». Они вместе совершали там молитву. Во время очередной своей встречи в этой мечети, Ансар задал Усману-Хаджи вопрос, волнующий его приятеля. Шайх после этого пал ниц и около получаса задержался в земном поклоне («сужда»). А когда приподнялся, поделился своим видением:

— Ансар, устаз, которого принял твой приятель, имеет привилегию («дарж») эвлия, но не настолько, чтобы призывать людей к покаянию («тобанаш дайталла дарж дац»). Даже если он способен пересчитать просяные зёрна за то короткое время, когда их высыпают из мешка, он не достиг привилегии призывать к тоба ¹.

Потом Усман-Хаджи назвал море, воду из которого ангелы используют для заслона от жары, отдаваемой адом.

— Даже в том случае, если тот эвлия способен различить среди этих вод капли Терека, Сунжи, Ассы или Волги — он не имеет привилегию призывать к тоба, — сказал Усман-Хаджи далее. — Пусть даже сосчитает, сколько песчинок в песке и совершит молитву, разостлав бурку на Тереке...

Усман-Хаджи перечислил ещё целый ряд знамений, которые может показать эвлия, достигший определённого уровня святости, но не имеющий права возлагать вирд. В завершение шайх сказал:

— Ансар, если у него один мурид на восточном краю света, а другой — на западном, и оба они одновременно умирают, пусть он добьётся того, чтобы эти муриды испустили дух на его коленях. Вот тогда он достигнет привилегии призывать людей к тоба ².

Таким образом, Усман-Хаджи подвёл черту, отличающую рядового суфийского праведника — от достигшего высшей стадии святости. Получить эту степень, как мы видим, не так просто. Поэтому далеко не каждый мурид — послушник суфийской школы, становился шайхом.

¹ Возлагать вирд.

² Записано в 2000 году со слов Абу Дакалова.

По сведениям, полученным от жителя сел. Знаменское Халила Ахмадовича Джантемирова (1930 г. р.), его дед Джантемир-Хаджи (Джаб-нтмар-Хьябжа) учился вместе с Усманом-Хаджи в Ташкечу. Когда Абу после учёбы отпустил их в свои сёла возвещать тарикатское учение, Джантемир не стал возлагать на людей вирд, а обучал муталимов, открыв у себя дома арабскую школу. В Мундар-Юрте в то время жил очень талантливый художник по имени Генча (ГяьнчIа), который нарисовал в комнатах Джантемировой школы картины прелестей райской жизни. По преданиям, Генча исполнил их так искусно, что хоть раз взглянувший на них не мог удержать слёз.

Джантемир-Хаджи был родственником Джонса-Хаджи Мисербиева, который известен нам из предыдущего повествования. Они происходили из тайпа арганой. Их родословная состоит из следующих имён: Баркаха — Тутарбек — Али (Ела). У Ели было три сына: Эбаг (Еебаг), Гурма (Гурма) и Товсолта. У Гурмы — пять сыновей: Джантемир, Юшук, Батаки (БатIакъи), Хажмирза (Хьябжмарза) и Мисарбий. Из них Джантемир был прадедом Джантемира-Хаджи, а Мисарбий — отцом Джонса-Хаджи¹.

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия — Алания хранится дело «По обвинению жителя села Мундар-Юрт Гехи Исаева за убийство односельца своего Кулая Мисербиева». В этом документе фигурирует имя Джонса-Хаджи, который приходится дядей убитого. Прочитируем выписки из настольного журнала Грозненского горского словесного суда за 1879 год.

«18 декабря. № 609. В Горский словесный суд явились по вызову для разбора дела по убийству в селении Мундар-Юртовском Кулая, следующие жители названного селения: со стороны убитого — родственники Джансу Хаджи Мисербиев, его брат Хаджи Мирза и Магомед Хаджи Ачмазов, а со стороны убийцы Гехи Исаева — родственники последнего: Тахсултан Исаев, Биеда Эхшамов, Осман Озებიев и Садула Аушаев.

На вопрос, как происходило дело, родной дядя убитого Кулая Джансу Мисербиев объяснил следующее: Не помнит которого именно числа, во время минувшей осенней грозненской ярмарки он, Мисербиев, у себя на дворе занимался нарезкой ремней для починки обуви, тут же был и родной брат его старик Хаджи Мирза, а живущий в соседстве с ним племянник Кулай в это самое время на своем дворе молотил хлеб. Около полудня к

¹ Сайд-Мохьмад Кадиев (Мисарбиев). Краткая история и генеалогия тайпа АргIной. Знаменское, 2007. С. 32, 49.

двору Мисербиева пришел односелец Геха Исаев с родственниками, из которых много были вооружены, вызывали его, объявили что они разыскивают по дворам пропавших быков и требовали, чтобы Мисербиев позволил им обыскать его двор. Заметив, что с обыщниками не было никого из аульных властей и никого из посторонних, Джансу, бывший когда-то с обыскивавшими во враждебных отношениях, из предосторожности, чтобы не случилось чего нибудь дурного, объявил им, что не позволит обыскивать себя до тех пор, покуда пришедшие не пригласят для этого старшину или помощника, а брат его Хаджи-Мирза сказал, чтобы они пригласили для этого хотя кого-либо из почетных стариков. Не обращая на это внимания, Геха с родственниками стали настаивать на своем требовании, за что Мисербиев начал прогонять их от своего двора, имея в руках нож, которым нарезывал ремни. От этого произошел шум, на который прибежал племянник их Кулай — и как только последний явился, Геха Исаев из толпы сделал в него выстрел из пистолета и поранил Кулая. На выстрел сбежался народ, прибежал и старшина с помощником. Не убирав раненого племянника, Джансу просил старшину обыскать его двор. Обыск немедленно был сделан и в дворе ничего чужого не найдено»¹.

Из показаний обвиняемого Гехи Исаева видно, что ночью у его брата Тахсултана (Таусултана) украли быка. На второй день утром он, его братья и родственники во главе с помощником старшины Мундар-Юрта Джамалом Дудулкаевым и почетным стариком Бердуко Эльгукаевым отправились обыскивать сельские дворы. Ко времени полуденной молитвы они дошли до дома старшины и Джамал, вместе с Бердуко, остались молиться, позволив им продолжить обыск. Когда они приблизились к дому Мисербиева, тот стал их ругать и прогонять. Джонса-Хаджи и Хажмирза кинулись на больного лихорадкой Таусултана Исаева. Завязалась драка. В это время Геха увидел кровь на руке своего племянника Биеда Эхшамова и выхватил пистолет из-за пояса. Геха утверждает, что он не намеревался стрелять, но кто-то из родственников Мисербиева ударил его по руке, отчего произошел выстрел, ранивший стоявшего напротив Кулая.

Племянник Гехи, Биеда Эхшамов свидетельствовал, что Мисербиев во время драки ножом ранил его в левую руку, а племяннику Осману Озэбиеву тем же оружием проколол спину с левой стороны. Затем в левую лопатку ранил Саадулу Аушаева. Эти показания были опровергнуты Джонса-Хаджи. Тем не менее он не отрицал, что в его руке был нож, которым нарезал ремни. Джонса признался, что этим ножом он мог поцарапать кого-то во время нападения на него.

¹ ЦГА РСФСР—А, ф.12, оп. 3, д. 942, л. 2 об, 3 об.

Свидетель Магомед-Хаджи Ачмазов дал показания, что не видел ни на ком крови, пытался разъединить дравшихся. Когда они разошлись, Кулай стоял впереди и Геха Исаев выстрелил в него. Помощник старшины Джамал и выборный старик Бердуко, в показаниях от 31 января 1880 года за номером 41, тоже обвиняли Геху Исаева, от выстрела которого спустя несколько часов Кулай скончался.

Оказалось, что Таусултан Исаев отыскал на второй день тушу своего пропавшего быка в Тереке, а шкуру его нигде не нашел.

На основании статьи 1465 Уложения о наказании Геха Исаев был приговорен к заключению в смирительный дом на один год и четыре месяца. За неимением в Терской области смирительного дома, на основании статьи 80-й того же Уложения, Геха был заключен в тюрьму на тот же срок. Приговор был подписан депутатами Грозненского горского суда Исой Джанхотовым, Эльджурко Эльдархановым, Садыком Таиповым, Кагой Асабаевым, Берсаном Хакимовым, Хасаханом Хасаровым, а за председателя суда — подполковником Калмыковым¹.

По информации, полученной в марте 2007 года от жителя сел. Знаменское Хумаида Итраева (1913 г. р.), Геха Исаев был из тайпа айткхаллой. Он приходился ему родственником. После убийства Коллы (Кулая) Мисербиева, представители их тайпа были высланы из Мундар-Юрта в Кень-Юрт, Бено-Юрт и Элин-Юрт. Один из них — Гучиг, был женат на представительнице рода арганой и за него заступились родственники жены. Ему и Итраевым Мисербиевы простили кровь Коллы, и они остались жить в Мундар-Юрте.

Вот такая драматическая история приключилась в конце 1879 года с другом Усмана-Хаджи Джонсой Мисербиевым. У них была договоренность о том, что первого почившего похоронит оставшийся в живых. Судьба распорядилась так, что Джонса-Хаджи скончался раньше Усмана-Хаджи. Но последний опоздал на похороны друга. Тогда Джантемир Салихов распорядился, чтобы покойного Джонсу-Хаджи отнесли на кладбище.

Когда носилки («барам») с покойником поставили рядом с могилой, Усман-Хаджи подоспел и упрекающе спросил Джантемир-Хаджи:

— Ты же знал о нашей договоренности, почему вы не дождались меня?

Джантемир ответил, что шариат запрещает задерживать труп, тем более, что на улице знойное лето.

— Даже если бы ты продержал его месяц, труп Джонса-Хаджи не стал бы разлагаться, — сказал Усман-Хаджи.

Тогда Джантемир-Хаджи напомнил нижненаурскому шайху о том,

¹ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 942, л. 3 об. — 8 об.

что он сам советовал людям поскорее хоронить покойника и не держать его после того, как приготовили могилу. Тогда Усман-Хаджи успокоился и велел Джантемиру:

— Когда я умру, искупаешь меня и так же скоро, как Джонсу-Хаджи, похоронишь.

Сказав это, Усман-Хаджи засвидетельствовал перед людьми, что Джонса-Хаджи был его верным другом и что он очень дорожил им. Шайх спустился в могилу и завершил обряд его захоронения¹.

Джантемир-Хаджи долгие годы был кадием села Бено-Юрт. У него был брат Газим (Гезам, ум. в 1928 г.), от которого произошла фамилия Газимовых, проживающих в селе Знаменское. Его сестра Эрубика вышла замуж за представителя тайпа пешхой, переселившегося в Мундар-Юрт из Урус-Мартана. У них родился сын Усман, ставший эпонимом фамилии Усмановых — жителей сел. Знаменское.

Сам Джантемир-Хаджи имел двух жён. Первая — Базиха, была сестрой Ойба-Хаджи из Мундар-Юрта (тайп зандакъой). Потомки Ойба-Хаджи носят фамилию Хабаевы. Базиха родила Салихову сыновей: Яраги, Ахмада и дочерей: Халипат, Азизат (Газизат), Шарипат. Вторая жена Джантемира — Рахимат (Рахъхимат), дочь Гушмуша-Хаджи из Бено-Юрта, была отдана за него её отцом в то время, когда Джантемир занимал пост кадия Бено-Юрта. Рахимат родила сыновей: Магомеда, Хемада (Хъемад) и Магомедзаида (Мохъмадзаид), а также дочерей: Моку и Миспаху². Согласно записям, произведённым бывшим кадием сел. Знаменское Махмудом Амаевым, отец Джантемира-Хаджи — Салих скончался в 1320 году³, а сам Джантемир-Хаджи — на второй год⁴.

Усман-Хаджи предложил Джантемиру-Хаджи унаследовать его привилегию («дарж»), но тот усомнился в своей компетентности принять такую ответственную ношу. Тогда Усман-Хаджи завещал после своей смерти передать Джантемиру Салихову свои чётки («сульханах»), бешмет («Говтал») и красную каракулеву шапку, которые он носил при жизни. Эти подарки от шайха после смерти Джантемира-Хаджи сохранила вторая его жена Рахимат. Она скончалась и похоронена в Меркинском районе Джамбульской области Казахстана. Реликвии шайха после неё стала хранить жена Магомедзаида Джантемирова — Киса, дочь Гази Айсханова из Нижнего-Наура (Гази, тайп нижалой). В настоящее время эти вещи

¹ Записано в 2007 г. со слов Халила Джантемирова и Аслана Сайдхасаева.

² Записано со слов Халила Джантемирова.

³ Нач. 10.04.1902 — кон. 29.03.1903 г.

⁴ В 1321 году — нач. 30.03.1903 — кон. 18.03.1904 г.

находятся у внука Джантемира-Хаджи — Сулумбека, проживающего в гор. Грозном¹.

Марат Йорданов пишет по поводу таких подарков: «Методы мистического познания и руководство формированиями суфиев-муридов передаются... от учителя к наиболее достойному ученику, достигшему необходимого уровня совершенствования. Символами передачи могут быть различные предметы, связанные с персоной наставника: халат, рубище, посох, головной убор, чётки и т. д. При этом один и тот же суфий, достигший уровня учителя и имеющий духовное звание устаз (наставник, профессор, мастер), может получать от своих предшественников ижазу² по нескольким тарикатам»³.

По тем же правилам шайх кадирийского тариката Кунта-Хаджи Кишиев подарил свой посох суфию накшбандийского тариката Усману-Хаджи. Этот посох долгое время хранился у жителя сел. Надтеречное Халада Бацаева (1918—1995), а в настоящее время он находится у его сына Вахи Бацаева (1954 г. р.), проживающего в селе Надтеречное.

Шайхи принимали активное участие в ликвидации последствий стихийных бедствий или других постигших людей несчастий. К северу от сел. Надтеречное до сих пор сохранились остатки вала, сделанного Усманом-Хаджи для защиты села от затопления Терекком. Этот вал носит название «Вал Хаджи» («Хъабжин вал»). Согласно преданию, село Нижний-Наур трижды подвергалось наводнению⁴. Подтверждение этому мы можем найти и в документах. В «Полевом журнале обмежевания участка аула Нижний-Наур», составленном межевой комиссией в мае 1864 года, читаем: «Остров же, лежащий против поселения аула с поросшим на нем кустарником, бывший в прежнее время местом самого поселения аула, но отмытый в настоящее время водою р. Терека, объявлен... во владение жителей аула, так как находится ближе к берегу их. Длина линии 370 сажень»⁵. Из этого видим, что до 1864 года сел. Нижний-Наур однажды было затоплено Терекком и перенесено на новое место.

Согласно хронологическим датам, автором которых является уроженец сел. Нижний-Наур Доша Мудаев (1870/75—1944) из тайпа гордалой, в 1876 году наводнению подверглось сел. Верхний-Наур. В Центральном госархиве Республики Северная Осетия — Алания мы

¹ Записано со слов Халила Джантемирова.

² Читайте — «иджазу» — разрешение, благословение, свидетельство с правом суфийского наставничества.

³ Йорданов М. Сакральные тайны Ислама. М., 2006. С. 105, 106.

⁴ Записано со слов Нурди Хусиева.

⁵ ЦГА РСО—А, ф. 256, оп. 1, д. 21, л. 5.

нашли «Дело о переселении жителей села Верхний-Наур, пострадавших от разлива р. Терек». В этом документе есть Приговор, составленный 8 июня 1880 года 144 жителями сел. Верхний-Наур, «кроме нежелающих 60-ти семейств», бывших на сельском сходе в присутствии помощника пристава 1-го участка Грозненского округа Терской области прапорщика Паркеева. Жители пишут, что Приговор составлен «по случаю затопления нашего селения при ежегодных полноводиях р. Терека». Далее в документе читаем: «Мы с общего нашего согласия пожелаем: по необходимым выше поясненным причинам, переселиться всем сразу на новое местожительство, неподалеку от сего селения, предполагая начать постройку дворов от грани землевладельцев князей Турловых, на расстояние хотя бы на 10 саженей спрityгать от Шляховой дороги косвенным порядком к юго-востоку, и что князья Турловы по близкому нашему к их грани переселению претендовать на нас не станут, как считают себя нашими односельцами»¹. Из дальнейшего содержания документа мы узнаём, что вода р. Терек стала выходить из берегов и топить дома верхненаурцев с 1874 года². Не исключено, что в эти годы было затоплено также сел. Нижний-Наур. Сохранилось предание, что во время затопления этого села Усман-Хаджи написал на бумаге особые заклинания и бросил их в Терек, после чего вода отступила. По рассказам Мухади Ахметханова, один из бессмертных Пророков Хизр-Пайхамар, которому Аллах даровал власть над водной стихией, был другом Усмана-Хаджи.

В это сложное для всех время у Усмана-Хаджи скончалась единственная сестра Залихан. Во время болезни её привезли из Новых-Атагов в Нижний-Наур, где она умерла и была похоронена рядом с отцом Хенти на нижненаурском сельском кладбище. Согласно дате, вырезанной на её надгробном камне, Залихан скончалась в 1298 году от Хиджры³.

Несмотря на постигавшее их горе, шайхи никогда не теряли самообладания и помогали людям найти верное решение своих проблем, призывали их к благочестию, оберегали от заблуждения. Здесь уместно привести предсказание Усмана-Хаджи, в котором он предостерегал от лжеучёных. Шайх говорил:

— После моей смерти появятся улемы, у которых не будет знаний. Не уподобляйтесь несчастным, нелестно отзываясь о них, и не согрешите, последовав за ними. Затем придёт вторая группа лжеучёных. Они будут

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 5, д. 78, л. 13.

² Указ. ист., л. 29, 44.

³ Нач. 03.12. 1880 — кон. 23.11. 1881 г.

считать себя праведниками, разбирающими тяжбы людей по шариату. Не обездолейте себя хулою в их адрес и не согрешите, последовав за ними.

Один из присутствующих спросил у шайха:

— Хаджи, как нам тогда следует поступить?

Усман-Хаджи ответил:

— Будет ещё одна группа людей, следующих примеру своих ушедших из жизни улемов. Идите за ними ¹.

Совершенно очевидно, что в этом предсказании Усман-Хаджи предостерегал людей от мулл, не умеющих читать Коран и не знающих его смысла, которые были при советской власти, а также от ваххабитов, считавших себя праведниками и в так называемых шариатских судах разбиравших тяжбы людей в конце 90-х годов XX века.

Нужно отметить, что чеченскими шайхами делалось много предсказаний о будущем, которые впоследствии сбывались. Хочется привести ещё одно предсказание из этого ряда, свидетелями которого мы сегодня стали.

Большинство чеченских эвлия предсказывало, что в будущем город Грозный превратят в руины и он станет настолько безлюдным, что олени будут чувствовать себя тут хозяевами и ворошить рогами развалины мёртвого города. Но в начале 1992 года внук Кана-Шайха — один из старейших учителей Надтеречного района Муталип Абуев (1923–2000), рассказал нам о другом предсказании, сделанном Усманом-Хаджи и Элах-муллой. Однажды, когда два шайха возвращались из Грозного домой, они остановились на склоне Терского хребта, чтобы передохнуть. После совершения молитвы, стали любоваться с возвышенности видом города Грозного. Элах-мулла сказал:

— Каким красивым станет наш город в будущем!

— Да, похорошеет словно невеста, только что приведённая в дом, — подтвердил слова друга Усман-Хаджи.

Это предание хранится у нас на аудиокассете. Когда в 1992 году делалась его запись, ничто не предвещало ни двух войн в Чечне, ни превращения её столицы в руины. Самого Муталипа Абуева не стало 24 июня 2000 года, когда мирная жизнь в нашей республике ещё не была налажена. А сегодня мы свидетели того, как гор. Грозный не только возродился, но и стал одним из самых красивейших городов России, таким, как предсказали более ста тридцати лет тому назад два выдающихся чеченских суфия.

Во времена Усмана-Хаджи кадием Терской области («мехкан кьеда») во Владикавказе был Муртаз-Хаджи. Его внук Кана впоследствии проживал в Грозном. Однажды соратники сказали Упа-мулле:

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

— Вот возвысился этот Муртаз-Хаджи!

— Когда упадёт с высоты, ему будет очень больно! — хладнокровно отреагировал шайх.

И вот, спустя некоторое время, когда Муртаз-Хаджи собрал людей и выступал перед ними, кто-то из толпы выстрелил в кадия и убил его. Очередное предсказание Усмана-Хаджи оказалось пророческим ¹.

У Бувайсара, сына Абдулкадыра-Хаджи Хакиева, умерла дочь. Матери младенца — Кесе тяжело было перенести утрату своего первого ребёнка. Она решила покончить жизнь самоубийством, бросившись в Терек и утонув в этой быстроводной реке. Но Усман-Хаджи узнал о её намерении и в два часа ночи пришёл в их дом. Шайх сказал Кесе: «Я иду, поискав в реке мелководье для тебя». Несчастливая женщина поняла намёк святого. Самоубийство — один из самых тяжких грехов в Исламе. Считается, что совершивший его сразу попадает в ад. Поэтому Усман-Хаджи предостерег от этого сноху своего глашатая («туркха»).

Когда оставался наедине со своим сподвижником Абдулкадыром-Хаджи, Упа-мулла делал такие предсказания: «Придёт время, когда прохожий будет слышать на улице, как поют стены ². Подобно паутине, по улицам села будут протянуты железные проволоки ³. Проложат также железные дороги и по ним с севера приедет какое-то подобие чёрного буйвола ⁴. После этого ты проживёшь недолго».

Согласно исторической хронике Доши Мудаева из Нижнего-Наура, Сунженская железная дорога была проложена в 1891 году, а Терская — в 1913 году. Абдулкадыр-Хаджи скончался спустя пять-шесть месяцев после аномального явления, когда Чечня средь бела дня погрузилась во «тьму египетскую» («бода беана шо»). Согласно летописям того же Доши Мудаева, круглосуточный мрак на несколько дней окутал сёла Притеречья 28 июля 1914 года ⁵.

Трагически сложилась судьба Элах-муллы Дебирова, друга и соратника Усмана-Хаджи. В 1885 году землевладелец, подполковник Шида Эльмурзаев из Старого-Юрта попросил его помочь определить размер закята ⁶, который он собирался пожертвовать со своего состояния. Пригласив

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

² На стенах будет вывешено радио или из-за стен домов будет греметь музыка.

³ Электрические провода.

⁴ Поезд.

⁵ В рукописи зачёркнуто слово «февраля» и сверху приписано — «июля».

⁶ В переводе с арабского — «очищение», один из столпов Ислама, согласно которому с денег, урожая, приплода или иного дохода выделяется от 2,5 до 10 процентов в пользу нуждающихся мусульман.

Элах-мулла в свой дом, Шида достал из тайника мешок с золотыми и серебряными монетами и выложил их перед шайхом. После этого мулла отделил одну треть денег, необходимых для уплаты закята и посоветовал Шиде раздать эту часть нуждающимся: престарелым, вдовам и сиротам и т. д. Хозяин богатства решил, что Элах определил для пожертвования слишком большую долю. Поэтому, выражая свое недовольство, он ногой придвинул монеты, рекомендованные шайхом в качестве закята, к основной сумме. И с упрёком проворчал:

— Если бы Шида раздавал своё богатство так щедро по совету таких глупцов, вроде тебя, как ты думаешь, удалось бы ему собрать столько денег?

Обескураженный таким невежественным поведением царского офицера, Элах-мулла, нисколько не опасаясь последствий, предупредительно заявил, что, если Эльмурзаев не пожертвует нуждающимся ту часть денег, которая им причитается по шариату, не будет греха на том, кто сворует их все у него. Эти слова подполковник запомнил и они оказались для Элах-муллы роковыми.

Шайх ушёл от Шида ошеломленный. Он явно не ожидал такого поворота. В скором времени слух о случившемся разошёлся по близлежащим сёлам. Информация о деньгах Шида дошла до воровской компании, которая решила похитить их безотлагательно. Один из них — Мутуш Мангаев из Кень-Юрта (Галне) в прошлом был наемным работником у Шида Эльмурзаева, а его бывшая жена (с которой он развёлся) ещё служила у подполковника домработницей. Воры обещали ей, что вернут её в дом Мутуша, если она на ночь не закроет ворота усадьбы Шида. Легкомысленная женщина подумала, что через эти ворота друзья Мутуша хотят её романтично выкрасть и не заперла их. С наступлением ночи, когда хозяина не было дома, ватага разбойников ворвалась в его дом, избила его жён и обыскала у них место хранения денег. Во время грабежа Мутуш Мангаев обронил свою шапку и по ней был уличён в преступлении. Решив, что авторитет Элах-муллы спасёт его от наказания, Мутуш на допросе в числе своих подельников назвал и его. Более того и Шида подтвердил, что о большой сумме денег, принадлежавших ему, знал Элах-мулла, который буквально накануне как бы благословил их похищение.

В воровстве у Шида Эльмурзаева 20 тысяч рублей серебром были обвинены: Шеды-Юртовец Алихан Дебиров (Элах-мулла), Али-Юртовец Гечекай Беркеханов, Кень-Юртовцы Мутуш и Ясак¹ Мангаевы, Староюртовцы Шакар, Даса и Унчик Хасахановы, из которых Элах-мул-

¹ В документе — Эса, Ясса.

ла, Мутуш, Шакар и Унчик были арестованы ¹. Гечекай Беркеханов, Ясак Мангаев и Даса Хасаханов скрылись и стали абреками. Гечекай был пойман в 1889 году и отправлен в ссылку. Даса был арестован 29 сентября 1889 года в сел. Сурхохи, в доме братьев Татари и Джамурзы Идыковых. Ясак Мангаев скрывался в районе г. Кизляр ². Профессор Н. П. Гриценко ошибочно причислял Алихана Дебилова к абрекам ³.

Украденные у Шида Эльмурзаева деньги воры закопали на Кеньюртовском кладбище. Узнав об этом, житель селения Кень-Юрт Лаба похитил их. По преданиям, до этого всегда бедно одетый и босой Лаба, мгновенно преобразился: купил себе дорогую обувь, дом и фаэтон («пайтон»). Обычно человек не ценит доставшееся ему без труда. Потерявший рассудок от внезапного обогащения, Лаба стал кутить и жить на широкую ногу. Зазнавшийся и возомнивший себя большим человеком, он стрелял в самовар, возмущённый тем, что тот закипает слишком медленно. Однажды, помпезно ехавшего на своём фаэтоне Лабу, на дороге между Кень-Юртом и хутором Минай Конева (совр. Подгорное), встретил скрывавшийся от властей Ясак Мангаев, брат задержанного Мутуша. Со словами: «Я не позволю тебе доедать золото Шида, в то время, когда мой брат отбывает срок в ссылке из-за него», — Ясак убил его несколькими выстрелами в упор. В знак презрения, он положил в рот убитого Лабы рубль и ушёл. Это место и поныне называется «Холм, где убили Лабу» («Лаба вийна барз»).

Элах-муллу, Мутуша и других арестованных по делу о краже денег подполковника Эльмурзаева сначала содержали во Владикавказской гауптвахте. Затем судили в Тифлисской судебной палате. На суде Шида якобы обещал Элах-мулле, что он добьётся его освобождения, если тот признается о своей непричастности к краже. Шайх ответил: «Аллах — лучший судья и Он рассудит по справедливости».

Кстати, А. Келиматов в своей книге «Чечня: в когтях дьявола или на пути к самоуничтожению (История, аргументы и факты глазами очевидца)», попытался обвинить в причастности к аресту Элах-муллы деда А. М. Бугаева ⁴. При подготовке своей книги мы заинтересовались этой версией. Во-первых, установили, что дедом А. М. Бугаева был Мадал — житель Шеды-Юрта. Во-вторых, по имеющимся в нашем распоряже-

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 2 об. — 3.

² Там же, л. 3, 81—83 с об.

³ Гриценко Н. П. Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX—XX веков. Грозный, 1971. С. 49.

⁴ Келиматов А. Чечня: в когтях дьявола или на пути к самоуничтожению (История, аргументы и факты глазами очевидца). М.: Экспринт, 2003. С. 325.

нии архивным документам, мы выяснили, что в год ареста Элах-муллы Мадалу, сыну Мусаева Ибрагима, не было и 16 лет ¹. Более того, ни в одном архивном документе мы не встретили даже намёка о том, что Мадал или кто-либо из его родственников был причастен к аресту Элах-муллы Дебиров. Собирая полевой материал, мы также не встречали такой информации. Очевидно, что даже в силу возраста Мадал не мог быть вхожим в круг названных людей (Шеды Эльмурзаева и Элах-муллы Дебиров) и быть причастным к рассматриваемым делам. Если даже А. Келиматов слышал от кого-то эту молву, она несостоятельна, и может быть воспринята как целенаправленная клевета.

Молла Алихан Дебиров, Шакар и Унчик Хасахановы, а также Мутуш Мангаев 27 августа 1885 года были приговорены к 12 годам каторжных работ ². До высылки в Сибирь в конце 1885 г. заключённые ещё находились в заточении во Владикавказской гауптвахте. Алихан (Элах-молла) упрашивал своих родственников и друзей не пытаться отомстить кому-либо за его участь. Признавался, что он сам в течение последних семи лет просил Всевышнего забрать его из края, дабы возрастающим с каждым днём притоком к нему всё новых и новых послушников не затмить славу устаза Абу-Шайха. Дени Арсанов неоднократно навещал Элах-муллу в тюрьме и выпрашивал у него разрешение отомстить Шиде за клевету на него. Шайх был неумолим. Тогда Дени попросил Усмана-Хаджи повлиять на Элах-муллу. Во время очередного свидания со своим другом, находящимся под арестом, нижненаурскому шайху удалось добиться от него разрешения на месть, но только в том случае, если смерть наступит его в ссылке.

У Межиевых из сел. Терское, потомков брата Элах-муллы — Абдулмежида, сохранилась копия последнего письма-завещания шайха, присланного им из тюрьмы в 1302 году Хиджры ³. Фотокопия с оригинала этого письма хранилась также у Магомеда-Хаджи Берсанова из Шали. В переводе жителя сел. Мекен-Юрт Муслима Мальцагова содержание этого документа выглядит так:

«Своим братьям Абдулкадыру, Абдулмежиду и другим близким, родственникам и знакомым. Пусть Аллах ниспошлёт на вас мир и Свою милость! Пусть на вас снизойдёт также Божья благодать! А затем...

¹ Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК), ф. 459, оп. 1, д. 2222, л. 16 об.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ), ф. 1133, оп. 2, д. 2256, л. 120 об. — 121.

³ Нач. 20.10. 1884 — кон. 09.10. 1885 г.

На вас возложена обязанность заниматься земледелием и трудиться на другом поприще, без уныния и страха. Не опускайте головы при людях. Вспомните слова Аллаха, во власти которого находится совершение многих добрых дел: «Если постиг вас Аллах трудностями, кроме Аллаха никто не в силах избавить вас от них».

Советуйтесь во всех своих делах с разумным обществом, то есть с добропорядочными людьми знания. Не распространяйтесь о своих секретах.

Я завещаю вам своевременно исполнять обязанности («фарз»), возложенные Всевышним Аллахом, без лени и без сокращения. Не уставайте поминать Всевышнего Аллаха и быть покорными Ему настолько это возможно. Не распускайте слухи. Отвращайтесь от всесторонних проявлений хулы. Беспреданно восхваляйте Аллаха, обращайтесь с мольбой к Аллаху о прощении, особенно на рассвете. Может быть, Всевышний Аллах наделит нас пропитанием, соберёт вместе и даст встретиться после восторженности ближней жизни в вечности, в раю Фирдаус.

Вали («святой») предсказал нам: «Вы пойдёте в грядущую субботу в Сёлже»¹. Это одиннадцатый день месяца джумадуль-ахир². Факир («пекъар») Алихан. Понедельник, 1302 года».

Архивные документы свидетельствуют, что Молла Алихан Дебилов даже будучи в тюрьме не прекращал проповеди о религии. Начальник Терской области 30 ноября 1885 года писал Начальнику Главного тюремного управления: «В дополнение отношения областного Правления от 20 прошлого ноября № 12501 имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о скорейшем разрешении высылки из области в одну из каторжных тюрем осужденного уже арестанта Алихана Дебилова, который считается одним из главных приверженцев фанатического мусульманского учения «Зикр»³, и может пропагандировать это вредное учение, как среди содержащихся на Владикавказской гауптвахте арестантов из туземцев, так и за пределами тюрьмы, чрез посредство своих родных, приходящих к нему на свидание. Генерал-майор [подпись]»⁴.

¹ С ё л ж е — чеч. «Сольже» — сел. Старая-Сунжа или гор. Грозный.

² 16 (28) марта 1885 года.

³ Шайх Алихан Дебилов (Элах-молла) не был зикристом, а придерживался учения накшбандийского тариката.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. 122, оп. 5, д. 1140, л. 34; См. также: Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылака с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX — начале XX в. Калуга, 2012. С. 119; Исполняя волю Закона (к 5-летию возрождения УФСИН России по Чеченской Республике) / Сборник документальных материалов. Грозный, 2006. С. 49.

В списке родственников Элах-муллы, приходящих к нему на свидание, значились в первую очередь шайхи Упа-Хаджи Хантиев, Абдул-Азиз Шаптукаев, Дени Арсанов и др. Кроме того, его часто посещали жена Битата (уроженка сел. Али-Юрт) с дочерьми Айшат и Зайнап, а также родные братья. В «Посемейном списке селения Шеды-Юртовского 1-го участка Грозненского округа Терской области», составленном в 1886 году, под порядковым номером 25 приводятся братья Элах-муллы: Дибиров Абдулкадыр — 35 лет, знает арабский язык, учился в туземной школе, имеет 2 дома, 5 быков, 3 коровы и 1 лошадь. Абдурзак — 17 лет, Межит — 33 года, сын Межита — Абурик, 2 года. В семье всего пять представительниц женского пола ¹.

По ходатайству начальника Терской области 18 декабря 1885 г. было решено отправить жителей: Шеды-Юрта — Молла Алихана Дебирова, Кень-Юрта — Мутуша Мангаева и Старого-Юрта — Унчика Хасаханова в одну из Харьковских каторжных тюрем. Решение об этапировании туда же Шакара Хасаханова было принято позже — 24 марта 1886 г. ².

При открытых листах № 1 и № 2 от 10 января 1886 г., выданных Терским областным правлением, Мутуш Мангаев и Алихан Дебиров были отправлены в Новобелгородскую центральную каторжную тюрьму Харьковской губернии ³. На основании отношения Главного Тюремного Управления от 22 мая 1887 г. за № 7404, две партии ссыльнокаторжных арестантов 2-го и 4-го июня 1887 г. были отправлены из Харькова в Одессу, в ведение местного градоначальника, для дальнейшего следования морским путём на остров Сахалин. Алихан Дебиров и Мутуш Мангаев попали в первую партию ⁴.

Взяв на борт 525 ссыльнокаторжных и 60 тысяч пудов груза, пароход Добровольного флота «Нижний Новгород» 9 июня 1887 года в 5 часов дня снялся с якоря в Одесском порту и взял курс на остров Сахалин. В списке каторжан под 10-м номером числился Мангаев Мутуш, а под 502-м номером — Дерибов ⁵ Мола Алихан ⁶.

В «Дневнике», который вёлся заведующим ссыльнокаторжными на пароходе «Нижний Новгород» подпоручиком Ивановым, запечатлены следующие записи: «Перед уходом из Одессы в 1 ч. дня был отслужен на пароходе напутственный молебен одесским викарием Мемноном; на

¹ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 2222, л. 6 об. — 7.

² ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 1140, л. 35, 41.

³ Там же, д. 1268, л. 164 об., 184; там же, д. 1234, л. 131.

⁴ Там же, д. 1268, л. 99.

⁵ Так в документе. Читайте — Дебиров.

⁶ ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 1234, л. 126; там же, д. 1268, л. 164 об, 184.

молебне присутствовал одесский градоначальник контр-адмирал Зеленый, который, по окончании молебствия и освящения отделений для ссыльных святою водою, обошел все отделения и обращался к ссыльным с напутственной речью. По приказанию командира часть ссыльных, в числе 50 человек, выводил из отделений наверх для присутствования на молебне.

Все ссыльные имели возможность, перед отправлением в рейс, послать письма своим родным или знакомым, для чего мною были предварительно розданы письменные принадлежности...

По выходе из Одессы на пароходе находилось: 143 человека экипажа, 16 пас[с]ажиров и 525 ссыльнокаторжн., а всего след. 684 человека, в том числе священник, доктор и 3 фельдшера.

На пароходе все благополучно, погода тихая и пароход идет спокой-но»¹.

«Нижний Новгород» полторы сутки плыл по Чёрному морю и в 6 часов утра 11 июня 1887 года вошёл в Босфор. Пароход на два часа остановился в порту Кавала, где была принята заведомо заказанная провизия, получен фирман на проход через Босфорский пролив, и тронулся дальше. В 9 часов проплыл Константинополь и вошёл в Мраморное море. Режим дня на судне был распisan следующим образом: полседьмого утра — молитва, в семь часов — чай, с восьми до десяти часов — обход врача в каждом отделении, полодиннадцатого — обед, в пять часов вечера — ужин, полвосьмого вечером — молитва. 11 июня ночью бросили якорь перед входом в Дарданеллы, так как ночью нельзя плыть через этот пролив. Рано утром 12 июня пароход тронулся дальше, проплыл Эгейское и Средиземное моря и в 11 часов ночи 14 июня приплыл в египетский Порт-Саид. 15 июня «Нижний Новгород» принял свежую провизию, уголь, воду и в час дня вошёл в Суэцкий канал. В 6 часов вечера 16 июня достиг Красного моря. Здесь погода уже становилась жаркой².

Подпоручик Иванов пишет: «20 июня. Красное море. Очень жарко. Легкий попутный ветер, термометр в отделениях показывает +30 °R³, несмотря на открытые иллюминаторы и на паровую вентиляцию...

22 июня. Там же. Жара и духота в отделениях дошла до такой степени, что выносили вчера и сегодня по 30 чел. обморочных на палубу, совершенно без чувств. Двое из вынесенных на палубу умерли от теплового

¹ ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 1234, л. 126 об. — 127 с об.

² Там же, л. 127 об — 129 с об.

³ Градус Реомюра (°R) — единица измерения температуры, в которой была принята шкала от 0 до 80 градусов. Предложен в 1730 году Р. А. Реомюром. Шкала Реомюра практически вышла из употребления. 30 градусов тепла по Реомюру равна +37,5 градусам по Цельсию.

удара, один вчера ночью Василий Обухов, а другой сегодня вечером Молла-Алихан Дебиров. Оба сегодня были преданы воде, а о смерти их составлены акты, кои будут сданы на Сахалине, а копии их будут храниться на пароходе...

Из статейного списка первого умершего Василия Обухова видно, что он отправлен из Харьковской тюрьмы. Принадлежит к солдатским детям Вятской губернии, 27 лет от роду, православного вероисповедания и холост. Отправлен был на Сахалин за покушение на разбой и приговорен к каторжным работам на 6 лет. Другой умерший — Молла Алихан Дебиров, отправлялся из Новобелгородской центральной каторжной тюрьмы, из простого звания, житель селения Шеды-Юрт Терской области, 41 году от роду, магометанин и имеет жену и 3-х детей на родине. Был приговорен в каторжные работы на 12 лет за разбой. По осмотре его вещей, оказалась при нем квитанция за № 274 от смотрителя Ново-Белгородской тюрьмы на собственные его деньги 4 р. 98 коп.; квитанция будет сдана вместе со статейными списками на Сахалине»¹.

23 июня 1887 года в городе Аден судовой врач парохода «Нижний Новгород» Александр Орбинский пишет донесение в Главное тюремное управление: «Переход по Красному морю из Порт-Саида в Аден был совершен с 14-го по 23-е июня. По выходе из Суэцкого залива 17-го числа были начаты ежедневные морские души для ссыльно-каторжных, с каковою целью их выводили поочередно отделениями на верхнюю палубу; в тот же день они были по моему предложению раскованы командиром парохода. Начиная с 19-го числа жара усилилась и доходила (22-го числа) в помещениях ссыльно-каторжных до 31°R, причем воздух был чрезвычайно насыщен водяными парами и обмен его, благодаря полнейшему штилю в море, был крайне затруднен. В силу совокупности этих причин 21-го числа начали являться среди ссыльно-каторжных случаи солнечного (вернее сказать: теплового) удара, число которых было 35. Двое из пораженных ударом Василий Обухов и Молла Алихан Дебиров, несмотря на все принятые меры, скончались 22-го числа и преданы морю, о чем составлены особые акты; остальные находятся в настоящее время частью в лазаретах (17 человек), частью в отделениях и состояние здоровья их идет к лучшему. Амбулаторных больных было средним числом 95 человек в день; преобладали заболевания воспалением желудка и кишек, тропического сыпью и общим упадком сил от жары и духоты»².

В деле «Шканечный журнал парохода Добровольного флота «Ниж-

¹ ГАРФ, ф. 122, оп. 5, д. 1234, л. 130 об. — 131 с об.

² Там же, л. 96 с об.

ний Новгород» с 16 марта — 29 октября 1887 г.», в записи от 22 июня 1887 года указано, что в 5 часов 55 минут скончался ссыльнокаторжный Молла Алихан Дебиров и тело умершего было опущено в Красное море ¹. В донесении командира корабля, капитана 2-го ранга П. И. Пташинского от 24 июня 1887 года тоже сообщалось, что ссыльнокаторжный Молла Алихан Дебиров умер от солнечного удара 22 июня и предан Красному морю в тот же день ². Во время похорон умерших, на пароходе произошёл конфликт. Священник Тимошенко отказался совершать обряд отпевания усопших после захода солнца. Заведующий Институтом наследия Бронислава Пилсудского — Владислав Михайлович Латышев в своей содержательной статье «В неволю... Через моря и океаны» пишет об этом случае: «Только под давлением Пташинского, который пригрозил, что он сам исполнит обряд, отпевание и похороны были выполнены со священником» ³.

3 августа 1887 года пароход «Нижний Новгород» доплыл до поста Александровск на Сахалине. В пути из Одессы до острова прошло 55 дней. Арестанты в числе 523 человека были сданы смотрителю Александровской тюрьмы Ливину. Среди них также соратник Алихана Дебирова — Мутуш Мангаев из Кень-Юрта, который 4 августа был переведён в Тымово ⁴. Оказывается, ещё 20 мая 1887 года на пароходе «Владивосток» на остров Сахалин был доставлен также подельник Мутуша — Унчик Хасаханов ⁵. В «Списках ссыльнокаторжных, выбывших за окончанием срока наказания, переведенных в другие места, находящихся под следствием и др.» за 1891 — 1894 годы значится Мангаев Мутуш, осуждён 27 августа 1885 г. на 12 лет. Срок пребывания в отряде испытуемых — 1 ½ г. Уволен от работ 30 июня 1892 г. Дочь Зимихана родилась 15 февраля 1892 г. ⁶

Мы уже отмечали, что Дени Арсанов при содействии Усмана-Хаджи добился у Элах-муллы разрешения отомстить («чир») подполковнику Эльмурзаеву в случае смерти шайха в ссылке. Дело в том, что шайх Дени Арсанов являлся родственником Элах-муллы. Они оба происходили из

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), ф. 98, оп. 1, д. 2868, л. 100.

² Там же, д. 90, л. 113 об, 116.

³ Латышев В. М. В неволю... Через моря и океаны // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2008. № 12. (Автор благодарит коллектив Сахалинского областного краеведческого музея за безвозмездное предоставление копий «Известий».)

⁴ РГИА ДВ, ф. 1133, оп. 1, д. 172, л. 91.

⁵ Там же, л. 12.

⁶ Там же, оп. 2, д. 2256, л. 120 об. — 121.

тайпа энгеной («аьнганой»). Историк Иса Сардалов предоставил нам копию генеалогии Элах-муллы и Дени Арсанова на арабском языке, которую он получил с оригинала, хранимого у жителя гор. Карабулак (Республики Ингушетия) Абубакара Ильясовича Дениева. Согласно этой рукописи, предок шайхов Гавра (Г'авра) вышел из Нашхой. У него было два сына: Гордал (Г'ордал) и Энган¹. Потомство Энгана: Басха — Дена (Дана) — Эта — Баха (Баг'а) — Бахатар (Баг'атар) — Тандал (Т'андал) — Чора — Гарак (Г'аракъ) — Юртуш — Байрам — Мараш — Ахметхан. Сыновьями последнего были Иба и Тихир (Т'ихир). Сыном Ибы был Дибар, отец Алихана (Элах-муллы), а сыном Тихира — Арсан, отец Эдилсултана, Бийсултана и Денисултана (Дени-Шайха).

Разнящаяся с приведённой выше генеалогия тайпа энгеной (тоже на арабском языке) есть у жителя села Энгеной (Ножай-Юртовского района Чеченской Республики) Сайд-Ахмеда Байсуркаева. Согласно ей, прародителем рода является Ябах (Ябахх). Дальше цепочка предков состоит из следующих имен: Гант (Г'ант) — Таймар — Энгал — Хора — Эта — Дени — Чачал (Ч'ач'ал) — Байхи (Байкхи) — Юрташ — Хаджим (Х'аь'жам) — Хаджи (Х'аь'жа) — Тинда (Т'инда) — Байки (Байк'и) — Гази (Г'еза) — Мохмад — Алхазу — Кезалг (К'езалг) — Тап (Т'аф) — Беача (Баь'ча) — Байсурка (Бойсарк'а) — Абдулмуслим — Сайд-Ахмед — Азарали (Азар'ела) — Исрепал...

28 июля 1889 года, начальник Грозненского округа Терской области полковник Чекунов, за исходящим № 3961 пишет рапорт начальнику Терской области и наказному атаману Терского казачьего войска А. М. Смекалову, в котором сообщает: «Начальник Надтеречного участка Грозненского округа, от 21 июля за № 989 донес, что того числа в восемь с половиною часов вечера убит несколькими выстрелами из ружей или пистолетов, среди Старо-Юртовского аула, во ста саженьях от своего двора Старо-Юртовский же житель, подполковник Шиды Эльмурзаев. Подполковник Шиды при его убийстве возвращался на тарантасике, запряженном парюю лошадей, с кучером, от начальника участка, у которого находился по делу взыскания его долга с одного туземца. От начальника участка подполковник Шиды уехал не один, но с ним поехал еще верхом его племянник — молодой человек, случайно захавший в ставку начальника участка. Когда подполковник Шиды доехал до того места, где он был убит, то в него с правой стороны были сделаны два выстрела, а потом последовали вскоре еще три или четыре выстрела. Подполковник Шиды

¹ Родоначальники тайпов Г'ордалой и энгеной.

был убит, вероятно, первыми выстрелами, потому что после первых выстрелов он ничего не сказал и не закричал и кучеру послышалось только, что он произнес — ох или ах! Племянник подполковника Шида, после выстрелов, надо полагать, очень перепугался, так как после выстрелов он поскакал к стрелявшим, крича только «выходи!», но куда нужно было выходить и для чего не мог объяснить, и потом выбежавшим по его крику людям не указал даже направления, куда побежали злодеи. Он объяснил только, что кроме кинжала, не имел другого оружия, что злодеи, убегая, стреляли в него и ранили легко его лошадь, что лошадь вследствие испуга начала горячиться и он не мог управлять ею. Злодеи после убийства подполковника Шида побежали по направлению к краю аула и вскоре скрылись за аулом же, должно быть сели на лошадей и ускакали бесследно, так как вечер при убийстве подполковника Шида был очень темный, сумрачный, а погода сухая, вследствие чего на земле не осталось по скрытии злодеев никаких следов. До сего времени с достоверностью не выяснилось, кем именно убит подполковник Шида — абреками или другими людьми, хотя жители Старо-Юртовского аула и утверждают, что убийцами подполковника Шида не могли быть абреки, так как вследствие принятых мер они не могли рисковать появиться в ауле в такое время, в которое убит подполковник Шида, что подполковник Шида убит другими людьми, а не абреками, что для убийства подполковника Шида нужно было следить за ним и у него в дворе и по улицам аула, и что поэтому убийцами подполковника Шида были, вероятнее всего, люди, которые могли свободно ходить по аулу и высматривать происходившее в дворе подполковника Шида. Высказанное мнение староюртовцами может быть и справедливым и несправедливым, но бесспорно то, что не могут не быть известными многим и многим староюртовцам и что о подготавливавшемся убийстве было известно в Старом-Юрте также многим, что убийцы в день убийства прибыли в Старый-Юрт не вечером, после наступления сумерек, а днем и до убийства скрывались или просто находились у их знакомых староюртовцев, проживающих в том околотке, где находился двор подполковника Шида. Выясняется, что вечером в день убийства подполковника Шида, при наступлении темноты, за аулом в той стороне, куда направились убийцы после совершения убийства, около кладбища разъезжали два неизвестных всадника, которые потом нигде не были отысканы. Всадники эти сами собою не могли быть убийцами, но они были близкими убийцам людьми, ожидали убийц с приготовленными для них лошадьми, дабы не затруднять убийц отысканием лошадей, если бы лошади их были поставлены где-либо на далеком расстоянии от аула и

при том без коневода, и эти люди также были староюртовцы, которым также было известно и о подготовившемся убийстве»¹.

Согласно преданию, подполковник Шида Эльмурзаев был убит одним андийцем (Iaьндий), нанятым Дени Арсановым. Они оба засели на двух дорогах, ведущих к дому царского офицера, и караулили его. Шида не поехал по той дороге, на которой сидел в засаде Дени-Шайх, а завернул на улицу, где его поджидал андиец. Мститель пустил в подполковника два выстрела и ускакал. Дени подошёл в направлении, откуда слышались выстрелы, и тоже сделал несколько контрольных выстрелов. Позже Арсанов навестил того андийца, которого терзали сомнения, удалось ли ему убить Шиду Эльмурзаева. Дени-Шайх успокоил его, сказав:

— Ты метко стрелял и он тогда же скончался. Хорошо, что ты попал в него.

После убийства Шида власти требовали от жителей Девлет-Гире-Юрта выдать убийц, стянули сюда войска и обложили сельчан штрафом².

В своём рапорте полковник Чекунов пишет, что по его предположениям Шида был убит непойманными абреками Эсой (Ясак) Мангаевым и Дасой Хасахановым, но допускает, «как объясняют староюртовцы, что он мог быть убит приверженцами или даже родственниками Алихана, Гечекая и непойманных абреков в отпущение за обвинение и ссылку Алихана и Гечекая»³. На расходы по открытию убийц староюртовцы по приговору сельского схода назначили сумму («айкхаллийна диллина ахча») в размере 1000 рублей. Чекунов объявил староюртовцам, что «при неоткрытии убийц подполковника Шида, за допущение в их ауле убийств, постоянных грабежей, воровства и за какое-то враждебное отношение молодых людей и даже стариков к приезжающим и проходящим чрез Старый-Юрт русским людям, в которых нередко бросают то камнями с бранью и криками — гяур (неверный), староюртовцы будут привлечены к большому наказанию — взысканию с них большого штрафа»⁴.

Командующий войсками на Кавказе приказал исполняющему должность начальника окружного штаба обезоружить староюртовцев, поставить на экзекуцию один батальон в течение месяца, взыскать штраф в пользу семейства убитого и назначить старшину этого аула по выбору округа, с определением содержания по 600 рублей в год, уплачиваемых аульными жителями. Для проведения экзекуции было приказано дви-

¹ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 1 об. — 2 об.

² Записано со слов Абу Дакалова (1900—2001).

³ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 3.

⁴ Там же, л. 3 с об.

нуть в Старый-Юрт из Грозного два батальона куринцев и две сотни казаков. После разоружения этого села, войска должны были вернуться в Грозный, оставив в Старом-Юрте один батальон кабардинцев. При экзекуционных отрядах безотлучно должен был присутствовать полковник Чекунов¹. Командующий войсками Кавказского военного округа князь Дондуков писал из Тифлиса во Владикавказ, начальнику области, что для обезоружения Старого-Юрта он назначает два батальона куринцев и два эскадрона драгун. По обезоружении, драгунцев должна была сменить сотня казаков первого Кизляро-Гребенского полка, а один из куринских батальонов распоряжением генерала Дуве будет сменён кабардинским. Командование отрядами при разоружении села было возложено на полковника Энкеля².

Рапорт командира 79-го пехотного Куринского полка полковника Энкеля от 19 сентября 1889 года за № 4747 на имя командующего войсками Кавказского военного округа даёт нам такие сведения: «Согласно секретному предписанию начальника 20-й пехотной дивизии от 15-го числа сего сентября месяца за № 70 я, с отрядом в составе двух батальонов вверенного мне полка, двух эскадронов 46-го Драгунского Переяславского Его Величества полка и одной сотней Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска, вступил 17 сентября в 12 часов ночи для обезоружения жителей Старо-Юртовского аула, по соглашению с начальником Грозненского округа полковником Чекуновым.

18-го числа, к 5 часам утра, отряд прибыл к аулу, который немедленно был окружен всей кавалерией и двумя ротами пехоты, остальные же шесть рот были поставлены в месте в недалеком расстоянии от аула. К 10 часам утра по распоряжению полковника Чекунова были собраны все жители аула, которым и объявлено приказание Вашего сиятельства. С полной покорностию все имевшееся в ауле оружие было доставлено к полковнику Чекунову, в указанное им место, причем оно собиралось по заблаговременно составленным именованным спискам. Почетным старикам, Георгиевским кавалерам, имеющим медали за усердие, а также милиционерам оружие оставлено.

В экзекуционном отряде оставлены мною 46 батальон вверенного мне полка и 30 казаков при двух офицерах, под начальством командира батальона подполковника Лайминга, как офицеры, так и нижние чины 19 сентября по утру размещены в удобных квартирах в ауле, относительно же продовольствия как офицеров, так и нижних чинов, по составленной

¹ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 9.

² Там же, л. 10.

улучшенной раскладке и лошадей фуражем, на счет жителей аула, полковник Чекунов сделал надлежащее распоряжение.

Отобранное оружие доставлено в гор. Грозный, сего числа возвратились другой баталион вверенного мне полка, два эскадрона драгун и сотня казаков. Благодаря отличной распорядительности полковника Чекунова, обезоружение жителей было исполнено без малейшего затруднения»¹.

В Рапорте полковника Чекунова на имя начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска даются сведения, что у староюртовцев изъято 114 азиатских простых ружей, 1 дуствольный пистолет, 103 одноствольных пистолетов, 1 револьвер, 250 кинжалов и 22 шашки. Всё это было превращено в лом и продано: ружья и пистолеты за двадцать пять рублей пятьдесят пять копеек казаку Луковельскому, а кинжалы и шашки за семьдесят рублей шестьдесят копеек Павлу Бешенцеву². На каждый двор Старого-Юрта был наложен штраф в размере 2 руб. 50 коп., чтобы из собранных денег выдать семейству убитого подполковника Эльмурзаева 1200 рублей (двойную кровную плату), а остальную сумму употребить на выдачу усиленного довольствия офицерам, находящимся в экзекуционном отряде³.

Ещё до начала экзекуции, 9 сентября 1889 года жителями Старого-Юрта был составлен общественный приговор, в котором указывали лиц, подозреваемых ими в убийстве Эльмурзаева. Они писали, что «вследствие требования начальства об отыскании виновных в убийстве подполковника Шеды Эльмурзаева, жители сел. Старый-Юрт Надтеречного участка Грозненского округа из числа 637 душ имеющих право голоса, собрались сего числа в числе 417 человек для суждения по этому делу и прежде чем указать в настоящем приговоре на виновных в убийстве подполковника Шеды Эльмурзаева, нашли необходимым указать на поводы к совершению этого преступления. Несколько лет тому назад из дома подполковника Шеды Эльмурзаева были уворованы деньги и вещи. Виновные в этой краже были открыты и по приговору суда сосланы в Сибирь. Родные сосланных, как было известно в народе, поклялись отомстить подполковнику Шеды Эльмурзаеву и он всегда опасался убийства. Между прочими сосланными по делу о краже у г-на Эльмурзаева, были жители селений Шеды-Юрт — Элихан Дебилов и Али-Юрт — Гичекай Беркеханов. Убийство подполковника Шеды Эльмурзаева все староюртовцы приписывают кому-либо из родных как этих лиц, так и других

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 21 с об.

² Там же, л. 27 об, 97.

³ Там же, л. 30 с об.

Хроника Доши Мудалева из Нижнего-Наура

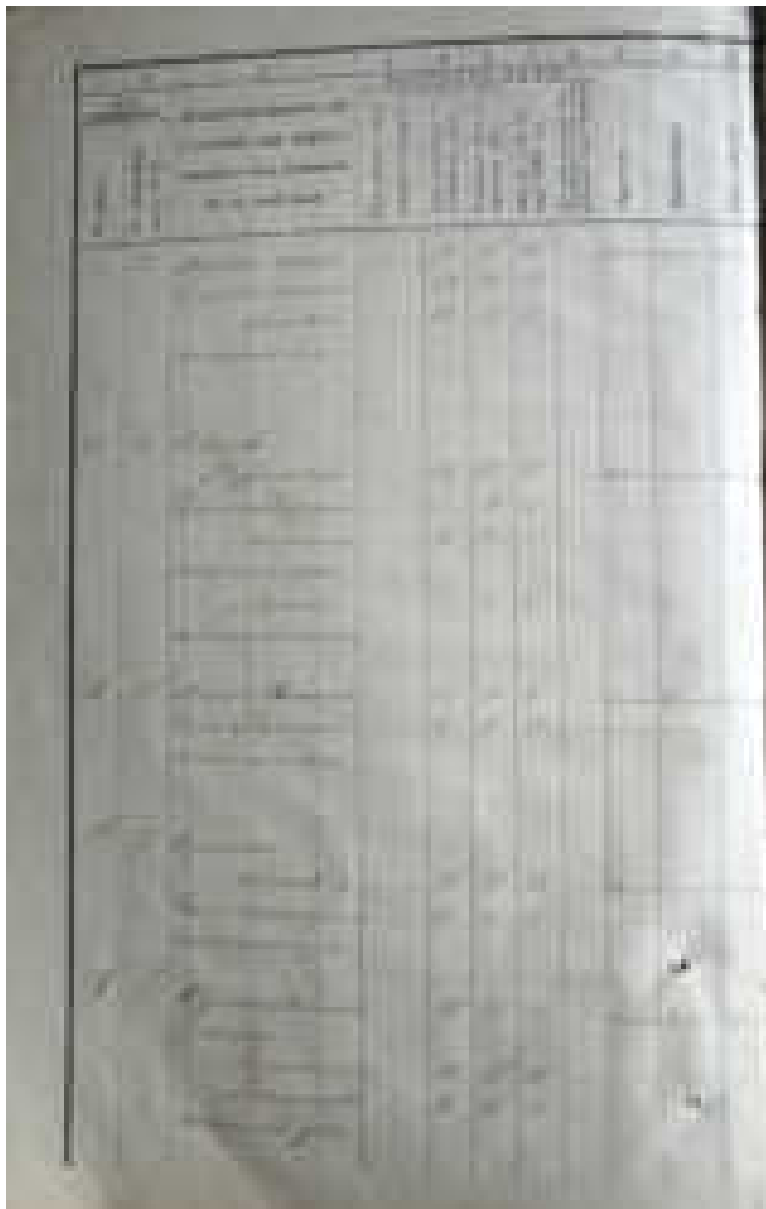
Хроника Доши Мудаева из Нижнего-Наура (продолжение)

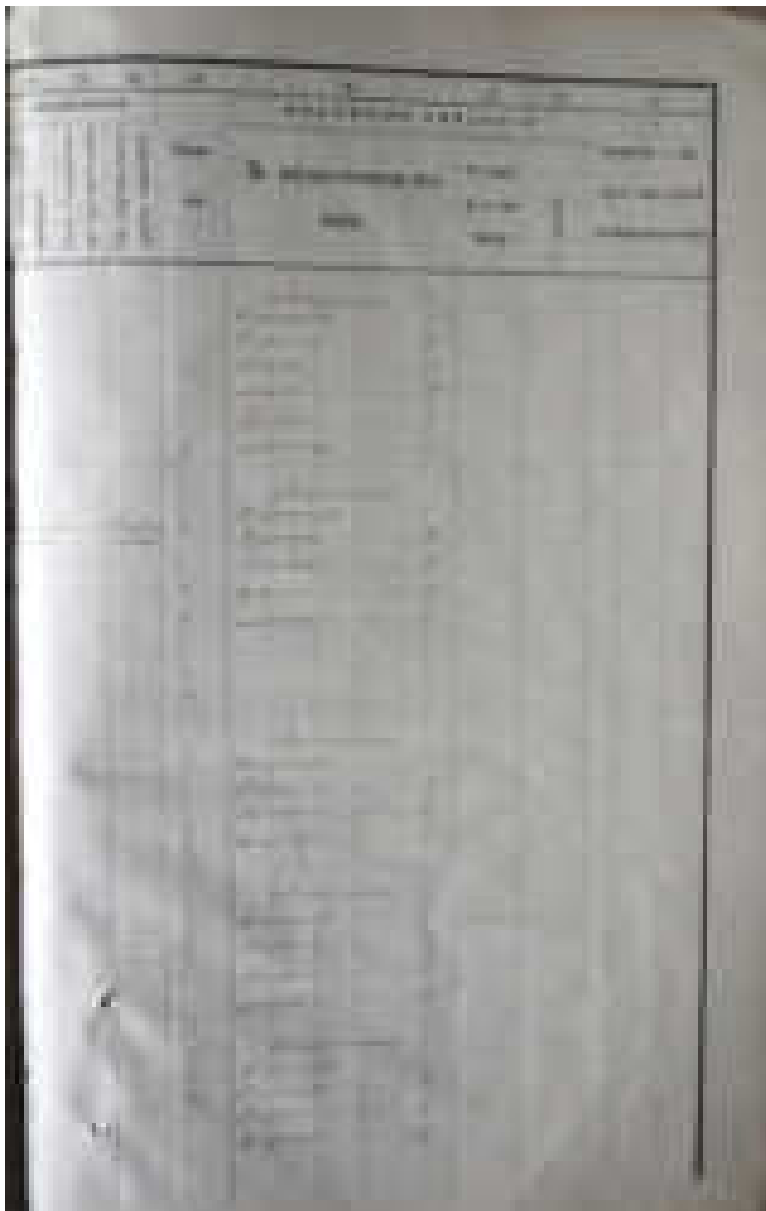
Хроника Доши Мудаса из Нижнего-Наура (окончание)

Генеалогия Элах-муллы и Дени-Шайха

The image shows a document with a grid-like structure, possibly a family list or register. The text is extremely faded and illegible. The document appears to have several columns and rows, with some text visible in the top section. The overall quality is poor, making it difficult to discern specific details.

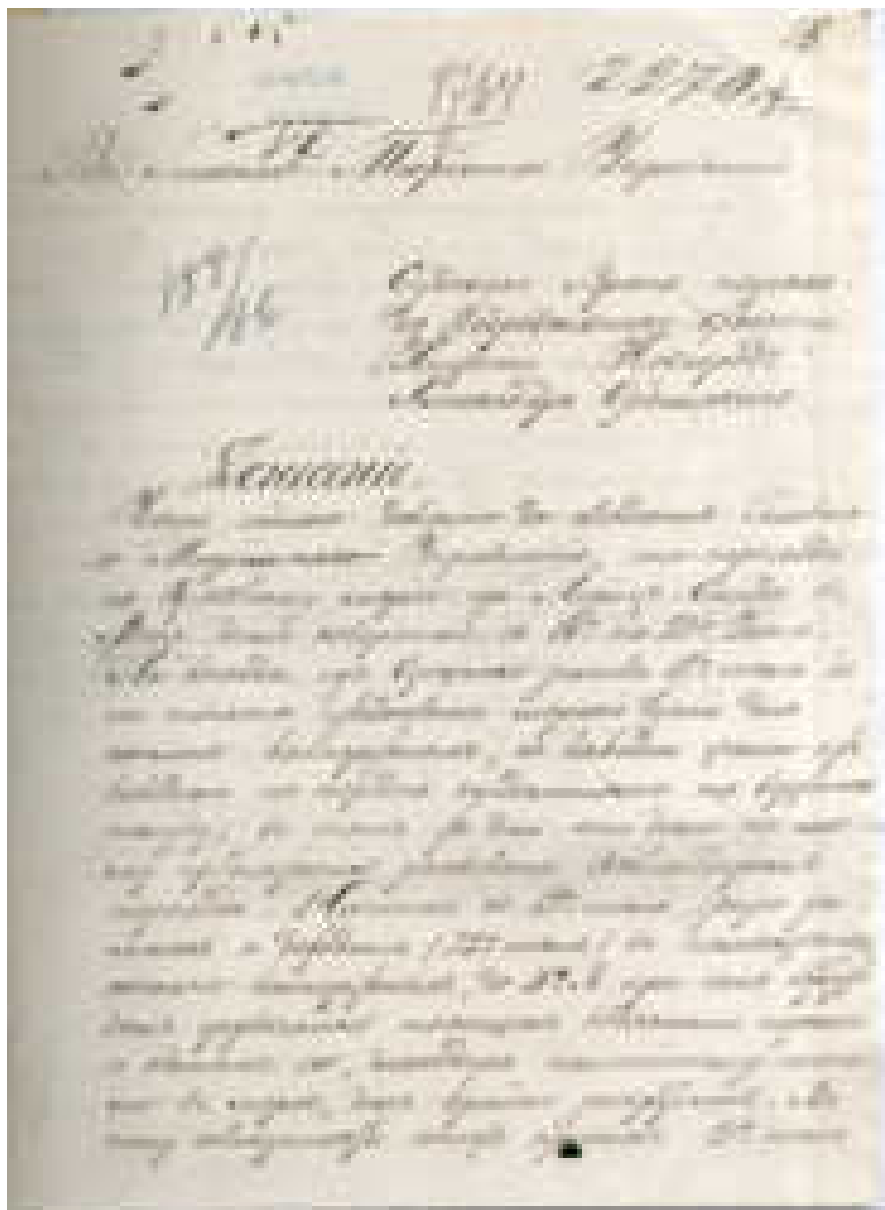
Посемейный список братьев Элах-муллы

Документ о ссылке шайха Молла Алихана Дебирова

Донесение судебного врача о смерти Алихана Дебирова

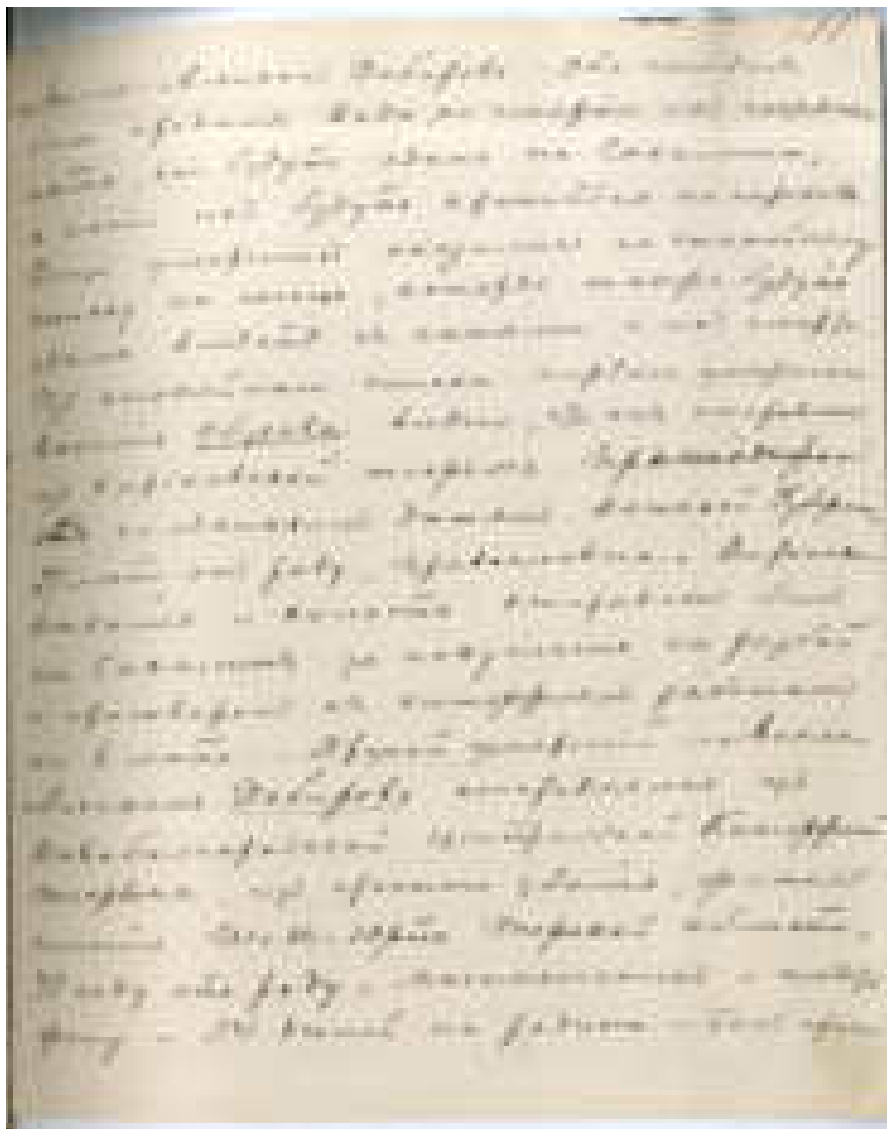

Дневник подпоручика Иванова

Сообщение из дневника подпоручика Иванова о смерти Алихана Дебирово (начало)

Сообщение из дневника подпоручика Иванова о смерти Алихана Дебирова
(продолжение)

Ответ из РГИА Дальнего Востока на запрос о судьбе ссыльнокаторжных чеченцев

Подполковник Шиды Эльмурзаев

Кабахан, жена Шиды Эльмурзаева

Спутники Алихана Дебирова на пароходе Нижний-Новгород

Зиярат Элах-муллы (сел. Терское)

**Участковая мечеть имени Элах-муллы
в сел. Новые-Атаги**

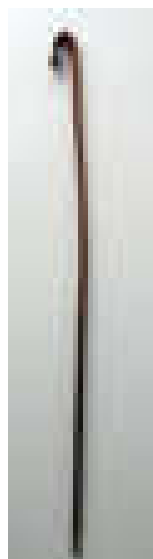
Дом-зиярат Элах-муллы, где он жил в Чанти-Юрте (сел. Терское)

Зиярат детей Элах-муллы в сел. Новые-Атаги

**Зиярат Мудар-Шайха, мурида
Элах-муллы (Новые-Атаги)**

**Посох шайха Кунта-Хаджи Кишнева,
подаренный им Усману-Хаджи**

**Дочь Элах-муллы Айшат
и шайх Баудин Арсанов**

**С лева направо – зятъя Элах-муллы:
Дауд Мустапинов (муж Айшат)
и Усам Шаптукаев – сын Докку-Шайха
(муж Зайнап)**

С лева направо: Ваха, Айшат, сноха Совнапи и Бауди Мустапиновы

Дочь Элах-муллы Айшат (сидит посередине) с родственниками и почитателями отца

Крайняя справа – Аминат (дочь Айшат) с детьми и родственниками

Ученики медресе. Второй слева Ваха Мустапинов (внук Элах-муллы)

сосланных, но в последние дни окончательно установилось убеждение, что убийство это совершено братьями Элихана Дебирова — Абдарзаком Дебировым и Гичекая Беркеханова — Магалой Беркехановым, которые в день убийства подполковника Шеды Эльмурзаева, как говорят, были в сел. Старый-Юрт, а потому единогласно постановили довести об этом до сведения начальства»¹.

После убийства Шиды старшина Старого-Юрта Дуда Базуркаев, шесть лет бессменно занимавший этот пост, был заключён в Грозненскую главную гауптвахту². На его место был назначен «исправляющий» должность старшины подпоручик Яндаров. В момент составления Общественного приговора села Старый-Юрт Абдурзак Дебиров тоже находился в заключении на гауптвахте, хотя, как пишет полковник Чекунов, «доказательств виновности того и другого (Гичекая. — *Авт.*), которые бы могли быть приняты в суде, я все еще не могу найти». Всё же были арестованы Али-Юртовцы Магола Беркеханов, его брат Абдулкадыр и сын бывшего Али-Юртовского старшины Арсануко Рабиева³. В рапорте начальника Грозненского округа Чекунова на имя начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска от 9 сентября 1889 года за № 4752 сообщается: «По делу об убийстве вечером 21-го минувшего июля в Староюртовском ауле подполковника Шеды Эльмурзаева, мною заключены на Грозненскую гауптвахту жители Староюртовского аула Хаду Ежаев, Хадашуко Гойтемиров, Махтий Эдильбаев, Зебир Азаров, Дакал Азаров, Хасау Азаров, Долхат Иныркаев и Шеды-Юртовского аула братья Межи и Абдуразак Дебировы, из коих на последних трех падает сильное подозрение в совершении этого убийства, а на других в пособничестве им, и, хотя к обвинению их в этом преступлении пока не имеется юридических данных, но содержание означенных лиц под стражею я нахожу необходимым»⁴.

В своём донесении от 11 октября 1889 года № 5361 на имя генерала Смекалова К. Чекунов сетует на то, что он не может найти улики для обвинения в суде арестованных им подозреваемых в убийстве. «Ваше превосходительство, милостивый государь Алексей Михайлович! — пишет он, — расследования по убийству подполковника Шиды Эльмурзаева продолжают производить, но они не дают положительных результатов и не указывают на такие данные, по которым те люди, кои объявлены

¹ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 40 с об.

² Там же, л. 72.

³ Там же, л. 39 с об.

⁴ Там же, л. 49 с об.

убийцами подполковника Ши́ды, могли бы быть обвинены в убийстве его в окружном суде. Староюртовцы, собственно те из них, которые не заинтересованы в убийстве подполковника Ши́ды, и таких людей между ними немало, тоже хлопочут об открытии убийц, стараются найти доказательства и данные к обвинению убийц в суде, употребляют для того различные средства и все же не могут найти ни свидетелей, кои могли бы свидетельствовать в суде против убийц, ни данных, по которым суд мог бы обвинить убийц. Все расследования и розыски приводят староюртовцев только к убеждению, что убийцами подполковника Ши́ды были те люди, кои указаны ими в их приговоре, представленном мною при рапорте от 9-го прошлого сентября за № 4763, а именно шидьюртовец Абдурзак Дибиров, брат муллы Алихана Дибирова, сосланного в Сибирь в каторгу за воровство денег у подполковника Ши́ды и алиюртовец Магола Беркеханов, брат алиюртовца Гечекая Беркеханова, сосланного по тому же делу. Лично я того же убеждения и в последнее время прихожу даже к уверенности, что кроме указанных лиц, никто более не мог совершить убийство подполковника Ши́ды»¹.

Согласно тому же донесению, экзекуционный отряд в Старом-Юрте состоял из входящих в батальон 16 офицеров, 1 врача, 293 нижних чинов, 16 лошадей, а также двух офицеров, 33 нижних чинов и 35 лошадей, входящих в казачью сотню. Снабжение их продовольствием полностью лежало на плечах староюртовцев, которые делали на это ежедневные расходы в размере 50 рублей. Чекунов сообщает, что староюртовцы внесли в штраф по убийству Ши́ды 1500 рублей, из которых 1200 рублей решено было уплатить семейству подполковника как двойную кровную плату, а остальные 300 рублей «употребить на удовлетворение офицеров экзекуционного отряда приварочными деньгами». Что примечательно, «жена, дети и родные убитого подполковника Ши́ды, как говорят, желают отказать от получения этих денег и просят разрешения об обращении их на устройство водопровода в Староюртовском ауле, чтобы тем почтить память убитого и вызвать в староюртовцах более глубокое сожаление в его напрасном убийстве»².

В очередном донесении Чекунова от 23 октября 1889 г. № 5556 на имя Алексея Михайловича Смекалова тоже есть интересные сведения, дающие представление о быте наших предков в прошлом. Начальник Грозненского округа пишет: «По Тереку и Сунже настал холод с сильными морозами. Высшие и нижние чины экзекуционного отряда в Староюртовском ауле,

¹ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 50 с об.

² Там же, л. 52—53.

довольные вначале и своим положением и квартирами, вследствие холода начали высказывать претензии и на тесноту квартир и на неудобство оных для помещения чинов. Третьего дня, именно вследствие неудовольствия чинов отряда квартирами, я был в Старом-Юрте, и нижним чинам и офицерам отряда теперь отведены новые просторные квартиры, лучшие, какие только могли оказаться в ауле, с окнами, дверями и каминами, именно такие квартиры, каких лучше для жизни туземных жителей и быть не может, но для чинов отряда они все же неудобны, потому что в них нет печей и имеются лишь камины, при которых теплота в каминах не задерживается и для непривычных людей весьма легко и возможно простуживание и сопряженные с оным заболевания. Поэтому и ввиду того, что жители Староюртовского аула с самого начала экзекуции вели себя безукоризненно хорошо и не подали ни малейшего повода к претензии на них со стороны чинов экзекуционного отряда и вызывают к себе только благодарность оных, а также ввиду, что староюртовцы, независимо нравственного наказания от экзекуции, понесли неисчислимые потери в сельскохозяйственном отношении, не говоря уже о штрафе и расходах по довольствию экзекуционного отряда, т. к. чрез экзекуцию у них очень много хлеба осталось необранным и теперь остаются не вспаханнми и незасеянными озимые поля, я полагал бы возможным уже теперь вывести экзекуционные войска из Старого-Юрта, хотя бы для того только, чтобы не подвергать риску здоровья чинов отряда по неудобству квартир от заболеваний простудными болезнями»¹.

Здесь следует отметить, что по признанию самого полковника Чекунова российская армия уступала в выносливости рядовым чеченским гражданам, в числе которых нужно учитывать немощных стариков, женщин и детей. Приняв во внимание ходатайство Чекунова, командующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант князь Дондуков-Корсаков 7 ноября 1889 года за исходящим номером 18349 в адрес начальника Терской области генерала Смекалова разрешил снять экзекуцию в Старом-Юрте. 12 ноября в 9 часов утра войска ушли из этого села².

5 марта 1890 года жители Старого-Юрта Зибир, Дакал и Хасу Азаровы, родственники абрека Дасы Хасаханова, ввиду поимки последнего 29 сентября 1889 года, были освобождены из заключения³. Арестованный Даса Хасаханов на допросе в начале 1890 года показал, что «лет 5 тому

¹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 68 с об.

² Там же, л. 77-78 об.

³ Там же, л. 80.

назад он учинил побег с места жительства потому, что обвинялся в ограблении дома подполковника Шиды Адуева (читайте «Эльмурзаева». — *авт.*) и, что за преступление это Тифлисская судебная палата приговорила его в каторжные работы на 12 лет, что с ним вместе бежало еще двое его товарищей сел. Али-Юрта Ички Бертханов и сел. Кин-Юрта Яса Мангаев, с которыми он и скрывался в разных местах, но большею частью в Кизлярском отделе»¹. Даса Хасаханов был заключен на Владикавказскую гауптвахту². 7 марта 1890 года подполковник Чекунов в рапорте на имя начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска ходатайствует об освобождении из-под стражи, за отсутствием улик в совершении убийства Шиды Эльмурзаева, задержанных ранее по подозрению в совершении этого преступления жителей Старого-Юрта Хаду Ежаева, Хадушую Гойтемирова, Махти Эдильбаева, Шеды-Юрта — Межи и Абдурзака Дебириных, Сапара Гойлиева и Али-Юрта — Абдул-Кадыра и Магома (Магола) Беркехановых³.

Так завершился инцидент, связанный с убийством подполковника Шеды Эльмурзаева. Благодаря стараниям духовенства Притеречья, в частности кадия сел. Старый-Юрт Салгирея Амарова, дело не дошло до конфликта с царскими войсками, чреватого уничтожением самого богатого и крупного чеченского селения на равнине. А всё началось с несправедливости, жертвой которой стал шайх Элах-мулла, скончавшийся по пути в ссылку. Арабская хроника Абдул-Муслима Керзуевича Базакова из Нижнего-Наура тоже подтверждает правильную дату кончины Элах-моллы 12 Шаввала 1304 года⁴. Мутуш Мангаев искупал его, завернул в саван, привязал к доске и опустил труп шайха в море. О факте его смерти он рассказал, вернувшись из каторги после отбытия срока наказания.

Даже после таких примеров мученичества, чеченские шайхи не сворачивали с раз и навсегда избранного ими нелёгкого пути. Поэтому они остались в памяти народа непоколебимыми духовными лидерами, готовыми к самопожертвованию ради спасения душ своих соотечественников. И такая стезя шайхов была не под силу простому смертному.

¹ ЦГА РСФСР-А, ф. 12, оп. 3, д. 963, л. 82 с об.

² Там же, л. 83 об.

³ Там же, л. 87—87 об.

⁴ 12 Шаввала 1304 года Хиджры — 4 июля 1887 года по новому стилю, а по старому стилю — 22 июня 1887 г.

ПРОСВЕТИТЕЛИ

Было время, когда в исторической науке считалось, что чеченцы до советской власти не имели никакой письменности и здесь царила сплошная безграмотность. Лавры первенства просвещения нашего народа приписывались большевистской программе по ликвидации безграмотности (ликбез), осуществлённой в 20-е годы XX века. Однако исторические факты свидетельствуют, что чеченцы ещё задолго до советских времён пользовались письменностью на основе арабской графики. Кроме того, в каждом ауле существовали начальные религиозные школы — «хьуьжар», которые официальными властями назывались «туземными школами».

Первопроходцами, несшими свет знаний в Притеречье, были Упа-мулла (Усман-Хаджи) и Кана Хангиевы из Нижнего-Наура, Элах-мулла (Алихан) Дебиров из Чанти-Юрта (Шеды-Юрт, Терское), Джантемир-Хаджи Салихов из Чулга-Юрта (Мундар-Юрт, Знаменское) и др.

В этих учебных заведениях преподавали известные в своё время улемы, большинство из которых были суфийскими шейхами. Усман-Хаджи ещё в 70-е годы XIX века открыл у себя в селе арабскую школу — «хьуьжар». Она располагалась в участковой мечети в том месте, которое в настоящее время занимает двор жителей сел. Надтеречное Мадаевых из тайпа вашиндарой, тукхума (племени) шотой.

Сведения о курсе обучения в таких школах мы получаем в «Воспоминаниях муталима» Абдуллы Омарова. После ознакомления с мемуарами бывшего ученика арабских школ, нам легче будет оценить, что из себя представляло образование горцев XIX века. Поэтому приведём подробности из указанного произведения Абдуллы Омарова.

«Ученые в горах подразделяются, так сказать, на три вида: это — суфии, муллы и алимы. Обыкновенно, горец, изучивший арабскую азбуку настолько, что может читать хорошо и ясно рукописный Коран и молитвы, по большей части оканчивает курс своего учения тем, что заучивает еще маленькие книжки «Мухтасаруль-мингаж (Сокращенные пути)» и «Марипатуль-ислам» (Познание Ислама), т. е. самые начальные правила мусульманской веры. Из прошедших такой курс учения горцев некоторые соблюдают потом в жизни строгий, честный и нравственный образ жизни, избегают всего запрещаемого религиею, как то: убийства, воровства, лжи, клеветы, курения табаку, употребления спиртных напитков и т. д., не про-

пускают обязательных молитв, по возможности часто посещают мечеть, соблюдают чистоту тела и стараются делать все то, что религия требует от хорошего мусульманина. Этот самый полезный для общественного спокойствия класс людей, хотя легковёрный и послушный всему, что им проповедуют более их ученые, — называются суфиями. Те же, которые продолжают учиться по-арабски и успевают приобрести настолько знания в арабском языке, что могут читать Коран с переводом его изречений на туземный язык, а также могут хотя сколько-нибудь грамотно писать по-арабски — называются муллами. Наконец те, которые оканчивают всю принятую в горах программу учения и приобретают известность своими познаниями, называются алимами (знающими, учеными). Это последнее звание тоже имеет свои степени, сообразно приобретенной славы, как то: хороший алим, отличный алим, мореподобный алим и т. д.

Программа учения, принятая в горах, заключается в следующем: по окончании арабской азбуки, которой горские дети учатся у отдельных частных лиц, обучаются самым необходимым правилам религии, как то верованию в единство Божие, признанию добра и зла, существованию ангелов и пророков, а также тому, как нужно молиться, в чем состоит молитва и что значит ислаимзм. Объяснение этих необходимых для каждого мусульманина начал религии заключается в книге Усуладдин. После этого начинают заучивать книгу Тасриф. Это — коротенькая, сокращенная арабская грамматика, заключающая в себе этимологию. Потом учат такой-же величины книжку Миатуамил, объясняющую изменения окончания слов. Из содержания этих книжек ученик ровно ничего не понимает, и только зазубривает их наизусть, с переводом на туземный язык. Вслед за этим учат книгу Анамузадж, несколько побольше первых и объясняющую также правила изменения окончаний слов. Потом берутся за книгу Саадуддин, которая служит объяснением книжонки Тасриф. Далее принимаются за книгу Динкузи, также объясняющую словопроизводство, и еще за книгу Вафия, того же содержания. Вслед за тем учат довольно большую книгу Джами, объясняющую правила изменения окончаний слов и значение слогов. Ученик, дошедший до этих последних книг, начинает уже сам понимать читаемое и, сообразно своим способностям, получает большую или меньшую степень известности между другими хорошими или плохими учениками. Тогда он по большей части бывает в состоянии понимать письма, сочинять их, но переводить что-либо из Корана считается для него грехом до тех пор, пока он учит его по диктовке учителя. Потому что Коран считается недоступным пониманию, прежде чем не прочтутся толкования его.

По окончании Джамии, приступают к изучению нескольких книг, заключающих в себе начала логики, а именно Иса-Гуджи, Шамсия и Фанари. Наука эта, несмотря на ее важное значение, не играет почти никакой роли в учености горца и не применяется им в практике. Наука эта называется у нас Мантик и она определяется так: «Мантик есть систематическое орудие, которое охраняет мысли от ошибок». Так как вообще все науки, употребляемые в преподавании у мусульман, направлены к одной и той же цели, а именно — к упрочению религиозных убеждений, то некоторые старинные ученые, как например Ибну-Салах и Новави, положительно запрещают учиться логике, как запрещают вообще все науки, способствующие развитию человека, как то: философию, астрономию, естествознание и пр., но некоторые из ученых считают изучение логики даже обязательным. Впрочем, самым основательным мнением относительно изучения ее считается то, что наука эта позволительна только тому, кто имеет здравый рассудок (т. е. непоколебимые убеждения в религии). Поэтому логика, употребляемая у мусульман, имеет прямою целию — служить в помощь доказательствам тех оснований, на которых стоит Коран. Вслед за логикой изучают книгу Маан (риторика), объясняющую правила красноречия арабского языка, причем имеетя целию доказать высокое красноречие Корана, которое считается одним из самых главных чудес Пророка. Ни один красноречивый арабский поэт не мог составить хотя бы и одну фразу, соответствующую по красноречию какой-либо фразе из Корана. И потому мусульманская риторика признает красноречие Корана сверхъестественным, недоступным человеческим дарованиям. Наука эта, сама по себе, составляет весьма приятное и любимое муталимами развлечение, потому что, разбирая красноречие арабского языка, рассуждают вообще о лучших произведениях древних арабских поэтов.

За риторикой проходят несколько книжек, заключающих в себе правила арабского стихосложения. Вслед за этим начинается изучение юридических книг и преимущественно книги Магаллы («Маъхал» — *Авт.*), в двух частях. Книга эта заключает в себе все законы мусульман, т. е. духовные, гражданские, уголовные и военные. Далее изучается книга Джалал. Она заключает в себе в целости Коран, с толкованиями смысла каждого стиха, а ровно толкования его различными комментаторами, с объяснением оснований каждого из них. Потом изучают книгу Ибну-Гаджар, самую основательную книгу мусульманского законоведения, в двух частях. Потом проходят еще книгу Джавамэ, заключающую в себе вообще изложение оснований мусульманского законодательства. Затем редко кто проходит математику и еще так называемую науку о единстве

Божием. Последняя наука, в лице книги Акаид, считается почти необходимостью для истинного мусульманина. Она доказывает с философской точки зрения начало мира, существование Бога, единство Его и то, как человек обязан исполнять молитвы: доказывает также существование добра и зла, наград и наказания в загробной жизни, с изложением доводов противу людей, не признающих таковых.

Вот и весь самый высший курс дагестанского мусульманского учения, которое кончают после 10—15-летних трудов...

Всякий учащийся оставляет учение по личному желанию или же по семейным обстоятельствам. По прекращении своего учения, горец не получает никаких прав и преимуществ между своими единомышленниками. Никаких экзаменов или испытаний в степени учености не делается. Кто поставит себя в глазах народа на хорошем счету, как в отношении своей нравственности, так и в отношении своих способностей и знаний, того называют алимом (ученым) и почитают его»¹.

Практически во всех горских школах была идентичная программа обучения. Такой же курс, подобный описанному Абдуллою Омаровым, в разное время проходили в школе Усмана-Хаджи 67 муталимов. Семеро из них были ингушами.

Перечислим имена учеников, которые нам удалось выявить по воспоминаниям жителей сел. Нижний-Наур Абу Дакалова, Мухади Ахметханова, Тахира Ахматханова, Эльти Музаева, а также Юсупа Бимурзаева из Урус-Мартана, Автархана Ахматханова из Шали и других сведущих в этом вопросе людей. Уроженцами Нижнего-Наура были следующие муталимы: Хусейн Успахаджиев (Хьюьса-молла; 1858—1927/28 гг., тайп дишний), Ахмад Базаков (Джанкин Ахьмад; 1864—19.08. 1939 г., тайп Иаларой), Усман Лосаев (Осма; 1872 г. р., тайп Гюрдалой), Барзанука Хачукаев (1856 г. р., плотник), Товмарза Абдурзаков (1858 г. р.), Арби Саралиев (1861 г. р.), Товсолта Альчукаев (1856 г. р., тайп сесаной), Аслахан Арсанукаев (1862 г. р., тайп курчалой), Доша Мудаев (1870/75—1944 гг., тайп Гюрдалой), Хамби Дакаев (Хамьби, 1873 г. р., ум. в 1341 г. от Хиджры², тайп вашиндарой, тукхум шотой), Ахматха Джовтханов (тайп Иаларой, ум. в 1944 г. в Карагандинской области Казахстана), Татарбек Арсебиев (Аьрсбин Тата, 1871—1959 гг., тайп Иаларой), Иду Исламов (1875—17.11. 1962 гг., тайп Иаларой), Асхаб Чалаев (1878—1972 гг., тайп Гюрдалой), Юсуп Байсултанов (1880 — весна

¹Омаров А. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Тифлис, 1869. Вып. II. С. 46—50.

²Нач. 24.08. 1922 — кон. 13.08. 1923 г.

1960 г., тайп Гюрдалой), Говза и т. д. Кроме них в школе Усмана-Хаджи учились Хаки (Абдул-Хъабкам, Хъабка) Джанхоев (1870–1941), Долта Назиров (1870–1937), Эламирза Эльдаров (1874–04.05.1943), Жюнид (Жуьнид) Ибрагимов из Гойты (тайп курчалой, сын шайха Ибрагима-Хаджи Мустапаева (1846–1919), Хамзат Маматов из Цапан-Юрта (Момта-моллин Хъамст-молла, ум. в 1929 г., тайп Иаларой), Исак Осмиевич Чапанов из Верхних-Ачалуков (ГалгIай, 1854–1944 гг.), Исмаил Экиевич Озиев и его брат Ильяс (Илез-къаьда, ГалгIай, 1871–30.10.1942 гг.) из Гамурзиево, Идрис Торшхоев (ГалгIай), Дидигов из Мошха-Юрта (Мочкъа-Юрт, ГалгIай), Хаджи-Али (Хъабжа-Ела) и Ахма Тучаев (Туьшин Ахьма) из Гехи, Джамола Берсанов из Кулары (Гуларе, 1882–23.02.1968 гг., тайп тIерлой), Исхак Дазаров из Мескер-Юрта (род. в 1865 г., младший брат Идриса-Хаджи Дазарова, тайп ширдий), Жанарали Музаев из Мекен-Юрта (ум. в 1918 г., тайп буной), Ахмад Юсупов из Кень-Юрта (Юьспан Ахьмад, 1870–1954 гг., тайп орстхой), Тимарсолта Исаев (Исаков, 1868–1893) и Абдулвахаб Куркаев (1858–1903) из Чанти-Юрта, Шахаб Абдурахманов из Верхнего-Наура (тайп Иаларой, ум. в 1912 г.), Хабир Юсупов из Мундар-Юрта (Юьспан Хъабар, тайп аргIаной), Умар из Али-Юрта, Эльбуздук Темуркаев из Ногай-Мирза-Юрта (Оьлбаздукъ, тайп боргIаной, 1856–1924 гг.), Муца из Ногай-Мирза-Юрта, Султан-Мирза (Солтамирза, 1878–1894 гг.), Усам (Гусам) — сын Докку-Шайха, племянник Элах-муллы и др.

Существует мнение, что в школе Упа-Хаджи учились Ибрагим-Хаджи Мустапаев из Гойты и его родственник Ахматуко-Хаджи (Ахьматукъ-Хъабжа) Батукаев из Шаами-Юрта. Такое предположение возникло потому, что оба они поддерживали тесные дружеские связи с Усманом-Хаджи и часто советовались с ним в сложных вопросах мусульманского законовещения («фикх»). Ибрагим Мустапаев и Ахматуко Батукаев приходились потомками знаменитого чеченского Берса-Шайха в восьмом и девятом колене соответственно. Дед Ибрагима-Хаджи — шайх Амир-мулла (Амар-молла) до конца дней своих служил кадием села Шали. Он скончался в начале 20-х годов XIX века и похоронен в Шали. Отец Ибрагима-Хаджи — Мустапа (Мустап-Шайх), похоронен в селе Нижние-Курчали Веденского района Чечни, в зиярате Берса-Шайха.

Считается, что Ибрагим-Хаджи родился в 1846 году. Арабской грамоте обучался в горской школе в Шали и, по окончании учёбы, был приглашён муллой в Мелчу-Хи (Истису). Согласно сказаниям, он на основе арабской литературы хорошо освоил народную медицину и исцелял

людей от разных недугов. Ибрагим-Хаджи и его двоюродный брат из Шали были муридами Башир-Шайха (Абу) из Аксяя.

Примерно в 1870 году скончался кадий села Гойты Янгулбай-Хаджи (Йохалби-Хъабжа). Когда стали выбирать нового кадия, каждый тайп, проживающий в этом селе, старался выдвинуть на эту должность своего представителя. В результате за пост сельского муллы в Гойты началась настоящая борьба. За короткий период времени там сменилось несколько новых кадиев, оказавшихся не в состоянии унять бушующие страсти народа и пресечь вражду между тайпами. Тогда гойтинцы обратились за помощью к своему бывшему старшине Юсупу Абдулкадырову (родом из села Алды, тайп дишний), который в феврале 1870 года был назначен кадием Чеченского округа («мехкан къеда»), вместо ушедшего с этого поста по болезни престарелого Алимурзы Хасамурзаева¹. Почётные старейшины села Гойты попросили кадия Юсупа (Юьспа-къеда) направить к ним муллу, способного управлять ими по шариату. Недолго думая, Абдулкадыров направил в Гойты муллу села Мелчу-Хи Ибрагима Мустапаева. Таким образом, будущий шайх Ибрагим-Хаджи со своей семьёй, состоявшей из жены, первенца-сына Ахмада и дочери, переехал на постоянное жительство в этот населённый пункт. Тогда его называли «Молодым муллоу» («Жима молла»), так как Ибрагиму было в это время всего 24–25 лет. Но, несмотря на свой молодой возраст, ему удалось помирить враждующие стороны и расположить к себе население Гойты. По преданиям, Ибрагиму-Хаджи выплачивалось высокое жалование по должности муллы в размере 600 рублей серебром в год. Эти деньги он тратил на благоустройство села. По инициативе Ибрагима-Хаджи в Гойты была построена мечеть и открыта арабская школа, в которой учились дети.

Когда в 1875 году Башир-Шайха пересилила болезнь, он срочно вызвал к себе около десяти своих муридов из разных уголков края. Среди собравшихся у мурида были Усман-Хаджи из Нижнего-Наура, Элах-мулла из Шиды-Юрта, Джантемир-Хаджи из Мундар-Юрта, Идрис-Хаджи Дазаров из Мескер-Юрта, Бисултан-мулла Тагиров из Алды, Ибрагим-Хаджи и его двоюродный брат из Шали. На этом совещании наставник поручил всем собравшимся муридам стать устазами и возлагать «вирд» на своих учеников. После этой встречи Башир-Шайх прожил недолго. Он скончался в октябре 1875 года. Но кроме Усмана-Хаджи, Элах-муллы, Хож-Ахмада (Аджамата) из Аксяя и Герехана-Хаджи из Костека никто из сподвижников аксайского шайха не создал

¹Центральный государственный исторический архив Грузии (далее – ЦГИАГ), ф. 545, оп. 2, д. 3370, л. 16 об.

свою религиозную группу. Двоюродный брат Ибрагима-Хаджи так и не решился до самой смерти принимать у своих послушников обет о верности его заповедям и учению («тобанаш дайта»). Он находил оправдание в том, что к нему ещё не снизошло видение от Аллаха (свят Он и велик). Мулла села Мескер-Юрт Идрис-Хаджи Дазаров (1846 г. р.) отсылал своих муридов принимать вирд к Элах-мулле.

Ибрагим-Хаджи тоже долгие годы колебался и не мог исполнить заветное желание своего устаза. Он направлял жителей Гойты и близлежащих сёл, желающих принять у него вирд, к шайху Усману-Хаджи в Нижний-Наур. Тогда тот призвал Ибрагима-Хаджи войти в положение муридов и не заставлять их проделывать столь далёкий путь в Надтеречную Чечню («Теркйист»), когда им ближе и удобнее искать наставления в вере у него в Гойты. Тем самым нижненаурский шайх переубедил Ибрагима-Хаджи и повторно дал ему от себя право создать собственное вирдовое братство. По преданиям, первый обет верности своему вирду Ибрагим-Хаджи принял («ЧагЮ эдна») у матери Баги из Чишки (Чишкара БӀаьги). Таким образом, он стал устазом и собрал вокруг себя большую религиозно-политическую группу приверженцев. Почитатели из уважения к его святости перестали называть Ибрагима-Хаджи по имени и дали ему прозвище Ади.

В середине 80-х годов XIX века Ибрагим Мустапаев вместе со своим братом Магомедом из Шали совершил Хадж в Мекку. Магомед-Хаджи Мустапаев скончался в 1314 году Хиджры (1896) и похоронен в Шали¹.

Несмотря на праведный образ жизни Ибрагима-Хаджи, вернувшегося недавно из паломничества к святым местам, в селе Гойты в сентябре 1887 года нашлись недоброжелатели, совершившие на него покушение.

Начальник Грозненского округа Терской области полковник Чекунов 11 ноября 1888 года из Грозного за № 6651 пишет в Канцелярию начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска: «Канцелярия Начальника области в отзыве своем от 26 сентября 1887 года за № 6811, уведомила предместника моего, что Его Превосходительство Начальник Терской области, согласно представления полковника Полозова от 20 того же сентября за № 9571, разрешить изволил жителя селения Гойты Эпенди Урусбиева за порочное поведение и намерение убить сельского муллу, содержать под стражею на Грозненской гаубтвахте по административным причинам, впредь до особого распоряжения; между тем, из отзыва Судебного Следователя Грозненского участка от 27 июня

¹Рукопись о шайхе Ибрагиме Хаджи, написанная на чеченском языке в 1989 году его внуком Седидом Саидовым из с. Гойты (1917–1999). Копии рукописи предоставил Вахид Музаевич Мерлуев, 1939 г. р., житель сел. Гойты.

за № 694 видно, что дело о покушении на убийство Гойтинского муллы Ибрагима Хаджи следователем окончено и 31-го января сего года за № 118, препровождено Товарищу Прокурора Владикавказского окружного суда по 277 ст[атье] Уст[ановлений] уголовного судопроизводства для прекращения, за необнаружением виновных по сему делу; Гойтинское же общество выдать приговор о ссылке Урусбиева за порочное поведение из округа отказалось. В виду этого и долгого содержания Урусбиева на гаубтвахте ¹, я полагал бы освободить его из под стражи, тем более что Гойтинский мулла лично заявил мне, что претензии к Эпенди Урусбиеву не имеет, и просил освободить его из под стражи и не привлекать к ответственности» ².

Из цитированного документа мы видим, насколько снисходительным и великодушным был шайх Ибрагим-Хаджи. Он не только сумел простить человека, желавшего отнять у него жизнь, но ещё и ходатайствовал об освобождении его из тюрьмы. Каким же безукоризненным венцом творения Всевышнего должен быть индивид, чтобы совершить подобный благородный поступок.

У Ибрагима-Хаджи было четверо сыновей: Ахмад (прим. 1870 г. р.), Жюнид (прим. 1875 г. р.), Саид (1895 г. р.) и Хамид (прим. 1897 г. р.), а также дочери. Вторая жена Напсат (Нафисат, ум. в 1941 г.) родила дочь Сапият. В августе 1917 года Жюнид и Саид, вместе с другом Жюнида — Бисултаном Джамалхановым из Гойты и дядей по матери из Мелчу-Хи ездили на ярмарку в Хасав-Юрт. Купив товары, они ехали обратно, но по дороге наткнулись на белоказачий пост. Казаки потребовали у них сложить оружие, но чеченцы ответили отказом. Завязалась перестрелка и в ней погибли Бисултан, Жюнид, Саид, их дядя по матери и ещё один житель села Мелчу-Хи. Трупы погибших были отвезены в казачью станицу, что располагалась к востоку от Герзель-Аула. Путём переговоров, родственникам павших удалось добиться выдачи трупов и товара. После этого Хамид Ибрагимов из чувства мести за убийство своих братьев собрал друзей и сжёг эту казачью станицу. Трагической оказалась и жизнь самого Хамида. В декабре 1929 года он стал одним из лидеров антиколхозного «Чиннаховского восстания» в Гойты («Чиннахойн тIом») и был убит 17 декабря 1929 года в ходе его подавления войсками РККА ³.

¹ Так в документе.

² Архивное управление Правительства Чеченской Республики (далее — АУП ЧР), ф. 236, оп. 2, д. 118, л. 1—2; См. также: ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 3, д. 326, л. 79 с об.

³ Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 25896, оп. 9, д. 346, л. 128.

В апреле 1906 года скончался кадий Шатоевского горского словесного суда Абдулкадыров. На его место 14 апреля того же года всенародно был избран Сугаиб-мулла Гайсумов и кандидатом к нему Ибрагим Мустабаев¹. Однако начальник Терской области вопреки всякой логике утвердил кадием Ибрагима-Хаджи, а Сугаипа-муллу «административным порядком» сослал сначала в армянское селение Эдиссию Моздокского отдела, а затем перевёл его в Нальчик, откуда всенародно уважаемый мулла из Шали был освобождён только в 1907 году. Будучи близким другом Сугаипа-муллы и не ожидавший такого оборота событий, кадий Ибрагим-Хаджи «подал прошение об освобождении от возложенных на него обязанностей, вследствие болезни»². Этот инцидент только укрепил дружбу двух достопочтенных чеченских мулл.

Когда Добровольческая армия белогвардейского генерала А. И. Деникина в 1919 году окружила село Гойты и выдвинула требование выдать прятавшихся там «красных», Ибрагим-Хаджи отказался нарушить обычай предков, предписывавший дать убежище людям, ищущим у них спасения. 7 марта 1919 года шайх вместе с Хату Давлиевым, Чода Яшуркаевым и Доа Геримхановым возглавил оборону гойтинцев. На помощь к ним в решительный момент подоспели муриды шайха Сугаипа-муллы Гайсумова из Шали, а также ополченцы урус-мартановцев, гехинцев, атагинцев, чечен-аульцев и др. Над армией «белых» нависла угроза окружения и они в панике отступили, бросив две пушки³. С тех пор Ибрагима-Хаджи и Сугаипа Гайсумова стали называть «красными муллами». В середине того же 1919 года (1337 г. х.) Ибрагим-Хаджи скончался и был похоронен в селе Гойты.

Ахматуко-Хаджи Батукаев, служивший муллой в Шаами-Юрте, получил «иджазу» (разрешение) на распространение тариката от шайха Шаба-Хаджи (Абдуллах) Хасиева из Брагуны (тайп цеси), учение которого берёт своё начало от арабского шайха Магомет Матзара из Медины⁴. Шайх Билу-Хаджи Гайтаев (1852—1925) из Урус-Мартана тоже относился к этой суфийской цепочке («силсила»). До своей кончины в 1304 году (1886/87) Шаба-Хаджи завещал Батукаеву советоваться во всех религиозных вопросах с Усманом-Хаджи из Лаха-Невре и оказывать ему дружескую поддержку. Поэтому Ахматуко-Хаджи,

¹ Имена и фамилии шайхов оставлены как в документе. В других вариантах они читаются — Сугаип-мулла Гайсумов и Ибрагим-Хаджи Мустабаев.

² РГВИА, ф. 1300, оп. 4, д. 1542, л. 7—10 с об., 14—16 с об., 19—20, 21 с об.

³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР (1917—1970). Грозный, 1972. Т. II. С. 53, 54.

⁴ Вацагаев М. Шейхи и зияраты Чечни. М., 2009. С. 77.

прозванный муридами Абуханом, более десяти лет дружил с Упа-Хаджи, пока тот не скончался. За это время он усовершенствовал у муршида из Нижнего-Наура свои знания и считается, что тот был вторым шайхом, передавшим Ахматуко-Хаджи право возлагать вирд на последователей.

Первой женой шайха из Шаами-Юрта была уроженка Зебир-Юрта (Аьчкахитла) из тайпа аллерой. Получалось, что она из одного рода с Усманом-Хаджи, в связи с чем Абухан уважал шайха не только как наставника, но ещё и как своего шурина («стунваша»). Первая жена родила Ахматуко-Хаджи сына Ахмада — будущего шайха. Она скоропостижно скончалась. Второй женой стала Хава из Гойты, с которой они создали многодетную семью, состоящую из сыновей Муслима, Абдулвахаб, Абдулмуталипа и дочерей Ашат, Ракаат. Шайх Ахматуко-Хаджи Батукаев скончался в 1340 году Хиджры (1921/22), а его старший сын — шайх Ахмад-Хаджи, репрессирован в 1936 году¹.

Занятия в школе Усмана-Хаджи проводились в две смены. Одна смена обучалась в первую неделю, а другая — во вторую. Школа эта располагалась в участковой мечети из двух комнат с сенями, которая отапливалась двумя печками. В одной комнате поперёк на пол ставили бревно. Место между стенами и этим бревном было засыпано соломой, на которую ученики расстилали свои войлочные ковры. На этом мягком месте они сидели во время уроков («дарс хьобхуш») и спали по ночам. Постельные принадлежности и книги ученики приносили из дома².

Такой же класс описывает в своих «Воспоминаниях...» Абдулла Омаров. «Класс... помещался на балконе, вдоль которого было положено длинное бревно; место за бревном было застлано соломой, которую ученики сами собирали на житейских гумнах, когда там молотили хлеб. На этой-то соломе, лицом к бревну, сидели все ученики... и перед каждым из них лежало по два плоских камня, поставленных один подле другого углообразно, чтобы могли на них лежать книжки или азбучные доски»³.

Согласно А. Омарову, у горцев родители считают священным долгом дать своим детям арабское образование. Предпочтение отдают учёбе мальчиков. «Для обучения детей арабской грамоте, — пишет он, — в каждом ауле найдется один-другой наставник, преимущественно из стариков... они принимают к себе в дом и обучают чужих детей за извест-

¹ Записано 17.02.2016 г. со слов Абуезида Батукаева, 1934 г. р., жителя сел. Шаами-Юрта.

² Записано со слов Абу Дакалова.

³ Омаров А. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 16, 17.

ную плату»¹. Плата после чтения Корана давалась учителю в размере 2 руб. 50 коп. Кроме того, после окончания Ислаха («Къулха») и Ясина («Еса»), наставника угощали пирогом. А после окончания всего Корана родители ученика устраивали званый обед, на котором учитель был почётным гостем².

Школа заменяла ученикам не только спальню, но и кухню, столовую и кладовую. Тут же складывалось топливо из дров, соломы и кизяка, собираемое муталимами по сельским дворам каждый четверг вечером. Топливо, еду («напха») и нефть («мехкдаьтта») для освещения ходили собирать по аулу младшие муталимы, называемые «цухарш» («цӀухӀарш»). Двое просили у жителей еду, вторая пара — рассол («берам»), третья — молоко, четвёртая — дрова, кизяк («гӀий») и нефть³.

Халил Джантемиров из сел. Знаменское рассказывал предание, как муталимы Эдилсултана-муллы (Эдалсолта) из сел. Али-Юрта собирали молоко. Эдилсултан был строгим учителем, ругал и наказывал розгами учеников, когда им не удавалось набрать в селе полное ведро молока. Но из-за бедности сельчан у них ведро не наполнялось. Тогда находчивые муталимы, во избежание острастки, добавляли к молоку воду. Узнав об этом, Эдилсултан заставил их поклясться, что впредь они не будут добавлять воду. После этого, не имея другого выхода, ученики сначала наливали в ведро воду, а затем наполняли его молоком.

Чтобы собрать дрова для отопления в близлежащем лесу, муталимы Эдилсултана просили арбу («ворда») у жителей сел. Али-Юрт. В большинстве случаев им в этом отказывали. Тогда муталимы снимали из сельского кладбища трухлявые деревянные чурты и кололи из них дрова. Эдилсултан-мулла опять выругал учеников. Он упрекающе спросил их: «Какого пути вы придерживаетесь, позволяя себе использовать под дрова надгробие мёртвого человека?» Притворяясь, что они не понимают, о каком пути им говорит учитель, муталимы отвечали, что рядом с оградой такого-то жителя села есть путь, проторённый ими на погост, чтобы нести оттуда дрова.

Абдулла Омаров описывает, как муталимы распределяли между собой обязанности по уборке в школе («хъуьжар») и сбору напхи по селу. «Между учениками были уже распределены должности по хозяйству: старший назывался старшим цигором: на его обязанности лежало готовить тесто для хинкала и наблюдать за порядком; второй назывался комнат-

¹ Омаров А. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып I. С. 13, 14.

² Там же. С. 16, 18.

³ Записано со слов Абу Дакалова.

ным цигором и на его обязанности лежало разводить огонь, сеять муку, ставить котел в камин и держать комнату в чистоте; третий назывался водяным цигором; он обязан был привозить воду из речки для омовения и для приготовления кушанья; четвертый и пятый, самые младшие, назывались деревенскими цигорами; на них лежала обязанность ходить по аулу, выпрашивая у жителей соли, молока, чесноку и пр. Должности эти были разделены по жребию и каждый исполнял их строго, за неисполнение же подвергался штрафу, который назначал старший цигор, по своему усмотрению... Подметать мечеть все были одинаково обязаны и потому подметали ее по очереди»¹.

О сборе дров и кизяка А. Омаров пишет: «Топливо собиралось обыкновенно раз в неделю, т. е. от четверга до другого, и на сбор топлива выходили все ученики после предвечернего намаза; причем комнатный цигор, по своей обязанности, носил сапетку (корзину) на спине и медленно ходил по улице, а из остальных каждый заходил в особый двор, крича нараспев обычные слова: «Ученикам дайте кизяка!» и получали с каждого двора по одному, иногда по два кизяка. Кто из хозяев не имел у себя кизяка, тот предлагал соли или чесноку, на что ученики охотно соглашались. Полученный кизяк клался в сапетку комнатного цигора, а когда она совсем наполнялась, тогда он отправлялся в мечеть, оставляя там собранное и снова являлся на улице. Так повторялось несколько раз, пока собранный запас не казался цигорам достаточным на целую неделю»².

Кроме добровольных пожертвований жителей («напха»), муталимам отделялась часть от заката, вносимого сельчанами в пользу сельской мечети от своего урожая. Каждый распределял этот закат между нуждающимися в помощи односельчанами. Для одного муталима на месяц положено было отпускать от заката полторы сабы (около 45 фунтов) пшеницы³. Среди учеников были и своекоштные, которым напха не полагалась. Это были местные муталимы (от слова «кЮшт» — «район»), которых содержали сами их родители. Но и таким ученикам полагалась часть от заката.

У Усмана-Хаджи на Тереке стояла водяная мельница. Прибыль от неё шайх отдавал своим муталимам. Эта мельница представляла из себя плот, закреплённый канатом или цепями к берегу реки Терек. На плоту делалась деревянная хижина, в которой стояли жернова, приводимые в действие мельничными колёсами («бера»), вращаемыми рекой. Друг

¹ Омаров А. Указ. соч. // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып I. С. 22, 23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 36.

Усмана-Хаджи — курчалоевец Жапаров Джангира (Джаьнгира — предок Нурадиевых; умер в 1942 году в возрасте 137 лет) попросился мельником. Шайх спросил его, как он собирается брать плату за помол («бол»)? Джангира ответил, что будет взимать как все, взвешивая на весах. В таком случае Усман-Хаджи отказался поставить его мельником на своей мельнице. Джангира спросил шайха, как он должен тогда брать плату за помол? Усман-Хаджи ответил: «Если хозяин по своему желанию даст тебе совок муки — возьмишь, нет — так не бери. Не ты же крутишь эту мельницу, а река!».

Узнав, что на мельнице Усмана-Хаджи можно бесплатно намолоть муку, все потянулись туда. Тогда Джангира задумал взимать плату. Как только шайху стало известно об этом, он снова, в категорической форме запретил ему делать это.

Раньше жители села Нижний-Наур ходили за водой на Терек. Однажды, встретившись на реке с Джангирой, они попросили его: «Большой мастер («Вокха пхар»)!¹ Говорят, что Хизр-Пайхамар — друг Усмана-Хаджи. Уговори шайха, чтобы он показал нам этого пророка». Когда он после этого встретил Усмана-Хаджи, Джангира клятвенно попросил его показать Хизр-Пайхамара. И вот, спустя несколько дней, к людям у Терека подошёл просить милостыню молодой желтолицый человек, с короткой бородой. Джангира и его приятели подняли его на смех и обещали дать ему милостыню, если он станцует для них. После этого случая, когда Усман-Хаджи, прогуливаясь по берегу Терека, подошёл к мельнице, Джангира напомнил ему свою просьбу показать Хизр-Пайхамара. Шайх ответил: «Не знаю, Большой мастер, вы поиздевались над ним, упрасивая станцевать для вас, и он ушёл»².

Кроме Джангиры Жапарова друзьями Усмана-Хаджи были односельчане Мукуев Азим (Азим, 1831 г. р., тайп Иаларой) — предок Азамовых и Тарамовых, а также Эжаев Абдулхаджи (Эжин Абдулхьяьжа, 1853 г. р., тайп Гордалой) — предок Абдулхаджиевых, Мадиевых и Аюбовых.

Абдулхаджи считался одним из самых близких друзей Усмана-Хаджи. Он каждый день бывал у шайха, оказывал ему помощь по хозяйству. Однажды, помогая братьям Упа-муллы ставить забор, Абдулхаджи посоветовал им не ставить трухлявый столб, так как он недолго простоит. Возникли разногласия и Вазархан с иронией обратился к Абдулхаджи: «Если бы ты ушёл, не мешая нам, мы сами справились бы с сооружением ограды для нашего брата». Сын Эжи ответил: «Я пришёл помогать вам не

¹ Так люди из уважения звали Джангиру.

² Записано со слов Мухади Ахметханова.

из-за безделья: мне приходится работать по хозяйству с двумя запряжёнными арбами¹. Просто хотел совершить доброе дело, чтобы оно зачлось мне на том свете». Обиженный Абдулхаджи вернулся домой и несколько дней не появлялся у Усмана-Хаджи. Почуввав неладное, шайх позвал его к себе. Он спросил друга: «Абдулхаджи, почему ты не приходишь ко мне? Кто-то обидел тебя?» Тот рассказал о своём споре с его братьями. Усман-Хаджи сказал тогда: «Абдулхаджи, не обращай внимания на то, что сказано тебе не из моих уст. В будущей вечной жизни одним из самых близких мне людей будешь ты и твоя семья».

Как-то Абдулхаджи Эжаев съездил в Грозный, чтобы привезти Усману-Хаджи бочку нефти, которую тогда использовали для освещения и вместо смазочных материалов. По дороге домой он остановился на привал в урочище Сен-мааш («Сен-маАаш» — «Оленьи рога»), с наступлением сумерек совершил намаз и прилёг отдохнуть. Во сне, из-за происков злых духов у Абдулхаджи случился конфуз, после которого на мусульманине лежит обязанность совершить полное омовение. Но в пути такой возможности не было и сын Эжи тронулся домой. В лежащем на пути Мекен-Юрте у него не было знакомых, где бы он смог искупаться, и Абдулхаджи приехал в Нижний-Наур. Он решил доставить бочку нефти к Усману-Хаджи, тайком сходить домой для омовения и вернуться обратно, чтобы предстать перед шайхом чистым. Как только он завернул к нему и стал отпускать арбу, запрятав руки назад, Усман-Хаджи подошёл к другу. Он спросил его: «Как съездил, Абдулхаджи?». Сын Эжи ответил, что он съездил нормально. Тогда шайх поднял метлу, которую он прятал за спиной, и провёл по Абдулхаджи сверху вниз. Совершив эту процедуру, Усман-Хаджи сказал ему: «Теперь ты очистился. Заходи в дом, покушай. Домой успеешь».

В один из сезонов Абдулхаджи поделился с шайхом, что в этом году он посеял десять десятин урожая на Терском хребте и беспокоиться о хлебе им не придётся. Усман-Хаджи сказал ему: «Ради Бога, Абдулхаджи, зачем ты так утруждаешь себя? Если бы даже ты посеял половину этого, Аллах всё равно бы наделил тебя добром, которое суждено тебе в этом году».

По истечении некоторого времени Усман-Хаджи поинтересовался, в каком состоянии урожай Абдулхаджи. Когда последний сходил на поле, его посев ещё не дал ростков, а на чужих полях урожай раскачивало ветром. Поэтому, когда Усман-Хаджи второй раз спросил его об урожае, разочарованный Абдулхаджи ответил, что не желает напрасно ездить туда. Шайх посоветовал ему сходить к посевам ещё раз. Прислушавшись

¹Одну арбу Абдулхаджи запрягал волами, а другую — лошадьми.

к совету Усмана-Хаджи, Абдулхаджи поехал на поле и был приятно удивлен, когда увидел свой урожай выше, чем у остальных его односельчан.

Как-то Абдулхаджи попросил Усмана-Хаджи предсказать дату своей смерти. Шайх возразил: «Этого нельзя делать. Что за глупые вопросы ты задаешь?». Но сын Эжи не унимался. Тогда Усман-Хаджи предрёк ему, что он доживёт до времени, когда за Тереком проложат железную дорогу. Эта дорога дойдёт до такого-то места, и в это время ты придешь за мной.

Абдулхаджи Эжаев пережил Усмана-Хаджи на 20 лет. Прожил он ровно 63 года и умер в 1916 году. Вырастил трёх сыновей: Абдулхалида (Халад, 1884—1941 гг.), Мади (1887—1947), Аюба (1889—1943) и шесть дочерей: Рахимат, Айшат, Непист, Хадижа, Жанна, Жамбика ¹.

Теперь вернёмся к исламской школе Усмана-Хаджи. Первоначально старшим цухаром среди муталимов был Хаджи-Али из Гехов. Из-за многочисленности учеников, места для ночлега в хюжаре не хватало, поэтому Усман-Хаджи распорядился, чтобы часть их поселилась в опустевшем доме жителей Нижнего-Наура Кахира (КъехИира) и Уци, стоявшем на берегу Терека. В нём поселилось около десяти учеников во главе с Хаджи-Али из Гехи. Среди них был и Ахмад Юсупов из Кень-Юрта.

Была договорённость, что, когда эта группа, проучившись неделю, выедет домой, в указанном доме будут жить муталимы второй смены.

В первый же вечер после переселения они устроили мовлид в честь новоселья. Послушать религиозные гимны-назмаш муталимов пришли старики, женщины и дети из соседних дворов. Мовлид длился допоздна. А когда гости ушли, муталимы решили сделать самокрутки и покурить. Ахмаду Юсупову из Кень-Юрта тоже предложили сделать сигарету. Но тот сказал, что не имеет даже представления, что это такое. Сверстники набили самокрутку махоркой и передали ему, но он не стал курить. Остальные курили, несмотря на то, что Усман-Хаджи строго запрещал табак. Затем они начали танцевать. В пик веселья один из муталимов предложил переплыть Терек и украсть у казаков упитанного годовалого телёнка («шинар»), которого им хватит на неделю.

О грешном поведении муталимов рано утром Усмана-Хаджи известил Тимарсолта из Чанти-Юрта. Шайх отправил его обратно, поручив передать ученикам письмо, в котором писал в адрес провинившихся, чтобы все они, кроме Ахмада из Кень-Юрта, уходили домой со своей постелью и книгами. Раздосадованный таким поведением, Усман-Хаджи, переда-

¹ Записано в марте 2007 г. со слов Косума Аюбова (1922 г. р.), жителя сел. Над-теречное.

вая бумагу, сказал: «Я не затем выпускаю муталимов, чтобы они крали чужих телят».

Ахмада Юсупова шайх велел привести к себе. Он не заключил акт духовного покаяния («тоба») с Усманом-Хаджи, так как был муридом шайха Докки Шаптукаева. Но, несмотря на это, был любимым учеником Хантиева. Только Ахмаду шайх доверял брить свою голову. Впоследствии его сын Дука (Хумайд) Мустапаев был известным муллою и проживал в Подгорном (Конев-хутор, Макан-отар).

Тимарсолта привёл Ахмада к Усману-Хаджи.

— Заходи, Ахмад, присаживайся, — вежливо сказал ему шайх. Затем неожиданно спросил:

— Ты тоже был с ними вчера ночью?

— Да, — ответил Ахмад, уныло повесив голову.

— Сигареты курили?

— Курили.

— Ты тоже?

— Они предлагали мне, но я не стал курить.

— Вы там и танцы устроили?

— Да, танцевали.

— И вы решили украсть годовалого телёнка у затеречных казаков?

— Да, решили.

Тогда Усман-Хаджи с горечью сказал:

— Если бы я мог хоть кого-нибудь из них простить за такой грешный поступок, в первую очередь оставил бы продолжать учёбу сына Докку-Шайха и племянника Элах-муллы.

Но шайх прогнал всех, кроме Ахмада. Отпустив Юсупова, Усман-Хаджи чуть позже решил лично убедиться, ушли муталимы или нет. Когда шайх зашёл в дом, ученики повскакивали от растерянности. Усман-Хаджи, обращаясь к Ахмаду Юсупову, полушутя произнёс:

— Ты смотри, Ахмад! Они думают, что, если я старше возрастом, значит буду иметь слабую сноровку? Пошли, посмотрим, кто из нас сможет достать коленями столб, и кто станет первым в беге на перегонки.

Зная, с каким сарказмом обращается к ним шайх, муталимы собрали свои вещи и ушли домой. С ними были Хаджи-Али, сын Докку-Шайха и племянник Элах-муллы ¹.

После этого старшим цухаром был назначен ингуш Исак Чапанов из Верхних-Ачалуков. Он и другие преуспевающие в знаниях муталимы иногда вели уроки («дарс хьехар») для новичков. Учителем в школе

¹ Записано со слов Абу Дакалова и Жюнида Базакова из сел. Надтеречное.

Усмана-Хаджи был также Байсурка (Бойсаркъа) Эльжуркаев (1844—1917 гг., тайп г'ордалой), который в разные времена был сельским кадием и казначеем («хазанча»). По словам его потомка Магомеда Байсуркаева из сел. Надтеречное, должность казначея Байсурке уступил Усман-Хаджи. В обязанности сельского казначея входила раздача односельчанам земель под посевные поля, сбор подымных общественных сумм для уплаты государственных пошлин, а также на расходы по ремонту сельских мечетей, сельского правления и по другим общественным нуждам.

Курс обучения в медресе Усмана-Хаджи, как и в других горских школах, зависел от желания самого ученика. Сколь долго он учился — столько знаний и получал. К примеру, Эламирза Эльдаров из Урус-Мартана учился там девять лет, с конца месяца Шаабан 1306-го по конец 1315 года (апрель 1889 — начало 1898 г.). Согласно его рукописной книге: он поступил в медресе с 15-летнего возраста. Первые два года Эламирза проживал в доме ученика Усмана-Хаджи в Верхнем-Наура, так как у шайха училось много муталимов и распределить их всех в Нижнем-Наура не было места. Больше года ученики обучали книгу «Къваалидул и'раби» («Грамматические правила») по арабскому правописанию. В это время Эламирзу перевели среди муталимов из должности просителя еды, в должность раздатчика хлеба («бепиг докъту ц'уьх'ар»). Но он очень мечтал переселиться в мечеть Усмана-Хаджи и произнести там «азан» (призыв на молитву). Его мечта осуществилась в начале месяца Шавваль 1308 года (май 1891 г.).

Далее Эламирза в своей рукописи вспоминает, что с месяца Рамадан 1307 года (апрель-май 1890 г.) муталимы Усмана-Хаджи начали изучение Накшбандийского тариката. Шайх по порядку стал им преподавать религиозные уроки по книгам «Изх'ар», «Алкафият», «Шархьи мулла» шайха Джами, «Сарф», «Нахъву», «Фасахъат балаг'ат» и т. д. После изучения этих уроков, Эламирза научился слагать религиозные стихи («назамаш») и писать арабский текст рифмованной прозой. В 1309 году (1891/92) Эльдаров уже сам стал преподавать начинающим муталимам. К примеру, он обучал толкованиям Корана по «Тафсирул Джалалайни» брата известного Идриса-Хаджи Дазарова из Мескер-Эвла — Исхака. В этом году по Чечне распространилась эпидемия, унёсшая много жизней.

В 1311 году (1893/94) муталимы Усмана-Хаджи перешли на обучение книг «Минх'адж» из серии «Маъхъали». В 1312 году (1894), когда шайх из Нижнего-Наура обучал муталимов исламскому законоведению («фикху»), умер от болезни один из самых способных его муталимов,

16-летний Султан-Мирза ¹, достигший чтения «Шархуль-Кафият». В этом же году скончался также известный алим Абдул-Муталип (Апти), сын шайха Башира из Аксяя. Спустя примерно месяц после смерти шайха Апти Баширова, Эламирза тоже сильно заболел и был близок к смерти. Но молодой и крепкий организм муталима победил недуг и вскоре он поднялся на ноги.

В 1314 году, когда Эламирза обучал урок «Фараиз-Баб» из книги «Минхадж», шайх Усман-Хаджи скончался. После смерти учителя, многие ученики разъехались из его школы. Только десятая часть муталимов осталась. Эламирза уехал домой в конце 1315 года (начало 1898 г.). Ранней весной 1316 года Эльдаров продолжил учёбу в медресе Сугаипа-муллы из Шали, где обучал религиозные книги «Бабуль-Фараизи», «Байтама» и «Къасидат» имама Бувайсара.

Осенью 1316 года Хиджры (1898) Эламирза вернулся домой и женился на Кебират, дочери Оздемира из Урус-Мартана. У них родилась дочь Аминат. Вместе со своей семьёй, Эльдаров переселился в Кулары (Гуларе). В начале 1319 года Хиджры (середина 1901 г.) Эламирза развёлся с первой женой. В 1321 году Хиджры (1903) его назначили на должность кадия села Кулары. В том же году Эламирза женился на Небист, дочь Алата из Кулары. В 1323 году (1905) с ней тоже развёлся и взял третью супругу Хазимат, дочь Кагира из Гойты. 12 Раджаба 1327 года (18 (30).07. 1909) у Эламирзы родился сын Магомед-Салих. Эльдаровы проживали в Кулары общей сложностью около 20 лет.

После возвращения в родное село, Эламирза Эльдаров женился на Битате, дочери Хозы (Хъоза, Ховза) из Урус-Мартана. Примерно в 1356 году Хиджры (1937) он женился в пятый раз на Рихант (Рихант), дочь Алсабека из Валерика, с которой развёлся через год. В 1358 году Хиджры (1939) Эльдаров взял в жёны Басийхан, дочь Бакани из Гехи ².

С установлением советской власти он подвергался гонениям и был вынужден скрываться. Согласно рукописям Якуба Денисултановича Астемирова из Урус-Мартана, Эламирза Эльдаров скончался в 10 часов 30 минут 4 мая 1942 года и похоронен в Урус-Мартане.

Тата-мулла (Татарбек) Арсебиев прошёл полный курс обучения в школе Усмана-Хаджи на протяжении восемнадцати лет. Во время учёбы

¹ Эламирза называет его братом. Возможно Султан-Мирза (Солтамирза) был родным братом Эламирзы, судя по созвучию имён. Но может быть так же, что братом он назвал его образно, подразумевая товарища по религиозному поиску.

² Рукописный трактат Эламирзы Эльдарова из Урус-Мартана. 1357 г. х. (1938). С. 244–253, 262. Копии с рукописей и их переводы предоставил Юсуп Бимурзаев, житель сел. Урус-Мартан.

ему понравилась невеста Дады, сына Косы (Къоса) Ильясова из Нижнего-Наура, и он решил на ней жениться. Это была дочь курчалойца Эзархи Солтаханова, сестра Исмаила из Нижнего-Наура. Родственники девушки отказались выдать её за Тату. Тогда последний погорячился и из чувства мести, одолевшей его по молодости лет, угнал у Дады Косуева лошадь и спрятал её в лесу. Узнав об этом, Усман-Хаджи позвал Тату к себе и выругал его: «Ты угнал лошадь моего родственника. Немедленно верни ему коня». Осознавший, что поступил некрасиво, Тата повиновался требованию своего учителя. Позже он женился на племяннице самого Усмана-Хаджи, дочери его брата Вазархана — Секент (Санет).

В Посемейном списке селения Нижний-Наура от 1886 года приводятся семьи родственников Тата-муллы. Под порядковым номером 181 записан его дядя Мукушев Арсемек — 47 лет, со своим сыном Хасемиком — 21 год (родоначальник фамилии Хасемиковых, тайп Иаларой). Под номером 197 писалась семья Мукушева Арсебия, 42 года, с сыновьями Татарбеком — 15 лет и Заурбеком — 12 лет. За номером 198 по списку шла семья другого дяди Таты: Мукушева Гирея — 34 года, с сыном Гереханом — 2 года¹. Это предки сегодняшней фамилии Гириевых из сел. Надтеречное.

После ссылки в Казахстан, в 1944 году Секент скончалась и похоронена в колхозе «Молотов». С 6 марта 1944 года Тата Арсебиев проживал в посёлке Ново-Московка Осокарковского района Карагандинской области. В конце 40-х годов XX века женился на Совдат из Нижнего-Наура (1885 г. р.). Тата скончался и похоронен в 1959 году на станции Шокай. На кладбище в селе Надтеречном ему и Секент Вазархановой поставили памятный надгробный камень.

Коса (Къоса) — отец Дады (Дадахад) и Юсупа (эпонимов фамилий Дадаевых и Юсуповых, тайп Иаларой), был сыном Ильяса Акмурзаева (Акхболатан Акхмарзин Ильяс), который по преданиям был сторонником Шамиля и в 1859 году вместе с Талхигом Курчалоевским, Ханак Мамакаевым, Чалой Висинчиевым и другими соратниками перешёл на сторону русских. Царизм присвоил ему за это чин прапорщика, подарил 40 десятин земли в Сунженском отделе Терской области и назначил пожизненную пенсию². Отец Ильяса — Акмурза был братом деда Усмана-Хаджи — Ахметхана. У Ильяса было ещё два сына кроме Косы — Эльдар и Тихир (Тихир). Дети Эльдара — Цада (Цюда, эпоним фа-

¹ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 19, п. н. 181, 197, 198.

²АУП ЧР, ф. 236, оп. 2, д. 230, л. 42; См. также: ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 2, д. 1086, л. 123 об. — 124; РГАДА, ф. 1354, оп. 508, д. А-7, л. 1. Акмурзаева Ильяса. Дача 40 десятин.

милии Цадаевых) и Джамалдин. Потомки Тихира пошли от пятерых его сыновей: Дуды (эпоним фамилии Дудаевых), Саи (Сабиа), Алсолты (Алсолта — предок фамилии Алсултановых), Саадуллы (Садулла — основатель фамилии Сайдулаевых) и Мимага. У Ильяса был ещё брат Хизар, который имел одного сына Магомеда. У Магомеда выросли три сына: Хама (Хьама, погиб на газавате за Девкар-Эвл в 1918 году), Аюб (эпоним фамилии Аюбовых) и Ахмад (предок Ахмадовых).

Когда Усман-Хаджи однажды зашёл в мечеть, он увидел своих учеников, копавшихся в многочисленных богословских книгах, рассыпанных по всему помещению. Шайх, обращаясь к ним, спросил: «Что мы делаем? Как много книг мы разложили!». Муталимы ответили, что они ищут по ним лучшую мольбу — дуа (чеч. «доIа»). Усман-Хаджи спросил: «И какую вы нашли лучшей?». Каждый ученик старался доказать, что найденная им мольба лучше других. Тогда Усман-Хаджи сказал им: «Ради Бога, не утруждайте себя! Я знаю одну короткую мольбу, на чеченском языке, которую легче читать и которая лучше». Муталимы спросили: «Хаджи, а нельзя и нам её выучить?». Шайх ответил, что они могут её легко запомнить, и прочитал эту мольбу: «Всевышний Аллах, не увлекай нас за пропитанием («ризкъа»), которое нам не суждено. Если наше пропитание далеко — приблизь его, если в земле — взрасти, если его трудно достать — облегчи нам, если оно грешно («хьарам») — сделай безгрешным («хьанал»)! О, Всевышний, исправь нашу веру так, чтобы на наших устах последним словом в земной жизни и первым — в вечности («эхартахъ») было «Ла-илаха иллаллах»!»

Усман-Хаджи сказал своим ученикам, что это самая благословенная мольба.

Хотя суфизм создаёт культ учителей-устазов, Усман-Хаджи противился тому, чтобы его возвеличивали последователи. Однажды, когда шайху вырвали больной зуб, один из муталимов быстро поднял его и спрятал в карман. Усман-Хаджи отобрал свой зуб, плюнул на него и выбросил через крышу дома.

Выпуская муталимов из школы после завершения учёбы, Усман-Хаджи посмотрел им вслед и сказал: «Хусейн уходит, наполнив свой изношенный тулуп («кетар») знаниями». Это он сказал про Хуси-муллу Успахаджиева из Нижнего-Наура. Глубокие знания также имел Джанкин Ахмад, сын Базака, но он не отличался разговорчивостью. В адрес Тюшин Ахмы из Гехи Усман-Хаджи сказал: «Идёт будущий друг неверных («керста»), хорошо владеющий арабским языком и письменностью». После наступления советской власти, Ахма вступил в партию и стал активным

сторонником большевиков. Но позже, обвинив в знании арабского языка, его репрессировали ¹.

Тюшин Ахма действительно был сильным учёным. Он тягался в знаниях аж с Сугаипом-муллой Гайсумовым, которого в своё время считали в Чечне самым непревзойдённым алимом. Однажды Сугаип-мулла гостил у приятелей в Гехи и, собрав в одной комнате людей, делал им наставления, ссылаясь на религиозные книги — «жайнеш». Гайсумова как гостя посадили на самое почётное место, а Тюшин Ахма стоял в дверях. Когда Сугаип начал цитировать что-то по памяти, Ахма сказал, что это неверно. Удивлённый Гайсумов попросил принести ему книгу, с которой он приводил цитату. Кто-то из молодых выбежал из комнаты и принёс запрошенный Сугаипом трактат. Стоявший у двери Тюшин Ахма взял эту книгу, открыл нужную страницу и передал её Сугаипу-мулле, с просьбой прочесть указанную им строчку. Гайсумов, с ещё большим удивлением прочитал это место в книге и, посмотрев на сына Тюши, пошутил: «Ахма, если бы этот жайн до меня не попал в твои руки, указанной тобой строчки в нём не было бы» ².

После окончания учёбы, Говза из Нижнего-Наура попросил Усмана-Хаджи, чтобы он женил его на дочери Базакова Керзу (Къьорзы) — брата Джанкин Ахмада. Этот брак был заключён. У Говзы родился сын Дауд. После его рождения Говза скончался. Говзин Дауд стал одним из уважаемых людей среди односельчан.

Когда Усмана-Хаджи спросили, кто из его муталимов учится хорошо, он ответил: «Учёбу хорошо осваивает Осма, но он не закончит курс обучения». Осма Лосаев был братом Сайдуллы (1868 г. р.), Духи (ДухIа, 1873 г. р.) и Сулбы (1875 г. р.) — эпонимов фамилий Сайдулаевых, Духаевых и Сульбаевых из сел. Надтеречное, относящихся к тайпу Гордалой. Их отец Эжиев (Ежиев) Лоса (1833 г. р.), согласно посемейным спискам селения Нижний-Наур 1886 года, был рыболовом. В то время в селе Нижний-Наур этим промыслом занималось всего пять человек, арендовавших у сельского общества берег Терека для ловли рыбы. Это Картаев Темирбий (1816 г. р.), Бийбулатов Акбулат (1816 г. р.), Сулейманов Арчи (1828 г. р.), Сулейманов Наубий (1831 г. р.) и Ежиев Лоса. Указанные рыболовы заказывали бочки у своего односельчанина ремесленника-бондаря Сайта Умхаева (1833 г. р., тайп гендаргеней, эпоним фамилии Саидовых). В них они солили рыбу и отправляли на продажу. Сайт был единственным мастером по изготовлению бочек в

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

² Записано со слов Тахира Ахматханова.

Нижнем-Науре. Согласно указанным посемейным спискам, у него было четыре сына: Сугаип (1865 г. р., предок Сагаиповых), Шита (1870 г. р., родоначальник фамилии Шитаевых), Нада (1873 г. р., эпоним фамилии Надиевых) и Таумурза (1875 г. р.). Представительниц женского пола в семье было две. Несмотря на своё редкое и доходное по тем временам ремесло, Саит Умхаев особо не превосходил своих односельчан богатством: он имел 1 дом, 2 быков, 3 коров, 2 телят и 1 буйвола¹. Умхаевы были родственниками Эламирзы Эльдарова из Урус-Мартана, чьи рукописи мы используем в данном исследовании. Во время своей учёбы в школе Усмана-Хаджи, Эламирза порой жил у них.

Осман Лосаев действительно бросил учёбу и начал заниматься торговлей. Имел солидный по тем временам магазин в родном селе, а также торговую лавку в станице Наурской. 20 августа 1903 года Осман Лосаев был обвинён «в тайном водворении в пределы Кавказского края оружия, патронов и т. п.». В переписке по этому вопросу пишется, что Лосаев родился в 1865 году (в другом месте — 1867 г.)² в селе Нижний-Наур, Надтеречного участка Грозненского округа Терской области. Место постоянного жительства — станица Наурская, занятие — торговля в станице Наурской. Семейное положение — «жена Догу, сын — Юсуп, дочери — Пата и Лимат, проживают в станице Наурской, занимаются хозяйством». Родственные связи — «отец умер, мать — Ситони, братья — Сайдулла и Сулба³, проживают в сел. Нижний-Наур, занимаются хлебопашеством». Основания привлечения к настоящему дознанию — «найденные по обыску у Лосаева 21 мая 1 револьвер и 1 фунт пороху и собственное сознание Лосаева в том, что он в Москве в 1902 г. купил 4 охотничьих ружья»⁴.

26 июня 1911 года временно исполняющий должность начальника Штаба Кавказского военного округа генерал-майор Юденич писал в Департамент полиции МВД, что необходимо «выслать из пределов Кавказа, в порядке ст. 26, т. 11 Учр. Упр. Кав. края, по продолжению 1906 года, жителя сел. Нижний-Наур, Грозненского округа Терской области, Османа Лосаева, сроком на пять лет, как лицо, вредное для общественного порядка и безопасности, назначив местом жительства для названного туземца Курскую губернию»⁵.

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 9.

² Согласно посемейным спискам сел. Нижне-Наурского, на 1 января 1886 года Осману Лосаеву было 14 лет. Если верить этому источнику — он родился в 1871/1872 году.

³ К этому времени брата Осмы — Духа, не было в живых. Он скоропостижно скончался в 1902 году.

⁴ ГАРФ, ф. 102, Д-7, оп. 200, 1903 г., д. 1979, л. 13—15 с об.

⁵ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 147, 1911 г., д. 13, ч. 22, л. 5.

По запросу Архивного управления Правительства ЧР № 179 от 05.07. 2012 г. Государственный архив Курской области 10.08. 2012 г. прислал ответ за исходящим № 05/8-948, в котором директор ГАКО Н. А. Елагина пишет: «По Вашему запросу о ЛОСАЕВЕ Османе, сосланном в 1911 году в Курскую губернию, были просмотрены документы архивного фонда «Курское губернское жандармское управление» за 1911–1916 годы. В просмотренных делах о высылке под надзор полиции, а также в списках лиц, содержащихся в тюрьмах Курской губернии, сведения о ЛОСАЕВЕ Османе отсутствуют. Основание: ф. 1642, оп. 1, дд. 572, 582, 597, 598, 628, 654, 664, 671, 672, 702, 765».

Во время поездок за товаром в Россию, Осма Лосаев женился на русской женщине и остался жить с ней. Родственники Аюб Абдулжаджиев и Доша Мудаев поехали за ним, с трудом уговорили и привели его домой. Вкусивший прелестей городской жизни, Осма постоянно подтрунивал над односельчанами: «Как вы можете проживать в такой пыльной и неудобной местности?» У него по вечерам собирались соседи и слушали интересные рассказы о быте жителей российской глубинки. Однажды Осма рассказал им о железной машине, которая сама пашет и сеет, хотя и не запряжена волами или лошадьми. Он имел ввиду трактор, о существовании которого в Чечне ещё не знали. Внимательно выслушав рассказы Осмы, по пути домой люди называли его фантазёром. «Неужели рассказывая эти небылицы, он думал, что мы ему верим?», — спрашивали они друг друга.

Шайх Кана Хантиев, испытывая Осму, заговорил с ним на арабском языке и убедился, что, несмотря на жизнь среди русских, ученик его старшего брата не забыл ни одного арабского слова. Несмотря на все старания родственников удержать Осму дома, он вновь уехал. По одной версии Лосаев жил в Ростове-на-Дону, а по другой — на Украине. Дома у него остались сын Юсуп и две дочери — Марха (Пата) и Хулима (Хьюльимат). Юсуп скончался, работая на стройках в России и не оставил потомков. Марха была замужем за Хасаном Дакаловым из Ломаз-Юрта, а Хулима — за Матой Газалиевым из Лаха-Невре. При советской власти в «национализированном» доме О. Лосаева размещалась тюрьма. В настоящее время этот двор принадлежит Якубовым из тайпа памяти (пхьамгой, тукхум шотой).

Усман-Хаджи хотел, чтобы муталимы произносили Азан («молла кхайкхар») подобно Умар-Хаджи из Элин-Юрта и Хамби Дакаеву из Нижнего-Наура¹. У этих людей был настоящий исполнительский талант.

¹ Записано со слов Абу Дакалова и Косума Аюбова.

Считается, что Усман-Хаджи передал преемственность суфийского учения пятерым шайхам. По одной версии это Ибрагим-Хаджи Мустапаев из Гойты, Исак-мулла Чапанов из Верхних-Ачалуков, Хаки-мулла Джанхоев из Урус-Мартана, Эламирза Эльдаров из Урус-Мартана и Хамзат (Хьамст-молла) Маматов из Цацан-Юрта. Мухади Ахметханов ещё называл преемником Усмана-Хаджи его младшего брата Кану Хантиева. Из бывших учеников Усмана-Хаджи шайхами стали также Элбуздук-мулла Темуркаев из Ломаз-Юрта, Хабир-мулла Юсупов из Мундар-Юрта и Абдулвахаб-Хаджи Куркаев из Шиды-Юрта (Чаьнти-Юрт, Терское).

Хамзат Маматов происходил из села Шали и приходился племянником шайха Авта-Хаджи Магомадова. Брат Авта-Хаджи — Момта-мулла, был приглашён жителями Цацан-Юрта в качестве кадия своего села и переселился туда из Шали на постоянное жительство. Начальную подготовку своему сыну Момта-мулла дал сам. Для углубления знаний, он направил его в школу Усмана-Хаджи в Нижний-Наур. Провожая Хамзата после учёбы домой, Усман-Хаджи сказал: «Сын Момта-муллы приобрёл у меня религиозные знания («Илма»), а также способность видеть сокровенное («кошфалла»)». Хамзат-мулла по приглашению ингушей около 30 лет выполнял обязанности кадия в селе Насыр-Корт и возлагал вирд на своих учеников. Перед самой смертью вернулся из Ингушетии домой в Цацан-Юрт и в 1929 году похоронен там.

Абдулвахаб-Хаджи Куркаев из Шиды-Юрта (тайп зандакьой) после учёбы у Усмана-Хаджи стал муридом шайха Умалата-Хаджи (Мата) из Аллероя, ученика шайха Гази-Хаджи Ирзаева из Симсира. От Маты получил иджазу шайха. В посемейных списках селения Шиды-Юртовского под порядковым номером 83 находим сведения о нём: «Куркаев Абдул-Вагап — 28 лет, народность — чечен[ец], вероисповедание — сунн[ит], язык домашний — чеченск[ий], сословие — не привилегированное, по имущественному владению — общинник, имеет: дом — 1, быков — 2, коров — 2. Братья: Абдул-Шеих — 25 лет, Агмат — 14 лет, Хамид — 9 лет. Женщин две». По посемейному списку 1883 года Куркаевы не числились в Шиды-Юрте¹. Из этого видно, что они переселились туда недавно, в 1884-м или 1885 году. В 80-е годы XIX века Абдул-Вахаб совершил Хадж в Мекку. После возвращения из паломничества, Умалат-Хаджи признал его шайхом и дал право возлагать вирд на последователей. Абдул-Вахаба-Хаджи с тех пор стали почтительно звать Апи (Апи).

Шайх Апи был женат на Хадишат из Кень-Юрта. У них родились:

¹ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 2222, л. 19 об. — 20.

сын Магомед, а также дочери: Хулилат и Зезерт. Последняя была замужем за муридом Докку-Шайха — известным алимом Олум-муллой Хамзатовым из Кень-Юрта (тайп нашхой), который одно время был председателем горского суда в Грозненском округе. Магомед Абдулвагапов умер раньше отца. Сам шайх Абдул-Вахаб-Хаджи Куркаев скончался в 1321 году Хиджры (1903/1904) ¹.

Когда муталим заканчивал учёбу, за ним на повозке приезжали родственники. Усман-Хаджи не провожал ни одного из своих учеников, кроме Хаки Джанхоева из Урус-Мартана. Его он проводил аж до Терского хребта. Когда люди спросили Усмана-Хаджи, зачем он оказал такой знак внимания одному из учеников, он ответил: «Хаки унёс знания, способные наполнить пространство между Сунженским и Терским хребтами («шина регIа юкъ»). Мне приятно было, когда Хаки уходил, а затем вернулся назад, обнял меня, стоявшего на хребте, и только потом тронулся в путь» ².

В начале XX века по инициативе шайха Хаки-муллы Джанхоева в Урус-Мартане была построена участковая мечеть («джамаIат маъждиг»), которая называлась его именем «Хъьакин маъждиг» («Мечеть Хаки»). Там же он расположил свою арабскую школу («хъуьжар»), где дал образование многим муталимам, ставшим впоследствии известными муллами.

У Хаки Джанхоева была большая семья. Первая жена Хава родила ему сына Магомеда и дочь Зайнап. Вторая — Дарга, стала матерью сына Ахмада и дочери Зайбуллы. Третью жену Ракаат из Старого-Юрта (1880 г. р.) ему порекомендовал сам Докку-Шайх. Она родила Джанхоеву сыновей: Ибрагима (1922 г. р.), Исмаила (1926 г. р.), Сайпудди, а также дочерей: Зиядат (1912 г. р.) и Хедият (1920 г. р.) ³.

Хаки Джанхоев был арестован 3 августа 1940 года по обвинению в том, что «в прошлом являлся известным в Чечено-Ингушетии общественным муллой, организатором Гойтинского контрреволюционного вооружённого восстания в 1929 году». Согласно следствию — «среди контрреволюционно настроенной и религиозной части населения пользовался исключительным авторитетом». Материалы его уголовного дела свидетельствуют, что Хаки Джанхоев в 1937 году был задержан за «контрреволюционную деятельность», но сбежал и с этого времени скрывался от органов власти до своего ареста в 1940 году. 24 июля 1941 года,

¹ Духаев А. И. Плеяда шейхов из Надтеречья. Лаха-Невре, 1997. С. 44.

² Записано со слов Мухади Ахметханова.

³ Сведения получены из рукописей краеведа Юсупа Бимурзаева из гор. Урус-Мартан.

находясь в местах лишения свободы, Хаки Джанхоев умер¹. Тело шайха родственниками в глубокой тайне было перезахоронено в Урус-Мартане.

В посемейном списке селения Мескер-Юрт 6-го участка Грозненского округа Терской области, составленном 7 августа 1886 года, находим сведения о сыновьях покойного муллы Дазара-Хаджи, выходца из селения Герменчук. Под номером 206 значится: Дазаров Ибрагим — 34 года, сын Абдул-Халим — 6 лет. Под номером 208: Дазаров Исмаил — 35 лет, сын Магомад — 3 года. Под 209 номером находим: Дазаров Идрис-Хаджи — 40 лет, знает арабский язык, мулла, общинник, имеет: саклю — 1, буйволиц — 2, лошадь — 1, мельницу — 1. Сыновья: Абдул-Азис — 14 лет, Абдусалам — 10 лет, Абаз — 6 лет, Бахаа — родился в июне 1886 года. Брат Идриса — Исхак, 20 лет, знает арабский язык. Женщин четыре².

Из этого документа мы выявляем, что Идрис-Хаджи Дазаров, друг Усмана-Хаджи и мурид Элах-муллы, родился в 1846 году и в 1886 году был муллой села Мескер-Юрт³. Его брат Исхак Дазаров, родившийся в 1866 году, был учеником Усмана-Хаджи и в течение 12 лет учился в медресе Нижнего-Наура. Он скончался в расцвете сил, на 32-м году жизни⁴.

Хуси-мулла (Хусайн Успахаджиев) из Нижнего-Наура придерживался строгой чистоты. Когда с кем-то здоровался за руку, он левой рукой оттягивал рукав рубашки, а придя домой, тщательно мыл руки. У него было три брата: Ибрагим (1861 г. р.), Исраил (1865 г. р.) и Идрис (1868 г. р.). Ибрагим был царским офицером, воевал в Русско-Японскую войну. Был богатым человеком и увлекался спиртным. Однажды, когда Ибрагим лежал в постели и отходил от опьянения, Хуси-мулла подошёл к нему, ткнул посохом и выругал: «Умираешь, пёс поганый? Когда ты сдохнешь, на твои похороны никто не придёт. Брось это проклятое питьё («малар»)». Находчивый Ибрагим ответил брату: «Когда я умру, на моих похоронах будет много людей, пришедших выразить своё соболезнование из-за уважения к тебе. А вот когда умрёшь ты, будет мало людей, желающих сочувствовать мне по поводу траура». Хуси-мулла плюнул в сторону брата и ушёл сильно расстроенным.

¹ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ РФ), ф. АУД, д. П-2641, л. 138, 162. Копии уголовного дела предоставил внук Хаки-муллы — Муса Жанхоев, житель гор. Грозный.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 22, л. 44; ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 52, д. 300, л. 44 об. — 45; Посемейные списки жителей Грозненского округа (составленные в 1886 году). Нальчик, 2012. С. 415, 416.

³ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 22, л. 66.

⁴ Сведения предоставил 22.02. 2016 г. Шоип Межидов из Мескер-Юрта, 1961 г. р.

Несмотря на свою праздную жизнь, Ибрагим часто выставлял угощение сельским беднякам. Не жалел своего богатства, как для раздачи милостыни, так и в азартных играх. Как-то раз он поспорил с богачом из станицы Наурской, кто первым вскипятит самовар, используя вместо дров бумажные деньги. Ибрагим вышел победителем. Сегодня в сел. Надтеречном проживают потомки Хуси-муллы и Ибрагима — Хусиевы и Ибрагимовы¹.

Жену Хуси-муллы звали Сайха. Он велел ей готовить еду только после предмолитвенного омовения. Так он поступал по примеру Усмана-Хаджи. Сайха с тех пор исправно исполняла волю мужа. В то время к Хуси-мулле и к сыну Хасанова Гойтулы — Яхъе (1858 г. р., предок Яхъяевых, тайп Галарой) в гости приезжал шайх Кричащий Ибрагим («Мохь бетта ИбрехIам»).

Однажды, когда Ибрагим гостил у Хуси-муллы, Сайха сделала галушки с мясом («жигиг-галнаш») и накрыла стол. Но Ибрагим стал отделять галушки, сделанные без омовения. Тогда Хуси вызвал Сайху и упрекнул её в том, что она ослушалась его. Верная жена ответила, что она готовила к столу, совершив предмолитвенное омовение, но к ним заглянула соседка и вызвалась помочь, пока не наступит время возвращения домой сельского стада. Видно те 12—13 галушек, отделённые гостем, сделала она².

По преданиям, Кричащий Ибрагим ходил с шестом между ног, выдавая его за лошадь. Носил палку, чтобы подгонять своего «коня». На шее у него висела рогатка и коровьи копыта, на плечах сумка, сплетённая из ковыли. Рогаткой Ибрагим бил женщин и мужчин по голым местам. Призывал закрывать одеждой свои срамные части тела («Iоврат»)³.

В своё время одним из способных учеников арабской школы был Магомед Гелаев из Зебир-Юрта (тайп ширдий, эпоним фамилии Магомедовых). Сын Гелы Тукаева — бывшего наиба Шамиля, Магомед начал учёбу в 1900 году в школе Джанарали Музаева из Мекен-Юрта. Спустя год, по просьбе своего родственника по материнской линии из Верхнего-Наура, Магомед перешёл в школу Хуси-муллы из Нижнего-Наура, в которой учился и его родственник. Кроме того, у Хуси-муллы начальную подготовку получил всемирно известный политолог Абдурахман Гензевич Авторханов (1908—1997), а также известный алим Када-мулла (Къада-молла) Индербиев из Мундар-Юрта. Здесь, оценив способности зебирюртовца, учитель читал уроки Магомеду, а последний — остальным

¹ Записано в 1994 г. со слов Сайд-Али Ибрагимова (1918—1997) из сел. Надтеречное.

² Записано со слов Мухади Ахметханова.

³ Записано со слов Абу Дакалова.

Шайхи Упа-Хаджи Хантиев и Дени Арсанов
(Старинная копия. Музей им. А. Ш. Мамакаева, сел. Надтеречное)

Шайх Кана Хантиев

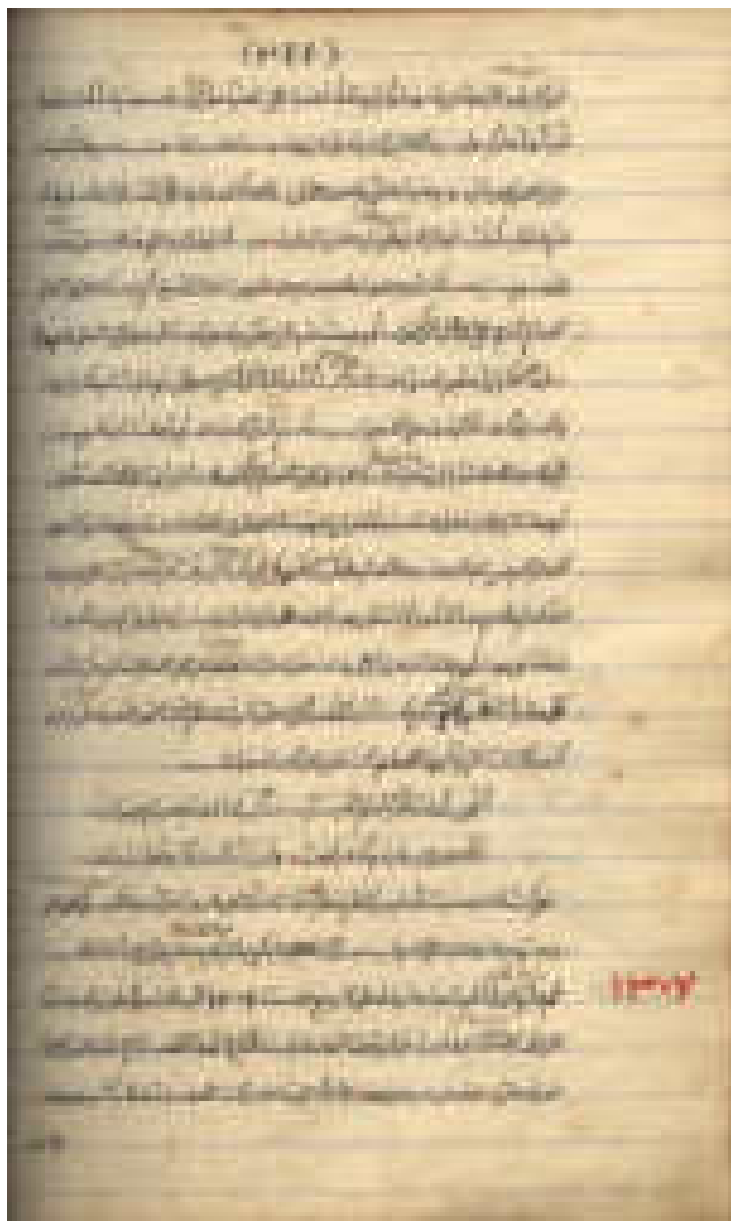

Шайх Абдул-Азиз (Докка) Шаптукаев

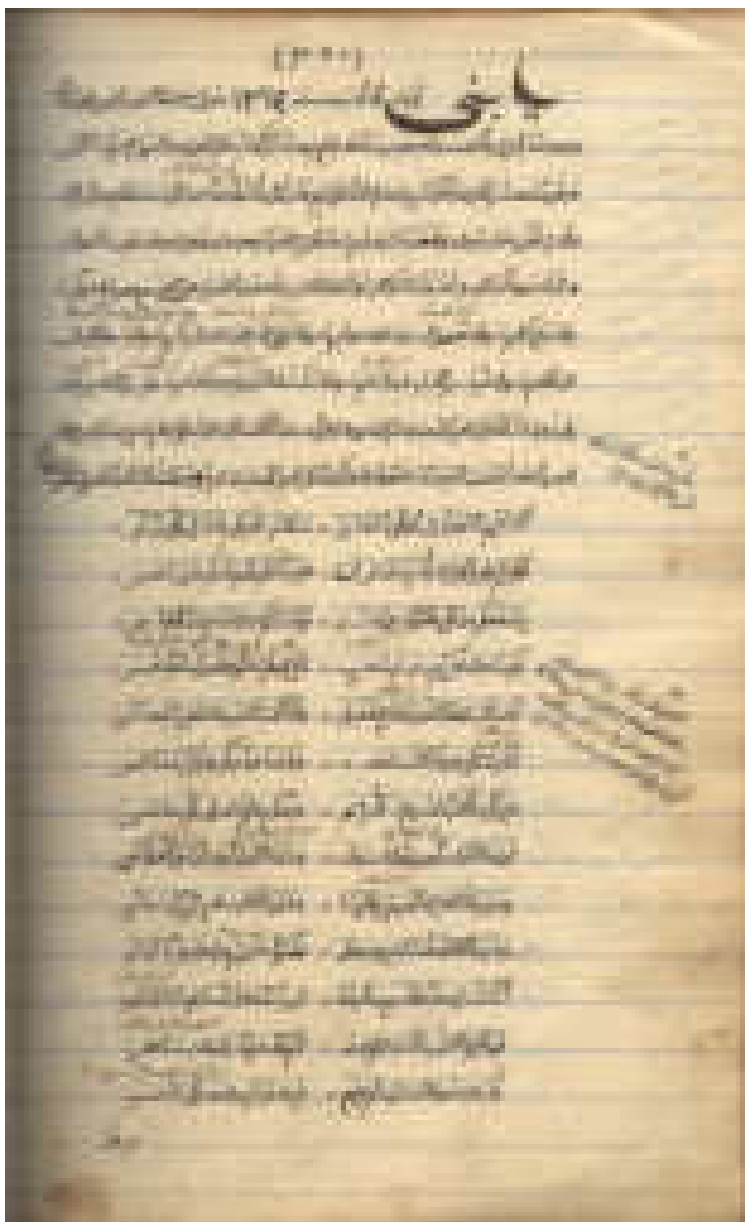

Ответы Усмана-Хаджи на вопросы по фикху

Эламирза Эльдаров из Урус-Мартана об Усмани-Хаджи

Сообщение о смерти шайха Усмана-Хаджи в рукописной книге Эламйрзы Эльдарова

**Мулла Шаптука Гайтаев
из Старого-Юрта — отец шайха
Абдул-Азиза Шаптукаева**

**С лева направо:
шайх Дени Арсанов и Астемир Багашев
из Гехи (1912)**

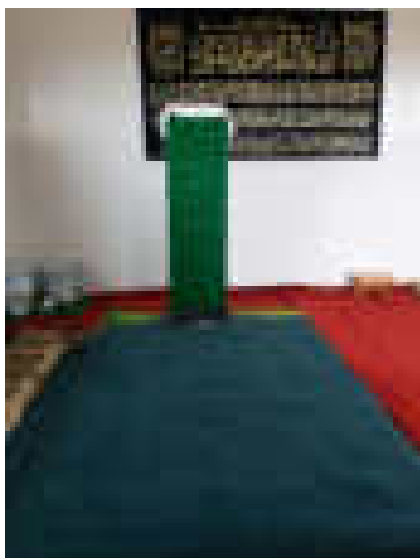
Шайх Ахматуко-Хаджи Батукаев

**Шайх Билу-Хаджи Гайтаев
(РГАСПИ, фото 1923 г.)**

Зиярат шайха Ибрагима-Хаджи Мустапаева из Гойты

Могила шайха Ибрагима-Хаджи
из Гойты

Шайх Суганп-мулла (Хайба) Гайсумов

**Шайхи Солса-Хаджи и Абдул-Хамид
Яндаровы**

Мулла Бисултан Тагиров из Алды

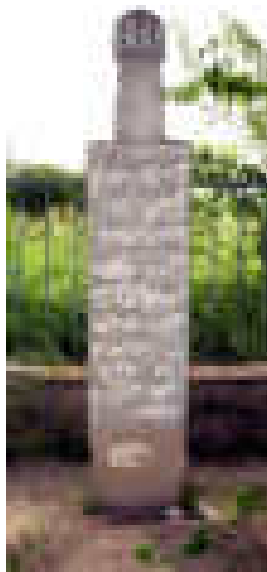
**Шайх Сулим-Хаджи Ибрагимов
из Апти**

**Шайх Абдул-Вахаб-Хаджи Дыдымов
из Аксая**

**Зиярат шайха Абдул-Вахаба-Хаджи
Куркаева (сел. Терское)**

**Могила шайха Абдул-Вахаба-Хаджи
Куркаева**

Зиярат шайха Хасемика-муллы Хабаева (сел. Знаменское)

**Могила шайха Хасемика-муллы Хабаева
(сел. Знаменское)**

**Могила шайха Мухаммада Бейбулатова
(сел. Знаменское)**

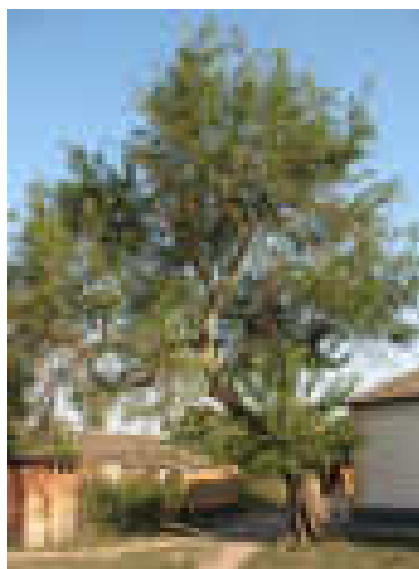
Зиярат шайха Магомеда (Мюма) Бейбулатова (сел. Знаменское)

Зиярат шайха Эльбуздука-муллы Темуркаева

Могилы шайха Эльбуздука-муллы и его жены Узы (Уьзы) Мициевой, а также памятные чурты их детям Абдулмуслиму и Асме Эльбуздукаевым

Тутовник, посаженный муталимами перед школой Усмана-Хаджи

С лева направо: шайх Исак Чапанов и Товси Шадиев

**С лева направо:
сидят – Товси Шадиев, Исак Чапанов, Айдамир Далаков,
стоят – Казбек Дарсигов и Сатби Чергизов**

Колодец, вырытый муталимами перед арабской школой Усмана-Хаджи

**Могила шайха Эламирзы Эльдарова
(Урус-Мартан).
Фото предоставил Юсуп Бимурзаев**

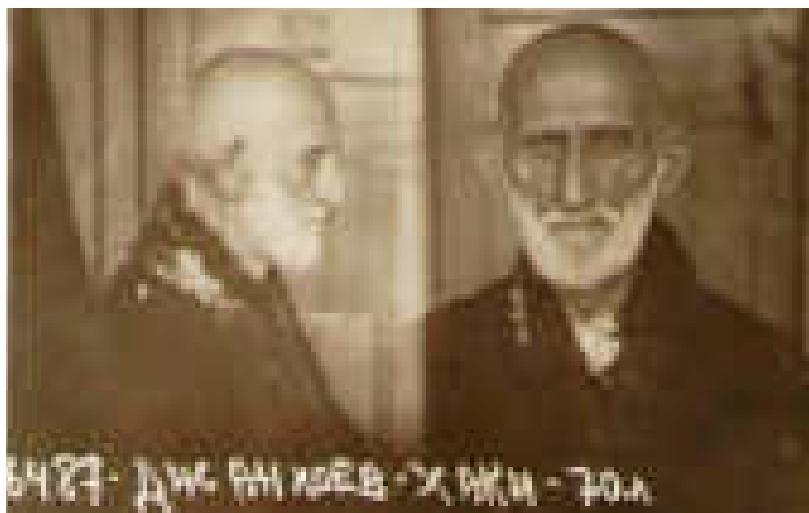
**Могила Долга-Хаджи Назирова
(Урус-Мартан).
Фото предоставил Юсуп Бимурзаев**

С лева направо: кадий Ингушети
Абдурахман-Хаджи, Илез-мулла
и Исмаил Озиевы

Шайх Абдул-Хаким (Хаки) Джанхоев.
Эту фотографию ошибочно приписывают
шайху Элах-мулле

Шайх Хаки-мулла Джанхоев во время ареста (1940).
(ЦА ФСБ РФ, ф. АУД, л. 2641)

Алаудин Денисултанович Астемиров
с супругой Маржан из Атагов (1935).
Фото предоставил Юсуп Бимурзаев

С лева направо:
муриды Докку-Шайха Олум-мулла
Хамзатов из Кень-Юрта, Усамат-
мулла Баширов из Кень-Юрта и шайх
Сангари-мулла Хутаев из Бено-Юрта

С лева направо: Хамид Магомадов, шайх Магомед Шамаев из Бено-Юрта
и Тахир Магомадов

Могила Тимарсолты, приёмного сына Усмана-Хаджи (сел. Надтеречное)

Могила Ахмад-муллы Базакова (сел. Надтеречное)

Могила Джанарали Музаева
(Мекен-Юрт)

Могила Арби Саралиева
и Гахи Альтемировой

Могила Хуси-муллы Успахаджиева
(сел. Надгеречное)

Могила Сайхи, жены Хуси-муллы
(сел. Надгеречное)

Шайх Баудин Арсанов
(АУП ЧР, фото 1949 г.)

Кази-мулла Гантемиров

Хамби-мулла Дакаев

Магомед Хусиев (сын Хуси-муллы)
из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)

Моида Хамби-муллы Дакаева
(сел. Надтеречное)

Памятные чурты Таты Арсебиева,
его жены Секент Вазархановой,
жены Тимарсолты – Эрубика, а также
Довлетмирзы и его сына Турло
(сел. Надтеречное)

Тата-мулла Арсебиев

Ахмад-мулла Юсупов из Кень-Юрта

**Ахмад Юсупов (сидит)
с родственниками**

**Иду-мулла Исламов из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)**

**Шайх Хамад Наурбиев из Нижнего-
Наура (АУП ЧР, фото 1949 г.)**

**Мулла Саид Вазарханович Ахметханов
(АУП ЧР, фото 1949 г.)**

С лева направо:
Абдул-Керим Умалатов из Нижнего-
Наура, Магомед Гелаев (с и д и т)
из Зебир-Юрта, неизвестный

Джамола Берсанов из Кулары

Среди сидящих духовных авторитетов, в центре – Джамола Берсанов

Доша Мудаев из Нижнего-Наура

**Асхаб Чалаев из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)**

**Адам Тагаев из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)**

Иду Некдаров из Нижнего-Наура

Мулла Юсуп Байсултанов из Нижнего-
Наура (АУП ЧР, фото 1949 г.)

Эльси Тарамов, наследник шайха
Тарам-Хаджи Керимова из Нижнего-
Наура (АУП ЧР, фото 1949 г.)

Памятная стела-чурт Тарама-Хаджи у могилы его наследника Эльси
в Лаха-Невре. Установлена в 1980 г. (сел. Надтеречное)

**Мулла Яраги Санев-Дараханов
(1890–20.03.1977) из Нижнего-Наура**

**Санд-мулла Дудаев (1911–28.01.1986)
из Нижнего-Наура**

**Мулла Магомед Дадаев
(1903–18.06.2001) из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)**

**Мурти (Харон-мулла) Мухтарович
Пуцигов (1913–07.04.1994) из Нижне-
го-Наура (АУП ЧР, фото 1949 г.)**

Юсуп Дигаев (1915–14.10.2003)
из Нижнего-Наура
(АУП ЧР, фото 1949 г.)

Абу Ансарович Дакалов
(1900–24.08.2001) из Нижнего-Наура

Абдуссалам Шатаев (1911–23.01.1992)
из Нижнего-Наура

Абдурахман Надиев (1904–31.12.2005)
из Нижнего-Наура

ученикам. Таким образом, Гелаев отучился в школе Хуси-муллы 15 лет и завершил курс обучения в 1916 году. Там же получил арабское образование Яраги Саиевич Дараханов (СаьИин ЯрагИи, 1890—20.03. 1977 гг., тайп Иаларой) из Нижнего-Наура, а также многие другие будущие авторитетные муллы Притеречья.

Каждый третий год Сугаип-мулла Гайсумов, бывший окружным кадием («мехкан-къеда»), аттестовал сельских и участковых мулл. Хуси-мулла Успахаджиев брал с собой на такое испытание и Магомеда Гелаева. Они садились в мечети, положив в углу свои книги — «жайнеш». Сугаип-мулла выходил на трибуну и после приветствия прибывших мулл, объявлял, что он готов передать свои полномочия любому, кто считает себя учёнее его. Гайсумов трижды предлагал кому-нибудь выйти на его место, но никто не осмеливался и тогда они начинали свою работу.

Задаваемые муллам вопросы были такого характера: «Сколько баранов по шариату нужно принести в жертву («хьакъикъят»), если родится двуглавый ребёнок? Как нужно поступить с имуществом умершего, если у него не осталось наследника? С какого места нужно отсекать вору руку: кисть, голень или с плеча?». Вот подобного рода сложные вопросы, на которые не каждый мулла сможет ответить. Хуси-мулла поручал Магомеду взять нужную книгу, в которой есть разъяснение («шархъ») на заданный вопрос. Гелаев быстро находил это место и выписывал правильный ответ. Хуси ждал, пока кто-нибудь из присутствующих не ответит. Когда никто не отвечал, Сугаип Гайсумов спрашивал: «Есть ли здесь Хусейн из Притеречья?» После этого Хуси-мулла посылал Магомеда с ответом к Сугаипу-мулле. Этот ответ зачитывался на весь зал и одобрялся всеми учёными.

Хуси-мулла завещал Магомеду похоронить его после смерти. Это завещание было исполнено в 1346 году от Хиджры (1927/28)¹.

Хуси Успахаджиев призывал людей одеваться скромно. Следуя учению шайхов, он запрещал носить войлочную шляпу. Однажды принимая соблезнования на похоронах, увидел у ворот заходящего на тезет в войлочной шляпе Баудди Дихиева из Мекен-Юрта и тут же попросил молодых: «Пойдите, дайте ему подобающий головной убор. Наверное он думает, что идёт на траур одев что-то благовидное». Хуси-мулла также не любил, когда люди носили серебряные газыри и украшения на одежде. Как-то Баудди Дихиев спросил у него: «Хуси, а мои костяные газыри можно носить?». «Нельзя, — отвечал Хуси-мулла с юмором, — может они сделаны из собачьей кости».

¹ Записано со слов Ноамана Магомадова (1922 г. р.) из сел. Зебир-Юрт Надтеречного района ЧР.

Раньше на похоронах люди стояли под открытым небом. Навесов не было, но даже под дождём или снегом, несмотря на зимнюю стужу, люди шли на траур. Посередине на табуретке сидел предводитель («верас») тайпа или клана родственников, принимавший соболезнования. Подходящие на тезет, сколько бы их ни было, шли за своим предводителем, который здоровался с сидящим и выражал своё сочувствие. Все остальные подтверждали его соболезнование словом «Амин» и отходили в сторону. Почётных людей приглашали сесть. Тогда на тезетах не грелись у костра. Выдерживали холод, одеваясь потеплее. Носили войлочные сапоги («Боржамаш»), обувь из бычьей кожи («неИармачаш»), в которые подстилали соломой или листьями кукурузных початков («лоьдгаш»). На тело надевали овчинный тулуп («кетар») и такие же штаны («кхакханан хеча»), а на голову — овчинную папаху («кхакханан куй»). И людям не был страшен никакой мороз.

Усман-Хаджи выдал дочь Неписат замуж за своего ученика Джанарали Музаева из Мекен-Юрта. Джанарали скончался в 1918 году, а Неписат — в 1943 году. Оба они похоронены на Мекен-Юртовском сельском кладбище.

Джанарали Музаев сначала был муллой в Зебир-Юрте. Но Неписат не переносила там климат: её мучила аллергия. Тогда Усман-Хаджи обратился к Дени-Шайху Арсанову:

— Мне неудобно просить об этом зятя, поэтому обращаюсь к тебе. Нашей дочери непривычна окружающая среда в Зебир-Юрте. Когда она жила в Нижнем-Наурае — с ней всё было в порядке. А сейчас её мучает кожная сыпь. Похлопотай, чтобы Джанарали перешёл муллой в Мекен-Юрт. Это село находится рядом с Нижним-Науром и, думаю, там дочка избавится от своего недуга.

Дени-Шайх Арсанов исполнил волю Усмана-Хаджи и семья Музаевых на постоянное жительство переселилась в Мекен-Юрт. Местный мулла добровольно уступил свой пост Джанарали. Сложив свой молитвенный коврик, он спокойно попрощался с прихожанами мечети¹.

Усман-Хаджи завещал своему брату Кане, чтобы он выдал его дочь Аду замуж за другого ученика Ахмада Базакова. Кана спросил: «А она выйдет?». Упа-мулла ответил: «Конечно выйдет, куда она денется!». Более года спустя после смерти Усмана-Хаджи, Аду выдали за Ахмада Базакова. Она скончалась в 1918 году и похоронена рядом с зияратом отца на Нижненаурском сельском кладбище. В своё время в Нижнем-Наурае не было такого большого магазина, как у Ахмада Базакова. Он ему достался

¹ Записано 12.02. 2016 г. со слов Мусы Магомадова, жителя сел. Мекен-Юрт.

в наследство от отца Базака Арсанукаева (1825 г. р.), который согласно посемейным спискам сел. Нижний-Наур 1886 года «производил торговлю красивым товаром»¹. У Ахмада, согласно архивным данным, было четыре брата: Бийбулат (1849 г. р.), Керзу (1854 г. р., эпоним фамилии Керзуевых), Ахмар (Ахьмар, 1868 г. р., эпоним фамилии Ахмаровых) и Муса (1874 г. р.).

Жюнид, сын шайха Ибрагима-Хаджи из Гойты, ухаживал за другой дочерью Усмана-Хаджи — красавицей Совдат (1884—1907). Просить её руки приехали сваты от семьи Жюнида и Хантиевы поначалу дали своё согласие. Но когда дело дошло до выдачи Совдат, Кана наотрез отказался. Среди людей после этого распространились кривотолки: мол, родственники девушки не захотели связать узы родства с семьей Жюнида. На эти слухи Кана реагировал так: «Кому дело до наших семейных проблем? Люди же не знают, что мне завещал мой ушедший брат».

Друзья Жюнида решили умыкнуть Совдат. Узнав об этом, Дени Арсанов через едущего в Гойты знакомого передал им, что ни один из переехавших Терский хребет, с замыслом похитить дочь Усмана-Хаджи, живым не уйдёт. Совдат недолго прожила после этого случая, а предвидевший это Кана-Шайх не хотел выдать её и доставить людям ненужные хлопоты. Она скончалась в 1325 году Хиджры² в возрасте 23 года и похоронена на нижненаурском кладбище. К югу от могилы Усмана-Хаджи, в черте его зиярата, в память о Совдат и дочери Каны — Медны стоит общий чурт. Младшая дочь Усмана-Хаджи Заидат скончалась при жизни отца.

В связи с тем, что у шайха не было сына, Иса (ИсаI) Гакаев из Шиды-Юрта (Чаанти-Юрт) подарил ему своего Тимарсолту, учившегося в школе Усмана-Хаджи. У Гакаева были ещё сыновья: Эда и Бетарсолта. Тимарсолта был очень воспитанным и скромным парнем. Когда он выезжал к родителям в Чанти-Юрт, шайх давал ему свою лошадь. Но из уважения к названному отцу, Тимарсолта не садился на коня, а держа за уздечку, пешком совершал путь из Нижнего-Наура в Чанти-Юрт и обратно.

Фамилией Гакаевых начинается посемейный список Шиды-Юрта 1886 года. По этому документу, первым записан Иса Гакаев — 47 лет, имеет 1 дом, 4 быка, 4 коровы, 3 телят, 1 буйвола и 6 лошадей. Сыновья: Эды — 22 года, Темир-Султа — 17 лет и Бетыр-Султа — 14 лет. Женщин — две. Это семья Тимарсолты. Под вторым номером в список занесён

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 9, п. н. 35.

² Нач. 14.02. 1907 — кон. 03.02. 1908 г. Согласно рукописям Абдул-Муслима Базакова — Совдат скончалась в 1328 году Хиджры.

его дядя Ильяс Гакаев — 53 года, женщина одна. Под третьим номером: Геха Гакаев — 35 лет, сын Самсудзуга — 1 год, женщин две ¹.

Тимарсолта был женат на Эрубике Хасуевой из Али-Юрта (ум. в 1358 г. х. ², тайп энгеной). Они не успели завести детей из-за ранней смерти Тимарсолты, который скончался в 1310 году Хиджры ³, в возрасте 25 лет. Это был год «большой чумы» («доккха Гааржа ун деана шо»). Тезет состоялся у Усмана-Хаджи. Узнав о его смерти, мать и сестра стали громко рыдать. Рассерженный этим, Иса отказался отвезти их на похороны Тимарсолты. «Я не допущу ваших воплей у Хаджи!», — категорично отрезал глава семьи. Женщины перестали рыдать и обещали сдерживать слезы на трауре в Нижнем-Наура, лишь бы их пустили попрощаться с дорогим им Тимарсолтой. Смягчившийся после этого, Исак взял их с собой.

На тезете, пытаясь исполнить обещание, данное ею отцу, сестра Тимарсолты едва сдерживала слезы, но у неё от нервного перенапряжения из носа пошла кровь. Проведав в чём дело, Дода обратилась к мужу с просьбой испросить у Исы позволение для его дочери выплакаться в своём горе. Усман-Хаджи подошёл к комнате, где собрались женщины и, прислонившись к дверной раме, сказал:

— Где будет плакать мать, если не на трауре по поводу смерти сына и отчего будет плакать сестра, если не над потерей брата? Увидев мать и сестру плачущими, даже ангелы на небесах не сдерживают слёз! Плачьте!

После этого, подойдя к Исе, он продолжил:

— Подобно Тимарсолте почтительным ко мне не был бы даже родной сын.

Тимарсолта был похоронен на нижненаурском кладбище, к югу от могил Хенти и Залихан. Его жена Эрубика скончалась в 1939 году и похоронена недалеко от брата Усмана-Хаджи — Даки (ум. в 1341 г. х.) ⁴.

Известными муллами стали также ученики Усмана-Хаджи Арби Саралиев и Ахматха Джовтханов. Жена Арби — Гаха (Гахла Альтемирова, тайп Гордалой) была хорошим знахарем, специализирующимся на детских болезнях. Как только она проводила рукой по больному месту, у ребёнка наступало облегчение. Арби дополнительно выписывал талисманы, аяты из Корана, оберег («хайкал»). Аяты Корана оставляли в воде, после чего её предлагали пить как лекарство — «молха». Выпивший такую «живую» воду тоже излечивался от недуга ⁵.

¹ ГАСК, ф. 459, оп. 1, д. 2222, л. 1 об. — 2.

² Нач. 21.02. 1939 — кон. 09.02. 1940 г.

³ Нач. 25.07. 1892 — кон. 14.07. 1893 г.

⁴ Нач. 24.08. 1922 — кон. 13.08. 1923 г.

⁵ Записано со слов Нурди Хусиева (1930 г. р.) из сел. Надтеречное.

Нурди Хусиев рассказывал интересную историю об Ахматхе Джовтханове, которая опровергает миф о предательстве чеченцев в войне с немцами. Во время войны председателем райисполкома был Юсуп Газиев из сел. Нижний-Наур, секретарём — Шамсуд Муртаев из того же села. Последний рассказывал, что когда фашисты дошли до станицы Наурской, до обеда к ним в райисполком пришёл один советский генерал в серой каракулевой шапке, русский по национальности, со своим адъютантом. Они зашли в кабинет Юсупа Газиева. Через некоторое время Юсуп позвал Муртаева и попросил: «Ради Бога, Шамсуд, мне неудобно перед Джовтханан Ахматхой. Гости просят повести их к уважаемому сельчанам человеку, которого все будут слушаться. Отведи их к мулле Ахматхе». Шамсуд исполнил просьбу Юсупа. Когда он с генералом и его адъютантом подошли к крыльцу муллы, Шамсуд открыл дверь. Они увидели Ахматху и ещё одного за ним стоящими на молитве. Генерал сказал: «Закрой дверь. Пусть молятся Богу».

После совершения молитвы, Ахматха и его товарищ вышли. Генерал попросил Шамсудди рассказать о цели их приезда. Муртаев передал мулле слова высокого гостя:

— Знаешь, Ахматха, о чём просит нас генерал? Он говорит, что в нашем селе есть немощные люди, старики, женщины и дети. Надвигается война и они станут жертвами. Нужно собрать их всех и уйти из села в надёжное укрытие. Ведь война уже дошла до станицы Наурской.

— Он так говорит? — спросил Джовтханан Ахматха у Шамсудди.

— Да, — ответил Муртаев.

— Тогда знаешь, что ты ему ответить? Скажи, что по шариату я не имею права показать врагу спину и бежать от войны. Но я сделаю другое. Скажу людям вооружиться, у кого есть оружие. А у кого его нет, пусть выступят против врага с вилами, лопатами и палками, или берут оружие у павших солдат. Таким образом, мы можем противостоять нашествию врага, а показать спину и бежать не имеем права, — сказал Ахматха Джовтханов.

Когда Шамсудди Муртаев перевёл слова муллы генералу, тот похлопал Ахматху по плечу и сказал:

— Молодец, старик! Если бы побольше было таких людей, эта война не дошла бы сюда¹.

Здесь следует сказать, что все три сына Ахматхи: Абу, Апти и Хожа Ахметхановы, были участниками Великой Отечественной войны 1941—1945 г. Из них Апти и Хожа погибли на фронте, а Абу, будучи кадровым

¹ Записано со слов Нурди Хусиева (1930 г. р.) из сел. Надтеречное.

офицером, дослужившимся до звания подполковника, в должности заместителя командира полка по политической части, в 1944 году был демобилизован как чеченец и отправлен в ссылку в Киргизию¹.

Ильяс Озиев из Гамурзиево был очень воспитанным, вежливым и способным муталимом. Он родился в 1871 году в семье Эки Актолиевича Озиева. Десять лет (прим. 1885–1895 гг.) вместе с братом Исмаилом учился у шайха Усмана-Хаджи. В 1898 году дядей Абдурахманом-Хаджи (Индерби) Озиевым — кадием Ингушского округа, Ильяс был рекомендован имамом села Кантышево. На второй год, по настоянию односельчан, он вернулся в качестве муллы в родное село Гамурзиево. В 1912 году Ильяс Озиев сменил своего дядю Абдурахмана-Хаджи на посту кадия Ингушетии. С тех пор за ним закрепилось имя Кадий-Ильяс (*инг.* — «Илез-къаьда»). В 1929–1932 гг. мулла Озиев был как «классово чуждый элемент» сослан в Среднюю Азию. С 1935-го по 1939 год провёл второй срок ссылки и вернулся домой. Скончался 30 октября 1942 года. Похоронен в сел. Гамурзиево.

Когда другой ингушский муталим — Дидигов из Мочка-Юрта закончил учёбу и собрался домой, он сидел, задумчиво повесив голову. Усман-Хаджи спросил его: «Наверное, думаешь, как же ты будешь отвечать на вопросы тех, кто по возвращении домой начнут тебя навещать как муллу, завершившего учёбу? Не переживай! Все твои ответы будут верными, даже если не будешь смотреть в книги». Как предсказал шайх, мулла Дидигов отвечал на религиозные вопросы соотечественников без помощи богословских книг и все его ответы оказывались верными.

Исак Осмаевич Чапанов из Верхних-Ачалуков (1854–1944) оставался старостой в школе и после смерти Усмана-Хаджи. Он был очень строгим человеком. Однажды Исак отправил муталимов домой, чтобы они принесли новые войлочные коврики для молитвы. У Эламирзы Эльдарова и ещё одного ученика не было возможности достать коврики-истанги и, оказавшись в безвыходной ситуации, муталим из Урус-Мартана зашёл в молитвенный дом Усмана-Хаджи и со слезами на глазах сделал дуа: «Ты знаешь моё положение. Прошу помочь и снять с меня тревогу». Когда он чуть погодя вышел из этого дома, тот второй муталим подошёл к нему и протянул войлочный «истанг». Он рассказал Эламирзе, что жена Усмана-Хаджи — Дода, постучав в окно, подозвала его. Она дала ему один новый и второй — чуть поношенный, два коврика. Один попросила передать Эламирзе. Когда молодой человек взял подарок и уходил, он подумал: «Кому же из нас двоих она дала новый коврик?». В

¹ АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 5, д. 2934, л. 2 с об, 98.

это же мгновение Дода крикнула ему вслед: «Новый истанг оставь себе, а другой отдай своему товарищу». Удивлённый тем, что Дода прочитала его мысли, муталим говорил друзьям, что по его мнению все, живущие в доме Хаджи, ясновидящие.

Шайх Исак-мулла Чапанов из Верхних-Ачалуков дожил до выселения чеченцев и ингушей в Казахстан. Он попал в село Равнополье Лазовского района Павлодарской области. У него было две жены: Бейси и Хади. Последняя не имела детей, а Бейси Арчакова родила сыновей: Хусейна, Ибрагима и Абдурахмана, а также дочерей: Айшет, Фатимат, Хадижат, Соврат и Сакинат. Исак-мулла скончался и похоронен летом 1944 года в селе Равнополье ¹.

Эльбуздук-мулла из Ломаз-Юрта был очень преданным учению Усмана-Хаджи. Последний призывал вместе с пятничной молитвой («рузбан ламаз») делать и полуденную молитву («делкъа ламаз», араб. «зухр»). Когда Эльбуздук спросил шайха, зачем это делается так, Усман-Хаджи объяснил, протянув два пальца: «Пятничная молитва бывает только один раз в неделю, а полуденную молитву нужно совершать каждый день, потому что она обязательная («фарз»). Если б стал вопрос, которая из них наиболее важнее, я бы выбрал полуденную молитву.

По дороге домой Эльбуздук-мулла в Верхнем-Наура завернул к своему приятелю Элса-мулле. Тот сидел, разложив книги. Эльбуздук спросил: «Что ты ищешь?». Элса ответил: «Я нигде не нашёл основание для совершения вместе с пятничной молитвой полуденного намаза». Тогда Эльбуздук рассказал ему о мнении Усмана-Хаджи по этому поводу. Элса не согласился с этим. Эльбуздук сказал ему тогда: «Если ты не согласен с мнением шайха, я прекращаю с тобой дружбу». Он вышел от Элсы и уехал домой.

Родословная Эльбуздук-муллы из Ногай-Мирза-Юрта состоит из следующих предков: Тимаркъа — Гинардукъа — Вели — Яла — Жохшадукъа. Его род относился к тайпу борганой и поначалу проживал в старинном селении Брагуны. У Эльбуздука-муллы было три брата. Один переселился в Караногай и потерял связь с родными, а Гиназдукъа и Загашдукъа переселились вместе с Эльбуздуком в Ногай-Мирзин-Юрт. В посемейных списках этого селения, составленных 31 июля 1886 года, Эльбуздук-мулла записан под именем Темуркаев Эльбуздыко. Ему в это время было 30 лет, он был грамотен на арабском языке, имел 1 дом, 2 быков, 5 коров, 3 буйволов, 4 мелкого скота и 100 овец. В указанное время у Эльбуздыко было три сына: Абубакар (10 лет), Агмат (4 года)

¹ Сагов А. Путь устаза // Газета «Сердало». № 90 (9121) от 20 июня 2002 г.

и Рашед (родился в феврале), а также членами его семьи были четыре представительницы слабого пола. Следующим по порядку в этих семейных списках приводится семья его брата Темуркаева Гониздуко (чеч. — Гиназдукъа) — 27 лет, который имел 1 дом, 5 быков, 7 коров, 1 лошадь, 8 мелкого скота и 500 овец. Его сын Усман родился в апреле месяце 1886 года. В доме Гониздуко проживали также брат Загаштуко (чеч. — Загашдукъа) — 15 лет и пятеро женщин¹.

Первая жена Эльбуздука Темуркаева была уроженкой Ногай-Мирза-Юрта. Она родила ему сыновей: Абубакара (Абакки, 1876–1945), Ахмада (род. в 1882 г.), Рашеда (род. в феврале 1886 г.) и Дауда. Вторая жена — Уза (Уъза, ум. в 1936 г.), дочь Мици из Али-Юрта, родила сыновей: Абдул-Муслима (Мислоки, ум. 10.05. 1947 г.), Мажика (Маъжиг) и дочь Асма (Асмаъ, Меи, ум. в 1948 г.). Эльбуздук-мулла был муридом шайха Абдул-Азиза (Докку) Шаптукаева и получил от него иджазу. Скончался летом 1924 года и похоронен в Ногай-Мирза-Юрте.

Хабир-мулла, сын Юспи из Чулга-Юрта, тоже строго придерживался учения Усмана-Хаджи. Поначалу он учился у Элах-муллы, но после его ареста перешёл в школу Усмана-Хаджи. Отец Хабир-муллы тоже был грамотным человеком и, зная цену образованию, отдал сына в арабскую школу. После учёбы Хабир стал известным алимом. В его годы председателем Грозненского горского словесного суда был Юспа-кадий Абдулкадыров, выносивший решения по шариату. Хабир иногда поправлял его постановления. Поэтому совет исламских учёных Чечни однажды решил вместо Юсупа Абдулкадырова выдвинуть Хабир-муллу кадием Грозненского окружного суда. Но он не согласился принять эту ответственную перед Всевышним и людьми должность.

Хабир-мулла начал возлагать вирд на последователей, которые прозвали его Хаба (Хъаба), но ранняя смерть помешала развитию и дальнейшему усилению суфийского братства этого праведника. Он скончался примерно в 1905 году.

У Хабира было три брата: Ама (Ама, эпоним Амаевых), Абубакар, Али (Ела) и шесть сестёр, вышедшие замуж за жителей Девкар-Эвла, Ачхой-Мартана, Гючка-Юрта (кумыкское село Кизляр Моздокского района) и Шали. У сестры, которая была замужем в Шали, родился сын без рук и ног. Он вырос в доме Хабир-муллы. У самого Хабы было три сына: Архам (Архъам), Абдулхалим (Хъаълам) и Хамид (Хъамад). Из них Абдулхалим тоже был праведником, способным проявлять «карамат» (чудодейство). Написал историю своего тайпа арганой, которая во время

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 8, л. н. 64, 65.

выселения была зарыта в землю и не найдена потом, после возвращения домой. Сам Абдулхалим скончался в 1943 году в досточтимом возрасте. У него была только одна дочь Совдат, которая скончалась в конце 90-х годов прошлого столетия. Она была замужем за жителем сел. Знаменское Висани Ахмадовым из тайпа беркий. У Архама и его жены Эрубики было два сына. Но дети скончались ещё в младенческом возрасте. Таким образом, у Хабира не осталось прямых потомков.

Следуя учению Усмана-Хаджи, Хабир-мулла запрещал держать на подворье и употреблять в пищу гусей и уток. Говорил, что они произошли от змей и лягушек. Несмотря на его запрет, сноха Эрубика тайно разводила гусей. Хабир узнал об этом и упрекнул Эрубику за непослушание. Затем велел ей принести ему первое яйцо, снесённое молодой гусыней («меь-глаз»). Эрубика исполнила его желание. Хабир отложил это яйцо и сказал, чтобы сноха предупредила его, когда гуси начнут высиживать гусят («тойна хууш»). Эрубика так и сделала. Хабир отметил яйцо, которое было у него, и положил среди других высиживаемых яиц. Когда гусята начали вылупляться, Хабир взял отмеченное им яйцо и велел Эрубике пригласить женщин из округи. Собрав любопытных соседок, он перед ними разбил это яйцо и из него якобы вылупился змеёныш.

— Вот почему я вам запрещал держать гусей, — сказал Хабир-мулла, обращаясь к женщинам.

После этого случая даже соседи перестали разводить гусей¹.

Со дня кончины Усмана-Хаджи его школой заведовал Кана-Шайх. У него завершили учёбу некоторые муталимы, ставшие впоследствии известными духовными авторитетами. Воспитанником Каны Хантиева был также племянник Эламирзы Эльдарова (сын сестры) — Алаудин Денисултанович Астемиров из Урус-Мартана (10.10. 1910—19.07. 1985). С 1919-го по 1928 год Алаудин обучался в арабских школах Урус-Мартана и Нижнего-Наура. В 1928—1930 годы учился в Грозненском рабфаке. С 1930 года работал на разных должностях. Основная профессия — бухгалтер. В 1935 году женился на Маржан Гадуевой. У них в 1938 году родился глухонемой сын Ширвани. Маржан скончалась в 1963 году. Через год Алаудин Астемиров взял в жёны Жаужу Абдулкадирову².

Благодаря бережливости Астемирова сохранился и дошёл до наших дней ценнейший рукописный религиозный трактат («жайна»), авто-

¹ Записано в 1998 г. со слов Махмуда Амаева (1918 г. р.) из сел. Знаменское.

² Из собственноручной автобиографии Алаудина Астемирова, написанной в 1964 году. Копию предоставил краевед Юсуп Бимурзаев из Урус-Мартана, работающий над жизнеописанием чеченских религиозных деятелей.

ром которого является Эламирза Эльдаров. Сам будучи превосходным арабистом, Алаудин Денисултанович знал цену этому источнику и пронёс его с собой через всю казахстанскую ссылку. Алаудина Астемирова не стало 19 июля 1985 года. Его похоронили в родном Урус-Мартане.

Кроме А. Д. Астемирова, у Кана-Шайха Хантиева завершили учёбу Асхаб Чалаев, Юсуп Байсултанов и Джамола Берсанов из Кулары, Адам Татаев (1887 г. р., тайп Иаларой), Саид Ахметханов (1890 г. р., тайп Иаларой), Юсуп Дигаев, Абдурахим Ахметханов.

Хамад Наурбиев учился в школе Ахмада Базакова и позже стал авторитетным алимом. Родился он в 1881 году в семье кадия села Лаха-Невре Наурби Бельтиева (1846 г. р.) из тайпа хуркой (хьуркой). Старший брат муллы Наурби — Абдула Бельтиев, родился в 1837 году, на год позже, чем Усман-Хаджи. У Наурби Бельтиева был ещё сын по имени Индарби (Инди, предок фамилии Индиевых), который родился в 1876 году, а также дочь Салимат (по мужу — Абдуева).

Хамад-мулла Наурбиев женился на Петимат (Пети, 1881 г. р.), дочери мекенюртовского муллы Джанарали Музаева и Неписат Упахаджиевой. В 1929 году у них родился сын Лечи, в 1932 году — дочь Хадишат, а в 1938 году — сын Сайдахмед. Во время ссылки в Казахстан, с 19 марта по ноябрь 1944 года Наурбиевы проживали в колхозе Жастерек Шетского района Карагандинской области. Затем переехали на железнодорожную станцию Агадырь Жана-Аркинского района Карагандинской области. Там 3 марта 1955 года Хамад-мулла Наурбиев скончался¹.

Иду Исламгериевич Исламов из Лаха-Невре (тайп аллерой), тоже был уважаемым муллою. Родился в 1875 году в многодетной семье Исламгири Тепсуева (1838 г. р.). У Исламгири было два брата: Нуна (Нюна, 1835 г. р., от которого пошла фамилия Нунаевых) и Шаба (1848 г. р.). У самого Иду-муллы выросли шесть братьев: Болат (1870 г. р.), Зада (1872 г. р.), Идрис (1873 г. р., эпоним фамилии Идрисовых), Ибрагим (1879 г. р.), Беталгира и Тимарсолта.

Иду-мулла Исламов обучался арабской грамоте сначала в школе Усмана-Хаджи, затем окончил учёбу у кумыков в Бамат-Юрте (сел. Виноградное, Грозненского сельского района). В начале XX века он женился на Меде Мальцаговне из Кень-Юрта. У них было четверо детей: сыновья Хамед (1907/1909 г. р.), Магомед (1911 г. р.), а также дочери Соад (Соад, 1918 г. р., по мужу Хасиева) и Мариам (1919 г. р., по мужу Умхаева). Во время ссылки в Казахстан семья Исламовых с марта

¹ АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 5, д. 19053, л. 2 с об., 21.

1944 года проживала на станции Шокай Карагандинской области¹. Там 5 декабря 1949 года скончалась и похоронена Меда Исламова². После возвращения из Казахстана, Исламовы поселились в Аргуне.

Согласно архивным документам, к 1 января 1883 года в сел. Нижнем-Науре была одна арабская школа, 5 мечетей и русское сельское правление³. Число дворов в селе тогда составляло 325 единиц, население — 2051 человек, из которых 1020 — мужчин и 1031 — женщин. Земельный надел села Нижний-Наур состоял из 9491 десятины 1393 саженьей⁴.

В «Терском календаре на 1891 год» приводятся сведения, что к тому времени в сел. Нижнем-Науре уже были 2 арабские школы и 5 мечетей, одна из которых — соборная («рузбанан-маъждиг»). Расстояние между Грозным и Нижним-Науром было 67 вёрст, в ауле функционировало сельское правление и зерносклад. В селе стало 340 дворов, а также 25 дворов — в близлежащих к нему хуторах. Общее число торговых заведений — 2, промышленных — 9. Население села: мужчин — 1178, женщин — 1225, всего — 2403 человека.

В Старом-Юрте было 9 мечетей и 3 арабские школы, Шеды-Юрте — 1 мечеть, Зибир-Юрте — 2 мечети и 1 арабская школа, Брагунах — 5 мечетей и 1 школа, Новом-Юрте — 2 мечети и 1 школа, Верхнем-Науре, Мундар-Юрте, Бено-Юрте, Али-Юрте и Ногай-Мирза-Юрте — по 3 мечети и по 1 школе, Кень-Юрте — 2 мечети и 2 арабские школы. Всего по Надтеречному участку было 41 мечеть и 15 арабских школ⁵.

Согласно «Статистическим сведениям о мусульманах по Терской области на 1 января 1912 года», долгие годы находившимся под грифом секретности, в Грозненском округе общее число исповедывающих мусульманскую религию составляло 116 235 человек. Число «магометанских приходов» было 92, молитвенных домов — 273, соборных мечетей — 185, мулл — 197, мектебе⁶ — 28, медресе⁷ — 15, число преподавателей в школах, не состоящих в духовных должностях — 36, общее число учащихся в мектебе и медресе — 503, число учебных заведений (кроме мектебе и

¹ АУП ЧР, ф. Р-1094, оп. 5, д. 13261, л. 2 с об.

² Там же, д. 13217, л. 5.

³ Тогда сельские правления были введены только в Надтеречном и III участках Грозненского округа.

⁴ ЦГА РСФСР-А, ф. 11, оп. 52, д. 225, л. 19 об.

⁵ «Терский календарь на 1891 год». Владикавказ, 1890. С. 118, 119.

⁶ Мектебе — в переводе с персидского и турецкого — место, где пишут; начальная арабская школа.

⁷ Медресе — место, где учатся; учебное заведение второй ступени после начальной школы (мектебе).

медресе), предназначенных исключительно для мусульман — две ¹. Эти школы располагались в Старом-Юрте и Нижнем-Науре. Назывались соответственно: Староюртовское чеченское министерское училище и Ниженнаурское чеченское министерское училище ².

Согласно тому же документу, в 1912 году в сел. Нижний-Наур было 4 мектебе, в которых обучалось 74 ученика мужского пола. В Старом-Юрте — 4 мектебе и 90 учащихся, Брагунах — 2 медресе и 40 учеников, Новом-Юрте — 2 мектебе, 2 медресе и 20 учащихся, Аду-Юрте — 1 мектебе, 1 медресе, 8 учеников, Шеды-Юрте — 1 мектебе, 1 медресе, 10 учеников, Кень-Юрте — 3 мектебе, 3 медресе, 27 учеников, Мундар-Юрте — 2 мектебе и 30 учеников, Бено-Юрте — 1 мектебе и 20 учеников, Али-Юрте — 1 медресе и 70 учеников, Ногай-Мирза-Юрте — 1 мектебе и 20 учеников, Верхнем-Науре — 1 мектебе, 1 медресе и 20 учеников. В Зибир-Юрте в это время нет арабской школы, которая указана в «Терском календаре на 1891 год». Видимо, это связано с последствиями стихийного бедствия, постигшего указанное село в мае 1911 года, когда от оползней после сильного дождя пострадало практически всё его население и жертвами стихии стали три женщины. Всего по Надтеречному участку Грозненского округа было — 20 мектебе, 11 медресе и 429 учащихся ³. Если учесть, что в то время всего учащихся по мектебе и медресе Грозненского округа было 503, то основная их часть — 429 учеников, приходилась на Надтеречный участок. По тем временам это был отличный показатель.

В 1927 году Кана-Шайх Хантйев, учитывая постоянно усиливающуюся антирелигиозную направленность большевистской политики и предвидя участь арабских школ и мечетей, распорядился разрушить мектебе Усмана-Хаджи. В то время второй сын Каны — Абдурахим (Петак) ещё не успел завершить в нём курс обучения. Гандор Муртаев сказал по этому поводу: «Если бы на свете появился «Имам Справедливости» ⁴, за разрушение школы — «хьубьжар» Кане полагалось наказание». Его слова тут же донесли шайху. Кана ответил: «Если ударить молотком, железо неполохо звенит! Ведь Гандор не знает, что мне завещал мой ушедший брат» ⁵.

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 17, д. 456, л. 36 об.

² Указ. источн., л. 53.

³ Там же, л. 67.

⁴ Махди.

⁵ Записано со слов Тахира Ахматханова.

ПРОЩАНИЕ С УСМАНОМ-ХАДЖИ

В один из холодных ноябрьских дней 1896 года шайх Усман-Хаджи сильно простудился. С детства не отличавшийся телесным здоровьем, 27 ноября он сильно захворал и слёг в постель. Зная, что настигшая его болезнь заберёт и жизнь, Упа-Хаджи завещал, чтобы его похоронили как простого человека и не делали над могилой никаких строений, и даже крышу («къуб»).

Люди толпами шли в Нижний-Наур, чтобы справиться о здоровье праведника. Однажды, узнав о его тяжёлом состоянии, пришедшие навестить больного Усмана-Хаджи сочувствующие стали плакать ещё на улице. Услышав этот плач, шайх попросил передать им, чтобы они не оплакивали судьбу, предначертанную Аллахом. Когда растерянные люди задали ему вопрос, как им быть без него, Усман-Хаджи ответил: «Я оставляю вам свой Коран и Хуси-муллу для его чтения. Ещё можете советоваться в делах религии с братом Каной».

Подробности о смерти Усмана-Хаджи описаны в воспоминаниях Эламирзы Эльдарова из Урус-Мартана на арабском языке, о которых мы упоминали в начале своего повествования. Текст этой рукописи — тептара даёт нам бесценные сведения от очевидца событий, связанных с уходом из жизни одного из почётных вайнахских муджтахидов¹.

Знакомимся с переводом источника:

«БисмиллахИррохьманиррохьийм! (Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!)

Это разъяснение заката² известного светоча и полнолуния, нашего устаза, опоры учёных, знающих Всевышнего Аллаха, защитника людей, направляющего на праведный путь, устаза великих учёных, одного из выдающихся, правдивых людей, нашего господина, света из Невре³ — Усмана. Да освятит Аллах его могилу и будет доволен им его Всемило- стивый Господь! Да не перестанут облака милости проливать дождь на его почтенную могилу и солнца⁴ его бараката, и полные луны его награды

¹ М у д ж т а х и д — исламский богослов, обладающий правом выносить фетвы по важным вопросам религии и мусульманского права (фикх).

² Смерти.

³ В арабском оригинале — «нур из Нури», т. е. — «светоч из Невре».

⁴ Оставлено как в оригинале во множественном числе.

освещают головы верующих! И свет его знаний, и следы его деяний ради ищущих, всем известны.

И появилась его болезнь, от которой он умер, и он ответил на призыв своего Господа. В предвечернее время в месяц Джумада-ухра двадцать восьмого числа 1314 года ¹... болезнь его усилилась. Поздней ночью, когда стенания усилились, он послал за своими учениками, чтобы позвать их к себе. И они явились без промедления. Он приказал им, чтобы они прочитали стихи, восхваляющие религию, чтобы они исполнили их, понизив голоса и в конце каждого байта ² вместе с салаватом Пророку ³ (салоллоху алайхи ва саллам), читали слова поэта Бувайсара ⁴ (да смилостивится над ним Аллах!): «Мовла яса ливаса, линда иман абада» ⁵ и так далее. И они исполнили то, что он им приказал, начиная от последнего, до ближнего. Потом он приказал им спеть «Муна джат» ⁶ имама Шафии (да будет доволен им Аллах!) также стихами. Они начинаются так: «Я ман яра ма фид-дзамири вас-самии анталь муадду ли кулли ма ятаваккау» ⁷. После исполнения трёх четверостиший, запевающий, т. е. тот, кто начинает первым, сказал: «Я не в силах закончить», — и он (Усман-Хаджи. — *авт.*), да освятит Всевышний его могилу, докончил [«Муна джат», хотя стенания усиливались, и брал его кашель.

Потом он простился с каждым из присутствующих за руку, сказав им: «Я вас прощаю — и вы простите меня». Затем он приказал своей семье накормить их, прежде чем они уйдут. И те их угостили. После этого они ушли плача, опечаленными, как будто их оповестили, что он уйдёт и закончится его обильное сострадание над ними.

И продолжалась его болезнь, и она усиливалась с каждым днём, до тринадцатого дня от её появления — до четверга 5 раджаба 1314 года ⁸, и он умер от неё в полдень. Его приготовили к похоронам в пятницу и понесли в соборную мечеть, и над ним помолились все, кто собрался на пятничную молитву («рузба»). Там собрались многие из знатных мусульман, шли к нему со всех селений и городов толпами, пока не осталось в

¹ 4 декабря 1896 года по григорианскому календарю.

² «Б а й т» — четверостишие.

³ Молитва во славу Пророка (с.а.с.).

⁴ Автор «Мавлида», читаемого мусульманами Северного Кавказа по праздникам или во время траура.

⁵ «Мой Господин, благослови и приветствуй всегда и постоянно...».

⁶ «Тайные беседы».

⁷ «О тот, кто видит то, что в уме, и слушающий — ты готов ко всему, что происходит».

⁸ Четверг, 10 декабря 1896 года.

городах ни одного учёного, праведного, кто бы ни пришёл к нему в тот день. От множества людей в широкой мечети было тесно... После — все направились на кладбище. И все собравшиеся шли впереди его по гробальным носилкам и теснились вокруг них. Его похоронили во время послеобеденного намаза («Аср»), как он повелел, рядом с верующими, на сельском кладбище.

И поистине, он повелел, во время своей предсмертной болезни, и завещал им словами: «Похороните меня на кладбище рядом с простыми людьми, так же, как хоронят простых людей; поистине я — простой человек». Эти люди громко плакали до вечера. Они там оставались продолжительное время, громко плача от своего стеснения и волнения, а в селе — наоборот, было затишье. Не было слышно ни пения петухов, ни лая собак и не видно было птиц на башнях ¹, и это было признаком [всеобщей] любви к нему.

И он, да освятит Всевышний его могилу, послал своего ученика ² из учёных селения в соборную мечеть, где люди собрались на пятничную молитву, чтоб он приветствовал их и завещал им, чтобы они следовали шариату и боялись Аллаха всегда, и простил их ³... И они взаимно приветствовали и простили его, и попросили у Аллаха ⁴ для него выздоровления. Они сильно плакали.

Когда он был при смерти — постоянно поминал Аллаха и читал Писание Аллаха, и много делал дуа, и умолял Аллаха, и в этих мольбах он беспрестанно просил Бога о прощении, как тогда, когда он был здоров. Особенно он добивался своей болезни ⁵. Из того, что он читал, аят: «Не взывай наряду с Аллахом к другим богам. Нет божества, кроме Него! Всякая вещь погибнет, кроме Его Лица. Только Он принимает решения, и к Нему вы будете возвращены!» ⁶. Он его часто повторял. И из того, о чём он просил Аллаха: «О Господь! Исправь нас и поправь в религии. И сохрани нашу веру, когда мы её теряем».

Во время своей болезни, как и тогда, когда был здоров, он завещал следовать шариату. И он сказал: «Поистине, я вам оставил шариат, следуйте ему и действуйте согласно ему и советуйтесь друг с другом в том, что происходит между вами».

И был его достопочтенный возраст в день смерти 61 год, из того,

¹ Читать — «на крышах».

² Имеется ввиду, до смерти.

³ По-чеченски — «къинтѣра ваьлла».

⁴ Сделали дуа (мольбу).

⁵ Считается, что болезнь очищает от грехов.

⁶ Коран, сура 28 «Повествование», аят 88.

что мы от него слышали и из его жизни. И был день его смерти снежным и дождливым, а пятница — день его похорон, солнечным и тёплым. И это было время начала года, и собралось над ним в те два дня огромное количество народа из известных учёных и чтецов Корана, праведников, эвлия и других. И не было никого, кто бы громко не плакал от постигшего их в религии несчастья.

Из рукописи его ученика Эламирзы».

По преданиям, дошедшим до нас через воспоминания Абу Дакалова, тезет по поводу смерти Усмана-Хаджи посетило бесчисленное множество людей из разных уголков края.

Дени Арсанов велел тогда своей жене Зайбулле быстро собраться в путь. В это время Арсановы проживали в селении Мекен-Юрт, что в нескольких верстах к востоку от Нижнего-Наура. На её вопрос: «Что случилось?»¹, — он ответил:

— Хаджи из Невре скончался.

— Кто-то пришёл сообщить об этом? — спросила удивлённая Зайбулла.

— Нет, предчувствую!

Дени-Шайх разбудил своего брата Эдалсолту Арсанова. Тот поблагодарил Дени за избавление от плохого сна.

— Я видел кошмарный сон, в котором одна сторона неба падала, — сказал Эдалсолта брату.

— Действительно, одна сторона неба «упала». Служивший её «подпорой» Усман-Хаджи из Лаха-Невре скончался, — сообщил ему Дени-Шайх неприятную новость.

Затем Арсанов добавил:

— Сегодня ингуши превзошли. Исак-мулла из Верхних-Ачалуков занял место Усмана-Хаджи¹.

В первую ночь, наступившую после смерти Усмана-Хаджи, в Шаами-Юрте у шайха Ахматуко-Хаджи Батукаева ночевали гости. Совершив утреннюю молитву, он разбудил их.

— Скорее, вставайте на молитву. Нам надо идти на похороны. Хаджи из Невре скончался, — сообщил Ахматуко своим гостям.

— Разве кто-то приезжал с такой печальной вестью? — спросили его приятели.

— Нет, не приезжал. Но я видел во сне, как его душа поднималась на небеса. И толкование этого сна убеждает меня, что Усман-Хаджи ушёл из жизни.

Когда Ахматуко-Хаджи и его друзья уже собрались в путь, к ним

¹ Сагов А. Путь устаза // Газета «Сердало». № 90 (9121) от 20 июня 2002 г.

подросел гонец, посланный пригласить праведника из Шаами-Юрта на похороны великого шайха.

Люди, приехавшие со всего края на похороны Усмана-Хаджи, наводнили Нижний-Наура. На протяжении нескольких кварталов улицы от дома почтенного шайха были заполнены лошадьми приезжих. Они были привязаны друг к другу и стояли, не шевелясь, с опущенными головами, словно чувствуя тяжесть постигшего людей горя.

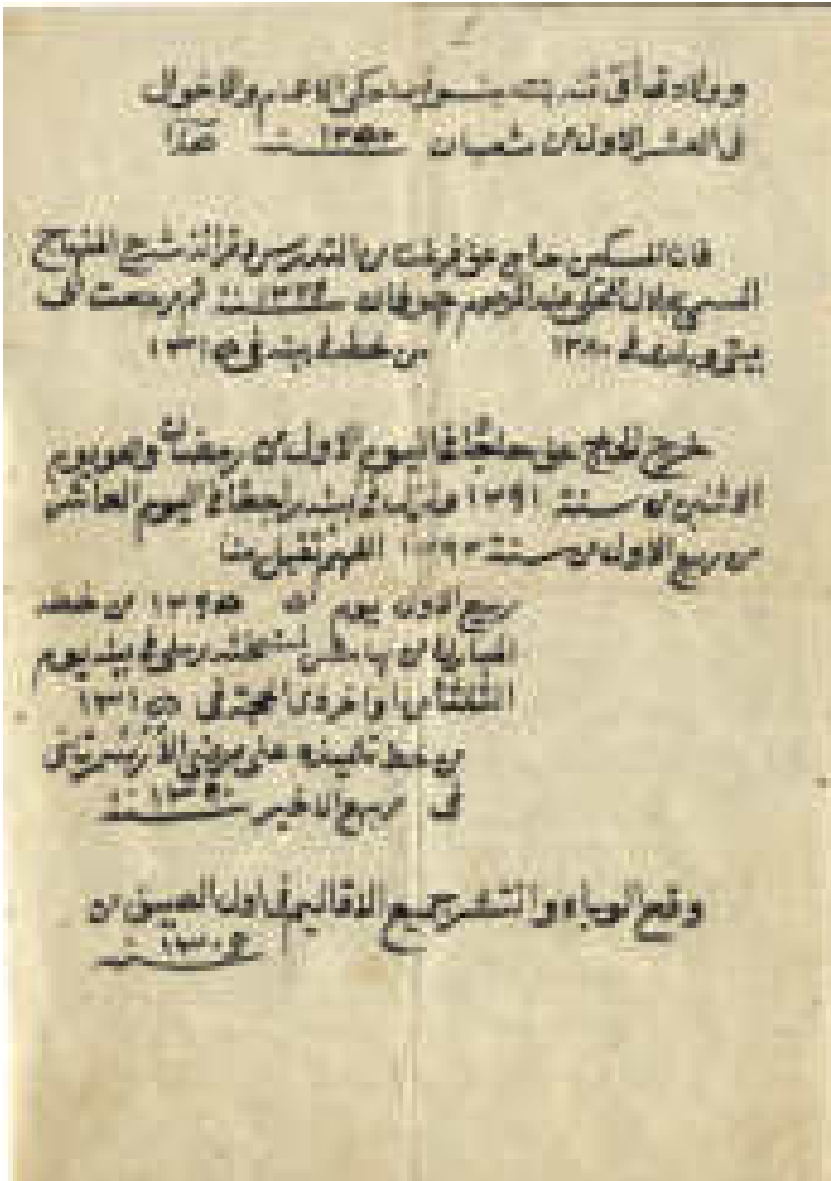
Согласно завещанию самого Упа-Хаджи, его искупали и завернули в саван Хусайн-мулла из Нижнего-Наура и Джантемир-Хаджи из Мундар-Юрта. Носилки («барам») с телом шайха вынесли на улицу. Хотя на трауре присутствовали Докку-Шайх (Абдул-Газиз) Шаптукаев, Дени-Шайх Арсанов, Абдул-Вахаб-Хаджи Куркаев и другие известнейшие в Дагестане, Чечне и Ингушетии эвлия, а также все ученики Усмана-Хаджи, никто из них не решался возглавить похоронную процессию, как бы ожидая чудесное воскрешение праведника. Таким образом, наступило послеобеденное время. Во дворе шайха негде было ступить — так много было людей. Тем не менее, ни один из них не хотел первым прикоснуться к носилкам Упа-Хаджи.

И вдруг кто-то положил руку между лопаток и слегка подтолкнул Докку-Шайха. Последний услышал чей-то голос сзади: «Абдул-Азиз, что ты стоишь? Неужели не видишь народ, томящийся в ожидании? Возьми носилки».

Только тогда Докку опомнился и подошёл к носилкам. Стоявшие рядом кинулись помогать. Подняв носилки с телом покойного шайха на плечи, похоронная процессия направилась в соборную мечеть¹. Совершив там пятничный намаз, а также молитву над усопшим («докъан-ламаз»), Упа-Хаджи отнесли на кладбище. Во время захоронения шайха Докку Шаптукаев собирался сесть в углу могилы и прочитать суру Корана «Ясин», но рядом не оказалось стула, а на земле была лужа. Тогда Умар-Хаджи из Али-Юрта — ученик Усмана-Хаджи, быстро снял с себя тулуп, подшитый изнутри лисьими мехами, свернул его и положил прямо в лужу, предложив Докке сесть на него. Шайх сел и стал читать заупокойную молитву. Когда завершив её он встал, Умар-Хаджи поднял с земли свой тулуп и удивлённо прощупал его. Несмотря на то, что довольно долго пролежал в луже, тулуп оказался абсолютно сухим².

¹ В то время главная мечеть сел. Нижний-Наура располагалась на месте нынешней благоустроенной площади имени братьев Усмана-Хаджи и Кана-Шайха перед Районным Домом культуры.

² Записано со слов Абу Дакалова.

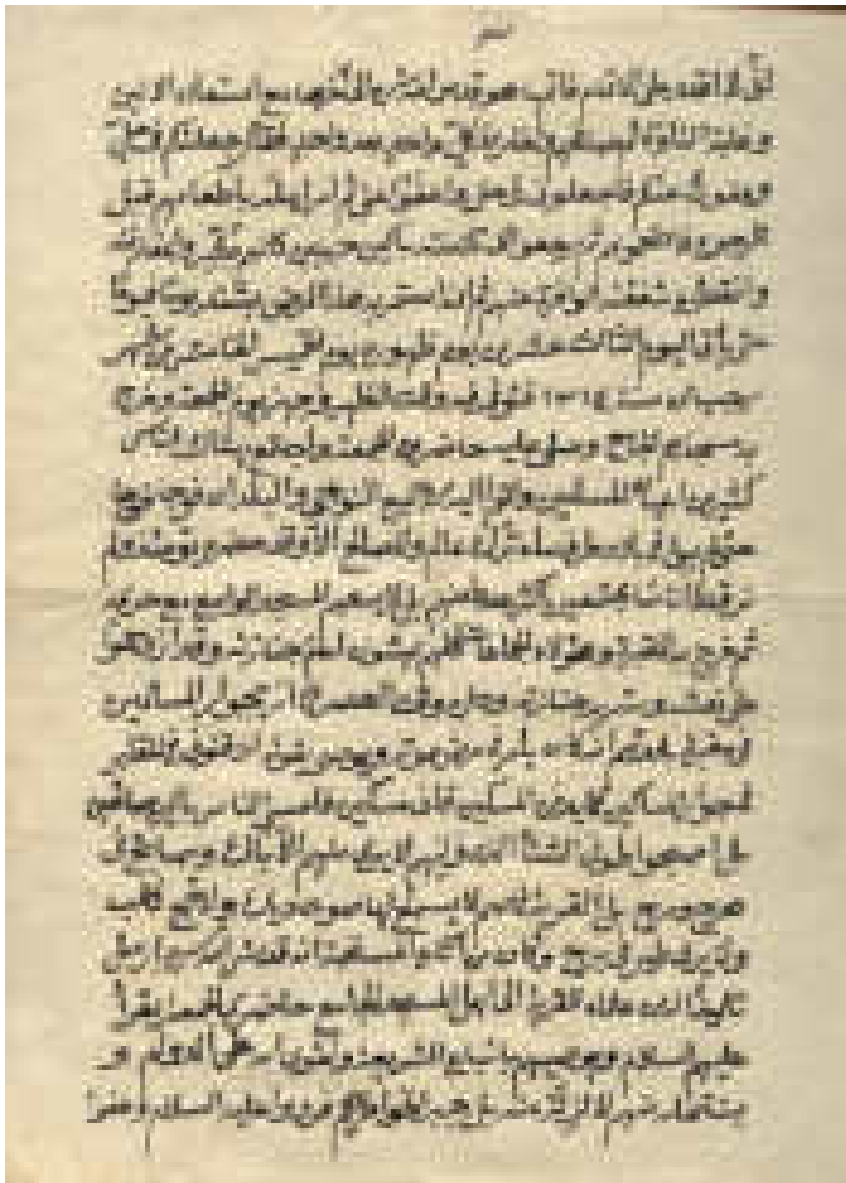
Рукопись Алаудина Астемирова, переписанная из воспоминаний Эламирзы Эльдарова о смерти Усмана-Хаджи

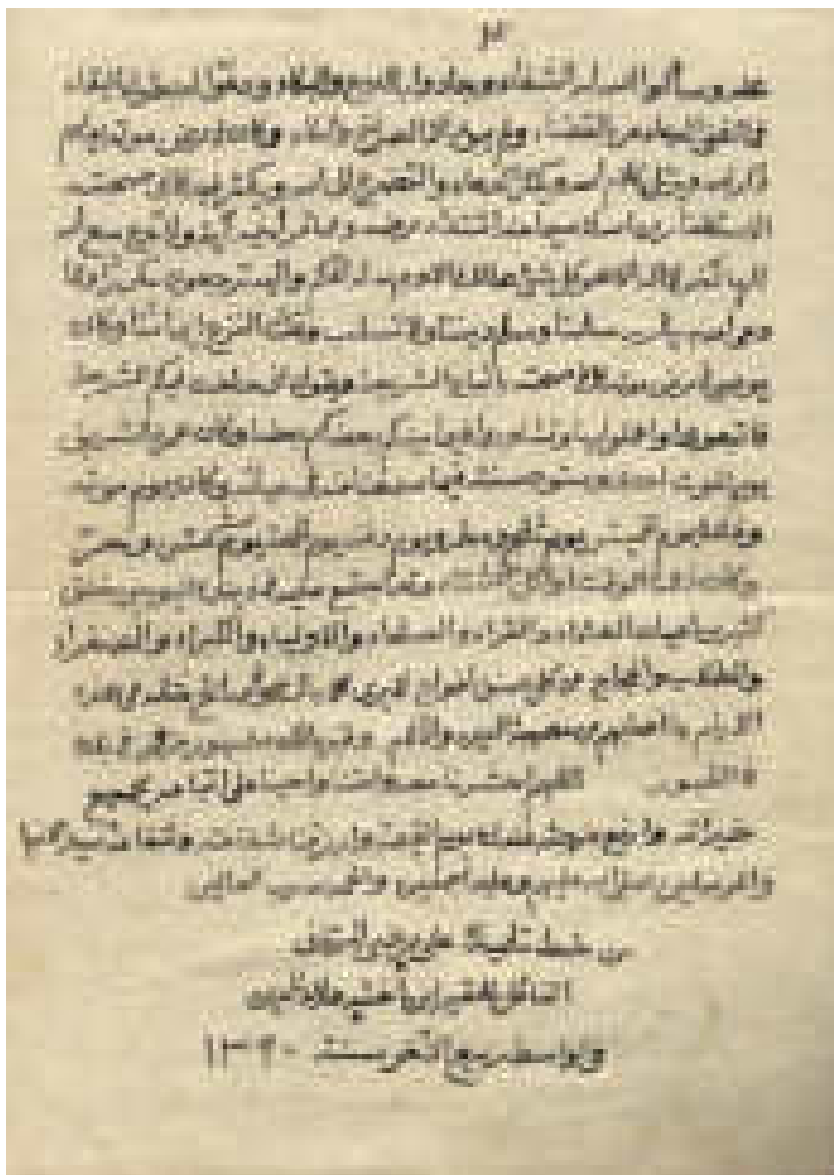
٣

بِسْمِ اَمْرِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

هَذَا يَأْتِي فِي تَوْبَةِ هَذَا التَّوْبَةِ الشَّيْبِ وَالْبَدْرِ الشَّيْبِ اسْتَأْذِنَا
الْحَيَّةَ الْعَلِيَّةَ الْعَلِيَّةَ اسْتَعَانَكَ مَطْنِ الْأَسْمِ وَرَبِّكَ الْقَوِيَّ
وَالْعَوَامِ اسْتَأْذِنَا الْعَلِيَّةَ الْبَطِيَّةَ وَبِلَادَ الْفَطْلَانِ الْكَلِمَةَ سَيِّدَنَا
لِلتَّوْبَةِ وَعَشْرَاتِ لَوْنِ الْمَوْجِ وَرَبِّكَ الشَّيْبِ الْكَلِمَةَ وَرَبِّكَ
رَأْسَ حَسْبِ الرَّحْمٰنِ عَلَى رِقَابِ الشَّيْبِ الْفَطْنِ وَرَبِّكَ الشَّيْبِ وَرَبِّكَ
مَنْحَ طَرِيقِ السَّالِمِينَ سَيِّدِ وَالْوَارِثِينَ وَالْأَرْقَامِ وَالْوَارِثِينَ
الطَّالِبِينَ مَشْتَقِيَّةً وَكَانَ طَرِيقُ رِبِّكَ الْفَطْنِ وَرَبِّكَ
بِهِ أَوْلَى وَكَانَ الْعَشَاءُ الْأَوْلَى الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
وَالْحَسْرَةَ فِي شَهْرِ رَجَبِ الْخَيْرِ وَرَبِّكَ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
الْأَوْلَى الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
بِذِي الْحِجَّةِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
شَعْرًا الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
خَلْقِ رِبِّكَ الشَّيْبِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
مَوْلَى رِبِّكَ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
فَالْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
يَا رِبِّكَ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ
فَالْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ الْفَطْنِ

Рукопись Алаудина Астемирова, переписанная из воспоминаний Эламизы Эльдарова о смерти Усмана-Хаджи (продолжение)

Рукопись Алаудина Астемирова, переписанная из воспоминаний Эламизы Эльдарова о смерти Усмана-Хаджи (окончание)

Зиярат шайха Усмана-Хаджи Хантиева (сел. Надтеречное)

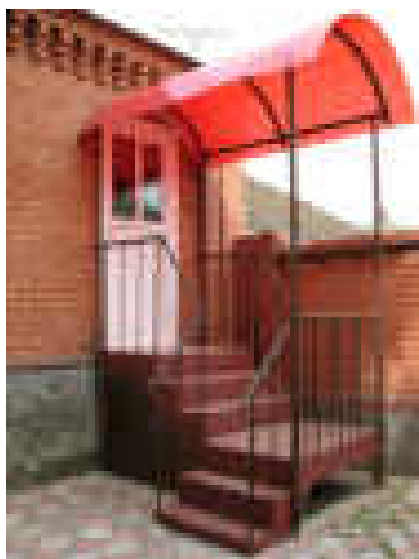
Могила Усмана-Хаджи (сел. Надтеречное)

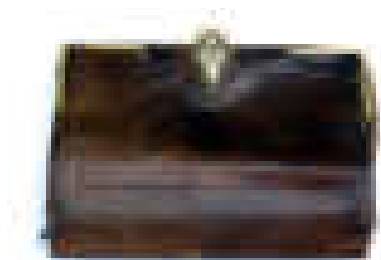
Чурт шайха Усмана-Хаджи

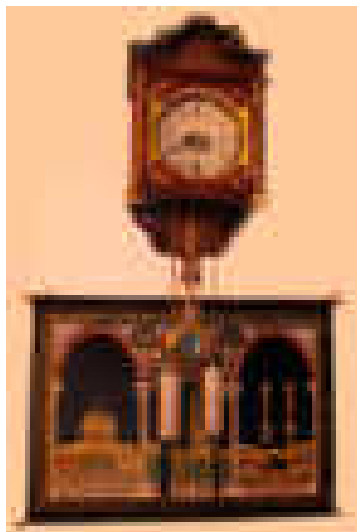
**Колодец, вырытый в своём дворе
шайхом Усманом-Хаджи
(сел. Надгеречное)**

**Зиярат, где стоял дом шайха
Усмана-Хаджи (сел. Надгеречное)**

Кошелёк шайха Усмана-Хаджи

Настенные часы, подаренные
Усманом-Хаджи своему сподвижнику
Абдулкадыру

Могилы Доды, жены Уса-Хаджи,
и их дочери Бати

Могилы Жады, второй жены
Усмана-Хаджи, и её сестры Зарихи

Могилы Жовхар и её сына Вазархана
Хантиева

**Могила Бокаша Хантиева
и его дочери Мати**

Могила Даки Хантиева

Совдат, дочь Усмана-Хаджи

**Могила Совдат Упахажиевой
и Медны Канаевой**

МогилА Ады, дочери Усмана-Хаджи

МогилА Неписат, дочери Усмана-Хаджи
(сел. Мекен-Юрт)

Зиярат на месте, где стоял дом Неписат, дочери Усмана-Хаджи (сел. Мекен-Юрт)

**Могилы Элу, жены Вазархана,
и их дочери Хадишт**

**Могилы Эсанкин Тоазы, жены Бокаша,
и их дочери Халипат Юсуповой**

Рукопись Кана-Шайха

Место захоронения Усмана-Хаджи находится на центральном кладбище села Нижний-Наур, расположенном в северо-западной части этого села. Тут до сих пор стоит зиярат, связанный с именем этого почтенного праведника, к которому даже по истечении ста двадцати лет не зарастает тропа, проложенная почитателями.

По свидетельству другого старожила из села Надтеречное, ныне покойного Бозы Хакимова (по паспорту — 1907 г. р.; на самом деле родился в 90-е годы XIX века), после смерти Усмана-Хаджи, люди, жившие по соседству с ним, в знак скорби в течение трёх дней и ночей не готовили в своих домах пищу. В настоящее время во дворе, где жил Упа-Хаджи, по адресу: село Надтеречное, улица Кооперативная, проживает внук Кана-Шайха — Султан Абдурахманович Ахметханов. В этом дворе по сей день пользуются колодцем, вырытым шайхом. Вода из него считается целебной. Кроме того, на месте, где стояла сакля Усмана-Хаджи, в доме Ахметхановых для посетителей приготовлена комната-зиярат.

Несмотря на то, что согласно арабским источникам Упа-Хаджи скончался 10 декабря 1896 года, в архивных документах, датированных 1900 годом, мы нашли упоминание его имени. В Архивном управлении Правительства Чеченской Республики хранятся копии документов (на правах подлинников) из Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания. Среди них есть «Смета прихода и расхода общественных сумм селений Грозненского округа за 1899—1900 годы», в которой приводятся списки жителей каждого села, состоящих на «отбывании государственной и земской повинностей». С каждого дыма (т. е. двора) села Нижний-Наур, согласно «Приговора»¹, утвержденного на общественном сходе жителями села, собиралось в год: в подымную подать² — 3 рубля; воинский налог³ — 64,6 копеек; на содержание земских троек⁴ — 43 копейки; в подводную повинность⁵ — 20,68 копеек; на общественные надобности — 2 рубля 12,22 копейки; всего — 6 рублей 40,½ копейки. Среди списков жителей Нижнего-Наура имя «Упа Хаджи

¹ Здесь — решение сельского схода.

² Подымная подать — в царской России, вид прямого денежного налога, взимаемого с каждого двора (дыма).

³ Воинский налог — специальный налог на лиц, по тем или иным причинам освобождённых от несения воинской службы.

⁴ Земская тройка — почтовая курьерская служба в дореволюционной России, использовавшая тройку лошадей.

⁵ Подводная повинность — одна из земских повинностей в Российской империи, заключающаяся в предоставлении подвод для земских, полицейских и служебно-следственных разъездов.

Гантиев» указано под порядковым номером 407. Под 399–402 номерами соответственно приведены его братья: Везерхан, Бокаш, Кана и Дока ¹.

В те времена в подобный список, согласно менталитету чеченцев и ингушей, вносились только представители мужского пола, будь они даже малолетними детьми. Видимо, из-за отсутствия в семье Усмана-Хаджи мальчиков, составитель списков — старшина селения Нижне-Наурского Току Ханакаевич Мамакаев, под именем Упа-Хаджи хотел указать его семью, состоявшую из двух овдовевших жён шайха — Доды и Жады, а также их дочерей.

В 1897 году в Чечню приехали потомки шайха Джамалуллайла — Сайд-Салих Гусейнов, Сайд-Альви и др. Узнав о смерти Усмана-Хаджи, Сайд-Альви побывал в Нижнем-Наура и пожертвовал за усопшего друга своего предка несколько быков. По преданиям, в назидание живым он прочитал следующую суру Корана:

«Бисмиллахиirroхьманиirroхьийм! Алхьаккъу муттукасур хьаттазур тумал макъабир калласовфи тIаIлимун сумма калласовфи тIаIлимун кал-лалов тIаIлимун Иильмаль якъим латарвунал жажьим сумма латарвунахIа Iайнал якъим сумма латаз йовма изан Iаьнан наIин».

Перевод: «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного! Увлекла вас страсть к умножению, пока не навестили вы могилы. Так нет же, вы узнаете! Потом нет же, вы узнаете! Нет же, если бы вы знали знанием достоверности... Вы непременно увидите огонь! Потом непременно вы увидите его оком достоверности! Потом вы будете спрошены в тот день о наслаждении!» ²

¹ АУП ЧР. Ф.236, оп.1, ед.хр.83, л.71.

² Коран, сура 102 «Охота к умножению», аяты 1–8.

ЗА РУССКУЮ ШКОЛУ

Первые попытки обучить чеченцев русской грамоте были предприняты сразу же после наступления мира на Кавказе. В 1862 году в крепости Грозной по инициативе чеченских просветителей К. Досова, Я. Хасанова, Г. Мударова и других была открыта школа для чеченцев и ингушей, которая просуществовала всего шесть недель. В 1863 году там же создаётся Грозненская горская школа, предназначенная для обучения русскому языку и основам мусульманской религии детей привилегированных чеченцев. По тому же примеру в 60-е годы XIX века школы были открыты также в сёлах Старый-Юрт и Нижний-Наур. Но они недолго просуществовали. Между тем, одна из первых в Чечне школ, призванных обучать русской грамоте простых чеченцев, была построена в Нижнем-Наура в 1900 году.

Инициаторами такой идеи выступили Кана-Шайх Хантиев, ставший достойным преемником своего старшего брата, и Хуси-мулла Успахаджиев — ученик Усмана-Хаджи, открывший в родном селе собственную школу — «хьубжар». Стоявшие у истоков возникновения арабской школы Усмана-Хаджи, они знали цену образованию. А как прогрессивные деятели своего времени, Кана и Хуси видели, что для совместной жизни в многонациональной России, чеченским детям помимо арабского образования необходимо изучить и русскую грамоту.

Сведения об открытии инициативной группой из Нижнего-Наура русской школы в своём селе, мы почерпнули из «Дела Терского областного Правления по ходатайству Нижне-Наурского и Староюртовского сельских обществ Грозненского округа об открытии сельского начального училища», извлечённого нами из фондов Центрального государственного архива Республики Северная Осетия — Алания. Хочется процитировать этот оригинальный и ценный документ, на страницах которого перед нашим взором предстаёт вся красочная картина организационных и бытовых сцен из прошлого.

«Приговор Нижне-Наурского сельского общества Надтеречного участка Грозненского округа Терской области от 23 апреля 1899 года»:

«Мы, нижеподписавшиеся жители Нижне-Наурского селения Надтеречного участка Грозненского округа из числа 370 человек, имеющих право голоса на сходе, были сего числа на оном 263 человека. Сего чис-

ла, в высокотожественный день Тезоименитства ¹ Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, на полном общественном сходе при сельском правлении посетили нас младший помощник начальника Терской области генерал-майор Писарев и начальник Грозненского округа подполковник Степанов, и по их совету о необходимости и пользе обучения наших детей русской грамоте и магометанскому закону, мы вполне сознали эту пользу и по обсуждении с общего непринужденного согласия ПОСТАНОВИЛИ:

В нашем селении на приличном месте отвести дворовой участок мерою в длину и ширину сорок сажен, построить на нем на общественный счет с помощью добровольных пожертвований жителей хорошее здание для сельского начального училища с классом на шестьдесят учеников и двумя комнатами для квартиры учителю. На общественные наши средства мы обязуемся доставлять дрова для отопления школы в зимнее время, содержать при ней постоянного годового сторожа и на учебные пособия для учеников назначить по смете прихода общественных сумм ежегодно по пятидесяти руб. Желали бы и жалование учителю производить из общественных сумм, но за недостатком общественных доходов, просим наше начальство исходатайствовать, чтобы жалованье учителю и мулле, а равно на библиотеку, классные учебные пособия, учебники и учебные принадлежности для учащихся и наем прислуги, и мелкие хозяйственные расходы — всего в сумме шестьсот руб., производились бы отпуском от казны, из сумм Кавказского учебного округа и Дирекции Народных училищ Терской области, в ведении которой будет состоять школа.

К сбору пожертвований и заготовке материалов для здания поставляем приступить теперь же, а к постройке — тотчас по получении плана, который выслан нам от начальника Грозненского округа, и если Бог поможет нам окончить здание с подлежащей школьной обстановкой к осени этого года, то донести тогда начальству и просить о назначении к нам хорошего учителя с жалованьем от казны, как равно производство такового сельскому мулле нашему, за преподавание в той же школе закона Божия по магометанскому вероучению.

Настоящий приговор по отобрании рук от неграмотных членов общественного сбора и подписи поручаем нашему сельскому старшине представить по начальству и просить об утверждении такового и приведении в исполнение, а все, что требуется от нас по нем, то мы исполним. И для хлопот по заготовке материалов и постройке здания избираем четырех

¹ Тезоименитство — день рождения члена царской семьи или иной высокопоставленной особы.

особых доверенных из своей среды, а именно: Наурбия Бельтиева, Хуса Успахажиева, Кана Хантиева и Доуды Чалаева, которым и поручаем вести это дело к успешному и благополучному окончанию в интересах общества и для пользы наших детей»¹.

Данный «Приговор» заверили своими подписями и печатями старшина селения Нижний-Наур, выпускник Грозненской горской школы, Таку Ханакаев, писарь Дегтярев и Начальник Надтеречного участка Грозненского округа, сотник Филатов.

Указанные в документе вместе с Каной Хантиевым и Хуси Успахажиевым доверенные лица от Нижне-Наурского сельского общества тоже были образованными людьми, знавшими арабский и русский языки. Наурбий Бельтиев работал сборщиком податей и казначеем сельского правления². Он был отцом Инди³ и Хамада-муллы Наурбиевых. Довда (Довьда) Чалаев хорошо знал русский язык и часто выступал парламентарием в заключении перемирия с казаками. Дважды избирался на пост старшины Зебир-Юртовского сельского правления. Довда был сыном Чалы Висинчиева⁴, в 1859 году вместе с другими соратниками перешедшего из стана Шамиля на сторону русского командования.

14 мая 1899 года, в «день коронования их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны», аналогичный «Приговор» был составлен и 368 жителями села Старый-Юрт, из 548 человек, имеющих право голоса, в присутствии Начальника Терской области генерал-лейтенанта Каханова и Начальника Грозненского округа полковника Степанова⁵. Оба эти приговора были направлены на согласование Попечителю Кавказского учебного округа и нашли одобрение.

Однако план для школы в Нижнем-Науру, направленный им начальником Грозненского округа, оказался неудобным, и жители этого селения 24 марта 1900 года составляют еще один «Приговор № 10», в котором просят власти предоставить другой план. Решение этого вопроса также было возложено на Кану Хантиева, который с Садыкбием Гарабиевым, тоже грамотным человеком, позже работавшим сельским старшиной, попал на приём в областное правление и поставил в известность власти о жела-

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 6, д. 190, л. 3—4 с об.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 79, л. 230.

³ Эпоним фамилии Индиевых, тайп хьуркой.

⁴ Эпоним фамилии Чалаевых, тайп г'ордалой. Потомки Довды Чалаева носят фамилию Давдиевы.

⁵ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 456, л. 9—12.

нии сельчан ¹. По этому поводу Младший помощник начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска генерал-майор Писарев 6 апреля 1900 года направляет письмо на имя Начальника Надтеречного участка Грозненского округа, в котором пишет следующее:

«Из объяснений доверенных Нижне-Наурского селения, лично бывших в Областном Правлении с приговором от 24 марта № 10, оказалось, что данный им проект плана для их общественной сельской школы они считают неудобным из-за его широкой квадратной формы.

По соглашению с Инспектором народных училищ на том же месте составлен другой — удлинённый и суженный... план № 2, вполне, по моему мнению, удобный и приличный для хорошего Наурского селения.

Ввиду вероятного уже выезда начальника округа в отпуск, препровождаю означенный проект плана к Вам и прошу, передав и разъяснив его доверенным общества, принять живое участие в этом деле, приискать рабочую артель, заключить с ней или подрядчиком толковый договор на работу и, совершив молитву, начать постройку, чтобы к началу учения 1 октября окончить ее.

Высоту и квадратный размер комнат прошу не уменьшать ради пользы и здоровья учеников, дорогих детей тех же жителей, фундамент поднять не менее одного аршина от земли.

Конечно, к постройке самой школы можно будет приступить, когда подготовится с покупкой по селениям и свезется на место кирпич, песок, известь, глина и потребный на деревянные части лес, но теперь же следовало бы и постарайтесь немедленно в своем присутствии на избранном для школьного двора месте совершить общественную молитву и приступить к огорожению его хорошим, хотя невысоким, плетнем с обмазкой и побелкой, а затем сарая во дворе и ретира, также обмазанных плетневых. Для этого, полагаю, состоятельные лица и соседи пожертвуют и привезут по 1—2 повозки хворосту, кольев, столбов и стропил, а чего не достанет, то можно докупить и за работу уплатить из общественных сумм, собранных на школу.

Кланяюсь Вам, старику Ханакая ², старшине, мулле и всем почетным, а как пойдет дело, пишите мне. Подписал генерал-майор Писарев» ³.

Надо полагать, что после такого ясного и расчерченного до мелочей указания от начальства работа по постройке школы закипела. В своём до-

¹ ЦГА РСО—А, ф. 11, оп. 6, д. 190, л. 10.

² Имеется ввиду Ханакай Мамакаев, бывший в то время пенсионером в преклонном возрасте.

³ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 456, л. 17—18.

несении от 5 декабря 1900 года начальник Грозненского округа полковник Н. И. Степанов пишет, что из его управления «Нижне-Наурская школа и приспособленный под школу Староюртовский участковый арестный дом, со всею необходимою утварью, совершенно готовы еще 5 октября... Успешное окончание Наурской школы и особенно приспособление Староюртовской, должно приписать усердию и добрым помощением поручика Чуликова. Сообщение Вашего Превосходительства о мулле Байсурко Эльжуркаеве поручик Чуликов передал, будет исполнено, как и все, что приходится поручить уму славному, пользующемуся уважением человеку, с одним достоинством чеченца и без недостатков, присущих этому народу»¹.

Упомянутого Степановым Байсурко Эльжуркаева мы знаем из предыдущего содержания нашего повествования как бывшего сельского казначея, преподававшего в школе Усмана-Хаджи. Это был действительно уважаемый и образованный человек. В 1900 году он уже работал судебским писарем при сельском правлении сел. Нижний-Наур, получая жалованье в размере 60 рублей в год². Принимал активное участие в общественной деятельности. Согласно Посемейным спискам селения Нижне-Наурского, составленным в 1886 году, Байсурко было 37 лет. В хозяйственном владении он имел 1 дом, 1 лошадь, 1 корову и 1 телёнка. Его семья тогда состояла из сыновей Ахмата (9 лет), Махмута (2 года) и трёх представительниц слабого пола³.

Кандидатура Байсурко Эльжуркаева была выдвинута на должность учителя новой школы, который должен был обучать учеников «магометанскому закону», т. е. основам Ислама. Судя по воспоминаниям его внука Магомед Байсуркаева, со своими должностными обязанностями Байсурко Эльжуркаев справлялся успешно. Многие его ученики стали впоследствии известными муллами.

В используемом нами документе есть интересные сведения о первых днях функционирования школы в Нижнем-Науру, приводимые начальником Терской области. Надеюсь, читателю небезынтересно будет ознакомиться с ними.

«...Благодаря усердию сельского старшины Таку, сына Ханакая Мамакаева и выборных почетных стариков⁴, за полтора года выстроено... сооруженное на каменном фундаменте из саманного кирпича под черепичною крышею высокое, просторное здание, в котором с 1 января

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 456, л. 19–20.

² Там же, д. 79, л. 231.

³ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 19, п. н. 41.

⁴ Имеются ввиду Кана-Шайх, Хуси-мулла и другие инициаторы.

и открыто... одноклассное училище. Посетив его 9 марта, помощник мой нашел, что в нем уже 50 мальчиков от 10 до 14 лет и один даже 25 летний... пожелавший выучиться русскому языку и грамоте. С этими школьниками учитель Саблуков¹ просто прекрасно начинает дело... чрез переводы об окружающих предметах, а затем, когда они ознакомятся с русскими названиями их и разговорною речью, приступит к обучению азбуки, чтению и письму. Школьное здание в 4 комнаты с широким коридором оказалось вполне хорошим и вокруг нее окружает просторный двор, на котором общество предполагает устроить колодезь для общего пользования и развести образцовый училищный сад и огород. Надеюсь это будет исполнено, тем более, что до сих пор никакого сбора с жителей не производилось, а они готовы на это, так как средства на постройку до 2 тыс. руб. старшиною изысканы из общественных оброчных статей.

Объявляю мою благодарность Нижне-Наурскому старшине Таку Мамакаеву за его полезную для общества бдительность, нахожу нужным сказать, что и другим селениям, подобно Наурскому, не трудно было бы, построив соответствующие здания, открыть и содержать русские начальные училища. Особенно и давно это необходимо во всех селениях Назрановского участка Сунженского отдела, в Грозненском и Хасав-Юртовском округах и многих других, лежащих вблизи железной дороги, с проведением которой в них развиваются торговля и хозяйственные сношения со всей Россией.

Прошу начальствующих лиц обратить на это внимание сельских старшин и обществ, коим объявляю, что для их хозяйства и правильной гражданской жизни с каждым годом увеличивается необходимость умения говорить по-русски и быть грамотным человеком, почему устройство в них начальных училищ послужит на пользу их же детям, а приговоры об этом и старания старшин будут меня радовать»².

Как явствует из документа, духовенство Притеречья ещё в начале прошлого века заботилось об изучении чеченскими детьми русского языка и культуры, для их же благополучного продвижения и преуспевания в жизни. Благодаря их стараниям, в Притеречье стало множиться количество чеченцев, владеющих русским языком и грамотой, что способствовало взаимопониманию и взаимопроникновению культур русского и чеченского населения на Тереке, имеющие продолжение и в наши дни.

¹ Фамилия неразборчива и может быть неточной.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 456, л. 21–22.

МИРОТВОРЦЫ

В имеющихся у нас архивных сведениях упоминание о семье Ахметхановых мы встречаем в документах 1894 года. В «Деле о причислении переселенца Енисейской губернии Хадужуко Самзиева к селению Нижне-Наурскому» есть «Приговор», составленный жителями села Нижний-Наур и свидетельствующий об их согласии принять в свою среду 49-летнего Хадужуко Самзиева, возвратившегося из ссылки к своей семье, состоявшей из жены Гауза — 47 лет и сына Сату — 18 лет. Последний стал эпонимом фамилии Сатуевых из тайпа хуркой (хьуркой), проживающих в сел. Надтеречное.

Хаджука (Хьочкъя) Семзиев вместе с односельчанами Чунчу Богаевым, Ахло Дудаевым и Кагерманом Ибаевым были задержаны по подозрению в ограблении казачки станицы Галюгаевской Владикавказского округа Анны Андреевой. В Грозненской главной гауптвахте они просидели более двух лет, после чего в 1877 году по приговору Грозненского окружного суда были сосланы в г. Канск Енисейской губернии. Ахло Дудаев и Кагерман Ибаев умерли в ссылке. 9 сентября 1882 года жительницы Нижнего-Наура Гауза Семзиева (жена Хаджука) и Хужу Богаева (жена Чунчу) при помощи казака Василия Малахова, пишут прошение в Канцелярию начальника Терской области о помиловании их мужей. Но им тогда было отказано ¹. Однако Х. Самзиев, отбывавший срок наказания в деревне Топольской Тасеевской волости Енисейской губернии, был всё же освобожден 23 февраля 1894 года.

«Приговор» жителей сел. Нижний-Наур о согласии причислить вернувшегося из ссылки Хадужуко Самзиева к их обществу подписали 267 из 400 сельчан, имеющих право голоса на общественном сходе. Среди подписавшихся фигурируют имена Пончу Ахмадова (брата Хенти), Эльмурзы Пончуева, Пути Пончуева, Вазархана, Бокаша, Каны и Доки Хантиевых ². Все они относятся к потомкам Ахметхана, предка Усмана-Хаджи.

В описываемое нами время сёла надтеречных чеченцев окрепли и перестали напоминать те жалкие деревушки и хутора, которые в середине XIX века не в состоянии были противостоять набегам казаков. Теперь фортуна оказалась на стороне чеченцев, и ни дня не проходило, чтобы в

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 12, оп. 3, д. 1452, л. 23, 99, 100.

² АМП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 767, л. 13—14.

отместку за прошлые обиды они не угоняли у затеречных казаков лошадей или скот. Это обстоятельство вынудило атамана Кизлярского отдела генерал-майора Морозова 10 августа 1891 года написать на имя начальника Грозненского округа следующий отзыв: «Атаман станицы Калиновской от 1 августа за № 873 донес, что он в ночь на 1 августа, поверяя секреты, поставленные вокруг станицы, заметил несколько человек чеченцев, прижавшихся к плетне тамошнего казака Евстафия Казберова. На оклик хищники бежали. При преследовании хищников казаками, произошла с обеих сторон перестрелка, но за темнотою ночи раненых не оказалось и хищники скрылись. По окончании этого дела атаман, перейдя на другую сторону станицы, где также были встречены чеченцы, которые, проломав плетень двора казака Казьмы Данскова, выводили двух его лошадей. Лошади тут же были отбиты, хищники же за темнотою ночи скрылись.

Прошу Ваше Высокоблагородие сделать распоряжение, чтобы по правому берегу Терека учреждены были от аулов разъезды и в ночное время не пропускались на левую сторону чеченцы»¹.

Начальник Грозненского округа полковник Чекунов 17 августа 1891 года обращается по этому поводу с рапортом на имя начальника Терской области, в котором пишет «что Калиновская станица находится против аула Кень-Юрт, что кень-юртовцы всегда славились своим молодечеством и в последнее время вели себя несколько скромно лишь вследствие принимавшихся особенных мер к их укрощению». Далее Чекунов сообщает, что кеньюртовцы «воруя за р. Терек, стараются выводить уворованное из реки на правой стороне оной не на кень-юртовской земле, а на землях соседних аулов и даже на землях частных землевладельцев, почему требование атамана отдела я нахожу основательным и покорнейше прошу приказания Вашего Превосходительства таковое исполнить»².

28 августа 1891 года начальник Терской области разрешает начальнику Грозненского округа ставить караулы по правому берегу Терека на десять вёрст от станицы Калиновской. Несмотря на принятые меры, кражи скота не прекращались, а случаи вооружённых столкновений казаков и чеченцев с жертвами с обеих сторон даже участились. Обстановка на Тереке накалялась с каждым днём. Востребованная временем роль дипломатов в мирном урегулировании конфликта между соседями выпала на долю суфийских шайхов. А самыми авторитетными духовными лидерами в Притеречье, после смерти Усмана-Хаджи стали его младший брат Кана-Шайх Хантиев и соратник Докку-Шайх Шаптукаев, которые в это

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 12, оп. 3, д. 1297, л. 2.

² Там же, л. 1 с об.

тяжёлое время оказались в центре событий. Где мудрым словом, а где и силой оружия, Кана Хангиев и Докку Шаптукаев держали взрывоопасную ситуацию под контролем.

Будучи человеком слова, Кана стал примером подражания для своих современников и пользовался заслуженным уважением в Чечне. Шайх привлекал к себе всех без исключения людей, горящих патриотическими чувствами к своей Отчизне.

Известен эпизод из жизни Кана-Шайха, свидетельствующий о том, что он не любил бросать слова на ветер. Однажды шайх подошёл к своим приятелям, сидевшим на улице возле дома его родственника Ичи Эдиева, внука Эдалгири Ахмадова. Уловив шутливый тон разговора, Кана спросил их: «О чем это вы?».

— А о том, что в Верхнем-Наура живёт одна разведёнка — «жеро» по имени Жансари, — отвечали ему приятели. — Говорят, что она такая высокомерная и ни за кого не желает выходить замуж. Вот мы и спорим, кто из нас сможет вскружить ей голову и сделать своей женой.

— За вас она не выйдет. Если хотите, я прямо сейчас отправлю за ней свою жену Замзу, чтобы она привела её в мой дом в качестве второй жены, — пошутил Кана.

Друзья пошли на спор и заявили, что Кана не посмеет этого сделать. Тогда он пошёл домой и сказал матери своих детей: «Замза, ты должна женить меня на Жансари из Верхнего-Наура».

Жена Кана-Шайха молча оделась и поехала исполнять волю мужа. Её повёз туда старший сын Абдурахман (Дара). Следуя в Верхний-Наура Замза полагала, что Жансари откажется выйти замуж за Кана. Но когда доехав, она объявила о цели своего визита, Жансари неожиданно ответила: «Раз приславший за мной — Кана, а приехавшая — ты, я согласна выйти за него».

Эти слова словно пули пронзили сердце Замзы, но она скрыла своё волнение.

Когда Жансари стала второй женой мужа, Замза перестала хлопотать по хозяйству. К тому же, от душевных переживаний на её правой ладони появился гнойный нарыв («Гаржбьарг»). Жансари оказалась ленивой хозяйкой и Кана как-то упрекнул её в этом. Она ответила, что сожалеет о том, что вмешалась в его семью. Тогда Кана спросил у Замзы:

— Ты же не относишься до сих пор так халатно к делам по хозяйству? Зачем ты стала такой вялой?

— Неужели не видишь, что моё сердце готово разорваться от ревности, а на правой моей ладони появился нарыв, — ответила ему жена.

Тогда Жансари окончательно убедилась, что она лишняя в доме Каны и развелась с ним ¹.

Другой рассказ свидетельствует о сострадательности Каны. Однажды, Сайдуллин Хади́з со своим сыном Седеком (Седекъ) плавали на лодке по Тереку и собирали обрубки брёвен («гоьргаш»), вырванные рекой из прибрежного леса. Из них жители Притеречья заготавливали дрова на зиму. Перегруженная лодка Хади́за утонула и он, поддерживая сына, поплыл к берегу. Неожиданно на берегу реки появился Кана. В присутствии взрослого, а тем более — шайха, согласно чеченскому менталитету Сайдулаеву стало стыдно держать сына, и он выпустил его из рук. Кана крикнул Хади́зу: «Не отпускай его!». Но было поздно. Сына Хади́за понесло вниз по течению. Он то исчезал, то появлялся на поверхности. Готовый броситься в Терек и спасти мальчика, Кана на бегу стал снимать с себя одежду. Но, к счастью, ниже по течению рыболовы тащили невод. Они заметили тонущего мальчика и вытащили его из воды. Прожив после этого долгую жизнь, спасённый тогда Седек Хади́зов скончался в начале 90-х годов XX века и похоронен в Закан-Юрте.

Жена Каны — Замза была женщина с характером. В Центральном госархиве РСО — Алания мы нашли дело «По обвинению Хамби Дакаева в оскорблении жены Кана Хантиева — Замза по адату». В этом деле есть жалоба, написанная Замзой на имя начальника Терской области 15 марта 1906 года. Цитируем документ: «Грозненский горский словесный суд в заседании своем 9-го сего марта рассмотрев дело по жалобе моей на односельца своего Хамби Дакаева, постановил подвергнуть его — Дакаева аресту при участковой ставке на трое суток. Постановление это я считаю неправильным и подлежащим отмене по нижеследующим обстоятельствам. В прошении моем, поданном Грозненскому горскому суду, я ясно излагала, что в отсутствии мужа моего из дома, ночью после 12 часов, когда я спала, к нам явился кто-то, разбил у дома одно стекло у окна, посредством которого отворил окно и влез в дом через окно.

Услышав стук, я очнулась от сна и слышу, что кто-то есть в комнате, а потом окликнула; не получая на оклик ответа, я зажгла спичку и увидела у себя в комнате Хамби Дакаева; бросив спичку, схватила его одежду и стала звать на помощь, тогда Хамби Дакаев сказал пусти меня, иначе он зарежет кинжалом; я из боязни получить смерти бросила его, и он проворно выскочил из комнаты в дверь и ушел; такой проступок Дакаева чрез взлом окна в полночь «не должен бы ограничиться наказанием [в виде] ареста при участковой ставке на трое суток, а дело должно бы

¹ Записано со слов Мухади Ахметханова и Тахира Ахматханова.

быть разобрано уголовным порядком и наказание должно быть наложено не трехдневный арест, а тюремное заключение; вследствие вышеизложенных обстоятельств, представляя при сем выписку из настольного журнала за № 193 осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение о пересмотре этого дела в подлежащем судебном учреждении и о наложении на Хамби Дакаева более строгого наказания за учиненный проступок. На просьбу мою осмеливаюсь ожидать милостивой резолюции. К сему Замза Хантиева, а по неграмотности ее и личной просьбе расписался Михаил Хакишев»¹.

Согласно «Выписке из настольного журнала Грозненского Горского Словесного суда» (дело 56, настольный журнал № 193 за 1906 год) ответчик Хамби Дакаев, бывший ученик Усмана-Хаджи объяснил, что «он ухаживал за племянницей Кана Хантиева, она обещала выйти за него замуж, если он даст развод своей жене, что он и сделал. По поводу сватовства я, по приглашению Замзы, явился в дом Хантиева после захода солнца, где встретился с Меси Вазархановой, племянницей Кана Хантиева, там переговорил с Вазархановой, она не соглашалась выйти за него замуж. Он уходя пощупал Меси Вазарханову. Через окно не лазил и сказанное Хантиевой опровергает»².

Суд постановил: жителя селения Нижний-Наур Хамби Дакаева за оскорбление чести жительницы того же селения Замзы Хантиевой на основании 135 статьи Установления о наказании подвергнуть аресту при участковой ставке на трое суток. «Суд предложил тяжущимся помириться. Потерпевшая Замза Хантиева от принятия категорически отказалась»³.

Начальник Терской области 11 июня 1906 года предлагает начальнику Грозненского округа выдержать Дакаева под арестом при участковой ставке семь суток вместо трёх⁴. Благодаря вмешательству самого Кана-Шайха, конфликтная ситуация между Хантиевыми и Дакаевыми была урегулирована мирным путём. Позже эти семьи даже породнились, выдав дочь Каны — Медину за Магомед Дакаева.

В 1905–1909 годах конфликты между казаками и чеченцами дошли до этнических стычек между соседями. Во главе вооружённого сопротивления надтеречных чеченцев стоял Гандор Муртаев. В ходе этих столкновений жители сел. Нижний-Наур ввязались даже в перестрелку с казаками из станицы Наурской.

¹ ЦГА РСФСР–А, ф. 12, оп. 3, д. 1595, л. 1 с об.

² Указ. ист., л. 2 об.

³ Указ. ист. л. 3 с об.

⁴ Указ. ист., л. 5.

**С л е в а с и д и т ш а й х А б д у л - А з и з (Д о к к а) Ш а п т у к а е в
с д р у з ь я м и и м у р и д а м и**

Ш а й х К а н а - Х а н т и е в с ж е н о й З а м з о й

Ш а й х Д е н и А р с а н о в

Благодаря стараниям духовенства во главе с Абдул-Азизом (Докку) Шаптукаевым, Каной Хантиевым и Дени Арсановым конфликты на Тереке между казаками и чеченцами разрешались мирными переговорами. В качестве примера можно назвать съезд в станице Червлённой, состоявшийся 24–25 февраля 1906 года с участием уполномоченных от казаков и чеченцев, на котором Надтеречный участок Грозненского округа представляли Абдул-Азис Шептукаев, Эти Яндаров, Дени Арсанов, Кана Хантиев¹ и Гандор Себиев². На началах постановлений, принятых Червлёнским съездом, 1 ноября 1906 года состоялась также акция примирения между казаками и чеченцами в станице Наурской. Оттуда вечером все представители казачьих верхов и начальства области были приглашены на хлеб-соль в чеченский аул Нижний-Наур, лежащий напротив станицы Наурской на правом берегу Терека. Торжества по случаю примирения продолжались до 2 ноября 1906 года³.

Однако, несмотря на все старания духовенства, разбои и грабежи продолжались. В эти годы было произведено громкое похищение успешного овцевода из местности «Каргайлы», что на участке земли станицы Червлённой, казака Ивана Кошеля. Согласно хронике Доши Мудаева, это пленение произошло в 1907 году. Но архивные документы говорят, что 22-летний Иван Кошель, сын овцевода Вукола Кошеля и его супруги Анастасии, был похищен около 9 часов утра 26 октября 1908 года, с целью вымогательства выкупа у родителей в размере 10 000 рублей. Подозрение в этом преступлении пало на жителей сёл Нижний-Наур и Верхний-Наур. Следствие привлекло на допрос по этому делу Висаита Актулаева, князя Хамзатхана Турлова, Бота Татарова, Асухана Эльсаханова, Таймасхана Дешиева, Саи Саралиева и Хажихана Махтиева⁴.

В таких суровых условиях шайхи Кана Хантиев и Дени Арсанов опасались, что казаки могут напасть на крупное и богатое притеречное чеченское село Девкар-Эвл (Старый Юрт).

Однажды Кана гостил у односельчанина Узи (Иузи) Шангиева, а Дени Арсанов — у своего мурида Сугаипа Докуева (1870 г. р., эпоним фамилии Сугаиповых из тайпа сесаной). Кана послал гонцов за Дени-Шайхом, чтобы пригласить его в свою кампанию. Собравшись вместе, они беседовали допоздна, получая удовольствие от общения друг с другом.

¹ В документе ошибочно приводится имя Кака Хамкиев.

² РГВИА, ф. 1300, оп. 4, д. 1540, л. 11–12.

³ Там же, л. 30.

⁴ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее — ЦГИАГ), ф. 114, оп. 1, д. 896, л. 5–6 с об.

Вдруг, неожиданно для всех, Дени попросил у Каны сделать дуа. Тот не отреагировал на его просьбу. Дени опять попросил Кану сделать мольбу, но и на этот раз нижненаурский шайх промолчал. Лишь после третьей просьбы Дени Арсанова Кана-Шайх воздел руки и сделал дуа.

По дороге домой, Сугаип спросил у Дени:

— Что за мольба была сделана Каной после твоих настойчивых просьб?

Дени ответил:

— Когда я первый раз попросил Кану сделать дуа, тело его осталось среди нас, а душа поднялась на семь небес, чтобы восславить Аллаха. На второй раз душа Каны ушла вглубь семи земель и он не сделал мольбу. От третьей просьбы ему некуда было деться и, подняв свои большие руки, Кана сделал дуа. А мы сказали «Амин». Над селом Девкар-Эвл нависла реальная угроза, и оно могло пострадать от неверных. Я попросил шайха сделать дуа, чтобы Аллах сорвал эти коварные замыслы наших общих врагов. Всевышний ответил на мольбу Каны ¹.

Вот такими миротворцами и проводниками в жизнь чаяний народа были вайнахские шайхи, которые день и ночь, не щадя своих сил, трудились во благо многострадального чечено-ингушского народа.

¹ Записано со слов Мухади Ахметханова.

ССЫЛКА В КАЛУГУ

Начало XX века вывело из недр чеченского общества нового героя. Им стал знаменитый абрек Зелимхан Гушмазукаев из Харачоя. В течение девяти месяцев вместе с Зелимханом Гушмазукаевым в тюрьме сидел Солта Дакалов из Нижнего-Наура (1877 г. р., тайп мелардой). На теле будущего абрека была рана. Зелимхан часто просил Солту перевязать её, поскольку Дакалов был младшим среди заключённых. В соседнем лагере, за стеной, в заточении находились отец и двоюродный брат Зелимхана. Однажды они бросили через стену комок глины. Его подобрал Солта. Там оказалась записка, в которой родственники просили Зелимхана бежать из заключения и затем вызволить их из неволи. Харачоевец с помощью Солты Дакалова достал винный уксус («чагIар-къонза») и растворяя им кирпичную кладку по ночам, сделал под своими нарами отверстие в стене и стал рыть лаз. Днём же Зелимхан рассыпал под нарами накопившуюся во время рытья подкопа землю. Через этот лаз Зелимхан и бежал из тюрьмы. В побеге ему помогли друзья Солты Дакалова, среди которых были гордалоевец Сулба Лосаев и нижалоевец Абубакар Дудаев (1867 г. р., эпоним фамилии Абубакаровых). Харачоевец как-то спросил у Солты: «Можно ли положиться на твоих друзей?». «Можно», — не раздумывая отвечал молодой нижненаурец. Друзья Солты также привели коня, на котором будущему известному абреку удалось скрыться от преследования.

Не совершившие побег вместе с Зелимханом Солта и другие заключённые из их камеры заслужили доверие и уважение охраны. «Вы оказались честными людьми», — говорили им тюремщики. Двери камеры для них с тех пор были открыты и они могли свободно прогуливаться во дворе тюрьмы. А вскоре Солту и его сокамерников досрочно выпустили из заключения.

Зелимхан не забыл своего друга Солту. После его освобождения он часто гостил у него в Нижнем-Науре. Однажды брат-близнец Солты — Юсуп вёз на своей подводе сено, купленное у мужика («муьжги») из Эмасуле. Возле Верхненаурского кладбища на дороге появился всадник. Он спросил у Юсупа:

— Куда ты едешь?

— В Лаха-Невре, — ответил тот.

— Я устал ехать верхом. Можно мне взобраться на твою повозку? — попросил незнакомец.

Получив согласие, по лестнице, прикреплённой сзади к сену, всадник забрался наверх. И только тогда Юсуп заметил выступающее из-под его бурки дуло винтовки.

Раньше Нижний-Наур располагался в пойме Терека, которое теперь называется «Шу кела» («Шу кѐла» — буквально «под террасой»). К юго-западу от села, рядом с лесом было болотистое место, называемое «Ишал». Дорога, идущая со стороны Верхнего-Наура, сворачивала в сторону Нижнего-Наура в местечке, называемом «Ишалан-мара». Когда Юсуп доехал до этого места, спутник спросил, знает ли он Солту. Не выдавая, что он его брат, Юсуп ответил, что знает. Тогда незнакомец признался ему, что он едет к Солте.

Когда Юсуп доехал до дома, Солта открыл ворота. Заметив человека на сене, он поздоровался с ним:

— Добро пожаловать, гость!

Этим таинственным спутником Юсупа оказался абрек Зелимхан, которого Солта отвёл к своему дяде Сарали Бенаеву (Сарѐла, 1841 г. р., эпоним фамилии Саралиевых из тайпа мелардой). Переночевав в доме старого Сарали и собираясь утром в путь, Зелимхан спросил, есть ли у них знакомые в Галне (Кень-Юрт), у которых можно было бы остановиться на ночлег. В то время за Цинци из Кень-Юрта, занимавшим должность члена Горского словесного суда Грозненского округа, замужем была сестра Солты. К ним он и направил абрека. С тех пор каждый раз, когда Зелимхан приезжал в Притеречье, он гостил у Цинци, Солты, Сулбы Лосаева и Абубакара Дудаева ¹. Кроме того, согласно рассказу ныне покойного Седека Махмудова из сел. Надтеречное (1907 г. р.), абрек Зелимхан в Нижнем-Науре останавливался у Даки (Дакхи) и его соседа Умалата Кадыева (1848 г. р., эпоним фамилии Умалатовых из тайпа Іаларой). Однажды, когда Зелимхан приехал к Даки, кто-то донёс об этом властям. Окружив дом, милиция произвела в нём обыск. Но находчивый абрек выбрался через дымоход камина в доме друга и таким образом спасся от преследователей.

Зелимхан часто зимовал у своего однотайповца Мохмада Булатова из Девкар-Эвла, который был женат на племяннице шайха Шаба-Хаджи Хусиева из Брагунов, отца Сулеймана Шабахаджиева. Она родилась во время возвращения Шаба-Хаджи из паломничества в Мекку и была наречена шайхом именем Ровзат. В 1911 году, когда Зелимхан гостил у

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

них, у Мохмада и Ровзат родился сын — восьмой ребёнок в семье. Абрек дал ему имя Халид. В середине 2000 годов Халид Магомадов проживал в посёлке Новый-Городок Надтеречного района. По воспоминаниям стариков, абрек Зелимхан скрывался также в Верхнем-Наура.

Помогавший Зелимхану бежать из тюрьмы, а позже укрывавший его у себя дома Сулба Лосаев из Нижнего-Наура умер нелепой смертью. Однажды он вместе с другом Хадизом Сайдулаевым поехал обрабатывать пашню на Терском хребте. А недалеко от этого места проходила дорога из Грозного, по которой иногда проезжали верхом казаки из станицы Наурской. В Нижнем-Наура они паромом переправлялись на левый берег Терека. В тот день у работавших на полях друзей возникла стычка с проезжавшим здесь казаком. Это было в пору жутких межнациональных конфликтов. В гневе, Хадиз прицелился и выстрелил ему между лопаток. Но оказалось, что ружьё не было заряжено дробью. Казак не пострадал, а получил лёгкое ранение. Он оказался не из робкого десятка. Вместо того, чтобы бежать, казак смело кинулся врукопашную, чтобы отомстить Хадизу. Сулба, отличавшийся богатырской силой, решил задушить его, прежде чем тот добежит до его друга. Он плотно прижал казака к своей груди и не давал ему вздохнуть. Тогда тот из последних сил выхватил кинжал из-за пояса самого Сулбы и вонзил ему в живот. Силач разжал руки и освободившийся из «клещей» казак, с кинжалом в руках кинулся на Хадиза. Но тут раздался выстрел из дробовика, произведённый прикакавшим на коне Гинардукой Тепсуркаевым (Гинардука, 1851 г. р., эпоним фамилии Гинардукаевых из тайпа дишний).

Оставив сражённого казака на месте, Гинардука и Хадиз спешно привезли Сулбу домой. Рана была серьёзной. Родственник Сулбы — Доша Мудаев срочно поехал за известным в предгорье Чечни лекарем Абдуллой. Возвращавшийся с целителем Доша был почти у цели, когда Сулба скончался. В это время они уже доехали до дома его племянника Нанги Духаева. По сей день место на Терском хребте, где был заколот Сулба, называется «Поляна Сулбы» («Сулбин акъари») ¹.

После этого трагического случая односельчанин Альгирын Апти посоветовал Хадизу убрать тело казака с дороги, чтобы замести следы преступления. Сайдулаев так и поступил.

Чтобы скрыть убийство казака и ввести власти в заблуждение, Хадиз распустил слух, что виновником смерти Сулбы является он, и вместе с семьёй уехал в Галне (Кень-Юрт), якобы во избежание кровной мести («Чир»). А спустя неделю вернулся домой и сделал вид, что заключил

¹ Акъари — поляна на возвышенности.

перемирие с родственниками Сулбы. Тогда власти особо не вмешивались в тяжбы чеченцев, лишь бы они приходили к обоюдному согласию ¹.

Большой резонанс на Кавказе получило дерзкое ограбление абреком Зелимханом Кизлярского казначейства 27 марта 1910 года. Появилось подозрение, что в этом грабеже принимал участие сын шайха Бамат-Гирей-Хаджи Митаева — Али ². 16 августа 1910 года помощник начальника Терского областного жандармского управления в Грозненском, Хасав-Юртовском округах и Кизлярском отделе ротмистр Беллик пишет в Департамент полиции МВД: «Имею честь донести Департаменту Полиции, что после ограбления Кизлярского казначейства 27-го марта с/г., ко мне поступили агентурные сведения о том, что в этом ограблении принимал участие житель сел. Автуры, Веденского округа, Али Митасов ³; ввиду изложенного и на основании предписания начальника Терского областного жандармского управления от 12-го августа с/г. за № 4524, мною приступлено к производству, в порядке охраны, переписки по собранию сведений на предмет выяснения причастности к разбойной шайке абрека Зелимхана Гушмазакаева, названного Али Митасова» ⁴.

19 июня 1910 года в гостинице «Гранд-Отель» в Грозном, а на второй день — в селении Автуры, по месту постоянного жительства Али Митаева, были произведены обыски, но ничего предосудительного обнаружено не было ⁵. Мера пресечения о содержании под стражей 19-летнего Митаева Али Бамат-Гирей-Хаджиевича была принята 28 июля 1910 года ⁶. Но заключён под стражу в Грозненскую окружную тюрьму и допрошен только 18 августа того же года. В ходе допроса, дознаватель Беллик выяснил, что Али Митаев родился в 1890 году в селении Автуры. «Отец: Бомат Гирей-Митаев; мать — Миламат Магометова. Занятие или ремесло (средства к жизни) и последнее место службы — торговлей мануфактурными товарами» ⁷.

¹ Записано со слов Абу Дакалова и Хусейна Сулбаева (1951—15.01.2004).

² Народы Востока и Калужский край. Ссылные и военнопленные мусульмане в Калужской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Калуга, 2009. С. 113; *Акаев В. Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. Грозный, 2011. С. 108; *Красин В. М.* Человек в иной культуре: сыбка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX — начале XX в. Калуга, 2012. С. 123.

³ Позже Беллик уточняет, что привлечённый к ответственности «не Али Митасов, а Али Митаев» (См.: ГАРФ, ф. 102, 7-Д, оп. 207, г. 1910, д. 1934, л. 7).

⁴ ГАРФ, ф. 102, 7-Д, оп. 207, г. 1910, д. 1934, л. 6 с об.

⁵ Там же, л. 3.

⁶ Там же, л. 5.

⁷ Там же, л. 2 с об.

30 августа 1910 года начальник Терского областного жандармского управления полковник Устинов выносит «Постановление № 5», согласно которому предлагалось выслать Али Митаева из пределов Терской области в одну из Северных губерний Российской империи, под гласный надзор полиции, сроком на два года, «с воспрещением, по отбытии им срока высылки, вернуться в пределы Кавказского края»¹. Но, вопреки желанию главного жандарма области, Али Митаев не был сослан за недоказанностью вины.

В 1911 году царизм ужесточил меры по борьбе с Зелимханом Гушмазукаевым. Власти требовали от народа его выдачи, но абрек имел поддержку среди чеченского духовенства. Тогда для ликвидации бандитизма в Веденском округе была создана охранная стража из числа чеченцев. Начальник Веденского округа князь Каралов издал по своему округу приказ № 49 от 29 июня 1911 года, в котором пишет: «По данным, имеющимся в управлении вверенного мне округа, я к своему глубокому сожалению, усмотрел наличность чрезмерного количества преступных деяний среди всего населения округа.

Количество воровства, грабежей и разбоев не только не прекращается, но, видимо, даже увеличивается, и их так много, точно народ только и живет ими, точно это и есть тот идеал жизни, к которому мы должны стремиться от мала до велика...

Такое порочное и крайне нежелательное явление я отношу прежде всего к совершенной бездеятельности магометанского духовенства, большая половина которых в своих проповедях не учит народ добру, то есть тому главному догмату веры, который служит основанием религии и Закона Божьего.

Почтенные старцы, имеющие большое влияние на народ, в своих беседах не направляют их к культурному развитию и совершенствованию, не объясняют им, что детские игрушки: пистолеты, кинжалы нужно — и время заменить полезными земледельческими орудиями: плугом и сохой, и, что только мирным трудом можно завоевать свое благосостояние.

Старшины небрежно относятся к делу борьбы с преступным элементом, зачастую совершенно бездействуют, а начальники участка не проявляют достаточного активного участия не только в искоренении, но и в уменьшении преступности в округе...

Население большею частью сплошь да рядом укрывает порочных людей, дает им у себя приют и даже помогают им избегать законную кару.

Преступный элемент, видя безнаказанность своих незаконных про-

¹ ГАРФ, ф. 102, 7-Д, оп. 207, г. 1910, д. 1934, л. 9.

явлений, прогрессирует свою деятельность, а мирное население кричит и разоряется штрафами.

Такое положение вещей ни в одной культурной стране терпимо быть не может, а потому желая, если не положить конец этому крайне позорному явлению, то хотя бы по возможности сократить преступность среди Высочайше вверенного мне населения, я признаю необходимым призвать в слободу Ведено на 10 июля к 8 часам утра, для совместного со мной и моих помощников обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с усилившимся злом, следующих лиц, вверенного мне округа: кадия Абас Аутахажиева, депутатов Горского суда: Гази Магома Ольмисханова, Шопи Цуруева и Буи Гайбулатова; 1-го участка: Касима Хажи Сайбатаева, Корнета Магомада Шамилева, Махматхана Сайханова, Эльсамирза Чогаева; 2-го участка: Косума-Хажи Ильясова, Кехурса Темиргиреева и Расу мула Гайтукаева; 3-го участка: Сугаип Мула Гойсумова, Шамсудин-Хажи Аутахаджиева, Ибрагима Чергизова, Домая Талхигова; 4-го участка: Ибрагима Юсупова, Юсуп-Хажи Байбетыхажиева, Абдул Кадыр Хажи Берсанова и Темурко Хажи Лечиева и 5-го участка: Бета Келоматова, Лабазан Хажи Везерханова.

Кроме того, на то же число прибыть в слоб. Ведено к указанному выше времени всем начальникам участков, по одному старшине от каждого участка, по назначению начальника участка и по два доверенных, по выбору уполномоченных от селения...»¹.

23 августа 1911 года подполковник князь Каралов пишет рапорт на имя начальника Терской области, в котором неслестно отзывается о чеченском народе и его духовенстве. Ознакомимся и с этим документом:

«При внимательном знакомстве с общим состоянием Высочайше вверенного мне Веденского округа, я обратил внимание на особенную склонность населения к воровству, грабёжам, насилиям и разбоям, при поголовном укрывательстве порочного элемента.

Народ этот, стоящий ещё на низшей ступени культурного развития, и, будучи веками воспитан в пороках, усвоил себе особые идеалы жизни, противные общечеловеческим законам — воровство, грабёж и разбой почитается им удалством и поощряются лучшими их представителями.

Крайняя ограниченность и безграмотность мулл, влияние и пропаганда идеи мюридизма сектантами-зикристами могут ли направить народ на мирный путь и внушить ему трезвые взгляды на чужую собственность и

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 783, л. 18–19; ЦГА РСФСР–А, ф. 11, оп. 52, д. 1190 «Дело о мероприятиях по борьбе с бандитизмом в Веденском округе (в частности с Зелымханом)»).

жизнь? Конечно, нет, а потому народ продолжает жить укоренившимися в нем привычками, и только долголетним и упорным трудом администрации, воспитанием и русской школой можно перевоспитать эту темную массу, привив к ней принципы гражданственности и приучив ее к законности и порядку; но пока наступят эти светлые дни, я, почитая себя обязанным, если не положить конец, то хотя-бы, по возможности, сократить преступность в округе, издал приказ по вверенному мне округу от 29 июня с/г. за № 49, которым призвал в слободу Ведено лучших представителей народа, для совместного со мной и моих помощников обсуждения способов действительной и рациональной борьбы с преступностью.

Собрание это не дало желательных результатов — представители высказались за необходимость введения варварских Судов по шариату.

Объяснив им всю дикость их мысли и находя пока единственным верным средством для борьбы с преступностью — деятельность правильно организованных партизанских команд... я воспользовался народным приговором от 22-го июня 1908 года...»¹.

Из этого документа мы видим насколько примитивным и пренебрежительным было у начальства того времени представление о мусульманской религии и шариатских судах. Поэтому в следующих документах мы увидим, как невежественное Кавказское начальство не могло отличить шайхов-зикристов от шайхов накшбандийского тариката и без разбору отправляло их в ссылку.

18 октября 1911 года из гор. Тифлиса главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков пишет рапорт «Его Императорскому Величеству». В нём он сообщает:

«Из доклада, представленного мне Помощником моим в военной части генералом от инфантерии Шатиловым, командированным в Терскую область для обследования на месте действий администрации и войсковых команд, а также выяснения причин неуловимости абрека Зелимхана, виновности туземных обществ и отдельных лиц, способствующих его укрывательству, и выработки предложений дальнейшей борьбы с ним, я усматриваю, что самым главным препятствием к поимке названного абрека служат поголовное укрывательство его почти всем туземным населением Грозненского и Веденского округов и оказываемая им разбойнику в необходимых случаях активная поддержка.

Вследствие сего и в целях достойного наказания чеченского народа за непрерывное, в течение 12 лет, укрывательство Зелимхана и явное ему пособничество, а также и установления порядка дальнейшей борьбы

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 783, л. 25–26.

с упомянутым разбойником, я предложил начальнику Терской области принять к исполнению нижеследующие мои распоряжения:

1. Поставить на экзекуцию войсковые части, командами не менее полусотни, в те населенные пункты Веденского и Грозненского округов, в районе которых Зелимхан скрывался последнее время, а также и в те, к составу которых принадлежат убитые и задержанные в настоящее время разбойники, и через которые следовала шайка после нападения ее на дорожную комиссию ... для чего привлечь как части войск, находящихся ныне в Терской области для содействия администрации, так равно и командированные мною туда же для означенной надобности 6 пластунских сотен.

2. Выслать теперь же в Тульскую губернию, на основании ст. 11/2 т. II Учр. Упр. Кавк. края, по продолж. 1906 года и в порядке ст.ст. 32–34 Положения о Государственной охране, сроком на пять лет, вместе с семьями, жителей Веденского округа — Баматгирея-хаджи Митаева, Сугаипа-муллу Гойсумова и Чимирза-хаджи, Назрановского округа — Батал-хаджи Белхороева, Грозненского округа — Кана-хаджи¹, Абдул-Азиса Шаптукаева и Магомада-муллу² и Андийского округа, Дагестанской области, Омар-хаджи³, как наиболее влиятельных представителей (шейхов) мусульманской секты «Зикра», вредных для общественного порядка и спокойствия и вместе с тем способствующих разбойнической деятельности Зелимхана, который, являясь рьяным последователем помянутой секты, пользуется покровительством названных шейхов и служит для них орудием противодействия русской власти.

Шейхи эти, как выяснено, поддерживают с Зелимханом тесное сношение, благословляют его на отчаянные разбои, комплектуют его шайку своими последователями — мюридами, доставляют ему оружие и патроны и тщательно укрывают его...»⁴.

В следующих пунктах своего рапорта Воронцов-Дашков предлагает выслать в Орловскую губернию 25 родственников Зелимхана, назначить «правительственных старшин во всех сельских обществах, составляющих район деятельности Зелимхана и взыскать в месячный срок со всех че-

¹ Кана не совершал паломничество в Мекку. Титул «Хаджи» у чеченцев обычно носят только совершившие Хадж к святым местам в Аравии.

² Зикристский шайх Мани Назиров из тайпа харачой (ум. 1924 г.). Переселился из Цацан-Юрта в Притеречье, где проживал в сёлах Новый-Юрт (Виноградное) и Мундар-Юрт (Знаменское).

³ Зикристский шайх Омар-Хаджи Хаджи-оглы.

⁴ РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3923, л. 28–29; ГАРФ, ф. 102, 5-Д, оп. 146, 1911, д. 635, ч. 2, л. 2 с об.

ченцев Веденского и Грозненского округов штраф в размере ста тысяч рублей, для выдачи вознаграждения семьям убитых ротмистра Долидзе, инженера Орловского, чиновника Ворченко и нижних чинов конно-дагестанского полка, а также пособий раненым»¹.

26 октября 1911 года главнокомандующий войсками Кавказского военного округа под грифом «Секретно» докладывает военному министру Владимиру Александровичу Сухомлинову о том, что шайхи и 25 родственников абрека Зелимхана с их семьями высылаются из пределов края в Тульскую (сверху приписано Калужскую) и Орловскую губернии, сроком на пять лет «с водворением их там на определенных местах жительства и на правах лиц, высланных под гласный надзор полиции»².

17 ноября 1911 года, исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Берхман пишет рапорт в азиатский отдел Главного штаба «О высылке из кавказского края шейхов в Калужскую губернию», следующего содержания: «Доношу, для доклада Военному министру, что ввиду последовавших указаний Министерства Внутренних дел о том, что для водворения высылаемых по распоряжению Кавказского начальства порочных горцев на срок назначены губернии Самарская, Курская, Калужская и Орловская, Главнокомандующим войсками округа сделано распоряжение о высылке из пределов края шейхов с их семьями, упомянутых в письме графа Воронцова-Дашкова к Его Высочайшему повелению от 26 минувшего октября за № 6757 не в Тульскую, а в Калужскую губернию, сроком на пять лет, под гласный надзор полиции»³.

Шайх Омар-Хаджи Хаджи-оглы из селения Анди Андийского округа (род. в 1822 г.) высылался в Сибирь ещё в 1888 году, откуда в 1895 году был переведён под гласный надзор полиции в Астраханскую губернию и только в 1905 году помилован⁴. Недолго ему суждено было оставаться на свободе.

Согласно посемейному списку, 89-летний уздень Омар-Хаджи проживал с 36-летней женой Чакар Хамудай-кизы и 4-летней дочерью Патимат. По имущественному владению имел дом, оценивавшийся в 200 рублей, 2 коровы — 30 руб., домашние вещи — 50 руб. и пахотный участок — 200 руб.⁵.

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3923, л. 29.

² Там же, л. 30.

³ Указ. ист., л. 37 с об.

⁴ ГАРФ, ф. 102, 5-Д, оп. 146, г. 1911, д. 635, ч. 2, л. 55 об.

⁵ Там же, л. 56 об. — 57; См. также: Красин В. М. Человек в иной культуре: ссылка с Кавказа в губернии центрально-европейской части России во второй половине XIX — начале XX в. Калуга, 2012. С. 126.

Во время первой ссылки Омар-Хаджи женился в Астрахани на казанской татарке Ханум Амин-кызы (1871 г. р.), в 1909 году родившей ему сына Магомеда. У шайха было ещё три самостоятельных сына от разведённой жены. Старшему сыну Маммады в 1911 году было 60 лет, его жене Нагаит Газиов-кызы — 45 лет, сыну Магомаду — 12 лет, сыну Гамаза — 7 лет, дочери Анат — 8 лет. Имущество Маммады: дом — 150 руб., 2 быка — 80 руб, корова — 15 руб., пахотный участок — 100 руб.

Второму сыну андийского шайха — Хаджи, было 35 лет, его жене Зайдат Магомад-Хаджи-кызы — 40 лет, сыну Магомеду — 3 года, дочери Сурат — 5 лет, Айнат — 4 года. Имущество Хаджи: 2 быка — 80 руб., дом — 170 руб., корова — 18 руб. и пахотный участок — 160 руб.

Возраст третьего сына, именуемого Алидибиром — 29 лет. Его супруге Жаки Джамалудин-кызы — 31 год, сыну Мавлуд-Хаджи — 2 года, сыну Сагид-Магома — 3 года, а дочери Маржан — 4 года. Алидибир имел: дом — 120 руб., пахотный участок — 200 руб. и одного быка — 37 руб.¹

Омар-Хаджи обратился к наместнику Кавказа с просьбой заменить ему место ссылки на город Астрахань. Ввиду 89-летнего преклонного возраста, прошение зикриста удовлетворили². Омар-Хаджи Хаджи-оглы скончался в 1914 году. Сначала был похоронен в Астрахани, но затем муриды четырежды перезахоранивали его прах в Чонт-ауле, Эндирее, Кешень-Аухе и, наконец, в 1951 году в родном Анди³.

По «Сведениям о семейном и имущественном положении и прежней судимости шейхов Терской области, подлежащих высылке в Калужскую губернию, согласно предписания Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа от 15 октября 1911 года», жителю сел. Старый-Юрт Абдул-Азису Шаптукаеву — 75 лет, а жене его Хуште — 70 лет. По имущественному положению: «Имеет дом о 5 комнатах крытый черепицей, водяную мельницу об одном поставе. В дачах ст. Щедринской имеет до 100 голов крупного и мелкого рогатого скота». Абдул-Азис Шаптукаев ранее не судился.

Далее приводятся сведения о жителе села Нижний-Наур Кана Хантиеве — 55 лет⁴, имеет «кирпичный дом о 5 комнатах, крытый черепицей, стоящий 300 руб., таковой же дом о 2-х комнатах, стоящий 120 руб., тоже сарай 100 руб., конюшня 60 руб. Четыре лошади, два фургона на

¹ ГАРФ, ф. 102, 5-Д, оп. 146, г. 1911, д. 635, ч. 2, л. 59.

² Там же, л. 108 с об.

³ Муртазалиев А. С. Шейх Умар-Хаджи из Анди. Махачкала, 2008. С. 34, 35.

⁴ В документе — Ханпиев. Возраст Каны Хантиева тоже неверен. Считается, что он родился в 1848 году. Следовательно, возраст этого шайха в 1911 году — 63 года.

железном ходу, три буйволицы с буйволенками, один буйвол и корова». Кана Хантiev ранее не судим. Жена его Замза Елиева ¹ — 45 лет. Сыновья: Абдурахман — 18 лет, Абу — 15 лет, Яраги — 10 лет ². Дочери: Макка — 12 лет, Мединат — 9 лет, Хава — 8 лет и Хайдиджат — 2 года.

Третьим по списку проходит временно проживающий в сел. Новый-Юрт житель сел. Цацан-Юрт, Веденского округа Магомад Назиров — 70 лет ³. Имеет «саманный дом, крытый черепицей о 2-х комнатах, стоящий 100 руб., упряжную лошадь и корову». Ранее не судим. Жена его Джаухарат — 25 лет, сын Дзаугдин — 12 лет ⁴.

Под четвёртым номером: житель села Шали Сугаип Мулла Гойсумов — 70 лет ⁵. Имеет дом с лавкой на базарной площади под черепичной крышей, 1 лошадь, 3 коровы и 2 телёнка. Под судом и следствием не был (документ умалчивает о ссылке Сугаипа-муллы в Эдиссию и Нальчик в 1906—1907) ⁶. Жена его Детти — 62 года. Сыновья: Имран — 40 лет, Абас — 32 года. Дочери: Марем — 36 лет, Асият — 33 года. Снохи: Падам — 27 лет и Гихи — 28 лет.

Следующей по порядку описана семья жителя селения Автуры Баматгирея Хажи Митаева. Возраст самого шайха в документе не указан. Он имел дом, кухню с сенцами, здание под лавку, сарай конюшню, здание под школу, черепичный завод, дрова, сено, кукурузу, ячмень, пшеницу. Мануфактурного товара на 8000 руб., ковров, постели, подушки, кровати, столы, стулья и зеркала. Лошадь — 1, буйволицы — 4, буйвола — 2. Фруктовый сад и участок леса. Баматгирей-Хаджи раньше под судом и следствием не состоял. Жёны его: Басса — 85 лет, Тамигаз — 40 лет и Аригаз — 30 лет. Сыновья: Али — 20 лет, Умар — 16 лет. Жена Али — Наби — 18 лет.

Под шестым номером среди ссыльных шайхов значится житель селения Майортуп Чимирза Хамирзаев — 45 лет ⁷. Он имел один однокомнатный

¹ Читайте — Есиева.

² В списке сыновей Кана-Шайха пропущено имя второго по возрасту — Абдурахима.

³ Магомад — настоящее имя Мани-Шайха Назирова.

⁴ Зияуддин Магомадов позже сам стал шайхом и продолжил дело отца. Всего у Мани-Шайха было три жены. Из них Джовхарат родила ему четырёх сыновей: Бауддина, Зияуддина, Супьяна и Самавди. Хани стала матерью Абубакара. Кроме сыновей у шайха были дочери: Неби и Зайбулла. С учётом такого семейного положения, трудно представить, что в 1911 году Джовхарат было всего 25 лет.

⁵ Согласно посемейным спискам 1867 года, Сугаип Гайсумов (в документах — Сугайб, сын Гойсума Даудова) — родился в 1837 году. См.: Посемейные списки жителей Ичкеринского округа (составлены 15 марта 1867 года). Нальчик, 2010. С. 33.

⁶ РГВИА, ф. 1300, оп. 4, д. 1542, л. 14—16 с об., 19—20, 21 с об.

⁷ Возраст шайха Чимирзы тоже указан неверно. По другим источникам в момент ссылки ему было 70 лет.

дом с сенцами, под земляной крышей. Больше никакого хозяйства не показано. Под судом и следствием не был. Жёны его: Субайхат — 27 лет, Хурмат — 23 года. Дочери: Марьям — 7 лет, Хадиясат — 4 года, Сарат — 3 года, Гахмат — 2 года и Муслимат — 1 год.

Последним в этом перечне идёт житель сел. Сурхохи Батал-Хаджи Анарбеков Белхороев — 75 лет. Имущественное положение: шестикомнатный дом с кухней под черепицей, двухкомнатный плетнёвый дом под черепицей, ещё один такой же дом, все дома обиты досками, 3 сарая плетнёвые под черепицей, лошадей нет, коров — 5, быков — 2, фаэтон — 1, тарантас — 1, имеется в банке 13 000 руб., в долгу за Дрисом Алмазовым — 9000 руб., за Идиком Гелисхановым — 8000 руб., за другими лицами — 1500 руб. «Под судом не был, но был административно сослан в гор. Калугу на 5 лет за вредную деятельность». Жена шайха: Хадижат — 30 лет. Сыновья: Магомет — 7 лет, Корейш — 4 года. Дочери: Абидат — 6 лет, Сахар — 5 лет, Залуба — 4 года, Саудат — 2 года¹.

Согласно посемейному списку селения Сурхохинского, 5-го участка Владикавказского округа Терской области, составленному в 1886 году, возраст Белхороева Батала Анарбеков[ича] — 50 лет². Эти данные сходятся со сведениями 1911 года, когда жандармерия определила возраст шайха в 75 лет. В результате, мы получили сразу два документальных подтверждения тому, что Батал-Хаджи Белхороев родился в 1836 году. Но существует ещё мнение, что Белхороев родился в 1824 году в местечке Сомйох, недалеко от села Гажар-Юрт³.

В 70-е годы XIX века Б. Белхороев совершил Хадж в Мекку. Согласно документам, Батал-Хаджи ещё тогда снискал себе славу святого и, во время восстания Алибека-Хаджи Алдамова в Чечне, поддерживал с ним связь. Начальник Аргунского округа полковник Лохвицкий 23 июля 1877 года пишет командующему войсками Терской области: «Мне дали знать, что вчерашнего числа Алибек-Хаджи уехал по вызову какого-то хаджи в Назрань. По описанию примет хаджи, помощник мой признал в нем жителя Назрановского участка сел. Сурхойхи, Батал-Хаджи, известного ему как большого фанатика, пользующегося в населении именем святого человека. По заявлению помощника моего, хорошо знающего назрановцев, он допускает, что Али-

¹ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910, д. 635, ч. 2, л. 92 с об., 93.

² Посемейные списки населённых пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года / Сост. Т. Х. Муталиев. Нальчик, 2009. Т. I. С. 343.

³ *Белхороев Я. К. Путь праведника // Ислам в России и за её пределами: история, общество, культура. Магас; СПб., 2011. С. 6.*

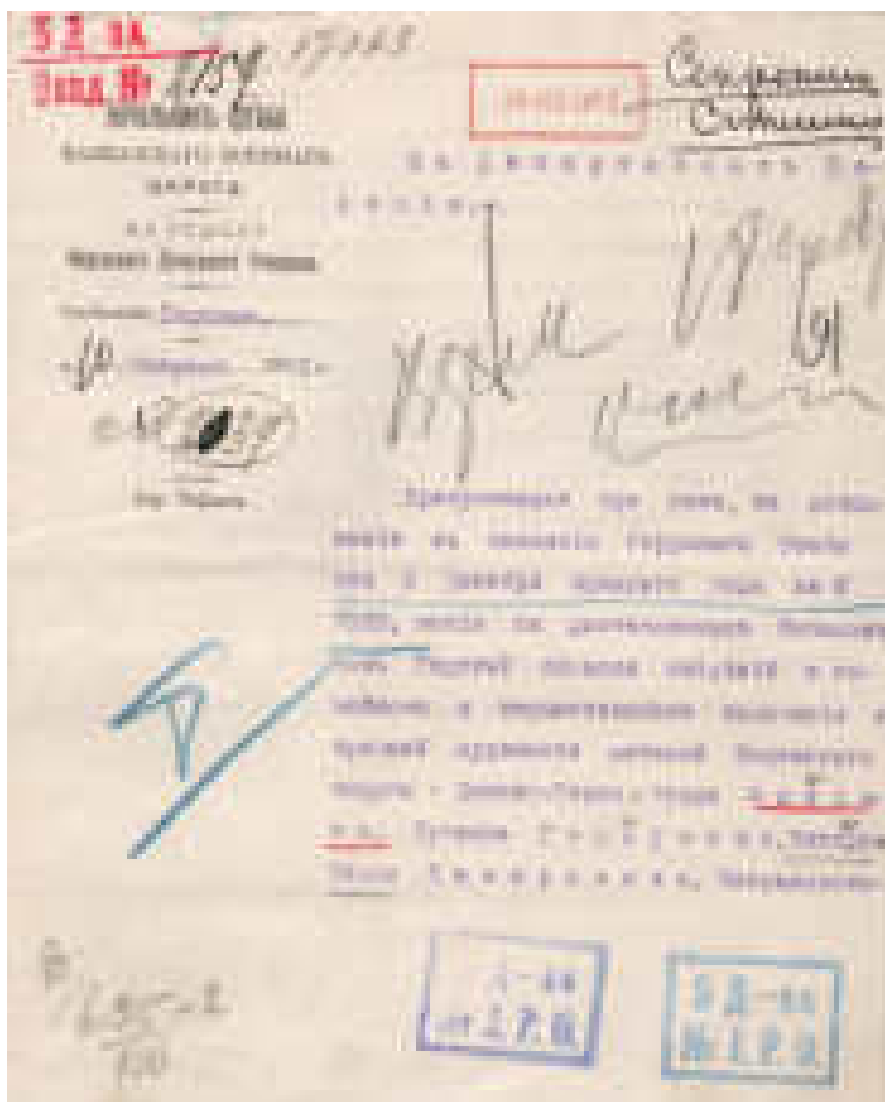
Абрек Зелимхан

Взятое в плен семейство Зелимхана

С л е в а н а п р а в о: шайх Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, Али Митаев
и Зелимхан Гушмазукаев (сел. Автуры, 1904 г.)

Документ о ссылке шайхов

Документ о семейном и имущественном положении
сосланных шайхов

The image shows a page from a handwritten ledger or account book. The page is divided into several vertical columns by thin lines. The text is written in Cyrillic script. There are several rows of entries, each starting with a number in the leftmost column. Some entries are underlined in red or blue ink. The handwriting is somewhat cursive and appears to be from the early 20th century. The paper is aged and slightly yellowed.

№	Содержание	Сумма	Должник
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

Документ о семейном и имущественном положении
сосланных шайхов (окончание)

Шайх Омар-Хаджи Хаджи-оглы
из Анди

С лева направо: Курейш,
шайх Батал-Хаджи и Магомед Белхоро-
евы во время ссылки (Козельск, 1913)

С лева направо – в первом ряду:
семья Белхороевых: Курейш,
шайх Батал-Хаджи, Хадижат, Совдат,
Абдулазиз, Магомед; во втором ряду:
Х. Эсмурзиева и З. Албогачиев.
(Козельск, 1913)

Шайх Абдул-Азиз (Докка) Шаптукаев

Шайх Бамат-Гирей-Хаджи Митаев

С лева направо: Ахмад Ампукаев из сел. Сарбалой, шайх Сугаип-мулла Гайсумов и его жена Патимат

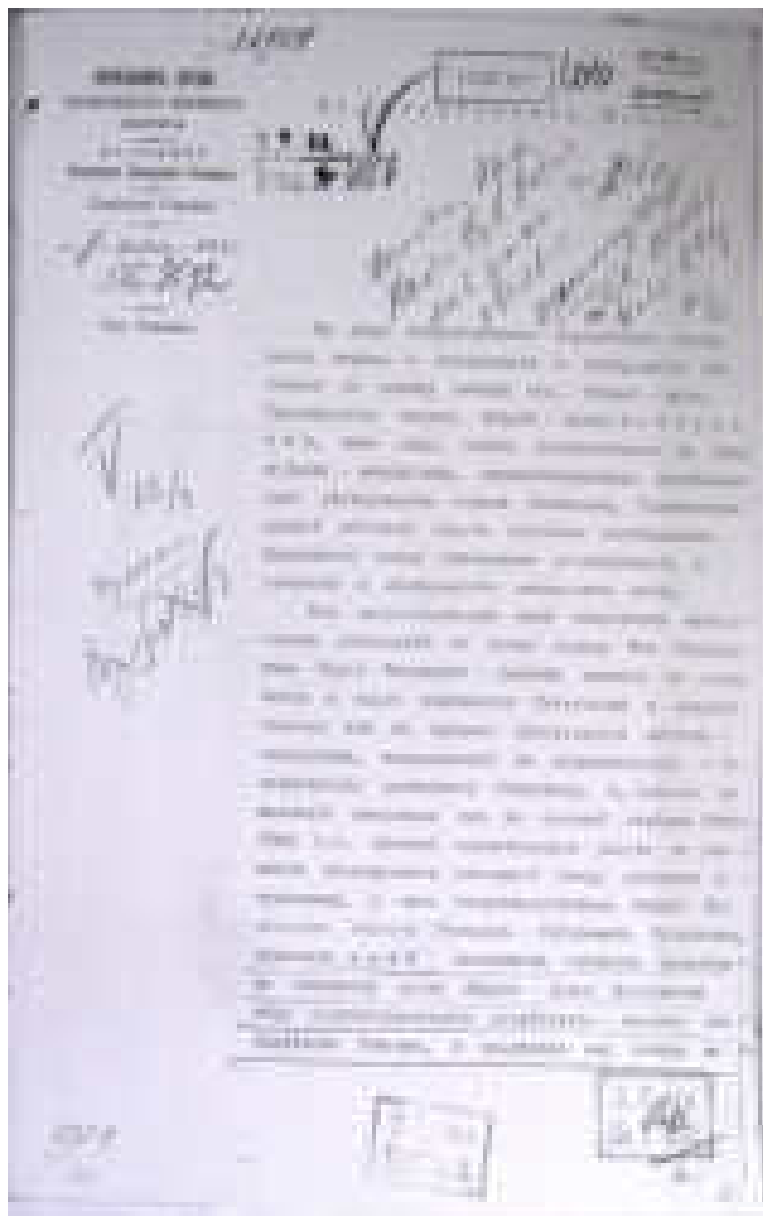
Могила шайха Чиммирза-Хаджи Хамирзаева в Майртупе

С лева направо: Бауддин Магомадов, Мани-Шайх Назиров и Мусайп Магомадов (Владикавказ, 1911 г.)

План города Каути. 1912 г.

Документ об оправдании Докку-Шайха

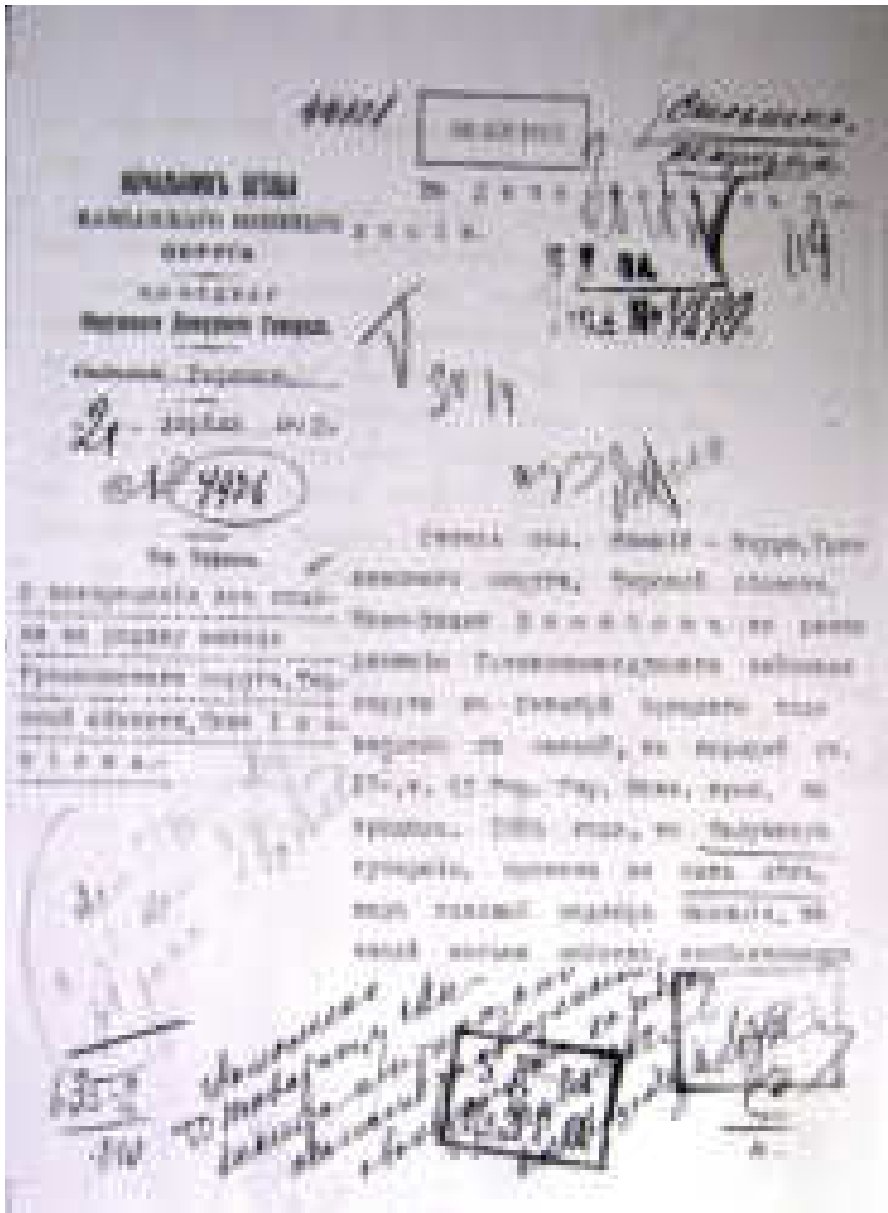

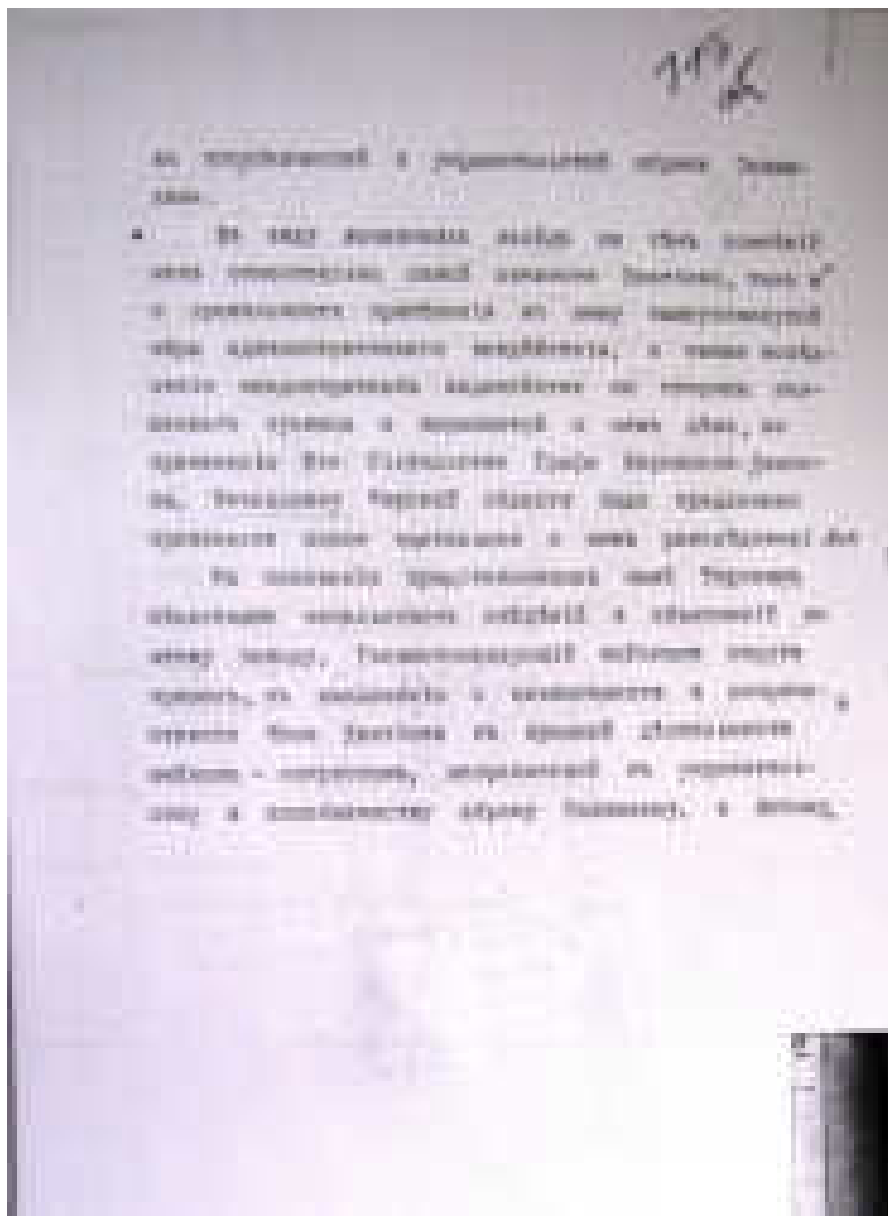
Вид Кадуги в 1911–1914 гг.

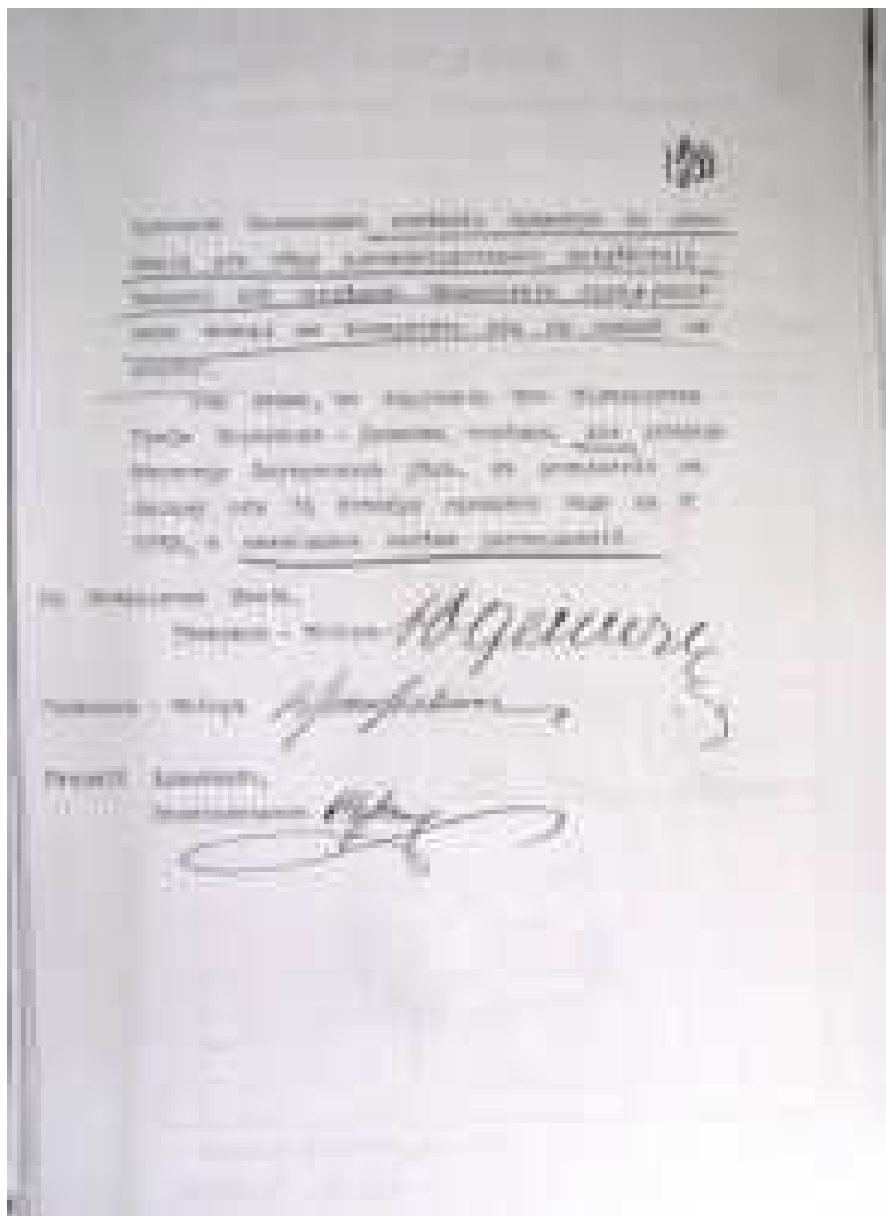

Вид Козельска в 1911–1914 гг.

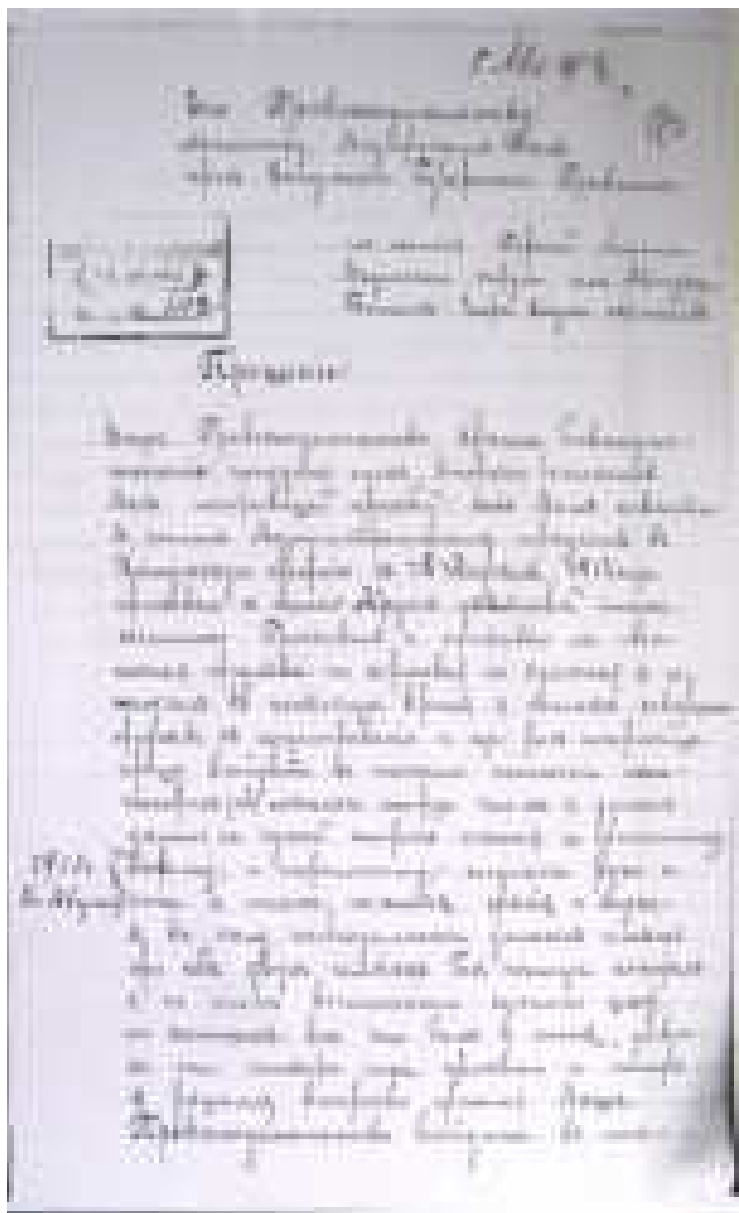

Документ об оправдании Кана-Шайха

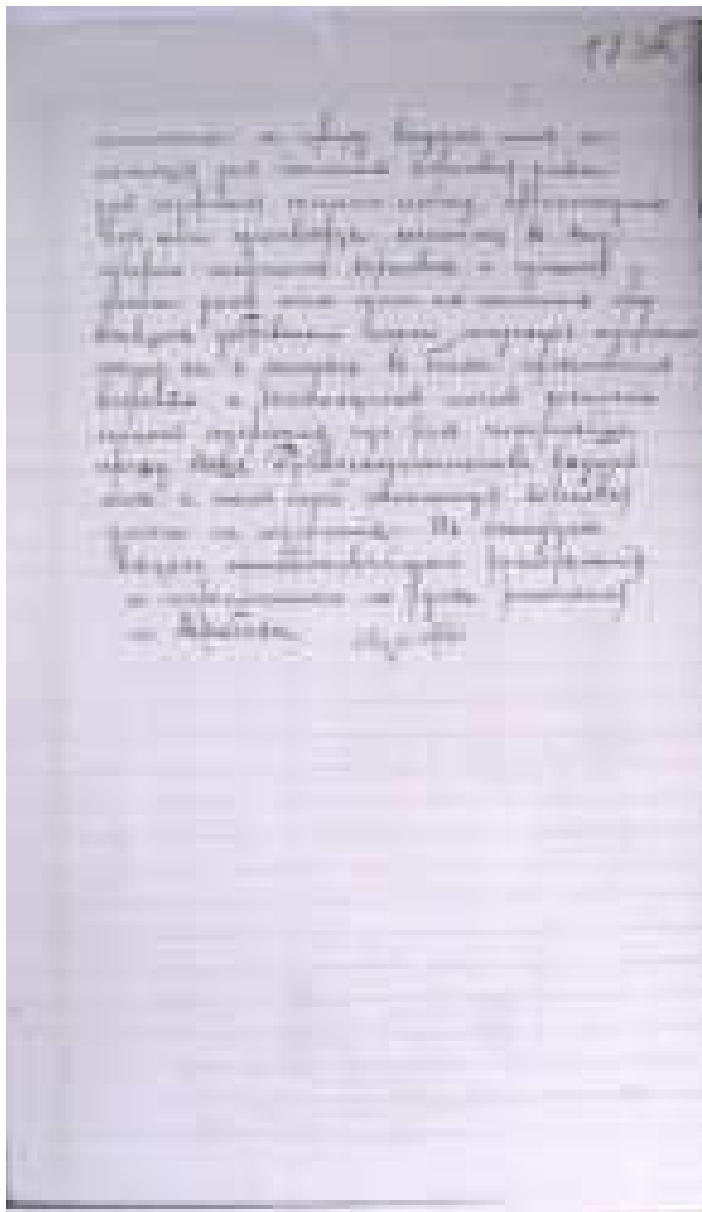

Документ об оправдании Кана-Шайха (окончание)

Прошение шайха Бамат-Гирей-Хаджи

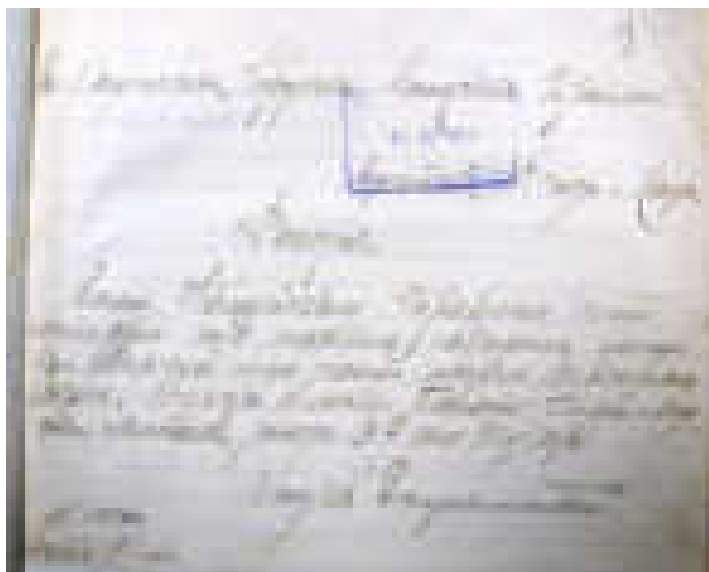
Родственников привели опознавать тело убитого абрека Зелимхана (1913)

Сидят: шайх Бамат-Гирей-Хаджи и его жена Аругаз; стоят (слева направо): муриды Касум, Аслаха, Магомед (Калуга, 1914)

Шайх Кана Хангиев с женой Замзой Есиевой

Документ о смерти Бамат-Гирея-Хаджи Митаева

бек-Хаджи мог поехать в сел. Сурхойхи, где может найти себе соучастников...»¹.

Другой авторитетный зикристский шайх — Бамат-Гирей-Хаджи Митаев, выступал против восстания Алибека-Хаджи Алдамова. 28 апреля 1877 года он, вместе со старшиной сел. Автуры Анди Косаевым, сельским муллою и другими почётными стариками, возбудил автуринцев к вооружённому сопротивлению партии мятежников и в бою даже захватил у противника трофейное ружьё, а также отбил лошадь с седлом и уздечкой².

Во время составления посемейного списка 1886 года, семья Батал-Хаджи состояла из сыновей: Магомета³ — 15 лет, Бексулта — 13 лет, Мусы — 11 лет, Эса⁴ — 7 лет, Магомагази — 5 лет, Али — 3 года и Хасана — 1 год. Лиц женского пола в семье — 4. Шайх ещё тогда был богат: имел четыре сакли, 6 десятин обрабатываемой земли, 14 буйволов, 2 быка, 8 коров, 1 лошадь и 400 баранов⁵.

Батал-Хаджи Белхороев вместе с семьёй из 16 душ первый раз 25 февраля 1893 года на 5 лет был сослан в город Козельск Калужской губернии⁶. Второй раз в конце 1911 года попал туда же и проживал на Богоявленской улице, в доме Николаевского⁷. Уже 12 января 1912 года жена шайха Хадижат (Хади) Тештимировна Арапиева обратилась с ходатайством о разрешении ей на два месяца отлучиться из мест ссылки в город Владикавказ, вместе с шестилетним сыном Курейшом, для лечения глаз. 6 января 1912 года Козельский городской врач выдал ей медицинское свидетельство, подтверждающее, что Белхороева страдает хроническим воспалением почек, при воспалительном поражении сетчатки обоих глаз и начавшейся атрофии зрительных нервов, так что на правый глаз она не замечает даже света, а на левый с трудом различает предметы. Несмотря на это, Хадижат Белхороевой было отказано в выезде из Козельска⁸.

¹ Материалы для описания Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре (с планами). Составлен в Военно-Историческом отделе при Штабе Кавказского военного округа полковником Томкеевым. Тифлис, 1910. Т. VI. Ч. I. Приложение 12. С. 134, 135.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 7, д. 5, л. 173—174.

³ Мехти Белхороев (1871—1924).

⁴ Иса Белхороев (1879—1930).

⁵ Посемейные списки населённых пунктов Владикавказского округа... С. 343.

⁶ ЦГА РСО—А, ф. 12, оп. 2, д. 1000, л. 6.

⁷ Государственный архив Калужской области (далее — ГАКО), ф. 778, оп. 1, д. 15, л. 45.

⁸ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910, д. 635, ч. 2, л. 54, 100—103 с об., 112; *Красин В. М. Человек в иной культуре...*, л. 129.

Согласно Указу Правительствующего Сената от 21 февраля 1913 года некоторые ссыльные подпадали под амнистию, а иным наполовину сокращались сроки пребывания под гласным надзором полиции. Батал-Хаджи Белхороев попал в число подневольных второй категории. В связи с чем его срок ссылки был сокращён до двух с половиной лет и заканчивался осенью 1914 года.

19 июня 1914 года Батал-Хаджи отдал своего сына Магомета Белхороева (род. 08.09.1903 г.) в Козельскую мужскую гимназию. До этого он обучался в Козельском II мужском приходском училище. После прохождения 12 августа 1914 года вступительных испытаний, в результате которых он получил оценки: по русскому языку — 3 балла и по математике — 3 балла, Магомет Белхороев с 16 августа был зачислен в Козельскую гимназию. А уже 30 сентября 1914 года жена шайха — Хадижат Белхороева пишет прошение о выдаче её сыну удостоверения о прохождении учёбы в Козельской гимназии и возврате его документов, в связи с намечающимся отбытием их домой¹. Однако, шайху Батал-Хаджи не суждено было больше увидеть родной край. Он скончался в городе Козельске 15 октября 1914 года. Тело его было вывезено на родину и захоронено в сел. Сурхохи 25 октября 1914 года².

Чиммирзу-Хамирзаева и Абдул-Азиза Шаптукаева направляли на отбывание срока ссылки в город Боровск Калужской губернии. Но они обратились к начальству с просьбой водворить их в Калуге. Ходатайства шайхов были приняты. Чиммирза поселился в городе Калуге по улице Ивановской, в доме Власова, а Докку-Шайх — по улице Солдатской, в доме Георгиевской, в третьем строении от угла, против дома В. С. Капырина. С 19 февраля 1912 года над Хамирзаевым и с 15 марта того же года над Шаптукаевым был учреждён гласный надзор полиции³.

Согласно калужским документам, Чиммирзе Хамирзаеву — 70 лет⁴. Этот возраст нам представляется правдоподобным, чем 45 лет, указанный в документах ГАРФ. Вместе с шайхом Чиммирзой в ссылке была его жена Субайхат, которая в октябре 1912 года родила сына. В честь места рождения, младенца нарекли именем Калуга. Семье Хамирзаевых каждый месяц выплачивалось пособие в размере 2 руб. 10 коп. кормовых денег

¹ ГАКО, ф. 778, оп. 1, д. 15, л. 43–45, 49.

² Шейх-овлия Батал-Хаджи Белхороев / Сост. Р.-Х. Ш.-Х. Албагачиев. Нальчик, 2010. С. 57, 58; Белхороев Я. К. Путь праведника // Ислам в России и за её пределами: история, общество, культура. Магас; СПб., 2011. С. 11.

³ ГАКО, ф. 785, оп. 1, д. 312, л. 1 с об., 2 об., 3; там же, д. 315, л. 2–5.

⁴ ГАКО, ф. 785, оп. 1, д. 312, л. 2 об.

и 1 руб. 50 коп. квартирных для найма жилья на каждого взрослого, а также 1 руб. 80 коп. их новорожденному сыну ¹.

В 1913 году шайх Чиммирза (Дукка) Хамирзаев был освобождён из ссылки. 20 мухаррама 1341 года Хиджры (12 сентября 1922 года) он скончался и был похоронен в родном селе Майртуп. Приверженцы Чиммирзы носили белые папахи из овчины, отчего их называли «белошапочниками». Отличительной чертой зикра Чиммирзы является использование в религиозных радениях тамбурина («жирга»).

Сугаип-мулла Гайсумов, Кана Хантиев и Баматгирей-Хаджи Митаев прибыли в Калугу в апреле 1912 года. Последний поселился по улице Ивановской, в доме гражданина Холуянова. На той же улице проживал прибывший в Калугу двумя месяцами ранее шайх Чиммирза Хамирзаев ². Начиная с 22 апреля 1912 года за Сугаипом-муллою и с 29 апреля за Бамат-Гиреем-Хаджи учреждается надзор полиции на пять лет ³.

Сугаипа-муллу в ссылке сопровождала его молодая жена Патимат. Оба они получали по 2 руб. 10 коп. кормовых и по 1 руб. 50 коп. квартирных. Столько же получает поступивший под надзор полиции с 1 мая 1912 года Магомед-мулла (Мани) Назиров ⁴. В 1913 году Мани-Шайх тоже получил амнистию и вернулся на родину. Скончался в 1924 году в Мундар-Юрте. Похоронен на своей усадьбе в селе Новый-Юрт.

Бамат-Гирей-Хаджи сопровождали младшая жена Аругаз и два мурда: Высокий Исмаил («Лекха Исмаил») и Низкорослый Исмаил («Лоха Исмаил»). Один из них — Исмаил Джамбеков, упоминается в калужских документах ⁵.

По словам Мухади Ахметханова, Кана Хантиев был сослан в вольное поселение в Калугу без семьи, а его одежду стирала жена Бамат-Гирей-Хаджи — Аругаз (Аругаз).

В газете «Республика» (№ 1, за 4 января 1991 г.) М. Цуровым была перепечатана выдержка из газеты «Правда» за 1912 год. В ней было помещено следующее сообщение: «Владикавказ. Наместник разрешил

¹ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 146, л. 26 об., 27.

² Народы Востока и Калужский край... Калуга, 2009. С. 114; Красин В. М. Человек в иной культуре... Калуга, 2012. л. 129–130.

³ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 146, л. 20 об., 21, 22 об., 23, 26 об., 27; Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев (патриот, миротворец, политик, нравственный гений...). М., 2005. С. 22.

⁴ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 146, л. 20 об., 21, 22 об., 23, 26 об., 27.

⁵ Там же, д. 894, л. 5.

возвратиться из ссылки чеченским шейхам Хампиеву и Ментукаеву¹, высланным в Калужскую губернию за укрывательство Зелимхана».

6 апреля 1912 г. за № 3592 начальник Штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Берхман пишет в Департамент полиции отношение, оправдывающее Докку-Шайха. В нем говорится: «В виду неоднократных ходатайств чеченского народа о помиловании и возвращении из ссылки на родину жителя селения Старый-Юрт, Грозненского округа, Абдул-Азиса Шаптукаева, как лица, якобы, непричастного к делу шейхов-зикристов, способствующих разбойнической деятельности абрека Зелимхана, Главнокомандующий войсками округа признал необходимым произвести новое тщательное расследование о личности и деятельности названного шейха.

Из представленных ныне областным начальством объяснений по этому поводу Его Сиятельство граф Воронцов-Дашков пришел к заключению о малой виновности Шаптукаева и непричастности его к вредной деятельности шейхов-зикристов, направленной к укрывательству и пособничеству разбойнику Зелимхану, и, приняв во внимание оказанные им в смутный период 1905–1906 гг. местной администрации услуги по улажению обостренных отношений между русскими и туземцами, о чем свидетельствовал бывший Начальник области генерал-лейтенант Колюбакин, признал ныне возможным отменить принятую в отношении шейха Абдул-Азиса Шаптукаева меру административного воздействия — высылку из пределов Кавказа, и разрешил ему теперь же возвратиться на родину»².

Решение об освобождении его из-под надзора полиции было объявлено Абдул-Азису Шаптукаеву 12 апреля 1912 года. 14 апреля того же года шайх выехал на родину³.

Докка-Шайх согласно преданиям был не только одногодком, но и родился в ту же ночь, в которую появился на свет Бамат-Гирей-Хаджи Митаев (Ювда) из Автуров. Народные хроники приводят время рождения Абдул-Азиса Шаптукаева — 1255 год от Хиджры Пророка⁴. В «Посемейном списке селения Автуры 6-го участка Грозненского округа за 1886 год» под порядковым номером 124 приводится Митаев Бамат-Гирей. Во время составления посемейных списков 1883 года он числился под номером 128. Согласно указанному документу, Бамат-Гирей Митаеву

¹ Опечатка редакции. Читайте — «Хантиеву и Шаптукаеву».

² ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910, д. 635, ч. 2, л. 106 с об.; Аналогичную переписку по этому вопросу смотрите также: РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3923, л. 57 с об.

³ ГАКО, ф. 785, оп. 1, д. 315, л. 7–8 с об.

⁴ Нач. 17.03. 1839 — кон. 05.03. 1840 г.

по посемейным спискам 1883 года было 40 лет, а «лета к 1-му января 1886 года» — 42. В его семье были три представительницы женского пола (мать, сестры, жены или дочери). По имущественному владению он был общинником, имел только одну саклю. В то время у шайха ещё не было сыновей Али и Умара ¹. Таким образом, из посемейного списка мы узнаём, что Бамат-Гирей-Хаджи родился в 1843 году. Если верить документам, получается, что Бамат-Гирей Митаев был на несколько лет моложе Абдул-Азиза Шаптукаева. Несмотря на это, в делах Департамента Полиции и Калужского полицмейстера есть несколько документов, в которых приводится явно завышенный возраст Митаева — 103–104 года ². Это обычная практика ссыльных, которые для получения помилования порой завышали свой возраст.

21 апреля 1912 года за № 4976 генерал-майор Юденич за начальника штаба Кавказского военного округа пишет отношение в Департамент Полиции «О возвращении из ссылки на родину жителя Грозненского округа, Терской области, Кана Хантиева». Цитируем этот документ:

«Житель сел. Нижний-Наур, Грозненского округа, Терской области, Кана-Хаджи Хантиев по распоряжению главнокомандующего войсками округа в октябре прошлого года выслан с семьей, в порядке ст. 11-2, т. II Учр. Упр. Кавк. края, по продолж. 1906 года, в Калужскую губернию, сроком на пять лет, под гласный надзор полиции, в числе восьми шейхов, изблеченных в пособничестве и укрывательстве абрека Зелимхана.

В виду возникших вслед за тем сомнений как относительно самой личности Хантиева, так о правильности применения к нему вышеупомянутой меры административного воздействия, а также вследствие неоднократных ходатайств со стороны названного туземца о пересмотре о нем дела, по приказанию Его Сиятельства графа Воронцова-Дашкова, начальнику Терской области было предложено произвести новое тщательное о нем расследование.

На основании представленных ныне Терским областным начальством сведений и объяснений по этому поводу, Главнокомандующий войсками округа пришел к заключению о невинности и непричастности Кана Хантиева к вредной деятельности шейхов-зикристов, направленной к укрывательству и пособничеству абреку Зелимхану, а потому, признав возможным отменить принятую в отношении его меру административного

¹ АУП ЧР, ф.236, оп.1, ед. хр. 17, л. 21.

² ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 115, 116, 147 об., 173; ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 894, л. 10 об., 11.

воздействия — высылку из пределов Кавказского края, — разрешил теперь же возвратить его с семьей на родину.

Об этом, по поручению Его Сиятельства графа Воронцова-Дашкова, сообщаю, для доклада Министру Внутренних Дел, в дополнение к письму от 26 октября прошлого года за № 5758»¹.

8 мая 1912 года вице-директор Департамента Полиции МВД П. К. Лерхе пишет секретную директиву за № 68937 Калужскому губернатору: «Штаб Кавказского военного округа сообщил, что Главнокомандующий войсками округа признал ныне возможным отменить принятую в отношении жителя селения Нижний-Наур, Грозненского округа, Терской области, Кана-Хаджи (Хантиева) меру административного воздействия — высылку из пределов Кавказского края и разрешил ему с семейством теперь же возвратиться на родину.

Об излож[енном] Д[епартамен]т П[олиции] уведомляет Ваше Пре[восходитель]ство, в дополнение к отношению от 23 ноября 1911 года за № 78415, для зависящих распоряжений и объявления назван[ому] лицу.

Подп[исал] за директора (подпись Лерхе).

Скр[епил] за делопроизводителя (подпись Лобачевский).

Верно: (подпись Троицкий)».

Того же числа за № 68938 Лерхе уведомляет о своих действиях Штаб Кавказского военного округа, «что распоряжение Главнокомандующего войсками округа об отмене принятой в отношении жителя сел. Нижний-Наур, Грозненского округа, Кана-Хаджи (Хантиева) меры административного воздействия и разрешении ему с семейством возвратиться на родину сообщено вместе с сим Калужскому губ-ру для зависящих распоряжений и объявления помянутому лицу»².

После такой переписки, Кана-Шайх Хантиев в мае 1912 года был отпущен на родину. После прибытия его из ссылки домой, муриды и родственники шайха сразу же устроили торжества в сел. Нижний-Наур по этому случаю. Гости, приглашённые из разных уголков Чечни и Ингушетии, отведали жертвенного мяса («сагIа») за благополучный исход ссылки Кана-Шайха, обвинённого по недоразумению властей, не отличавших сторонников зикристского (т. е. кадирийского) течения от проповедников накшбандийского тариката, к коим принадлежал нижненаурский шайх.

Последними в Калуге оставались шайхи Сугаип-мулла Гайсумов и

¹ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 119 с об., 120; Аналогичную переписку читайте: РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 3923, л. 58—59 с об.

² ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 130 с об., 131.

Бамат-Гирей-Хаджи Митаев. Кстати, первый из них тоже принадлежал к накшбандийскому тарикату. После Указа Правительствующего Сената от 21 февраля 1913 года им обоим срок ссылки был сокращён наполовину. Срок полицейского надзора за Сугаипом-муллою заканчивался 16 октября 1914 года, а Бамат-Гирей-Хаджи — 22 октября того же года¹. Однако 4 июля 1914 года начальник Штаба Кавказского военного округа пишет Калужскому губернатору, что статья, по которой сослан Сугаип-мулла Гайсумов, не подпадает под милость указа Сената и срок его ссылки «сокращен быть не может»².

В 1914 году пособие ссыльным на «кормовые расходы» было незначительно увеличено. Сугаипу-мулле и его жене Патимат выдавали по 2 руб. 40 коп. в месяц, против бывших в предыдущие годы 2 руб. 10 коп. Квартирные деньги остались как были — 1 руб. 50 коп. в месяц на каждого взрослого. Бамат-Гирей-Хаджи Митаев с женой Арагузой не получали ничего³. С момента учреждения надзора Митаевы вынуждены были содержать себя и добровольно проживающих с ними муридов за свой счёт. По этому поводу, с просьбой о разрешении ему возвратиться на родину Бамат-Гирей-Хаджи Митаев в феврале 1912 года и 5 августа 1913 года обращался на имя министра внутренних дел⁴. Текст последнего прошения был такого содержания:

«Ваше Превосходительство, крайне безвыходное положение понудило меня вторично беспокоить Вас покорнейшей просьбой; как Вам известно, я сослан административным порядком в Калужскую губернию, с 15 апреля 1912 года проживаю с женою Аруз Митаевой также сосланною. Проживал и проживаю на свои личные средства, ни кормовые, ни одежные я не получал, в настоящее время я не имею совершенно средств к существованию и еще раз покорнейше прошу, взойдите в тяжелое положение стачетырех (104) летнего старца, что же я должен делать на чужой стороне изгнания по преклонному возрасту и параличному состоянию руки и ноги, а также не имея зрения и слуха, я в силу необходимости должен иметь при себе двух человек, без помощи которых я не имею возможности сделать шагу по комнате. Все что было у меня давно, за эти полтора года прожито и теперь я решился вторично просить Ваше Превосходительство взойдите в мое положение и прошу выдать мне полагающиеся для ссыльных кормовые деньги для содержания, согласно моему происхождению. Все

¹ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 894, л. 4; Там же, д. 1097, л. 1 об., 2.

² Там же, д. 894, л. 2 об., 3.

³ Там же, д. 1097, л. 1 об., 2.

⁴ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 147 с об., 172—173 с об.

мои единоверцы, сосланные в эту губернию, получают кормовые и одежные деньги. Даже жена одного из ссыльных, приехавшая добровольно, также получает содержание. Почему же я, находясь в более преклонном возрасте и беспомощном моем состоянии, лишен содержания? Еще раз покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне и жене моей полагающиеся кормовые деньги на содержание. В ожидании Вашего милостивейшего распоряжения, по неграмотности по рус[с]ки, расписался по арабски (подпись на арабском — «Баматкира-Хаджи Митай») ¹.

В сопроводилровке к письму шайха, исправляющий должность Калужского губернатора, вице-губернатор Владимир Александрович Оленин 14 августа 1913 года пишет: «Представляя на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства прошение состоящего под надзором полиции в г. Калуге жителя сел. Автуры, 3-го уч., Веденского округа, Терской области, Бамат-Гирея-Хаджи Митаева об отпуске ему с женою от казны на содержание, докладываю, что в пособии упомянутому поднадзорному отказано в виду того, что по сообщению Начальника Терской области Митаев имеет на родине дом, здание под лавкой и школой, сарай и конюшню, черепичный завод, дрова, сено, кукурузу, ячмень, пшеницу, мануфактурного товару на 8000 руб., лошадь, 4 буйволицы, 2 буйвола, фруктовый сад и, кроме того, по агентурным сведениям как Начальника 3-го уч. Веденского округа, так и Начальника этого округа Митаев имеет солидный капитал, образовавшийся от добротных даяний его мюридов, квартиры занимает в г. Калуге ценою 20—25 руб. в месяц. На родине же у Митаева 2 жены, Басса 85 лет, Тамигаз 40 лет и 2 сына, Али 20 л. с женою и Умар 16 лет ². При этом присовокупляю, что поднадзорный Митаев выслан на 5 лет с 22 апреля 1912 г. по распоряжению Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, изложенному в отношении Департамента Полиции от 23 ноября 1911 г. за № 78415, как наиболее влиятельный представитель /шейх/ мусульманской секты «Зикра», вредной для общественного порядка и спокойствия, и вместе с тем способствующий разбойнической деятельности Зелимхана» ³.

В силу такого тенденциозного донесения Калужских властей, прошение Бамат-Гирея-Хаджи Митаева было оставлено без последствий. 14 мая 1914 года шайх подал очередное ходатайство о помиловании,

¹ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 173 с об.

² По данным Калужского полицмейстера от 1912 года, при Бамат-Гирее находилась жена Эругаз — 30 лет, а на родине проживали сыновья Али — 30 лет и Омар — 18 лет. См.: ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 894, л. 11.

³ ГАРФ, ф. 102, Д-5, оп. 146, 1910 г., д. 635, ч. 2, л. 172 с об.

но на этот раз в адрес заместителя Кавказа. Его примеру последовал также Сугаип-мулла Гайсумов. Но эти прошения тоже были отклонены¹.

В феврале 1914 года Сугаип-мулла и его жена Патимат получили по 14 рублей на покупку новой весенней одежды². В сентябре того же года Гайсумову была выделена уже зимняя одежда на сумму 29 руб. 50 коп. Это тёплое пальто по цене 15 рублей, бешмет (длинный пиджак) — 8 руб., тёплые галоши — 3 руб. 50 коп. и тёплая шапка — 3 руб. Его жене Патимат Бешерхановой выдали: тёплое пальто за 15 руб., платье — 5 руб., тёплая шаль — 3 руб. и тёплые башмаки — 4 руб. Итого на её одежду потрачено 27 руб.³

В начале сентября 1914 года в Грозном завершилось формирование Чеченского полка Кавказской туземной конной дивизии⁴. 11 сентября 1914 года 263 представителя чеченского народа из Грозненского и Веденского округов встретились в Грозном с временным генерал-губернатором Терской области Флейшером и приняли решение, что материальное обеспечение Чеченского полка будет осуществляться за счёт населения Чечни. После этого все 263 народных представителей, помолвившись о даровании победы русскому оружию на фронтах Первой мировой войны, обратились к генерал-лейтенанту Флейшеру, пользуясь тем, что он был в хорошем расположении духа, с ходатайством о возвращении из ссылки глубоких стариков Сугаипа-моллы Гайсумова и Бамат-Гирей-Хаджи Митаева, дабы дать им возможность дожить последние дни на родине. Генерал-губернатор области тут же принял просьбу чеченцев во внимание, и отправил телеграмму в Калугу, с ходатайством о помиловании двух шейхов.

Но Бамат-Гирей-Хаджи Митаев не дожидаясь дня освобождения и скончался 13 сентября 1914 года в городе Калуге⁵. Тело его было вывезено на родину и захоронено в родном ауле Автуры. Есть свидетельства, что в этот же день ушёл из жизни и Абдул-Азиз Шаптукаев, похороненный в селе Девкар-Эвл.

По предписанию Калужского губернского правления от 23 сентября 1914 года за № 733 полицейский надзор, учреждённый над Су-

¹ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 894, л. 1, 8.

² Там же, д. 1097, л. 5 об., 6.

³ Там же, д. 1195, л. 25.

⁴ Герои Чеченского полка Кавказской туземной конной дивизии (1914–1918) / Ред.-сост. Т. М. Музаев. Грозный, 2015. С. 19.

⁵ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 894, л. 9; там же, д. 1097, л. 32 об., 33.

гаип-муллою Гайсумовым и его женой Патимат, был отменён¹. 24 сентября 1914 года они были из Калуги по направлению домой².

Так завершились эти драматические события, связанные со ссылкой в Калужскую и Астраханскую губернии самых авторитетных духовных лидеров Терской и Дагестанской областей. Незаслуженная кара унесла из жизни трёх мучеников, а здоровье выживших было окончательно подорвано. Душевная рана, нанесённая в ходе унижительного изгнания с родной земли, сыграла не последнюю роль в смерти Абдул-Азиза Шаптукаева, хотя он пробыл в местах лишения свободы относительно недолго. А самое главное — тотальные репрессии против духовенства и представителей низших слоёв населения привели к потере доверия народа к существующей власти. И это обстоятельство в скором времени сыграло решающую роль на Кавказе в пользу свержения старого режима.

¹ ГАКО, ф. 783, оп. 1, д. 1097, л. 35 с об.

² Там же, д. 1195, л. 26.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

В 1911 году старшиной села Нижний-Наур был двоюродный брат шайха Каны Хантиева — Эльмурза Панчугев (эпоним фамилии Эльмурзаевых). До него старшиной тоже был представитель аллероевского рода Висаит Муллаев (эпоним фамилии Висаитовых, предок Героя Советского Союза Мавлида Аллероевича Висаитова). Сельскими судьями в сел. Нижний-Наур на 1911 год были избраны Касу Устарханов (59 лет), Туку Тодугев (45 лет), Мальцаг Азимов (46 лет), а кандидатами к ним — Хамид Абдулкадыров (49 лет), Хадчуко Хакиев (60 лет, эпоним фамилии Хачукаевых из тайпа шотой-пхьамтой) и Рамза Ясагов (50 лет, эпоним фамилии Рамзаевых из тайпа аллерой) ¹.

Мероприятия по борьбе с бандитизмом не обошли стороной и сельских старшин. Согласно Приказу по Терской области № 1329 от 23 сентября 1911 года были уволены со своих должностей: атаман станицы Савельевской, Кизлярского отдела, Марк Гутнинский и старшины: селения Кень-Юрт, Грозненского округа — Эдиль-Султан Тукаев, а также селения Нижний-Наур Эльмурза Панчугев, «в виду возбужденного против этих лиц уголовного преследования по 341 ст. Улож. о наказ.». Приказ подписал начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска, генерал-лейтенант Михеев ².

В декабре 1911 года в наказание за пособничество абреку Зелимхану жители ряда чеченских сёл были лишены права ношения оружия и на год — выбора сельских старшин. В эти сёла были назначены «правительственные старшины»: в сел. Новый-Юрт — Сулейман Едильгиреев, Старый-Юрт — Эти Яндаров, Нижний-Наур — Галий Идрисов из Мундар-Юрта, Али-Юрт — князь Тури Алхазов, Зибир-Юрт — Джабраил Илкаев, Мереджоевское — Зубайра Майлиев из Цечи-Ахки, Аудыкское — Тепсурко Цокаев, Кийское и Аккинское — Тайсум Зурабов из сел. Ушкалоевского, Шароевское — Хажии Закарья Хаджиев из Итум-Кале, Хакмадоевское — Ауда Успанов из Шароевского, Ялхороевское — Дуба Хажиев из Галанчоожского, в Пероевское — Кадимагома Алханов, Галанчоожское — Хамзат Чучиев из Галанчоожского, Химоевское — Мурад Дабаев из Дзумсоевского, Хулундоевское — Багадур Лаба-

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 571, л. 99, 125.

² Там же, д. 600, л. 124.

занов, Кеселоевское — Хаси Бакаев из Итум-Кале, Ушкалоевское — Шаулах Тааев, Тазбичинское — Хажи Межиев Алдамов ¹.

Указанные выше старшины были утверждены приказом № 1 по Терской области от 1 января 1912 года. Таким образом, в 1912 году в сел. Нижний-Наур был назначен правительственным старшиной слабобольный Галий Сулейманович Идрисов из Мундар-Юрта. Первым документом, подписанным им, был Приговор № 1 от 3 февраля 1912 года, составленный выборными представителями (по одному от 10 дворов) Нижне-Наурского сельского общества. Документ этот свидетельствует о том, что «по числу 550 дымов из числа 55 человек имеющих право голоса на общественном сборе, быв сего числа на оном в числе 54 человек в присутствии должностных лиц сельского правления, слушали предписание начальника Надтеречного участка от 16 ноября 1911 года за № 5618, о выборах сельских должностных лиц на настоящий 1912 год. Мы, выборные, единогласно избираем из среды общества на должность сельских судей: Хуси Атазиева от роду 43 лет, Аутурхана Азаматова от роду 50 лет и Сарали Бенаева от роду 70 лет. Кандидатов к ним: Мальдака Азимова 46 лет, Ама Кедыева 50 лет и Абдулажи Ежаева 65 лет ². Все избранные лица поведения хорошего, под судом и следствием не состояли и не состоят, благонадежные и вполне соответствуют своей обязанности по должности. Подлинный приговор записан в книгу на записку общественных приговоров под № 1 за 1912 год» ³.

Начальник Надтеречного участка Грозненского округа Терской области князь Абдул-Гамид Умат-Гиреевич Эльдаров 14 мая 1912 года за № 1532 пишет в рапорте на имя начальника Грозненского округа:

«Селение Верхний-Наур с давних времен отличается своими порочными лицами и несмотря на налагаемые на это селение штрафы, как то: 1) 299 руб. 15 коп. на удовлетворение казака ст. Наурской Петрова за уворованных лошадей; 2) за укрывательство и приют разбойника Зелимхана 1167 руб. 8 коп. и 3) 300 руб. в вознаграждение за похищенных лошадей у казака ст. Наурской Дерезлазова; все-таки не обращают внимание и продолжают жить по-прежнему.

В виду этого, прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия о лишении этого селения выбора старшины на один год за порочное поведение, так как прежний старшина Косуев удален от должности; и о назначе-

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 600, л. 183—184.

² Возраст указан приблизительно. В 1912 году Абдулахаджи Эжаеву (Ежаеву) было 59 лет.

³ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 626, л. 101.

нии правительственным старшиной в это селение жителя этого селения Махтия Тохаевича Борсукаева, при этом докладываю, что Борсукаев лично мне хорошо известен, вполне достойный занять должность старшины, как человек опытный, знающий нравы жителей. Борсукаев уважается в обществе и почетными старшинами этого общества, за его полезную службу я вполне ручаюсь и прошу впредь до утверждения его допустить к исполнению должности старшины; в виду того, что временно исполняющий эту должность помощник старшины Халим Асабаев по своей неразвитости не соответствует своему назначению»¹.

В тех же архивных документах мы находим «Прошение» жителей села Нижний-Наур Таку Мамакаева, Давды Чалаева, Садыкбия Гарабиева, Джангази Маасуева, Тока Маасуева, Чири Кайдырова, Току Кайдырова, Якуба Гобанукаева, Абдувагаба Туева, Ахлу Бектемирова, Турлу Бектемирова, Ваха Джамурзаева, Хадиса Саадулаева, Дельми Габертаева, Били Габертаева, Басхана Габертаева, Муза Бомпаева, Сереби Газилаева, Ваза Хатаева, Раиса Тепсуева, Тепсу Куркаева, Генардуко Тепсуркаева, Земи Умарова, Тота Хамотаева, Байта Батаева, Бори Батаева, Бори Шихиева, Якуба Янгулбаева, Эльмурзы Панчуева, Сугаипа Докуева, Янгубия Гарыбиева, Коци Дудаева, Раиса Радуева, Гири Мукушева, Гада Хасиханова, Бийсултана Кагерманова, Уду Кавраева и Аута Визерханова. Прошение это написано 17 апреля 1912 года на имя начальника Терской области и представляет собой жалобу на старшину Галия Идрисова и начальника Надтеречного участка князя Абдул-Гамида Эльдарова. Предлагаем ознакомиться с этим интересным документом:

«За укрывательство абрека Зелимхана наше селение в числе других селений лишено права выбора старшины на один год и для назначения в определенные селения правительственных старшин предоставлено право начальнику Надтеречного участка князю Эльдарову, представить более способных и сознательных лиц, который представляя к утверждению в должности правительственным старшиной в наше селение удостоил жителя селения Мундар-Юрт Галия Идрисова, который с юных лет был пастухом их скота, а в последнее время перед поступлением на должность старшины нашего селения был поваром у начальника участка, почему он никакого порядка по хозяйству не знает. Всякие хозяйственные важные дела пускаются между ушей, а именно:

1. Общественный лес наш, находящийся на левом берегу реки Терека, вырублен в чистую жителями станицы Мекенской, а им никаких мер не принимается о привлечении виновных к законной ответственности. По

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 626, л. 167–168.

неоднократному заявлению жителей нашего селения о порубке нашего леса, он 2 марта с понятными поехал в лес, где застал на порубке жителей ст. Мекенской и не составлял протокола до 5 апреля, и протокол составлен по приказанию начальника Грозненского округа.

2. Приговором общества постановлено удалить баранов из района нашего селения, старшина не принимает никаких мер к удалению баранов ввиду того, что он — старшина, живет в доме братьев овцеводов: Саи, Сааду и Джахота Исаковых, которые имеют своих баранов, в угоду их он не исполняет общественное распоряжение.

3. На сборе никогда не бывает, а с целью уезжает из селения, дабы избежать общественные претензии.

4. По просьбам жителей о выдаче долгосрочных билетов для заработков, или удостоверений о поведении, он без исключения всем отказывает, хотя бы и вполне благонадежному и честному человеку объясняя, что он поедет к начальнику участка и спросит его совета и если начальник посоветует дать билет или удостоверение, тогда только он может выдать.

5. По распоряжению Вашего Превосходительства в пользу нашего общества следует получить половинную часть арендной платы за паромную переправу с общества ст. Наурской, каковая до сего времени за прошлый год не получена и никаких мер к получению не принимается.

6. Весною сего года некоторые жители, пользуясь слабостью старшины, распахали самовольно землю под яровый посев, на что он смотрит также холодно.

7. Общество селения постановило окопать канавою наш общественный лес, во избежание потравы леса скотом, и для окопа канавы местность поделена между жителями на паи и кто более исполнительный, окопал свои паи добровольно, а многие не приступали к окопу и так лес до сего времени не огорожен. Старшина же к этому никакого принуждения не принимает.

По заявлению нашему о назначении комиссии для проверки прихода и расхода общественных денежных сумм, но заявление это остается гласом вопиющего в пустыне.

Начальник Надтеречного участка князь Эльдаров поддерживая удостоенного им старшину, не принимает наших законных просьб, в последнее время 8-го сего апреля являсь в селение и вместо того, чтобы как начальник поздороваться с обществом и спросить о нуждах общества, стал бранить все общество, а некоторых даже арестовал за то, что ему заявлено о несоответствии своему назначению нашего старшины Галя Идрисова, после ареста требовал от арестованных принять присягу в том, что никаких

заявлений на старшину не делать, тогда он освободит из под ареста. Такие действия начальника участка мы считаем незаконными. До приезда начальника участка в наше селение приезжал начальник Грозненского округа, который поздоровался с обществом, расспросил о нуждах наших и благосклонно принимал общественные просьбы, что обществу было радостно встречать такое начальство.

Вследствие вышеизложенных обстоятельств, покорнейше просим Ваше Превосходительство сделать распоряжение о назначении в наше селение другого старшины, если не из нашего селения как назначены в другие селения своих односельцев, то из других селений, но вполне соответствующего человеку своему назначению, и помимо желания начальника Надтеречного участка. Иначе наше селение придет в недалеком будущем в окончательное разорение. На просьбу нашу осмеливаемся ожидать милостивого результата. К сему за неграмотных и за себя подписуемся Т. Мамакаев, Д. Чалаев, Садакбий Гарабиев, Таку Кайдыров по-арабски, Якуб Гобанукаев (именная печать), Бора Шихиев».

После подписей в документе сделана следующая приписка: «Старшина наш Галий Идрисов имеет от роду более 50 лет, не имеет своего дома, имущества и даже до сего времени не женат и не обладает русским языком, если он нам дан в знак наказания, то почему же в другие селения назначены способные лица? Наше селение центральное противу станицы Наурской, где получается почта и бывают частые недоразумения, где нужно обладать хорошими способностями и даже русским языком»¹.

На эту жалобу видных нижненаурцев князь Эльдаров отреагировал эмоциональным донесением, написанным в адрес начальника Грозненского округа 12 июня 1912 года. Этот документ также представляет собой большую историческую ценность для исследователей взаимодействия между властью и народом.

Князь Абдул-Гамид Эльдаров писал: «Представляя настоящую переписку, доношу Вашему Высокоблагородию для выяснения справедливости прежде всего: прошение это писал бывший писарь Нижне-Наурского сельского правления — урядник станицы Наурской Петр Смирнов, который до поступления старшиной в Нижний-Наур Галия Идрисова запустил дела канцелярии до невозможности; при бывшем старшине Эльмурзе Панчуеве, Смирнов ежедневно ходил в свою станицу домой, возвращался из станицы в 10 часов утра и сидел ровно до 12 часов — до часу, а затем опять в станицу, чрез его упустительность масса было

¹ ЦГА РСО—А, ф. 11, оп. 15, д. 2159, л. 147—148 с об.; АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 626, л. 216—219.

неисполненных бумаг; приходилось мне во время объездов по участку в сельском правлении находить в разных местах заткнутых, даже под шкафом пачками неисполненных бумаг и не врученных повесток, срок которым уже истек; несколько раз мною лично было приказано ему и бывшему старшине Эльмурзе Панчуеву, но канцелярия оставалась в прежнем виде, за несвоевременное вручение повесток Панчуев, по вине Смирнова отбывал даже арест; по вступлении же в должность старшина Идрисов, видя неурядицы Смирнова — воспретил ему ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, отлучаться из селения, а сидеть в правлении и исполнять законные требования жителей с 9 часов утра до 1 часа дня; Смирнову это пришлось не по вкусу и он кое как дотянул до апреля месяца и ушел. Инициатором этого прошения является Смирнов во главе с нижненаурцами Таку Мамакаевым, Давды Чалаевым, Садыкбием Гарабиевым и Якубом Гобанукаевым, которые сами хотят быть старшинами и обращались ко мне несколько раз о предоставлении им должности.

Общество селения Нижний-Наур за укрывательство Зелимхана лишено права выбора старшины на один год; селение Нижний-Наур отличалось своими разбоями, грабежами и воровством, одно из разбойных селений участка; жители этого селения неоднократно участвовали даже в самых крупных разбоях, как пленение Кошеля, нападение на экономию Мамонтова, где убит один нижненаурец, другой — тяжело ранен, перестрелка всего селения с наурскими казаками; ими же в конце разорены овцеводы Конев, Мазаев и Клименко; убит и сожжен с девочкой казак станицы Наурской Серокуров, убит казак Камар и много таких грабежей; ежедневно нижненаурцы совершали не менее 10 крупных грабежей и убийств, не говоря уже о кражах, следы к которому селению приводились из за Терека почти ежедневно, где и оставались невыведенными, а общество несмотря на это участвующих лиц не выдает, хотя оно отлично знает их всех, но скрывает; из этого можно заключить, что все нижненаурское общество есть укрыватели и жители этого селения почти все занимаются воровством; поэтому то я и не нашел возможности при представлении в должность правительственного старшины представить кого-либо из нижненаурцев, зная хорошо, что если из нижненаурцев будет старшина, то грабежи и кражи не прекратятся и нашел нужным представить хорошо известного мне человека — жителя селения Мундар-Юрт Галия Идрисова, которого я знаю за службу его милиционером в Нальчикском округе и в партизанской команде Веденского округа и как хорошо знающего полицейскую службу.

С поступлением же старшиной Идрисова кражи совершенно пре-

кратились и за пять месяцев его службы не было ни одной кражи; такой бдительный надзор Идрисова за ворами нижненаурцам пришлось не по нраву и вот круг поименованных в прошении решили запятнать его хорошее имя и поставить в их селение их односельца, с которым бы им жилось привольнее, как было раньше при старшинах из их селений.

Общественный лес, расположенный на левом берегу р. Терека, есть спорный с казаками станицы Мекенской и по случаю изменения течения реки Терека к правому берегу, грань никто из жителей, как селения Нижний-Наур, так и Мекенских казаков не знает, и лес рубился несколько лет сообща казаками и нижненаурцами, необходимо генеральное проведение межи; причем тут Идрисов, когда до него несколько лет видели это жители и молчали, зная, что на это они не имеют права. При порубке же леса в этом году Мекенскими казаками Идрисовым был составлен протокол и представлен по подсудности, но из этого ничего не выйдет, потому что без генеральной межи суд дело не примет.

Приговор общества об удалении баранов из района селения Нижний-Наур не составлялся и никем не утверждался; если бы был такой приговор, то я уверен, что Идрисов не постеснялся никаких отговоров. Идрисов живет на квартире у Сааду Исакова, а не у Джахота Исакова, овцы которого все время выпасываются во 2-м участке Кизлярского отдела — в караногайских степях. Идрисов безотлучно бывает в селении и всегда посещает сход. Билетов долгосрочных не выдает он потому, что как я раньше уже сказал, почти поголовно все селение неблагонадежно и билеты им нужны исключительно для того чтобы поехать подальше куда-либо и украсть, а затем свободно вернуться в свое селение; удостоверения о поведении им нужны не для того, чтобы поступить на работы, а имея на руках эти удостоверения они легко могут завести в заблуждение администрацию при намеченных ими грабежах и разбоях, укрываясь этими удостоверениями.

За аренду паромной переправы, как мне хорошо известно, арендатор парома еще не уплатил Наурскому станичному обществу арендных денег, как же Идрисов может получить от Наурского общества, хотя он ездил несколько раз в станицу Наурскую; и почему не мог получить арендные деньги за прошлый год до него бывший старшина Панчув, а вину всецело кладут на Идрисова.

За самовольную распашку старшиной Идрисовым взысканы штрафы и записаны на приход по денежной книге; поверку денежной книге и оправдательных документов комиссия производит ежемесячно.

С Северной и Восточной сторон общественный лес окопан канавою

и каждую весну канава эта пополняется, дабы скот не мог заходить и портить произрастающий молодой лес, что сделал в этом году и Идрисов. 8-го апреля сего года я действительно был в селении Нижний-Наур, где предлагал сельскому сходу заняться честным трудом, не надеяться на чужую собственность, не заниматься ненужными клязузами, жить мирно и исполнять законное требование начальства. Идрисов холост, беден, но честен, да причем тут его холостая жизнь, когда он энергичный, способный человек, жена же не может ему помогать в управлении селением, он по-русски знает мало, но ведь есть много старшин, которые совершенно ни слова не могут говорить по-русски, а примерные старшины. При этом осмеливаюсь доложить следующее; что просители: Таку Мамакаев есть алкоголик, был раньше в Нижнем-Науре старшиной, но за пьянство удален от должности и как грамотный — совращает темный народ к тому, чтобы в их селении был старшиной обязательно их же житель и сам хотел быть старшиной; в бытность его старшиной, почти ежедневно приводили из-за Терека следы уворованного скота оставались всегда в Нижнем-Науре, укрывателем всегда являлся Таку Мамакаев, даже был случай угона у калмыка 43-х лошадей, которых около селения караулил сам Таку Мамакаев, но благодаря увертливости своей остался не наказан судебной властью. Мамакаев думал, что ему будет также вольно жить, как и при прежних старшинах, приходит в правление и распоряжается, но это ему Идрисов не позволил и сравнил его вместе со всеми односельчанами, благодаря чему Мамакаев стал недоволен Идрисовым.

Давды Чалаев один из первых кляузников, тоже желающий быть старшиной; был два раза старшиной селения Зибир-Юрт, но более 6—8 месяцев не мог продолжать службу; оба раза по своей слабости был удален начальником, как несоответствующий своему назначению. Садекбий Гарабиев за кражу отбывал наказание в тюрьме, тоже желает быть старшиной, грамотный, научился в тюрьме грамоте, выставляет себя многознающим и занимается только клязузами. Якуб Габанукаев за кражу лошади отбывал 8-ми месячное тюремное наказание, кляузник и укрыватель воров. Муза Бомпаев — первый мошенник и вор, им убит из за мести казак ст. Наурской Лавренов и брошен в воду р. Терек, но жители его укрыли и укрывателем больше всех был Таку Мамакаев. Тепсу Куркаев и Раис Тепсуев есть отец и сын, первый из них занимается одними кляузками и несколько раз был за это наказан административно начальством, притом Тепсу Куркаев с сыном Раисом Тепсуевым укрывали несколько месяцев сына Раиса — Иду Раисова, который за грабежи подлежал суду Владикавказского окружного суда и благодаря моим настойчивым

требованиям только удалось его задержать, который теперь осужден на 8 лет в каторжные работы.

Вообще все поименованные в прошении лица есть первые клязники и во что бы то ни стало хотят удалить Идрисова, который стоит на их дороге, все лица поименованные в прошении есть один круг и мне хорошо известно, что они всегда идут в разрез всех приказаний начальства. Есть некоторые лица поименованные в этом прошении, как например Эльмурза Панчуев, бывший до Идрисова старшиной, совершенно не знал о написании этого прошения, но уже после написания; когда Мамакаев, Чалаев и Тепсуев узнали, что будет производиться по этому делу дознание, предупредили их. Поэтому, прошу о наложении на лиц, написавших это несправедливое прошение, самого строгого административного взыскания. Если почему-либо не найдут справедливости всего моего вышеизложенного, я покорнейше прошу о назначении особого чиновника для расследования этого дела. Начальник Надтеречного участка Грозненского округа князь Эльдаров»¹.

После такого оправдательного донесения Эльдарова прошение жителей сел. Нижний-Наур было оставлено без последствий, как неподтвердившееся произведённым дознанием. Об этом 15 июля 1912 года младший помощник начальника области Гаибов послал «Объявление» авторам жалобы. Однако в августе 1912 года старшина Нижнего-Наура Галий Идрисов, сославшись на расстроенное здоровье и домашние обстоятельства, добровольно уволился с работы. Приказом № 1101 от 12 августа 1912 года временно исполняющий должность начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска генерал-лейтенант Флейшер назначил вместо него правительственным старшиной сел. Нижний-Наур сроком до 1 января 1913 года жителя селения Мундар-Юрт Султана Бийсултана².

Такие меры были приняты царизмом для наказания местного населения за укрывательство абрека Зелимхана. В этой сложной обстановке, в местечке Эмасуле 2 октября 1912 года произошла стычка между казаками станицы Наурской и чеченцами из Верхнего-Наура. Казаки станицы Наурской во главе с офицером Болдырёвым, с намерением угнать сельское стадо верхненаурцев, пасущееся в Эмасуле, на плотках, сконструированных из плетней («зафарш») прикреплённых к восьми лодкам, перебрались на правый берег. Пастух-ногаец известил об этом жителей Верхнего-Наура,

¹ ЦГА РСО—А, ф. 11, оп. 15, д. 2159, л. 149—152 с об.; АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 626, л. 220—226.

² ЦГА РСО—А, ф. 11, оп. 15, д. 2159, л. 170, 180 с об., 205 с об.; АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 627, л. 29, 43, 44, 84, 85.

которые вооружившись чем попало, побежали отбивать у казаков стадо.

Подоспевшие верхненаурцы окружили грабителей и заставили их сложить оружие. Но кадий Верхнего-Наура Шахаб Абдурахманов — ученик Усмана-Хаджи, настаивал, чтобы казакам вернули оружие и отпустили их с миром, иначе, говорил он, власти прекратят поставку в их селение соли и керосина для лампад. Сельчане поделились с муллою своими опасениями, связанными с тем, что, если они обратно вернут противнику оружие, это может послужить не в пользу верхненаурцев. Однако Шахаб стоял на своём и, послушавшись его, чеченцы вернули казакам отбитое оружие.

Как только ружья оказались у них, казаки отступили на пять шагов и залпом выстрелили в толпу чеченцев.

В произошедшем столкновении было убито семь и ранено ещё семь верхненаурцев, а со стороны казаков — ранено четыре, из которых один умер. Затем, из не успевших бежать казаков было убито ещё четыре¹.

Среди убитых чеченцев первым был мулла Верхнего-Наура Шахаб Абдурахманов, заступившийся за казаков. Абдулвахаб Магомадов — брат в последующем известного абрека-антисоветчика Саадуллы Магомадова, умер от ран на семнадцатый день после этого события. Двоюродный брат его Дома был тяжело ранен. Ранение в этой стычке получил и старшина Верхнего-Наура Халим Асабаев. На время его болезни «к исправлению должности правительственного старшины» был допущен житель Верхнего-Наура Султан Мозаев, учитывая то обстоятельство, что у него «отличные отношения с казаками ст. Наурской и что эти отношения помогут ему умиротворить отношения между казаками названной станицы с жителями сего селения»².

В представлении Прокурора Владикавказского окружного суда господину Прокурору Тифлисской Судебной Палаты от 10 октября 1912 года так описывается это событие:

«Последнее лето значительно увеличилось число краж скота у казаков станицы Наурской, Моздокского отдела. Крали скот из станицы, пропал он и в степи и редкая казачья семья не пострадала от этих хищений. Наконец еще были совершены две кражи и по расследованию оказалось, что следы похищенного скота шли по направлению к реке Тереку и вышли на другом берегу. Первого октября вновь была кража — похищены два быка казака Орлова и следы также были выведены на берег Терека.

Станица Наурская расположена на берегу р. Терек. Верстах в шести

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 11, д. 137, л. 2.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 627, л. 148—149.

от нее, на другом берегу расположен чеченский аул Верхний Наур Грозненского округа.

Атаман станицы Наурской урядник Тишков, проследив похищенных быков казака Орлова, переправился на другой берег, сдал следы старшине сел. Верхний Наур и остался на хуторе Орленок для составления протокола и на ночлег.

На следующий день, 2 октября в станице Наурской вдруг раздался набат. Казаки быстро сбежались на площадь, говорили о последних кражах, кто-то крикнул, что атаман не вернулся еще с чеченского берега, кто-то сказал, что атаман убит и почти все мужское население станицы, вооруженное ружьями, кинжалами и шашками отправилось на «Круглую поляну», находящуюся на берегу реки Терека против чеченского аула Верхний Наур. У некоторых не оказалось ружей и те разобрали их в станичном правлении, а также взяли ящик с патронами. Помощник Атамана, бывший в правлении, не мог противодействовать казакам. Толпа волновалась. Решено было настойчиво требовать от чеченцев возвращения быков казака Орлова и казаки достигнув Кругло-Полянского берега, криками пытались вызвать чеченского старшину и сделали несколько сигнальных выстрелов. Не вызвав однако этим путем старшины, казаки стали переправляться на двух каюках на чеченский берег и здесь, в количестве до 150—200 человек, выбрали из своей среды трех уполномоченных — казаков Болдырева, Дремлюгу и Луганского — и отправили их в селение для вызова и для переговоров с старшиной по поводу кражи быков у казака Орлова. Вслед за ним, не дождавшись ни уполномоченных, ни старшины, часть казаков начала сгонять пасшийся на берегу чеченский скот, крича, что раз чеченцы крадут лошадей, то и они, казаки, отберут у них скот, другая же группа казаков, войдя в селение, стала обезоруживать чеченцев. Быстро по аулу разнесся слух, что казаки гонят скот и старшина аула с кадием и стариками вышли на берег. За ними постепенно собралась толпа чеченцев, вооруженных кинжалами, ружьями, револьверами и вилами. Толпа близко подошла к казакам и те просили отдалить толпу, но один из чеченцев успел схватить за ружье казака Семиколенова, за которого заступился казак Антонов. В этот момент раздался выстрел, и Антонов, смертельно раненый, упал на землю. Вторым выстрелом был ранен казак Щербаков, после чего завязалась общая перестрелка, продолжавшаяся минут двадцать пять и во время коей обе враждующие стороны постепенно разбегались и перестрелка прекратилась. Казаки переправились на каюках на свой берег. Среди них оказались ранеными казаки Дорошенко, Щербаков, Денис Антонов и Поликарп Антонов, вскоре умерший. Со

стороны чеченцев были убиты: Абдурахманов, Разаев, Азиев, Аюбов и Дубаев и ранены: Нанука Абдурахманов, Шахабов, Тасуев, Могомадов, Темулкаев, Мутаев, Гапланов, Хажихан Аюбов и Асабаев. В числе убитых были — кадий, сын и брат его и в числе раненых — старшина.

Вернувшись в станицу, казаки не досчитались своих уполномоченных и рано утром, 3 октября, вновь собрались на «Круглой Поляне», но не решались переправиться на чеченский берег и криками требовали от чеченцев возвращения уполномоченных. В свою очередь чеченцы не решились подойти к берегу и выдать Болдырева, Дремлюгу и Луганского, бывших уже убитыми.

В это время в аул прибыли: Начальник Грозненского округа полковник Стрижев, полковник Маргания с сотней дагестанцев, Начальник охранной стражи поручик Куриев и Начальник участка князь Эльдаров. Трупы уполномоченных лежали на берегу. Когда Стрижев, Маргания и Куриев переправились на казачий берег, толпа казаков сильно волновалась и в резких выражениях требовала возвращения уполномоченных живыми или мертвыми. Полковник Стрижев передал поручику Куриеву записку для передачи князю Эльдарову, оставшемуся на чеченском берегу, с поручением привезти трупы уполномоченных, но казаки не пустили офицера Куриева, заявив, что Куриев пойдет с ними в станицу. Записка была послана с лодочником и трупы были доставлены. При виде их толпа казаков еще больше заволновалась, окружила тесным кольцом офицеров, кричала, требовала, чтобы трупы были доставлены не лодочником, а убийцами, требовала разгромить аул артиллерией, кричала, чтобы полковник Стрижев приказал им, казакам, переправиться на другой берег и разоружить чеченцев, кричала, что они, казаки, а не офицеры, — опора правительства. Ружья казаков были взяты на перевес в сторону офицеров и наконец была слышна площадная ругань по адресу офицеров. Жизнь всех трех офицеров в этот момент была в опасности. Тактичные и спокойные ответы полковника Стрижева, увещания священника станицы Наурской и уговоры казака полковника Бирюлькина сдержали несколько толпу и она, взяв трупы, тронулась к станице. Вечером в тот же день, 3 октября, в станицу прибыл атаман Моздокского отдела генерал Абрезов. На станичном сборе, на котором присутствовали генерал Абрезов, полковник Маргания, полковник Стрижев и поручик Куриев казаки продолжали волноваться, кричать и предъявлять просьбы, но просьбы их за общим шумом невозможно было расслышать. В это время на сбор приехал писарь аула Верхне-Наурского Нырков и крикнул, что чеченцы зарезали еще четверых казаков. Сбор еще больше заволновался. Полковник Стрижев

успокаивая казаков, заявил, что полковник Маргания и поручик Куриев проверят эти сведения, но казаки закричали, что ни полковника Маргания, ни поручика Куриева посылать не следует, что они не русские, что они не служат Русскому царю. /Полковник Маргания — по происхождению грузин-абхазец, а поручик Куриев — ингуш./ На это генерал Абрезов, указывая на более других кричавшего казака, возразил: «Так говорить не надо». Стрижев же, сказав, что в таком случае он сам поедет для расследования, вышел с офицерами и сбор разошелся.

Утром 4 октября в аул Верхний-Наур прибыли старший помощник Начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска генерал Степанов и я. Чеченцы были спокойны, никаких заявлений и просьб не предъявляли и затем мы прибыли в станицу Наурскую. Немедленно по набату собрался станичный сбор, или вернее, не сбор, который составляется из выборных и собрать который приказал генерал Степанов, а сходка, состоявшая почти из всего населения станицы Наурской, не исключая и казачек. На сборе присутствовал и я по просьбе генерала Степанова. Лишь только мы вошли, как казаки окружили нас и атаман станицы урядник Тишков, предложив генералу Степанову хлеб-соль, отрапортовал о происшествии. Вслед за сим поднялся такой шум и казаки так кричали, что положительно ничего, что именно кричали казаки, разобрать было невозможно. Генерал в свою очередь крикнул, чтобы шум прекратили, но крики продолжались еще с большей силой. Я расслышал фразы: «Он еще кричит на нас». Генерал Степанов вновь приказал замолчать и топнул ногой. Я вновь расслышал крики: «Он еще топает ногами». И толпа продолжала волноваться. Заметив казака, кричавшего громче других, генерал приказал вывести его из сходки, но толпа так стала неистовствовать и кричать: «Не надо». «Мы все тогда разойдемся», что генерал Степанов не решился настоять на исполнении своего приказания и крикун не был выведен и остался. Этот момент был настолько серьезен и толпа казаков была так настроена и разнуздана, что если бы генерал настоял на своем приказании, то полагаю, как он, так и бывшие с ним офицеры не были бы вне опасности.

Успокоившись, казаки заявили, что чеченцы обкрадывают их, убивают, не дают спокойно работать, что чаша переполнилась, что они пошли требовать от чеченцев возвращения украденных у казака Орлова быков, что чеченцы расстреляли их, что правительство не заботится о них, казаках, не дает им стражи, не охраняет, что Верхне-Наурский аул следует разгромить пушками и что вообще они просят оградить их от краж и насилия, чинимых чеченцами.

Произведенным мною расследованием и отчасти предварительным следствием устанавливается, что у казаков станицы Наурской с апреля сего года было более 23 случаев краж скота, что в большинстве случаев станичным правлением протоколов о кражах не составлялось и кражи признавались пропажами скота, что составленные в немногих случаях протоколы передавались начальнику участка несвоевременно, через две-три недели после совершения кражи, что следы похищенного скота в большинстве случаев шли не на чеченскую землю или вовсе не были обнаруживаемы, что сами наурцы подозревают своих одностаничников в кражах и в переводе засим похищенного скота чеченцам, что в 3 случаях краж, когда составлены были протоколы и когда следы были выведены на чеченскую землю, чеченцы приняли следы. В этих последних случаях чеченская ответственная стража гарантирует уплату стоимости похищенного скота хотя бы таковой и не был обнаружен.

В то же время расследованием выяснено следующее. Результатом перестрелки были пять трупов чеченцев и один труп казака /Антонова/, поэтому в целях удовлетворения кровной мести, чеченцами были убиты уже после перестрелки еще четыре казака, находившиеся в ауле, именно уполномоченные — Болдырев, Дремлюга и Луганский и случайно проезжавший аулом казак станицы Мекенской Серебряков. Первые трое были изрублены кинжалами и смерти их, повидимому, предшествовали мучения. У трупов оказались изрубленными руки, исколотыми тела, у трупа казака Дремлюги половина лица была вдавлена внутрь. Казак же Серебряков был убит выстрелом из ружья. Уполномоченный Болдырев пользовался большой популярностью и любовью среди одностаничников, был избран выборщиком для избрания депутата в Государственную Думу и в то же время имел много друзей-кунаков и среди Верхне-Наурских чеченцев. Он убит был при следующих обстоятельствах. Войдя вместе с остальными двумя уполномоченными в аул и разыскивая там старшину, он услышал выстрелы на берегу. Болдырев бросился в саклю к кунаку, но дверь оказалась запертой. Он перебежал улицу и скрылся в сакле другого кунака — чеченца Аржикана Сулейманова. Чеченцы заметили его и войдя в саклю выгнали оттуда Сулейманова, раздели Болдырева и выведя из сакли, изрезали его на дворе кинжалами»¹.

Дело об убийстве 2 октября 1912 года в ауле Верхне-Наурском трёх доверенных казаков станицы Наурской: Фёдора Болдырёва, Ивана Луганского, Семёна Дремлюги и казака станицы Мекенской — Ивана

¹ ЦГИАГ, ф. 114, оп. 1, д. 1719, л. 2—4 с об.; РГВИА, ф. 400, оп. 25, д. 4145, л. 3—5 с об., 6.

Серебрякова, 30 октября того же года было изъято из общей подсудности и передано в военно-окружной суд, для осуждения виновных по законам военного времени ¹.

По произведённому дальнейшему дознанию оказалось, что в ночь под 1-е октября в хуторе Старо-Леднёвском станицы Наурской, были выкрадены пара быков казака Емельяна Орлова. В ту же ночь в станице Наурской была уведена корова со двора урядника Мартына Сухорукова. Корова последнего была найдена в лесу села Верхний-Наур привязанной к дереву и возвращена владельцу.

В результате перестрелки с чеченцами был смертельно ранен казак станицы Наурской Поликарп Антонов и легко ранены Дмитрий Антонов — в левую руку, Григорий Щербаков — в обе ноги и Матвей Дорошенко — в руку. О случившемся вечером 2 октября на земских лошадях через нарочного было отправлено сообщение атаману Моздокского отдела генерал-майору Абрезову. Но нарочный заблудился, ночевал в степях и доставил донесение только утром 3 октября. Из Верхнего-Наура известить начальника Надтеречного участка Эльдарова в Старый-Юрт был отправлен конный нарочный. Утром 3 ноября Эльдаров из Старого-Юрта по телефону сообщил об инциденте начальнику Грозненского округа полковнику Стрижеву и тот спешно приехал на место происшествия на автомобиле. В Верхнем-Наура были выяснены обстоятельства происшедшего.

В своём рапорте о столкновении наурцев и верхненаурцев, генерал Флейшер пишет, что со стороны чеченцев были «достойные всякой похвалы стремления спасти русских, находившихся в это время в ауле». Так был, к примеру, спасён сельский писарь, урядник Нырков, спрятанный на целые сутки к почётному старику.

«Были попытки спасти и Болдырёва у его кунака Аржиканта, — пишет далее Флейшер, — причём на защиту его обнажил кинжал даже 13-летний сын Аржиканта, а жена его, не выдавая Болдырева, укоряла убийц, что они не мусульмане, нарушая закон гостеприимства.

Ниже-Наурский старшина Таусултанов ² спас нескольких казаков и одну женщину, спрятав их в своем селении» ³.

В качестве обвиняемых в убийстве казаков Фёдора Болдырёва, Ивана Луганского, Семёна Дремлюги и Ивана Серебрякова были привлечены

¹ РГВИА, ф. 400, оп. 25, д. 4145, л. 10 об.

² Старшиной Нижнего-Наура в то время был Султан Бийсултанов, а не Таусултанов.

³ РГВИА, ф. 400, оп. 25, д. 4145, л. 11–13 с об.

к ответственности жители сел. Верхний-Наура: Саадулла Магомадов, А. Аюбов, Куват Асабаев и Н. Аслаханов ¹.

По воспоминаниям старейшин подтверждается, что Болдырёв, в поисках убежища от неминуемой мести чеченцев, попросил предоставить ему укрытие своего кунака из Верхнего-Наура Аржиканта (Иаржа-Клант). Согласно обычаям чеченцев, хозяин дома обязан был защитить своего гостя, просящего убежище, что и сделал верхненаурец. Он не подпускал к Болдыреву своих односельчан, вооружившись винтовкой. А сын его защищал гостя холодным оружием.

В этот день Саадулла Магомадов был на мельнице, молот муку на зиму. Вернувшись домой и узнав о случившейся трагедии, он спросил у односельчан: «Из врагов кто-нибудь убит?» Люди ответили, что им не удалось на должном уровне отомстить. Они сообщили ему, что у Аржиканта скрывается их представитель Болдырёв, но верхненаурец не подпускает к нему никого, ссылаясь на священный обычай гостеприимства. Саадулла сказал им: «Наверное никто из вас не постарался отомстить, как потерявший брата». Затем, вырвав шашку из ножен, продолжил: «Я покажу вам, пустят меня к врагу или нет. Желаящие увидеть это — следуйте за мной», — и устремился к дому Аржиканта.

Когда Саадулла подошёл к его дому, Аржикант предупредительно сказал: «Не подходи». Тогда Магомадов взбесился и, размахивая шашкой, бросился на него. Аржиканту пришлось отступить. Ворвавшись в его дом, Саадулла нашёл спрятанного на кровати под подушками и матрасами Болдырёва — жирного, как дикий кабан. Он вытащил его из укрытия на улицу и, обращаясь к сбежавшимся на место односельчанам, сказал: «Теперь желающие смогут видеть, как мстят за брата». После этих слов молниеносным ударом шашки Саадулла снёс Болдырёву голову. За убийство Болдырёва Саадулла Магомадов был арестован царской администрацией и сослан сроком на 28 лет в гор. Варшаву. С ним был привлечён к ответственности также его друг Исха Аюбов (Ойбин Исха). Он скончался во Владикавказской гауптвахте, а Саадулла Магомадов после революции 1917 года был амнистирован новой властью и вернулся домой ².

Согласно Приговора № 21, составленного верхненаурцами на сельском съезде 24 октября 1912 года, они уполномочили своим ходатаем во всех

¹ ГАРФ, ф. 102, Особый отдел, оп. 242, 1912 г., д. 74 (2), л. 186.

² Записано 12.04. 1999 г. со слов Деламбека Саадуллаевича Магомадова (1920 г. р.) из сел. Калаус, Али Усаева (1912 г. р.) из сел. Надтеречное и Халида Магомадова (1911 г. р.) из пос. Новый-Городок; См.: *Духаев А. И.* Абреки из Притеречья. Лаха-Невре, 2002. С. 6—9.

судебных, административных, общественных и других учреждениях и у должностных лиц всех ведомств — помощника присяжного поверенного Ахмет-Хана Магометовича Мутушева, чтобы он разбирал их тяжбы по земельным и общественным делам, а также «по делу об указанном выше вооруженном нападении на них 2 октября 1912 года казаков станицы Наурской»¹. Однако, А. Мутушев потребовал с жителей Верхнего-Наура за свои услуги тридцать тысяч рублей, «а когда общество, ввиду своей несостоятельности, просило его уменьшить вознаграждение, он согласился на пятнадцать тысяч рублей в рассрочку, но с тем, чтобы пять тысяч рублей ему было бы выдано вперед и немедленно»².

В 1913 году истек срок назначения в Нижнем-Науре правительственного старшины. Поэтому 8 февраля этого года жители села провели выборы нового старшины. «Приговор № 4» свидетельствует о том, что «имеющие право голоса по числу 570 дымов в числе 57 человек в присутствии должностных лиц в числе 9 человек, а всего 66 человек, из них сего числа присутствовали на сборе 62 человека, где в присутствии нашего сельского старшины слушали: предписание начальника Надтеречного (участка) от 22 января за № 253 о выборе старшины нашего селения вместо окончившего срок службы правительственного старшины Султана Бейсултанова, мы, выборные сего числа в присутствии помощника начальника Надтеречного участка хорунжего Лисичкина, произвели выборы закрытой баллотировкой, причем оказались избранными урядник Току Мамакаев, получивший 49 избирательных и 13 неизбирательных шаров и Садыкбий Гарабиев, получивший 57 избирательных и 5 неизбирательных шаров. Избранные нами лица поведения хорошего, под судом и следствием не состояли и не состоят. Мамакаеву от роду 52 года и Гарабиеву 50 лет.

К сему подписуемся: Тепсу Куркаев, Абдувагап Туев, Мити Касаев, Дошу Мудаев, Довды Чалаев; неграмотные: Загаштуко Абдулаев, Абдулхамид Абдулкадыров, Ати Алгиреев, Абдукудуз Азаматов, Умха Абдулаев, Ата Альчукаев, Хасбулат Билиев, Муза Бампоев, Ахлу Бектемиров, Аута Визерханов, Дельми Габертаев, Аудал Гобанукаев, Таги Дукаев, Духа Дакаев, Нашка Зугаев, Дыдык Джеопаров, Коци Дудаев, Таугирей Джеопаров, Болатый Исламгиреев, Шигир Иныркаев, Саи Исаков, Ахмад Косумов, Ама Кедыев, Чири Кайдыров, Били Габертаев, Сайдула Лосаев, Ахмад Акиев, Тайсум Мицакуев, Умат Мусханов, Джангази Маасуев, Муза Накаев, Эльмурза Панчув, Идик Турлов, Албаст Табаев, Саадула Тыгиров, Туку Тадуев, Джабраил Хакимов,

¹ ЦГА РСФСР—А, ф. 11, оп. 11, д. 137, л. 3.

² Указ. ист., л. 2 об.

Ваза Хатаев, Дага Хазыриев, Хадчука Хакиев, Ичи Эдиев, Некдар Хакимов, Барзануко Чочаев, Басхан Цуцуев, Мусаит Эдильханов, Байсултан Эльджуркаев, Умха Янгулбаев, а по неграмотности их и по личной просьбе расписался В. Канаев.

Старшина сел. Нижний-Наур Бейсултанов.

Помощники его: Вити Алгиреев, Тазаби Шугаипов, Шагап Шахтиев, Муса Дошаев.

Сельские судьи: Хуси Атазиев, Сарали Бенаев, Аутурхан Азаматов.

При выборах присутствовал помощник начальника Надтеречного участка: хорунжий Лисичкин»¹.

Однако начальник Грозненского округа 9 апреля 1913 года пишет в Терское областное правление рапорт, в котором доносит, что выбранный нижненаурцами старшиной Садыкбий Гарабиев «приговором Грозненского горского словесного суда, состоявшимся 27 сентября 1903 года за № 911, был признан виновным в укрывательстве воров, совершивших кражу лошади у Солтахана Тедиева, за что был приговорен к аресту на семь суток, но приговор этот по апелляционной жалобе предписанием начальника Терской области от 31 марта 1904 года за № 2995 отменен».

Далее начальник Грозненского округа пишет: «Для пользы службы полагал бы полезным оставить еще на один год состоящего ныне в сел. Нижний-Наур правительственного старшину Султана Бийсултанова, который проявил особую распорядительность во время столкновения жителей сел. Верхний-Наур с казаками станицы Наурской»². Из областного правления начальник Грозненского округа 27 апреля 1913 года получает такой ответ: «По докладу начальнику области наказному атаману рапорта вашего от 9 апреля сего года за № 1790, об утверждении в должности старшины селения Нижний-Наур Садыкбия Гарабиева, избранного сельским сбором по баллотировке 8 февраля текущего года, Его Превосходительство, генерал-лейтенант Флейшер в утверждении старшиной Гарабиева отказал и вошел (зачеркнуто: «вместе с тем приказал войти с представлением к главнокомандующему войсками Кавказского военного округа об оставлении в названном селении (зачеркнуто: «о продлении срока») правительственного старшины еще на один год (зачеркнуто: «названного селения впредь до восстановления нормальных отношений Нижне-Наурцев с соседями Наурскими казаками»)»³. 16 мая 1913 года оставить Султана Бийсултанова в должности правительственного старши-

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 642, л. 228–229.

² Указ. ист., л. 226–227.

³ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 642, л. 251–252.

ны ещё на год разрешил также временный главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал от инфантерии Шатилов.

В конце 1913 года истекал также срок, вновь продлённый царской администрацией для правительственного старшины сел. Нижний-Наур. Поэтому, в надежде восстановиться в своей должности, 28 декабря 1913 года Эльмурза Панчув пишет Прощение на имя начальника Терской области: «Представляя при сем копию с отзыва прокурора Владикавказского окружного суда от 3 июля 1912 года за № 124 в Управление Грозненского округа, об освобождении меня от суда и следствия по обвинению меня в преступлении должности будучи старшиною сел. Нижний-Наур, ввиду моей безвинности, я честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство вернуть мне должность старшины сел. Нижний Наур на оставшийся срок один год и 9 месяцев, так как прослужив 1 год 3 месяца, я без вины устранен не обществом, а Терским областным правлением, а вместе с тем я был выбран обществом на должность старшиною на три года и таковое общество согласно и теперь чтобы я нес таковую должность старшины селения Нижний Наур в продолжении остального срока и даже выбрать на новый срок». Однако Эльмурзе было отказано в восстановлении¹. В последующие 1915–1916 годы старшинами селения Нижний-Наур всё же были поставлены Садыкбий Гарабиев и Таку Мамакаев².

Сельскими судьями Нижнего-Наура на 1913 год были избраны Кацци Духаев (45 лет), Дога Дакаев (55 лет) и Тайсум Мицакуев (45 лет), а кандидатами: Ярысхан Раисов (40 лет), Барзануко Чочаев (45 лет) и Мити Касаев (40 лет)³. На 1914 год были избраны новые сельские судьи: Албаст Табаев (70 лет), Ахлу Бектемиров (69 лет), Муда Эльдаров (65 лет) и кандидаты к ним: Ярасхан Раисов (40 лет), Мити Касаев (40 лет) и Ама Кедыев (56 лет)⁴.

1913 год ознаменовался ещё одним столкновением нижненаурцев с казаками. В станице Наурской в милиции работали жители Нижнего-Наура: братья Якуб и Муту Гобанукаевы, Хажмурзаев, Аблушев, а также один верхненаурец. Они сняли там квартиру и жили в ней без семей, приезжая на выходные домой. Но как мы знаем из предыдущего содержания, отношения между казаками и чеченцами в то время были напряжёнными. Поэтому наурчане задумали устроить засаду и убить чеченских милицио-

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 347, л. 1–2.

² АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 286, л. 105–110; ЦГА РСФСР–А, ф. 11, оп. 11, д. 393, ч. 1, л. 191–192 с об., 193, 194.

³ Там же, д. 642, л. 172.

⁴ Там же, д. 347, л. 9.

неров. Об этом им тайно сообщил казак-хозяин арендуемой ими квартиры. Хажмурзаев из тайпа андий (Габндий) и верхненаурец в эту ночь уехали домой, а Аблушев и Якуб Гобанукаев, с братом Муту, остались.

Несколько казаков село в засаду во дворе квартиры. Чтобы выманить милиционеров из дома, остальные казаки-заговорщики произвели несколько выстрелов перед церковной площадью. По долгу службы милиционеры-чеченцы обязаны были проверить причину выстрелов и выскочили из квартиры. Тут по ним дружно спустили курки сидевшие в засаде казаки. Все трое чеченцев были убиты. На второй день их переправили на пароме в Нижний-Наура и похоронили ¹.

Якуб Гобанукаев (род. в 1864 г.) был предком проживающих сегодня в сел. Надтеречное Якубовых из тайпа гордалой, а Аблушев — представителем поныне проживающей в том же селе фамилии Абушевых из тайпа кей. Отцом их предка Абулуша (1847 г. р.) и его брата Джаца (1828 г. р.; эпонима фамилии Джацаевых) был знаменитый Кейн Джовбаттар, происхождения которого в Андию (Дагестан) воспевались в одной из чеченских эпических песен-илли.

Чтобы заключить перемирие с казаками, Кана-Шайх собрал авторитетных людей из Притеречья: Цанцаро (Цанцаро) Ногамирзаева-Товсултанова из Ломаз-Юрта, князя Пашу Алхазова из Али-Юрта, Току Мамакаева, Гири Мукушева (эпоним фамилии Гириевых из Нижнего-Наура, тайп аллерой) и др. Они решили поехать на переговоры к начальнику Грозненского округа, которого чеченцы звали Генералом («Инарла»), и на двух фаэтонах выехали в Грозный. У хутора частного землевладельца Минай Фёдоровича Конева (бывшего владения князей Турловых; ныне сел. Подгорное), депутация из Притеречья догнала Саи (Сабу) Дакалова, брата Солты, Юсупа и Ансара Дакаловых из Нижнего-Наура (тайп мелардой), который в то время проживал в сел. Кень-Юрт и работал там продавцом в магазине. Саи пешком возвращался с похорон убитых в ст. Наурской братьев Гобанукаевых и Абулшева. Поравнявшись с ним, Кана пригласил Саи сесть в свою повозку. Последний спросил их:

— Что вас свело вместе и куда вы направляетесь?

— Мы едем в город к Генералу, для заключения перемирия со станциями Наурской и Мекенской, — отвечали путники.

Когда делегация доехала до моста Дени-Шайха («Денин-тАй»), Кана и его спутники слезли с фаэтонов, чтобы уменьшить лошадям нагрузку при спуске к мосту, который был сооружён над оврагом, прорытым после

¹ Записано в 2007 г. со слов Арби Эльмурзаева и Мусы Вадаева (1922 г. р.), жителей сел. Надтеречное.

сильных дождей речкой Эчкахи («Аьчкахи»). Они пешком перебрались на противоположный берег оврага, где Кана заявил делегатам:

— Если вы не против, у меня появилась одна идея.

Заинтригованные спутники спросили шайха:

— Какая у тебя мысль, Кана? Должно быть ты придумал что-то хорошее.

Показывая пальцем в сторону Кень-Юрта, где в это время проживал Дени-Шайх Арсанов, построивший со своими муридами этот мост, по которому они прошли, Кана-Шайх сказал:

— Генерал, к которому мы едем — приятель безумного сына Арсы¹. Было бы хорошо, если бы мы взяли его с собой. Давайте скажем ему?

Все согласились. Току, сын Ханакая Мамакаева, согласился пойти с Каной к Арсанову. Шайх сказал ему:

— Току, ты оставайся здесь.

Тогда напросился Цанцаро из Ногай-Мирзин-Юрта. Его Кана тоже не взял с собой.

— Со мной пойдет Саи, — сказал им шайх, и они вдвоём пошли к Дени Арсанову.

Когда Кана и Саи вошли в дом Дени-Шайха, у него было много гостей. Они как раз начали совершать предвечернюю молитву («малхбуза ламаз»). Кана и Саи встали за ними и тоже совершили намаз. После завершения молитвы, Кана-Шайх сказал:

— Дени, одевайся скорее. Нам нужно ехать.

— Сначала спокойно поужинаем, потом оденусь... — отвечал Арсанов.

— Нет, мы спешим. С нами ещё товарищи. Мы должны идти, — настаивал на своём Кана.

— А куда это мы идём? — спросил Дени.

— По дороге всё расскажу. Сейчас не время — мы задерживаемся.

— Расскажи, пока я одеваюсь, — попросил тогда Дени у Кана-Шайха.

— Мы едем в город к Генералу, для заключения перемирия между станциями Наурской, Мекенской и селом Нижний-Наур. А поскольку он — твой знакомый, мы захотели взять тебя с собой.

Внимательно выслушав Кану, Дени-Шайх вдруг перестал одеваться и сказал:

— Мы напрасно поедем — его нет дома. Генерал на два-три дня выехал во Владикавказ. Мы бы не могли отложить поездку до его возвращения?

— Хорошо. Тогда мы повернём обратно. Если его нет дома — нам нечего туда ехать, — заключил Кана.

¹ «Арсин хьераваьлла воI» — так Кана шутливо называл Дени Арсанова за его безрассудную смелость и буйный характер.

Сидит: князь Абдул-Гамид Эльдаров; без головного убора стоит его брат
Ахмат-Хан Эльдаров (из семейного архива А. У. Ганжуева)

Казачи станицы Червлённой

**Княгиня Ханнат Темирбулатовна
Бекович-Черкасская, жена Абдул-Гамида
Эльдарова (Грозный, снято 10.04.1912 г.
в фотосалоне Б. Г. Поляпина.
Из семейного архива А. У. Ганжуева)**

Генерал-лейтенант С. Н. Флейшер

Мост Дени-Шайха в Кень-Юрте

— Я знаю другой способ, — поделился с ним Дени. — Не надо собирать людей у Генерала. Если убить трёх-четырёх казаков из станицы Мекенской и сжечь несколько домов в Наурской — они сами запросят о мире.

От слов Дени-Шайха Саи обдало жаром с ног до головы. Он сразу подумал: «Оказывается, меня взяли для того, чтобы исполнить это».

После такого предложения Дени, Кана вспыхнул и выругал его:

— Да ты что, безумный сын Арсы?! Этого никак нельзя делать!

— Не знаю Кана, можно это или нельзя, но, если сделать как я сказал, они точно заключили бы перемирие, — отстаивал своё мнение Дени Арсанов.

Провожая Кану и Саи, Дени-Шайх ещё раз повторил им свою идею. Тогда Саи не сдержался и спросил:

— Кана, можно сделать это?

Тот не сказал ни да, ни нет. Пробормотал что-то невнятное и ушёл. Проводив шайха, Саи вернулся в свой дом в Кень-Юрте, совершил предмолитвенное омовение и послал своих детей позвать друзей, завязав потуже ремни¹. В Галне знаменитым скотокрадом был приятель Саи — Шахби. Он взял его и другого отважного кеньюртовца Яшин Исреала. С ними пешком Саи пришёл в Нижний-Наур, не говоря о преследуемой ими цели. Те двое тоже считали неприличным спрашивать у него об этом и молча следовали за другом. Они пришли к двоюродному брату Саи — Саралиеву Асхабу, которому поручили приготовить надувную шкуру («шюка»). С помощью этой шкуры друзья хотели перебраться на левый берег Терека. Они позвали с собой и другого двоюродного брата Саи — Хадиза Сайдулаева. Когда все приготовления к переправе были сделаны, Саи посвятил их в стоящую перед ними задачу:

— Шайхи поручили нам устроить пожар в станице Наурской, а также убить несколько казаков в Мекенской.

Возбуждённый этими словами, Шахби вскочил, страстно сверкая глазами, и сказал:

— Мы и без их разрешения шли за Терек, а сейчас, когда шайхи сами просят нас отомстить казакам, мы разнесём их в пух и прах.

Пятеро удальцов перебрались через Терек и направились в станицу Мекенскую. Время было позднее и они не находили на улице ни одного станичника. Вдруг через открытое окно одного из домов друга увидели сидящих за столом пятерых казаков. У дверей стояли две казачки, подносящие им чихирь («чаглар»), а также два других казака, которых те пятеро не хотели запускать, закрыв дверь на крючок. Саи и два его товарища выстрелили в тех пятерых застольщиков, а остальные двое

¹ «Юкь ехка» — означает приготовиться к газавату.

его друзей убили двоих казаков, которые стояли с женщинами у дверей дома. Семь казаков было убито наповал. После выстрелов, Саи в ночной темноте искал на земле что-то упавшее. Яшин Исреал спросил у него:

— Саи, что ты потерял?

— Ищу гильзу («чкьюйриг») из которой я стрелял. Может она ещё пригодится, — ответил Саи.

— Трудно оставлять друга там, где не хочется терять даже гильзу, — сказал ему Яшин Исреал.

Из Мекенской дружка направились в Наурскую. Зная, что погоня сразу же будет искать их у Терека, они шли по северной стороне станицы. В Наурской Саи и его дружка сожгли несколько домов, крыши которых были покрыты соломой, и быстро перебрались через Терек. Уложив своих товарищей в длинном доме дяди Сарали, Саи взволнованно ходил по улице. Не зная, какой будет развязка их отщепенца казакам за убитых односельчан, он не мог заснуть. Из-за Терека со стороны обеих станиц доносился звон набатных колоколов.

На рассвете делегация казаков подошла к паромной переправе и стала кричать нижненаурцам, чтобы к ним на переговоры прислали Довду Чалаева, потому что он знал русский язык и был родственником убитых братьев Якуба и Муту Гобанукаевых. Чалаев стал парламентёром в переговорах чеченцев с казаками. Как и предвидел Дени-Шайх, последние сами запросили о мире. Заключённое в этом году перемирие с казаками продолжалось четыре года. Но в феврале 1917 г. в России наступили смутные времена («зама йобхна») ¹.

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

ПОЛКОВОДЕЦ

После 1914 года Терек вышел из своего русла и, разрушая правый берег, угрожал затоплением всего Нижнего-Наура. Дома некоторых жителей села, расположенные ближе к Тереку, уже были разрушены этой бурной рекой. Призывая на помощь, хозяева жилищ, ставшие жертвами наводнения, стали стрелять в воздух. Боза Хакимов рассказывал, как они ночью на арбах вывозили домашний скarb пострадавших от стихии. Среди спасённых ими были также Дадаевы, дом которых был полностью разрушен водой. Терек тогда издавал рёв, словно пикирующий самолёт. Он приблизился к террасе, на которой было расположено действующее и поныне сельское кладбище Нижнего-Наура, на котором был похоронен шайх Усман-Хаджи.

Ещё ранее жители села Нижний-Наур пытались предупредить грядущее бедствие и принять меры. 5 марта 1912 года доверенные от общества селения Нижний-Наур Аутурхан Гериханов¹ и Давды Чалаев писали прошение Начальнику Терской области:

«По размежеванию земель между селениями, наше сел. Нижний-Наур было поселено на правом берегу реки Терека, напротив ст. Наурской, и селение наше разделялось с казаками станицы Наурской рекою Тереком, не делаящим обоим сторонам никакого вреда, в последние же несколько лет р. Терек изменив свое течение, углубилась в нашу сторону так, что ежегодно подмывает десятками и более дворов, жители которых переселяясь на край селения снова были подмыты и некоторым жителям пришлось переселиться от подмыва до трех раз. Сельская наша мечеть три раза была подмыта и нами переносилась на другое место. В прошлом 1911 году построена сельская мечеть в четвертый раз. Понесенные нами расходы на постройки мечетей для нас слишком обременительны и мы приходили в окончательное разорение, но все было для нас терпимо, а вот нам грозит новая беда, которая для нас будет нетерпима, да и Начальству предлагаем будет неприятно.

Кладбище наше, где похоронены наши предки, а также похороняются и сейчас люди, остается от берега реки Терека всего на 15—20 саж[ень] и не далее трех лет, Терек станет отмывать и уносить кости наших прароди-

¹ Аутурхан Гериханов — дед политолога Абдурахмана Авторханова (1908—1997), знал русский язык и был уважаемым в селе человеком.

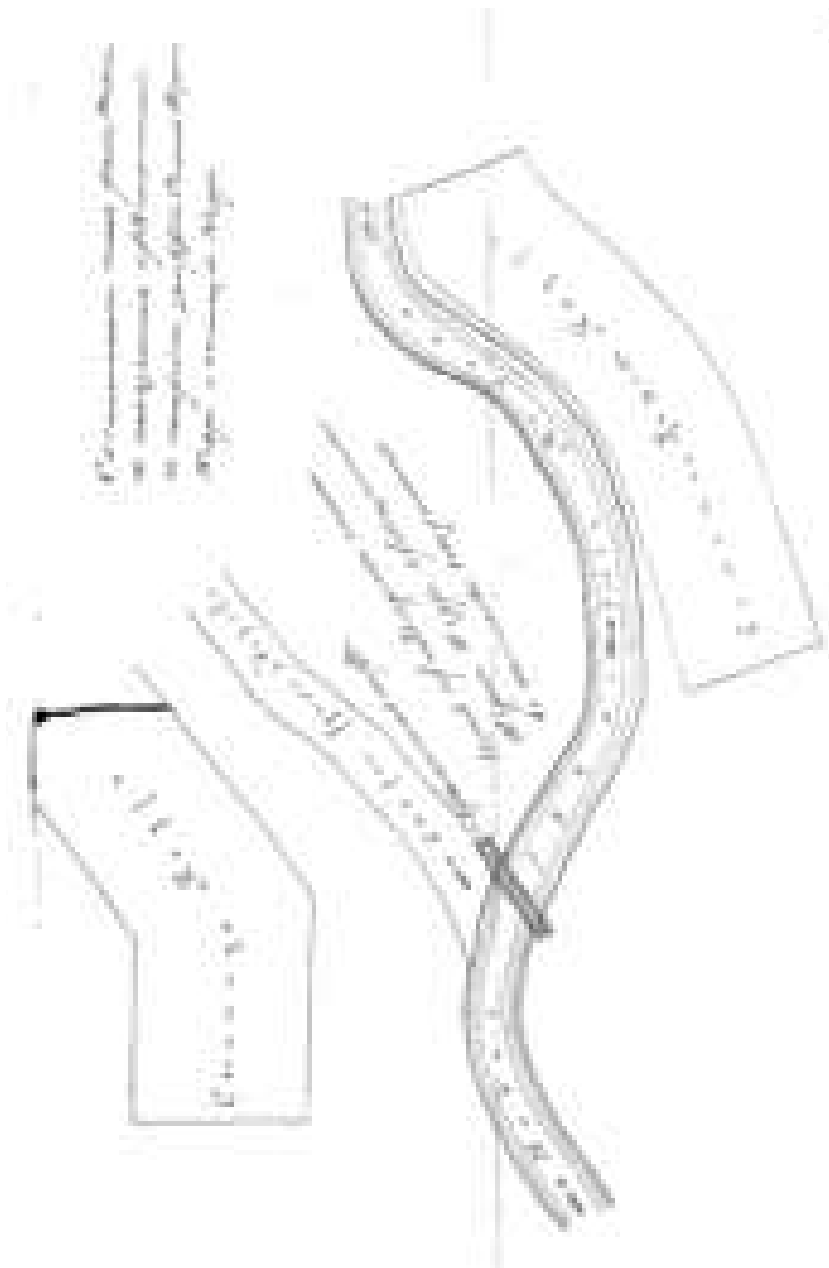
телей. Такое печальное событие будет для нас невыносимым и в будущем неисправимым, если не принять заблаговременно предупредительных мер. Всего отмыто нашего берега Тереком приблизительно на целую версту и земля наша перешла на левый берег — приблизительно 1100 десятин, каковая постоянно вытравливается скотом казаков станиц: Наурской и Мекенской. Вследствие вышеизложенных обстоятельств, осмеливаемся покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить нам сделать запруду нового русла реки Терека так, чтобы направить течение воды ко старому руслу реки. Течение воды Терека по старому руслу никому не будет приносить вреда и мы останемся в безопасности, а кости наших прародителей останутся в покое. Надеемся, что Ваше Превосходительство обратит на нашу просьбу внимание и разрешите сделать просимую запруду, чем избавите нас от грозящей опасности. При сем представляем план р. Терека с показанием станицы Наурской и сел. Нижний-Наур. К сему подписуемся А. Гериханов и Д. Чалаев. 5 марта 1912 года, сел. Нижний-Наур»¹.

Однако власти области никаких мер не приняли. Река Терек так и продолжала наступать на село Нижний-Наур. Тогда во главе с Кана-Шайхом, просить помощи у Аллаха отвлечь беду вышли Иду-мулла, Тата-мулла и все жители Нижнего-Наура. Они писали на камнях какие-то заклинания и бросали их в Терек, стоя на высоком берегу рядом с кладбищем, начиная от того угла террасы, с которой в настоящее время спускается дорога к парому. Аллах смилостивился над людьми, и по Его велению река отступила и вернулась в своё русло².

Ахмад Сулейманов в книге «Топонимия Чечено-Ингушетии» ошибочно относит этот обряд к языческим временам чеченцев, когда жители Нижнего-Наура во время засухи просили бога Дела ниспослать дождь в местечке «Язаркье». Это место в действительности называлось «Пастбище Тазурки» (чеч. — «ТозаркӀин язаркӀаш») от имени Тазурки Кадыева (1844 г. р.), отца Шамсуддина (Вады, 1882—1935 гг., эпонима фамилии Вадаевых из тайпа гуной, гара Оьрзум-некъе). Их предком был Санька (чеч. — «Саькка», по имени которого Вадаевы называют себя ещё «саьккой») — потомок гуноевцев, переселившихся во времена Берса-Шайха в станицу Червлённую (Оьрза-гӀала; Урузов-городок), когда тот запретил им есть мясо кабана. Оттуда Санька в начале XIX века переселился в Нижний-Наур, принял мусульманство и был наречён новым именем Муса. За него вышла замуж жительни-

¹ АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 1037, л. 1—2.

² Записано со слов Бозы Хакимова.

План о построении зауруды на р. Терек (АУП ЧР, ф. 236, оп. 1, д. 1037, л. 3)

ца Нижнего-Наура из тайпа дишний. У них родилось шесть сыновей: Кади (Къеда), Дуга, Роада (РоІда), Мека (МІаька), Седа и Сибар (Серабий, 1856 г. р.). У Кады было пять сыновей: Яшурка (Яшаркъа), Тазурка, Хаджимурад (Хъаьжмурд, 1865 г. р.), Хаджибакир (Хъаьжбекар, 1870 г. р.) и Суку. У Яшарки два сына: Яхъя (1868 г. р.) и Даби (1873 г. р.; отец Дабин Жюнида). У Тозарки: Борахан (1876 г. р.), Шамсуддин (Вада) и Исапил (1884 г. р.). От сына Дуги — Хадука (Хъодукъ, 1845 г. р.) и внука Вахаба (1877 г. р.) пошли фамилии Хадуковы и Вахабовы. У Мусаева Роады (1820 г. р., бывшего овцеводом и имевшего 300 голов овец), было четыре сына: Раис (РаьІса, 1844 г. р.), Саи (СаьІа, 1849 г. р.), Окка (1856 г. р.) и Халмыш (Хъолмаш, 1861 г. р.). От последних трёх сыновей произошли фамилии Саиевых, Оккаевых и Халмышевых. У Раиса Радуева тоже было четыре сына: Хажихан (Іаппа, 1871 г. р.), Ярасхан (1877 г. р., эпоним фамилии Ярасхановых), Ирасхан (1879 г. р., эпоним фамилии Ирисхановых) и Херахан (1881 г. р.). У Мусаева Меки (1821 г. р.) было три сына: Таду (ТІеда, 1849 г. р.), Соьдалла (1855 г. р.) и Сардал (1865 г. р.). У Таду тоже было три сына: Солтахан (1875 г. р., эпоним фамилии Солтухановых), Солтамурд (1879 г. р.) и Солтаби (1882 г. р.). Седа стал отцом трёх сыновей: Соада (СоІад), Ахмара (Ахъмар) и Булти (БулТі). Последние два сына не имели потомков, а дети Соада — представители фамилии Сайдаевых. У Мусаева Сибара тоже не было потомков.

А теперь для сравнения процитируем по Ахмаду Сулейманову топоним, связанный с указанным нами местечком: «Язаркъе (Язарке). Урочище на юго-западе от села. Пастбище, пашни. Еще на памяти старожилков в недалеком прошлом во время сильной засухи на этом месте проводился необычный обряд — прошение дождя. Здесь собирались жители всего села, резали жертвенных животных. Женщины приносили с собой жертвенную пищу.

Мужчины, женщины, дети садились на землю, простирали руки к небу и молили языческого бога Дела ниспослать дождь.

После каждой молитвы жреца, которому поручено было обратиться к Дела от имени присутствующих, все участвующие в обряде хором вторили «аминь». Затем каждый брал по камушку, подносил к губам, читал молитву и «освященный» камушек бросал в приготовленную для этой цели арбу, с бортами без просвета, запряженную волами. Наполнив арбу «освященными» камнями, вся толпа шла к Тереку. Остановив арбу у берега, взрослые брали по камушку и бросали в воды Терека со словами: «ДоГІа лолахъ, Дела!» («Дай, Боже, дождя!»).

Обряд этот назывался «Шаббат дар». Освященный молитвой камень назывался «шаббат». Шаббат — др. евр. суббота...»¹.

Мы можем предположить, что при советской власти люди боялись рассказывать истории про шайхов и прототипом жреца А. Сулейманова был Кана-Шайх Хантiev, а молились люди не языческому божеству, а Аллаху, так как на памяти старожилов в селе Нижний-Наур не могло быть язычников. Тем более если обряд этот происходил в местечке «Язаркѣ», связанном с именем мусульманина Тозарки, жившего в конце XIX века.

Когда Терек угрожал берегу, на котором располагалось сельское кладбище, Кана-Шайх решил определить место для новых погребений к юго-востоку села Нижний-Наур. После молитвы в мечети он объявил присутствующим:

— К нашему кладбищу подступают воды Терека. Место для похорон суживается. Мы завтра после совершения в мечети утренней молитвы должны пойти занять место для нового кладбища. Нам нужны будут топоры, гвозди, лопаты и другие инструменты. Взяв все, что необходимо для работы, собираемся в мечети. После утренней молитвы пойдѐм приступать к работе и вернѐмся до наступления жары.

На второй день вместе с Каной вышли занимать новое место для сельского погоста 5—6 человек, среди которых был и Зака Альтемиров (1870 г. р.) из тайпа гордалой. По дороге к ним примкнуло ещё до десяти молодых людей. Подойдя к месту, где в настоящее время расположено кладбище на востоке села Нижний-Наур, называемое «Гордалойн кешнаш», Кана остановился, опѐрся на посох и уставился взглядом в землю. Его раздумья нарушил Зака Альтемиров, сказавший:

— Кана, ведь это место находится далеко от села. Будет тяжело переносить покойника и посещать могилы родственников. Тут даже изредка не встретишь путника. Разве нельзя занять место для кладбища поближе к селу?

Подняв посох и снова ткнув его в землю, Кана сказал:

— Зака, здесь тебя похоронят и это кладбище назовут «Закин кешнаш» («Кладбище Заки»).

Затем провѐл указательным пальцем вокруг этой местности и добавил:

— До этих земель к кладбищу приблизится село.

Зака ответил:

— Кана, раз ты так говоришь, значит так оно и будет.

Сделать разметку для будущего кладбища, они вернулись домой. В 1916 году Зака Альтемиров скончался и действительно был первым похоронен в указанном Каной месте. Кладбище это первоначально назы-

¹ Сулейманов А. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. IV. Грозный, 1985. С. 82, 83.

валось «Закин кешнаш». Позже там стали хоронить его однотайповцев и в настоящее время за ним закрепилось название «Кладбище гордалойцев» («Гордалойн кешнаш»). Как предсказал Кана-Шайх, сегодня село вплотную приблизилось к нему.

Кана с несколькими сподвижниками однажды посетил кладбище в черте села, где был похоронен его старший брат Усман-Хаджи. Шайх споткнулся о кол, забитый в землю рядом с могилами и незаметный среди высокой травы. Оглянувшись назад, Кана дважды ударил ногой, чтобы убрать этот кол и возмущённо сказал:

— Зря их забивают. Нельзя этого делать.

Тогда из травы поднялась одна старушка, скрывшаяся при виде шайха, так как духовенство не разрешало женщинам посещать кладбище, и призналась, что этот кол забила она, занимая место, чтобы её похоронили рядом с сыном. Кана с возрастающим недовольством несколько раз задал ей один и тот же вопрос:

— А ты уверена, что тебя похоронят тут?

Не получив от растерявшейся старушки ответа, Кана сам ответил на свой же вопрос:

— Ей-Богу, тебя не похоронят даже на этом кладбище.

Эта старушка скончалась и похоронена в Казахстане, в годы сталинской ссылки ¹.

После февральской революции 1917 года и отречения царя от престола, власть в России перешла в руки Временного правительства. 6 (19) марта Владикавказский гражданский комитет принял на себя обязанности временного исполнительного комитета Терской области. В тот же день во Владикавказе был сформирован Временный Центральный комитет объединённых горцев, который возглавил адвокат Басият Шаханов. Финансирование комитета взял на себя чеченский миллионер-нефтепромышленник Абдул-Меджид (Тапа) Чермоев.

14 (27) марта по инициативе Временного ЦК объединённых горцев в Грозном был созван Первый съезд Чечни, в работе которого приняло участие до 10 тысяч человек. На этом съезде был избран Чеченский народный исполнительный комитет, президиум которого возглавил адвокат-чеченец Ахметхан Мутушев. Таштемир Эльдарханов был избран комиссаром Грозненского округа, а комиссаром Веденского округа — уже выдвинутый на этот пост исполкомом Терской области полковник Абдулла Адуев. Комиссаром Надтеречного округа стал Дени-Шайх Арсанов. Его помощником — Магомед (Мани-Шайх) Назиров.

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

1–7 (14–20) мая 1917 года в зале Ольгинской женской гимназии во Владикавказе прошёл Первый съезд горских народов Кавказа, на котором присутствовали шайхи Сугаип-мулла Гайсумов, Дени Арсанов, братья Шамсуддин и Аббас Автахаджиевы, Тарко-Хаджи Гарданов, а также будущий эмир Узун-Хаджи и имам Нажмуддин Гоцинский. На этом съезде был учреждён Союз объединённых горцев. Председателем ЦК союза стал Абдул-Меджид Арцуевич Чермоев.

25–26 июня (8–9 июля) в Грозном состоялся съезд чеченцев Грозненского округа, на котором комиссаром округа вместо Таштемира Эльдарханова был выдвинут Дени Арсанов. Вместо Грозненского горского словесного суда был учреждён шариатский суд под председательством Бисултана-муллы Тагирова, ставшего окружным кадием.

С 21 сентября (4 октября) по 28 сентября (11 октября) 1917 года под председательством Тапы Чермоева в г. Владикавказе, в здании кинотеатра «Гигант», прошёл Второй съезд горских народов Кавказа. На этот съезд были приглашены 14 делегатов из притеречных сёл. Из Нижнего-Наура было приглашено пять делегатов: Байсурка Эльжуркаев, Гири Мукушев, Таги Дукаев (ТПаги), Дени Хакиев и Таку Маасуев (ГПаймасан МоІсун ТЮкка). Все они были предками нынешних фамилий Байсуркаевых (ГЮрдалой), Гириевых (Паларой), Тагиевых (нижалой), Дениевых (шотой-пхьамтой) и Тахаевых (шоной).

В монографии Тимура Магомедовича Музаева «Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г.» так описывается трагическая судьба этой группы делегатов: «26 сентября (9 октября) на станции Наурской озверевшие солдаты под командованием поручика Нольде, подстрекаемые криками неких неизвестных о том, что «горцы режут солдат», набросились на чеченцев, находившихся на станции. Горцы, спасаясь от преследования, кинулись в станицу Мекенскую. Там они были настигнуты и расстреляны. Было убито 13 человек. Один случайно выжил и рассказал о происшедшем»¹.

По воспоминаниям Магомеда Байсуркаева, делегаты из других сёл Притеречья собрались на ночлег у его деда Байсурки, чтобы на второй день рано утром выехать во Владикавказ. У них этой ночью возник спор, какой дорогой лучше ехать: верхом через Терский хребет в Грозный, а оттуда на поезде во Владикавказ — или на пароме переправиться в станицу Наурскую и сесть на поезд, идущий в столицу Терской области. Первый путь был рекомендован Каной Хантиевым как безопасный,

¹ Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. Нальчик, 2012. С. 220.

но делегатов смущали грязь и слякоть на этой дороге. Поэтому многие стояли на том, чтобы перебраться в Наурскую и сесть на поезд. Особенно на последнем варианте маршрута стоял Таку Маасуев, считавший, что так они быстрее доберутся до пункта назначения и не утомят лошадей. Байсурка Эльжуркаев — наоборот, был против. Он остерегался конфликта с казаками. Кто-то из присутствующих упрекнул его в том, что он вечно чего-то боится. После долгих споров, делегаты легли спать.

Совершив утреннюю молитву, Байсурка опять заснул, и ему приснилось, как чёрные вороны заклевали их. Проснувшись, Эльжуркаев рассказал этот кошмарный сон остальным делегатам и растолковал его как неблагоприятный знак, если они поедут через станцию Наурскую. Но и после этого его спутники не согласились ехать через Терский хребет. Тогда все делегаты, с которыми было по одному телохранителю, переправились на пароме через Терек. Здесь Байсурка настоял, чтобы хоть охранников отправили домой.

Дойдя до станции Наурской, они зашли на вокзал и сели в ожидании поезда. Байсурка предупредил своих спутников, чтобы они были готовы к неожиданностям и поставил их в известность, что сам он готов принять газават. В это время Байсурку отозвал казак — кунак его сына Зубиры. Он предупредил отца своего друга, что на прибывающем поезде им приготовлена засада и поэтому кунак Зубиры предложил Байсурке свою помощь в его спасении. Эльжуркаев спросил казака:

— Со мной ещё тринадцать человек. Сможешь спасти их тоже?

Тот ответил, что не сможет. Байсурка сказал:

— Тогда я не согласен. Не могу бросить друзей и бежать.

Когда поезд остановился на станции, из вагонов выскочили солдаты и ринулись на них. Завязалась свирепая схватка. Байсурка отрубил кинжалом одному нападавшему руку, а другого изо всех сил ударил в затылок, но тут же чеченец был поднят на штыки. Все его соратники, кроме одного, тоже были убиты. Согласно информации, полученной от жителей сел. Знаменское: муллы Махмуда Амаева и Сайд-Магомеда Алиева, из числа их односельчан среди делегатов были старшина села Мундар-Юрт Абдулкадыр Сулейманович Чуликов (тайп гендаргенной), Апа Арцуев (тайп арганной) и Кади-мулла Индербиев (Къада-молла, род. в 1861 г., тайп айткхаллой).

Хорда Исмаилова из Бено-Юрта рассказывала, что она своими глазами видела тела трёх убитых делегатов съезда из Бено-Юрта: Самби Тамаева (Самби, тайп гуной), Данду Кахирова (тайп бенной) и Джамалди

Хутаева (тайп беной). Последний приходился родным братом шайха Сангари-муллы Хутаева из Бено-Юрта ¹.

Абдулкадыр Чуликов был внуком поручика Чулика Сайкаева, основателя Чулик-Юрта (Мундар-Юрт). Он был женат на Ровзат, сестре Арсангири-Хаджи (Аърсгири-Хъаьжа) из Чулик-Юрта. У них родились три сына: Алаудин, Абу, Али и две дочери: Сека и Кулсум. От последних двух сыновей пошли фамилии Абуевых и Алиевых. Обе дочери Абдулкадыра вышли замуж за уважаемых односельчан: старшая — за Кади-муллу Индербиева, а младшая Кулсум — за Дуку Хамидова из тайпа беркий.

Кади-мулла Индербиев чудом спасся из этой бойни. Он побежал в станицу Мекенскую и спрятался в колодеце. Подоспевшие казаки стреляли в колодец и подумали, что убили беглеца. Оказывается под горловиной этого колодца имелась круговая ниша, в которой и затаился делегат. Пули врагов его не задели. Ночью он вылез из колодца и переправился через Терек ².

Погибшие чеченцы, на подводах через паром были привезены из Наурской в Нижний-Наур. Обрядом их захоронения руководил Кана-Шайх Хантиев. По словам Магомед Байсуркаева, их предок Байсурка был похоронен рядом с зияратом Усмана-Хаджи. В том же 1917 году в станице Наурской был убит также Дики Хасиханов из Нижнего-Наура (1870 г. р., эпоним фамилии Дикаевых из тайпа дишний), возвращавшийся домой от своего кунака. Перемирие, заключённое с казаками в 1913 году при посредничестве Довды Чалаева, было нарушено.

На Тереке опять начались стычки между казаками и чеченцами. По всей России в это время, особенно после октябрьской революции большевиков, царил анархия. В стране назревала гражданская война. Чтобы защитить население своих сёл, Кана-Шайх Хантиев, Дени-Шайх Арсанов и Мани-Шайх Назиров собрали из своих приверженцев вооружённые отряды. В народе называли их «полками».

Выше мы рассказывали о дуа, который совершил Кана Хантиев по просьбе Дени-Шайха, призывая Всевышнего не допустить исполнения коварных замыслов казаков против села Девкар-Эвл. В обострившейся ситуации, после убийства чеченцев на станции Наурской, над этим же селом вновь нависла реальная угроза разбойного нападения казаков. Поэтому Кана и Дени 27 декабря 1917 года со своими полками выехали

¹ Записано 08.04. 1999 г. со слов Хорды Исмаиловой (1899 г. р.), жительницы сел. Бено-Юрт.

² Записано 13.11. 2007 г. со слов Сайд-Магомед Алиева (1926–09.01. 2009), жителя сел. Знаменское.

в Девкар-Эвл. Собрав староюртовцев на сход («пхьобха»), шайхи обратились к ним с просьбой, привезти на двух фургонах четыре бочки нефти и, разлив его на деревянном мосту через Терек у станицы Червлённая, сжечь эту переправу, чтобы предотвратить возможное нападение казаков на их селение. Но жители не вняли этой просьбе. Наоборот, они сказали: «Мы дружим с казаками и каждую неделю устраиваем с ними совместную ярмарку. Кроме того, наш скот пасётся в затеречных бурунах. Этот мост нам нужен не меньше, чем казакам».

Расстроенные непослушанием староюртовцев, шайхи покинули Девкар-Эвл. Кана вернулся домой, а Дени со своими 53 муридами, несмотря на настойчивые уговоры Кана-Шайха, направился в г. Грозный с целью переговорить с казаками об условиях обеспечения мира и согласия в притеречной зоне Чечни. Но миротворческая миссия Дени Арсанова закончилась трагически. 27 декабря 1917 года (по новому стилю — 9 января 1918 г.) в перестрелке, завязавшейся по вине казачьего атамана станицы Грозненской, Дени-Шайх погиб ¹.

В очерке Л. Ильина «Октябрьская революция на Северном Кавказе» так описывается это трагическое событие: «В первых числах января, среди белого дня, всем грозненцам на удивление, в город въехал, в сопровождении вооруженного отряда количеством в 50—60 человек всадников, один из влиятельных в Чечне шейхов Дени Арсанов. Так как всякий въезд в город чеченцам был запрещен, этот въезд был смелым шагом. Дени Арсанов, 70-летний старик, в молодости занимавшийся грабежом и разбоем, которые, кстати сказать, горские народы, ненавидевшие царский режим, считали своеобразным методом борьбы с угнетателями, был храбрым стариком и своим въездом в запрещенную зону хотел, очевидно, показать горцам, что не следует особенно считаться с запрещениями русских. Проехав весь город и станицу Грозненскую, Дени Арсанов зашел на несколько минут в Станичное Правление, после чего направился обратно. Но вернуться домой ему не удалось. Не успев выехать из станицы, по его отряду казаками была открыта ружейная стрельба, в результате которой все всадники и шейх в том числе были перебиты. Весть об этом расстреле быстро распространилась по городу и население, зная какой популярностью пользовался Арсанов среди чеченцев, были взволнованы неминуемым наступлением горцев на Грозный. Собравшийся на площади

¹ Воспоминания бывшего красного партизана Мадиева Тата Яхьяевича, 1888 г. р. о событиях, связанных с гибелью шейха Арсанова Дени в 1917 г., 27 декабря, в пятницу. Неизданная рукопись от 10 апреля 1964 г. Из личного архива Магомеда Нурдиновича Музаева.

митинг для обсуждения мер для охраны города, сторонники всеобщей войны, помощники и агенты правительства, уговорили первым начать наступление на Чечню. Надо сказать, что созданный в этот день «Временный революционный комитет», был скорее организацией мещанства, чем рабочих. И этот «Ревком» согласился на наступление. Немедленно были мобилизованы все подводы, на которых к вечеру того же дня начали привозить в Грозный награбленное у чеченцев имущество»¹.

1 (14) января 1918 года из станицы Червлённой в Грозный двинулись казацкие сотни Уссурийского полка под командованием полковника Бочарова². Казаки попросили жителей Старого-Юрта пропустить их в Грозный. Поверив им, жители села не стали препятствовать. Казацкие сотни с тяжёлой артиллерией через Гумк-бёр («Гумк-боёра») взобрались на Терский хребет и закрепились на его вершинах. Рано утром они начали массированный артиллерийский обстрел сёл Девкар-Эвл и Баммат-Юрт. На помощь казакам прибыли дополнительные силы из Грозного. Объединившись, они занялись разбоем указанных населённых пунктов. Оборону Старого Юрта возглавил Эду-Хаджи, зять Докки Шаптукаева. Рядом с ним бесстрашно сражался Магомед Булатов, метко стрелявший из винтовки. По просьбе Эду-Хаджи он застрелил казачьего офицера, вдохновлявшего своих подчинённых, но вскоре погиб и сам. С кинжалом в руке пал и Эду-Хаджи, вступивший в рукопашную схватку и сразивший немало нападавших.

В ночь на 2 января с призывом на помощь из Старого-Юрта в Нижний-Наур прискакала девушка, переодевшаяся в мужскую одежду и укутанная в башлык. Кана-Шайх, предчувствовавший такое развитие событий, держал свой полк в готовности. По его первому, заранее обусловленному сигналу, полк выстроился перед мечетью. В его рядах были ополченцы не только из Нижнего-Наура, но, практически из всех сёл Притеречья. На рассвете 2 января полк поспешил на помощь старожуртовцам. Но село уже лежало в руинах, многие казаки с награбленными пожитками успели ретироваться. А задержавшихся мародёров, отряд Каны уничтожил без жалости. Был сожжён и мост через Терек.

Защищая Старый-Юрт погибли жители Нижнего-Наура Мумад Джовтханов (Ибрин Джовтханан Мумад, тайп гЮрдалой), Мумад Такаев (Исаан Такин Халадин Мумад, тайп Иаларой), Тасу Сагаев (Сатин Тасу, Иаларой, эпоним фамилии Тасуевых), Мота Этуев (Адун Хьабкин Этун

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 12, оп. 2, д. 58, л. 108.

² Музаев Т. М. Союз горцев... М., 2007. С. 296.

Мота, тайп хьуркой, эпоним фамилии Мутаевых; по другой версии погиб сын Моты — Хьамад), Земиев Ахмад (Азаматан Земина (Молашан) Ахьмад, тайп хьуркой), Шамильхан Авторханов (Азаматан Овтарханан Шемалха, тайп хьуркой), Хамзат Самбиев (Семазан Саьмбин Хьамзат, тайп хьуркой), Хама Магомадов (Акхмирзин Хизрин Мохьмадан Хьама, тайп Иаларой). Из других сёл среди погибших были Эдильсултан Шоипов и Адам Абуев из Зебир-Юрта (оба из тайпа Иаларой), Нурди Аюбов из Мундар-Юрта (тайп чермой), Тамби Тамаев из Бено-Юрта (Таьмби, тайп гуной) и др.

У Самби Самзиева из Нижнего-Наура была многодетная семья. Первая жена Макка родила ему дочерей Масалхат, Петимат, Халимат, Сайхат, Саамат и сына Хасмагомеда. Вторая жена — Човка (из тайпа гуной-саьккой), родила Хамзата, Сери и Марху. Човка скоропостижно скончалась, после чего сестру Марху нянчил Хамзат.

Накануне нападения на Девкар-Эвл Хамзат Самбиев женился на Зазу. Свадьба состоялась 1 января. Ночью Хамзат сидел дома и кормил сестричку овечьим языком¹. В эту ночь к нижненаурцам пришёл зов о помощи от староюртовцев. Самби зашёл в комнату, где сидел Хамзат, и упрекнул его в том, что он сидит дома, как трус, когда вся молодёжь села идёт на газават. После этих слов отца, Хамзат немедленно стал собираться в поход. На улице он встретился с Энгли — родной сестрой своей матери, и попросил её: «Не позволяй воронам клеветать мой труп. Больше ты меня живым не увидишь».

Когда Хамзат тронулся в путь, его остановил двоюродный брат отца Сату Хачукаев и сказал: «Оставайся дома. Что без тебя будет делать Марха?». Но Хамзат не свернул с намеченного пути.

Погибшего в Девкар-Эвле Х. Самбиева на подводе привезли домой. Посмотреть на павшего в газавате пришли соседи, и Самби с гордостью показывал им 27 ран своего сына, раздвигая одежду².

Мумад Такаев был найден на поле брани только на одиннадцатый день после битвы за Девкар-Эвл. Кроме Мумада у Халада Такаева и его жены Самарт были дочь Забу и сыновья: Салман и Сулим. Маленьких детей подвели к подводе, на которой лежал найденный в Девкар-Эвле и привезённый домой Мумад, чтобы они гордились подвигом их старшего брата³.

¹ Тогда соски не применялись и у чеченцев было поверье: если давать ребёнку сосать овечий язык — он быстрее научится разговаривать.

² Записано в 1999 г. со слов Мархи Самбиевой (1908 г. р.).

³ Записано в 1999 г. со слов Забу Такаевой.

Когда привезли домой Мумада Джовтханова, прорицательница Бижа сказала его отцу: «Джовтха, твой сын погиб на священном газавате. Не переживай. Больше возможности умереть на подобном газавате на нашем веку не будет». Мумад был похоронен на «Кладбище Заки» в Нижнем-Наурае.

Остальные погибшие нижненаурцы были отвезены на кладбище, где похоронен Усман-Хаджи. Положив их рядом с могилами, люди боялись решать от себя, хоронить их как отдавших жизнь на газавате или как обычных смертных. Но тут к ним подошёл Хуси-мулла, живший рядом с кладбищем, и велел хоронить их в своей одежде, как шахидов¹.

Участвовавший в обороне Девкар-Эвла Кунта Асуханов из Нижнего-Наура (тайп нижалой) получил в бою тяжёлое ранение, от которой позже скончался. Его тоже духовенство посчитало погибшим на газавате. Также, спустя неделю после боёв за Девкар-Эвл были убиты стоявшие на страже в этом селе сын Гандора Муртаева — Магомед (тайп Иаларой), Баудди Титаев (тайп Гордалой) и несколько их сверстников. Их по велению Гандора тоже похоронили в своих одеждах, без омовения — как погибших в газавате. В это время Гандор Себиевич Муртаев был кадием сел. Нижний-Наура.

После окончания газавата за Девкар-Эвл, полк Каны Хантиева в течение двух лет охранял Притеречьё от новых посягательств казаков. В это время многие жители сёл Шеды-Юрт и Аду-Юрт (ныне — сёла Терское и Правобережное Грозненского района ЧР), из опасения, что их тоже постигнет участь Девкар-Эвла и Бамат-Юрта, уехали к родственникам в горы. Чтобы казакам за Тереком показалось, что в этих двух сёлах имеется население, по ночам полк Каны, в котором были также его сыновья, топил печи в пустующих домах².

В 1918 году жители Нижнего-Наура тоже хотели уйти из села за Терский хребет. Причиной тому было опасение, что устанавливающаяся в Чечне советская власть, которую чеченцы называли властью мужиков («муьжгийн Иедал»), разрушит сёла Притеречья. Этот вопрос обсуждался на сельском сходе. На нём присутствовали Кана Хантиев и Бокин Ахмад (эпоним фамилии нижалоевцев Ахмадовых). Последнего за дар ясновидения односельчане прозвали бесноватым Ахмадом («жиннашца тайна Ахьмад»). Выслушав опасения нижненаурцев, Кана спросил у него: «Ахмад, что бы ты сказал по этому поводу?». Тот ответил: Я говорю, что ничего с нами не случится и советую людям разойтись по

¹ Записано со слов Седека Махмудова.

² Записано со слов Мухади Ахметханова.

своим домам». Услышав такой уверенный ответ, Кана обратился к своим односельчанам: «Слышите, люди, что говорит Ахмад? Возвращайтесь домой». После этого все разошлись по своим домам и действительно, с селом Нижний-Наура ничего не случилось ¹.

В рукописях Асхаба Дурдиевича Чалаева мы нашли список добровольцев из Нижнего-Наура, участвовавших в борьбе «против контрреволюционеров в 1918 г.». Они входили в состав полка Каны. Приводим этот список:

«1. Асхаб Чалаев — старший, 2. Абубакар Хасуев — бригадир, 3. Ахмад Абдулкадыров — бригадир, 4. Ибрахим Облушов — бригадир, 5. Ахмад Дедиев — бригадир, 6. Нуради Женгиреев — рядовой, 7. Абдурахман Нухаев, 8. Гашта Эльмурзаев, 9. Шата Эльмурзаев, 10. Дучу Панчуев, 11. Абдурахман Канаев, 12. Абдурахим Канаев, 13. Саид Вазарханов, 14. Абдурахман Мусханов, 15. Жанарали Докуев, 16. Иду Касаев, 17. Идиг Касаев, 18. Хамад Кукаев, 19. Гада Чочаев, 20. Сайха Токаев, 21. Тоха Токаев, 22. Идрис Некдаров, 23. Харун Саккиев, 24. Дуру Бозуркаев, 25. Хуси Адазиев, 26. Аюб Гишларкаев, 27. Бувайсари Хажов, 28. Таки Хадчуков, 29. Малцаг Арсемиков, 30. Абдулази Раисов, 31. Дага Дакаев, 32. Мота, 33. Бисолта Азаматов, 34. Усман Чалаев, 35. Гара Кавраев, 36. Исунука Висирханов, 37. Солта-Ахмад Товсултанов, 38. Шамсуд Шихиров, 39. Сату Косумов, 40. Хасу Косумов, 41. Ахмад Косумов, 42. Асхаб Саралиев, 43. Обу Дидигов, 44. Ясаа Тукаев, 45. Дики Обуев, 46. Лукман Тайхаев, 47. Зухир Байсуркаев, 48. Дошу Мудаев, 49. Махмуд Есиев, 50. Ахаду Тойсумов, 51. Муту Мамакаев, 52. Маа Солтаханов, 53. Муту Солтаханов, 54. Муту Эскиев, 55. Хуту Автаев, 56. Тату Титаев, 57. Хадиз Сойдулаев, 58. Усман Эдиев, 59. Усман Ахлуев, 60. Алауди Узаев, 61. Хамби Дакаев, 62. Айдамир Духаев, 63. Гезимахма Акаев, 64. Керим Хуриев, 65. Дауд Мусаев, 66. Лада Тахаев, 67. Аюб Атаев, 68. Югу Мустапаев, 69. Адам Тагаев, 70. Юсуп Актулаев, 71. Халадиев, 72. Абусаид Чалаев, 73. Дуду Денисолтов, 74. Абубакар Салмаев, 75. Салгирей Солумгиреев, 76. Муса Гереев, 77. Така Бириев, 78. Сардал Товсултанов, 79. Усман Бозуркаев, 80. Умар Алимханов, 81. Бозурк Эльжуркаев, 82. Датаев Шокка, 83. Аппа Раисов, 84. Довлетуко Уммат, 85. Чоккар Дениев».

В оригинале этого списка Асхаб Чалаев трижды написал Шату Эльмурзаева, по два раза Хуси Адазиева и Шамсуда Шихирова. Абу Дакалов во время ознакомления с этим списком добавил ещё два имени из своей памяти: Ису Дедиева и Ибрагима Дакаева. Все перечисленные лица

¹ Записано со слов Седека Махмудова.

участвовали в битве за Девкар-Эвл в составе полка Каны. В отместку за разграбление Старого-Юрта жители притеречных чеченских сёл напали на казачий хутор Конева (ныне — сел. Подгорное Надтеречного района ЧР) ¹.

В 1918 году Яраги Джантемиров из Мундар-Юрта, которому в это время было около 40 лет, вместе с муридом Мани-Шайха — Шахабом Сугаиповым из Баммат-Юрта, на трёх фургонах поехал в Буйнакск, чтобы привезти оттуда спички и религиозные книги (там была типография на арабской графике). При возвращении домой в окрестностях Девкар-Эвл казаки устроили им засаду. У Шахаба был пистолет, а у Яраги — пятизарядная винтовка. В перестрелке с казаками Яраги и одна женщина с ребёнком были убиты, а Шахабу удалось спастись. В это время Яраги, сын Джантемира-Хаджи, не был женат. Ему была сосватана красавица-дочь его односельчанина Шабы, но оборвавшаяся жизнь Джантемирова не позволила им создать семью и продолжить род ².

В книге Масхуда Джунидовича Заурбекова «Шейх Али Митаев» со слов Мухади Ахметханова записано, что «когда огонь гражданской войны готов был перекинуться на Чечню, Али Митаев со своим отрядом занял плацдарм по правому берегу Терека, и в течение 9 месяцев ни одна казачья пуля не достигла правого берега». Он приезжал в Притеречье по приглашению Кана-Шайха Хантиева. «Казачьи части, расположившиеся на левом берегу Терека, были готовы ринуться в Чечню, и на этом настаивало белое командование. Но они не решались этого делать по той причине, что путём хитроумных манёвров Митаеву удалось ввести их в заблуждение», — пишет М. Заурбеков. Со слов жителя села Верхний-Наур Хас-Магомед Бетиева, автор пишет, что в 1918 году штаб Али, который со своим полком приехал охранять Притеречье, располагался во дворе Ширвани Баматгиреева. «Боевая техника полка, в том числе 12 пушек и 4 пулемёта, находились всегда в боевой готовности в том же дворе. В полку же насчитывалось более 600 вооружённых всадников. Кроме того, в полку у Али было 2 офицера русской национальности. Это были подготовленные военные специалисты, которые обучали митаевцев военной технике» ³.

Али Митаев передал около 8 пушек полку Каны Хантиева. Эти орудия перетаскивались с помощью четырёх или шести лошадей. Получив их, Кана отдал своим муридам приказ, чтобы они на околицу каждой казачьей

¹ Записано со слов Бозы Хакимова.

² Записано со слов Халила Джантемирова.

³ Заурбеков М. Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, нравственный гений... М. 2005. С. 42–44.

станции, расположенной за Терекон, напротив чеченских сёл, делали по одному выстрелу. Это был тактический ход, которым он заставлял противника думать, что в каждом чеченском селе стоит пушка, после чего белоказачи остерегались нападать на это село. Одну пушку и четыре пулемёта Кана поставил у себя дома, а остальные — в Верхнем-Науре. Настороженные произведёнными с чеченского берега пушечными выстрелами, казаки через паром из ст. Наурской приехали на переговоры в Нижний-Наур. В составе их делегации был священнослужитель с большим крестом на груди. Пригласив их к себе домой, Кана показал им оружие и пулеметы, стоящие у него во дворе, и сказал: «В каждом притеречном селении у нас имеется столько же оружия и оно направлено против вас. Если вы не хотите мира — мы готовы воевать». Увиденное у Каны оружие произвело впечатление на казачью делегацию и заставило их заключить мир с чеченцами ¹.

Однако этот мир тоже длился недолго. Вскоре в Чечню вторглись полчища Деникина. Кана со своим полком выступил против белогвардейского вторжения. В Притеречье против Добровольческой армии Деникина воевал также полк Мани-Шайха Назирова. Ещё в Надтеречном округе Шамсудин (Шама) Мамакаев из Нижнего-Наура набирал бойцов в отряд Гикало. В этом отряде некоторое время участвовал в боях Кади-мулла Индербиев.

Против Деникина на Северном Кавказе воевала XI Красная армия. Войска центральной группы этой армии под командованием П. Кислова и комиссара И. Л. Войтика к 25 января 1919 года отступили в район станиц Курской. Под ударами белоказачьей дивизии Шкуро 21 января пал Георгиевск, 25 января — Нальчик, а 27 января — Прохладный.

«Из района Прохладной белогвардейское командование направило 3-й армейский корпус Ляхова, — пишет Сухоруков, — в который входили дивизии Шкуро и генерала Геймана, на Владикавказ, а 1-й конный корпус Покровского продолжал преследовать 1-ю и 2-ю стрелковые дивизии, отходившие вдоль железной дороги на Моздок-Кизляр. Обходными движениями противник непрерывно угрожал флангу и тылу отступающих советских войск. Он стремился отрезать пути отступления, окружить и уничтожить их в районе Моздока, но это ему не удавалось. 28 января части 1-й и 2-й стрелковых дивизий, конница Кочергина, кавалерийская бригада Кочубея и 9 бронепоездов с тяжелыми боями прокладывали путь на восток и прикрывали отход тылов и обозов» ².

¹ Записано со слов Муталипа Абуева и Мухади Ахметханова.

² Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. М., 1961. С. 196, 198.

Далее В. Т. Сухоруков пишет, что отходившие 1-я и 2-я стрелковые дивизии сосредоточились в станции Калиновской, а разрозненные группы кавалерии Кочергина — в станциях Наурской и Мекенской.

«1 февраля 1919 г. Ленинский полк под командованием А. Н. Гарниера и политического комиссара П. Я. Авераладзе прибыл и занял позиции на рубеже станций Мекенской и Наурской. Две сотни кавалерийской бригады Кочубея расположились скрытно на подступах к станции Мекенской, а Коммунистический кавалерийский полк отступившей XI армии занял станцию Надтеречную. Эти силы должны были остановить наступление конного корпуса Покровского. Ожидалось еще прибытие Дербентского стрелкового полка XI армии, который должен был занять позиции правее Мекенской до станции Терек, но он к этому времени еще не прибыл, и поэтому правый фланг Ленинского полка до станции Терек был открыт для конницы противника.

В этот же день Ленинский полк отбил две атаки врага, преследовавшего отступающие части XI армии. Утром 2 февраля полки корпуса белых под прикрытием артиллерийского огня возобновили наступление, стремясь конницей обойти фланг Ленинского полка у Мекенской и выйти к станции Терек. Один из подошедших к станции Наурской бронепоездов белых был подорван и атакован китайской ротой полка, защищавшей эту станцию. Команда бронепоезда была уничтожена.

В это время один конный полк из корпуса Покровского вышел к станции Терек, вызвал там панику среди отступающих войск и обоза XI армии, а второй конный полк атаковал станцию Мекенскую. Одновременно пехота белых пыталась прорвать позиции Ленинского полка между станцией и станицей Наурской. Разгорелся ожесточенный бой. Ленинский полк, поддержанный атаками кавалерии Кочубея, встретил противника сильным огнем и успешно отбил две первые атаки. Станцию Наурскую продолжала удерживать китайская рота Ленинского полка. Во второй половине дня 2 февраля белые подтянули тяжелую артиллерию и открыли из нее интенсивный огонь по Наурской и Мекенской. Пехота противника окружила станцию Наурскую. В это время по врагу ударил брошенный из резерва 3-й батальон Ленинского полка и несколько улучшил положение наших частей на этой станции. Вскоре конница белых атаковала Коммунистический кавалерийский полк в Надтеречной с тыла и ворвалась в Мекенскую. Положение Ленинского полка стало очень тяжелым, он потерял половину своего состава, но продолжал вести боевые действия до темноты, сдерживая наседавшего со всех сторон врага.

**Могила Заки
Альтемирова
(сел. Надтеречное)**

**Могила Мумада
Джовтханова, погибшего
освобождая Старый-Юрт**

**Могила Мумада Такаева,
погибшего на газавате
за Старый-Юрт**

Могилы погибших на газавате (АУП ЧР, ф. Страна нахчо, сн. 193)

Делегаты съезда горцев Кавказа во Владикавказе (1917)

Байсурка Эльжуркаев с другом Чир Кадыровым

Апа Ардуев

Шайх Дени Арсанов

После переговоров Деникина с чеченцами.

Сидят в центре слева направо: генералы Эрисхан Алиев, Ляхов, Бриггс, Деникин, Романовский, Вдовенко. Крайний справа от них шайх Кана Хантиев. (Грозный, 29.03.1919 г.)

The image shows a handwritten list of names in a table format. The text is written in Cyrillic and is somewhat faded and blurry. The table has several columns, with the first column containing names and the subsequent columns containing other details. The list is organized into rows, with some entries appearing to be grouped or separated by lines.

Список добровольцев из Нижнего-Наура, составленный Асхабом Чалаевым

Подобрав раненых и убитых, Ленинский полк ночью 2 февраля начал организованный отход на станцию Терек и далее к Кизляру»¹.

Так на территории Чечни начиналась война с Деникиным. Описанные боевые действия проходили в родном селе Каны Хантиева — Нижнем-Наура (Надтеречном), где занимал позиции Коммунистический кавалерийский полк. Кавалерия Кана-Шайха поддерживала «красных», окопавшихся в их селе, и тоже участвовала в тех боях. В плоскостных сёлах Чечни против белогвардейцев воевали Сугаип-мулла Гайсумов, Ибрагим-Хаджи Мустапаев и Али Митаев. Вскоре Деникин вынужден был заговорить о переговорах с чеченцами и пригласил их в Грозный.

В «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР» так описывается это событие: «29 марта 1919 года, обеспокоенный положением в Чечне, Деникин приехал в Грозный для переговоров. Созвав совещание из представителей эксплуататорских верхов Грозненского и Веденского округов, Деникин призвал их прекратить борьбу с Добровольческой армией и подчиниться требованиям белогвардейского командования.

Полную солидарность Антанты с Деникиным выразил присутствующий на совещании начальник британской военной миссии генерал Бриггс, который призвал чеченцев не чинить препятствий Деникину и оказать ему помощь.

С ответной речью выступили урусмартановский шейх и купец С. Яндаров² и нижненаурский шейх К. Хамтиев³, уверившие Деникина в том, что Чечня и «не думала воевать с Добрармией» и что «они хотят работать в пользу Добрармии и помогать ей»⁴.

Правителем Чечни Деникин назначил генерала от артиллерии Эрисхана Алиева, помощником его по гражданской части — полковника Баймурзаева, а помощником по военной части — полковника Григорьева. Начальник Грозненской группы белогвардейских войск генерал Драценко предъявил чеченцам условия, при выполнении которых Добровольческая армия обязывалась не разрушать их сёла. Условия заключались в следующем:

«1. Если аул выдаст русских красноармейцев — большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев, турок и других участников из отрядов Узун-Хаджи, Гикало, Эльдерханова и прочих главарей и не сделает ни

¹ Сухоруков В. Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918–1920 гг. М., 1961. С. 198, 199.

² Солса-Хаджи Яндаров.

³ Кана Хантиев.

⁴ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2. С. 55.

одного выстрела по войскам Добровольческой Армии, — то такой аул не будет уничтожен.

2. По требованию отрядов Генерала Драценко аулы должны давать проводников и охранять отряды Добровольческой Армии от стрельбы злоумышленников с тыла; если раздастся хотя один выстрел из ближайшего аула, то этот аул будет немедленно разрушен.

3. Аулы, которые не могут выполнить вышеозначенных условий, должны теперь же озаботиться выводом в безопасные места всех женщин и детей, так как никакой пощады никому сделано не будет».

Объявляя эти условия, Правитель Чечни Эрисхан Алиев от себя добавлял: «Ещё раз предупреждаю, что если вы сами своими средствами выгоните от себя банды Узун-Хаджи и выдадите большевиков, то этим спасете от разгрома свои аулы и имущество.

Для объявления Чеченскому народу этих непереносимых и обязательных условий, поставленных Генералом Драценко, я посылаю Председателя Чеченского Национального Совета Ибрагима Чуликова и представителя от надтеречного участка Кану Хантиева»¹.

Однако такими ультимативными мерами чеченцев нельзя было запугать. Тем более это должен был понимать генерал Алиев, сам являвшийся этническим чеченцем. Результатом всей этой авантюры стало то, что осенью 1919 года вся Чечня под знамёнами Узуна-Хаджи и Красной Армии восстала против белогвардейцев. Эмир Северного Кавказа объявил Добрармии газават и 26 марта 1920 года чеченцы полностью изгнали со своей земли полчища А. И. Деникина. И деятельное участие в этом принял отважный полк Кана-Шайха, состоявший из верных ему муридов.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 5, оп. 1, д. 2931, л. 6.

РЕПРЕССИИ

После разгрома Деникина в 1920 году в Чечне активно приступили к решению задач укрепления советской власти. Поначалу большевики, ещё не оправившиеся после Гражданской войны, остерегались вступать в конфронтацию с чеченским духовенством. Как пишет в своей статье М. А. Каратаева, «в Чечено-Ингушетии в 20–40-х годах Ислам занимал прочные позиции и был серьезным тормозом на пути социалистических преобразований». Далее указанный автор приводит следующие цифры: «До революции здесь (т. е. в Чечне. — *Авт.*) насчитывалось 2675 мечетей, 60 тысяч мюридов, членов различных религиозных организаций, 38 шейхов, 850 мулл и 140 духовных школ»¹.

В первых числах апреля 1920 г. умер шайх Узун-Хаджи. Таким образом, большевики стали единственной серьёзной силой, монополизировавшей власть. Чтобы выиграть время и поэтапно закрепить свои позиции среди воинственных горцев, «диктатуре пролетариата», идеология которой пропагандировала атеистические мировоззрения, пришлось смириться с функционированием в Чечне в первой половине 20-х гг. шариатских судов. А. Ю. Безугольный в книге «Народы Кавказа и Красная Армия. 1918—1945 годы» так описывает ситуацию тех лет в нашем крае: «Наиболее тревожное положение складывалось в Чечне и Ингушетии, тем более считалось, что «спокойствие всего Кавказа зависит от спокойствия Чечни». В начале 1922 г. констатировалось, что власти пока «недостаточно изучили» Чечню: «что же она из себя представляет, чем живет, чего желает...». Между тем наблюдались «анархия, неудержимый рост шариатских тенденций, подготовка к началу активных действий, отсутствие советских аппаратов на местах». «Нашего влияния ни на грош!» — на шестом году революции, в январе 1923 г. констатировал К. Е. Ворошилов. В этом «бурлящем котле» Кавказа на руках у населения имелось около 70 тыс. винтовок, царили банды, представители власти не могли передвигаться «без риска для жизни». Но, что самое важное, чеченское общество оказалось наиболее патриархальным и религиозным, а потому

¹ Каратаева М. А. Деятельность Чечено-Ингушской областной партийной организации по атеистическому воспитанию трудящихся в 1920–1940 годах // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979. С. 24; Партархий Ростовского обкома КПСС (ныне — ЦДНИРО), ф. 7, оп. 1, д. 606, л. 44.

и трудно восприимчивым к коммунистической пропаганде. «Пресловутые «расслоить», «опереться на бедноту», «вырвать массу из под влияния кулачества и святых» и прочие красиво звучащие слова оставались на бумаге и висли в воздухе, а жизнь текла своим порядком, не считаясь с сильными желаниями т. Гикало и других коммунизировать «святую» и мульскую Чечню», — признался Ворошилов»¹.

В эти смутные годы Кана-Шайх Хантиев был советником Нижне-наурского сельского шариатского суда, кадием которого работал Гандор Муртаев, а членами суда были: Асхаб Чалаев (секретарь), Иду-мулла Исламов, Тата-мулла Арсебиев и Хамби-мулла Дакаев². В то время Кане было за 70 лет и родственники прозвали его «Старым дедушкой» («Воккха Дада»).

Начальником Надтеречного районного отдела милиции при советской власти стал Шамсуддин Мамакаев — муж Макки, старшей дочери Каны. Под его началом в милиции работал старший сын шайха — Абдурахман Ахметханов. В 1921 году они прославились ликвидацией банды белоказачьего войскового старшины Александра Арсеньевича Васищева (09.09. 1890—1921), уроженца станицы Николаевской Кизлярского отдела. Опергруппа милиции в составе Юсупа, Ахмара, Абу и Муту Мамакаевых, а также Абдурахмана Канаевича Ахметханова, Ахади Тайсумова, Цока Уматтириева, Дачу и Зубайры Панчueвых, Арсмирзы Хусиева, Солтахмета Товсултанова и Григория Яншина, в ходе операции «Свидание» обезвредила главаря банды в хуторе Конева Надтеречного района, где он скрывался с тремя сподвижниками в доме Мучу Джаухтанова. В ходе задержания один бандит был убит, а Васищев с двумя соратниками взяты живыми. Все участники этой операции были награждены Чечокрревкомом Почётными грамотами и денежными премиями в размере по одной тысяче рублей каждому. Юсуп, Абу, Муту Мамакаевы, Дачу Панчueв, Абдурахман Ахметханов и Солтахмет Товсултанов были награждены именованным боевым оружием, а начальник милиции Шамсуддин Мамакаев и сотрудник уголовного розыска Григорий Яншин — серебряными карманными часами³.

Шамсуддин Мамакаев — отец будущего известного чеченского поэта Арби Мамакаева, вместе со своим братом погиб от руки односельчанина

¹ Безугольный А. Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918—1945 годы. М., 2007. С. 130.

² Чалаев Б. Наследие Гандора // Газета «Республика», сентябрь 1993 года.

³ Курьлев И. В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. С. 63—67.

абрека Саи Дакалова 13 сентября 1921 года у нынешней Надтеречной средней школы № 1 имени А. Ш. Мамакаева.

Насколько тревожной и непредсказуемой была ситуация в Притеречье в 20-е годы XX века мы убедимся также ознакомившись с суровым приказом военного комиссара Надтеречного района Ивана Горбача (1893 г. р.), находившегося на этой службе с 21 июля 1921 г. Цитируем документ без изменений в орфографии и пунктуации: «Приказ № 15 от 05.08. 1921 г. Мною замечено по аулам происходит безпричинная стрельба. Что таковая дает возможность контр-революционерам а также бандитам легко проделывать гнусные дела.... Начальником милиции... следите за таковой стрельбой, пойманных обезоружить направлять военком РЕТ. Всяки нездовая оружи такового преступника растрелять на месте... Приказ входит в силу со дня опубликования. Военком Горбач Иван»¹.

В 1920 году житель села Мундар-Юрт Азраил Тахмаев (Азреал, 1890 г. р.) объявил себя имамом. Кана сказал, что это не имам, а «иймансиз» («неверный»)². Когда весть о новоявленном имаме дошла до Нижнего-Наура, Джанин Ибрахим с одним своим приятелем попросили у Каны разрешение и поехали в Мундар-Юрт. После возвращения оттуда, они со смехом отвечали на вопросы любопытных односельчан: «Каким имамом может быть человек, не имеющий глаз? Это скорее шайтан, а не имам!». После этого стали поговаривать, что имам появился в горах Чечни. Насчёт него тоже Кана сказал: «Это не имам. Дупло не может стать имамом («Харех имам вер вац»)). Этими словами шайх подчеркивал, что претендующий на теократическую власть Нажмуддин Гоцинский был чересчур толстым человеком. Кана часто говорил: «Имам ещё не появлялся. Он будет только один и придёт в назначенное для этого время. Тот, кто объявился в Алдах и Шамиль тоже не были имамами, а являлись «владельцами сабли» («туьран дай»)). Кана ещё любил повторять: «Наш ушедший (т. е. Усман-Хаджи) говорил, что до прихода Махди-Имама с каждым днём жизнь будет ухудшаться»³.

И действительно, жизнь чеченцев с каждым днём стала ухудшаться. В 1921 году, согласно хроникам Доши Мудаева, наступил голод. В том же году Центральный Комитет (ЦК) компартии принял постановление «О постановке антирелигиозной пропаганды...». В нём говорилось:

¹ ЦГА ЧИАССР, ф. 376, оп. 1, д. 2 «Приказы Чеченского окружного военного комиссара по округу и военного отдела Надтеречного района», л. 7.

² Записано со слов Седека Махмудова.

³ Записано со слов Абу Дакалова.

«Не принимать в партию, даже в кандидаты, тех, кто выполняет какие-либо обязанности священнослужителей любого из культов... прекратить связь с церковью какого бы то ни было вероисповедания и исключить из партии тех, кто этой связи не прекращает»¹.

В августе-сентябре 1925 года в Чечне и Ингушетии была проведена широкомасштабная операция по ликвидации «кулацких банд», а также по разоружению населения². Согласно хронике Доши Мудаева, солдаты забирали оружие у нижненаурцев 12 августа 1925 года. Окружив село, войска предъявили ультиматум — сложить столько-то стволов. Даже те, у кого не было оружия, не исключались. Им приходилось скупать ружья у самих исполнителей операции и сдавать их обратно. По словам очевидцев, получалось так, что одно и то же ружьё «сдавали» десятки односельчан. Эта операция продолжалась неделю.

Одновременно была активизирована борьба с влиянием шайхов. Многие видные духовные авторитеты чеченцев были репрессированы. В 1925 году были расстреляны шайхи Али Митаев и Билу-Хаджи Гайтаев. В 1926 году распущены шариатские суды. Согласно советским историкам, в XX веке в Чечено-Ингушетии действовали вирды (братства) следующих шайхов: «Ташу-Хаджи, Кунта-Хаджи, Бамат-Гирей-Хаджи, Узун-Хаджи, Юсуп-Хаджи, Солса-Хаджи, Батал-Хаджи, Дени-шейха, Чиммирзы, Али Митаева, Мани-шейха, Магомед-Али-Хаджи, Косум-Хаджи, Вис-Хаджи, Хосуй-Хаджи, Янгульби-Хаджи, Шамсудин-Хаджи, Сулейман-Хаджи, Кана-шейха, Аббас-Хаджи, Ахмед-Хаджи, Докку-шейха, Умалат-шейха и других»³. Согласно данным, используемым В. Ю. Гадаевым, из них к накшбандийскому тариқату относились вирды: «Ташу-Хаджи, Ахматук-Хаджи, Докку-Шейха, Дени-Шейха, Юсуп-Хаджи, Баудина Арсанова, Умалат-Шейха, Элах-Муллы, Сугаипа-Муллы, Узун-Хаджи, Солса-Хаджи, Сулейман-Хаджи, Албаст-Хаджи, Магомед-Амина, Янгульба-Хаджи, Кана-Шейха, Ибрагим-Хаджи, Косум-Хаджи, Шамсуддин-Хаджи». А к кадырийскому тариқату он относит вирды «Кунта-Хаджи, Баматгирей-Хаджи, Батал-Хаджи, Чиммирзы, Вис-Хаджи, Али Митаева, Юсуп-Хаджи, Хусейн-Хаджи, Мани-Шейха, Магомед-Али-Хаджи»⁴.

¹ Каратаева М. А. Указ. статья // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979. С. 30.

² Пархоменко М. М. Из истории классовой борьбы в Чечне (1921–1925) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1976. Т. IX. Ч. 4. С. 15.

³ Умаров С. Ц., Шамилова М. Ш. Мюридизм перед судом времени. Грозный, 1984. С. 11.

⁴ Гадаев В. Ю. За частоколом мюридских проповедей. Грозный, 1987. С. 13.

После усиления антирелигиозной пропаганды пришедших к власти в России безбожников, Кана-Шайх предвидел грядущее нравственное падение и отход своих соотечественников от веры. И, словно заглядывая в будущее, он поручил односельчанину Лукману Белаеву написать под свою диктовку религиозный гимн — назам. Смысл его был такой: «Будут строиться чрезмерно высокие дома. На Коране будут приносить ложные клятвы. Вместе с мужчинами будут садиться женщины, там, где мужчины будут видеть их лица. Высокие горы превратятся в плоские долины. Все твои помощники высланы из края, все твои проповедники остались в растерянности, о религия Ислам! Сблизившись с обществом неверующих, как же тебя ослабляют, о религия Ислам!..»

(«Сов гишлош уйбуру ю. Къоранах баарх къера дуйнаш бууш хир бу. Божарий болчу зударий хуьйшур бу, божарийн юьхь гучу зударий хуьйшур бу. Лекхачу ламанех шера аренаш хир ю. Хъан г'ю деш мел верг махках ваьккхина, х'ю кхайкхош мел верг воьхна висина, я дийнал Ислам! Дин доьчу ох'лунца гергарло х'юьттина, ма г'елдеш лаьтта х'ю, я дийнал Ислам!»).

Слушая на мовлидах этот назам, даже старики-чеченцы не сдерживали слёз. Настолько чётко в нём было предсказано будущее нравственное растрепание народа ¹.

1929 год ознаменовался осуществлением колхозного строительства. В результате перегибов на местах, начались повсеместные волнения крестьян. Эта волна народного возмущения вывела на арену противостояния властям новые имена антисоветчиков. В Чечне одними из популярных абреков, протестующих против колхозов, стали уроженцы Верхнего-Наура братья Ахмади и Кахид (КъахИд) Зайпулаевы, а также их зять Саадулла Магомадов. Зайпулаевы были однотайповцами Кана-Шайха, поэтому учитывая то обстоятельство, что последний пользовался непререкаемым авторитетом и уважением в народе, власти потребовали от Хантиева склонить «бандитствующих» абреков к сдаче. Крах этой затеи был заведомо известен: как мог восьмидесятилетний больной старик Кана-Шайх найти людей, поимка которых оказалась не по зубам даже отборным бойцам-чекистам? Когда к условленному сроку Хантиев не смог уговорить абреков сдаться властям, его обвинили в сговоре с бандитами. Согласно документам, Кана-Шайх полтора года сидел в застенках ОГПУ, но за недостаточностью улик был выпущен на свободу. Однако эта свобода была хуже заключения, так как чекисты заявлялись к нему в любое время дня и ночи, устраивали обыски и допросы.

¹ Записано со слов Абу Дакалова.

Уставший от преследования Кана Хантиев стал притворяться сошедшим с ума, ходил по улицам Нижнего-Наура босиком, с закатанными штанинами. У его знакомых Солты и Юсупа Дакаловых не было жён и детей. Поэтому шайх часто скрывался у них. Благо, усадьба Дакаловых была очень удобной для этого, так как лежала вблизи леса, куда в любую минуту можно было уйти от властей¹.

В Нижнем-Науре в то время проживала княжеская семья Турловых, состоявшая из князя Бейсултана Хамзатхановича, его матери Супухан (Супу) и сестры Забия-ханум (Забаш). Князь Паша Газиевич Алхазов (1879 г. р.) из Али-Юрта и Бейсултан Хамзатханович Турлов (1899 г. р.) были арестованы 5 мая 1929 года.

Накануне ареста Бейсултан Турлов стоял перед магазином недалеко от своего дома и курил сигарету. Боза Хакимов и Кудоз (Къудоз) Ладаев подошли к нему. В этот момент по поручению арестовать князя, к нему подошли два милиционера. Они приказали Бейсултану распоясаться и сдать ремень с кинжалом. Князь по-русски ответил им, что не сдаст. Однако, не сопротивляясь, он последовал за ними. Когда арестованного Бейсултана Хамзатхановича уводили в ОГПУ, Боза Хакимов и Кудоз Ладаев сбегали в ларёк одноногого Хасмагомеда Мальцагова (участника Первой мировой войны) и купили для князя две пачки сигарет «Наша марка»².

Когда арестованных князей из Надтеречного района этапировали в Грозный, Бейсултан предложил остальным: «Лучше погибнуть достойно, сразившись в дороге с конвоем, чем ждать бесславного конца в заключении. Всё равно нас расстреляют». Князь Паша Алхазов из Али-Юрта и другие арестанты возразили: «Молодой человек, ты рано растерялся. Может нас помилют». Бейсултан сказал: «Узнаем, кто растерялся, когда доедем до пункта назначения».

По постановлению Тройки при Полномочном Представителе ОГПУ Северо-Кавказского края от 14 августа 1929 года, по ст. 58 п.п. 2 и 11 УК РСФСР «за активное участие в контрреволюционной организации из казачества ст. Терской и чеченцев Надтеречного округа, в целях поднятия вооруженного восстания против Советской власти», П. Г. Алхазов и Б. Х. Турлов были приговорены к ВМН — расстрелу. Приговор был приведён в исполнение 20 ноября 1929 года³.

¹ Записано со слов Мусы Вадаева и Абу Дакалова.

² Записано со слов Бозы Хакимова.

³ АЛП ЧР, ф. Р-1292, оп. 2кз, д. 8, л. 1–2.

Дом Турловых конфисковали и расположили в нём Уполкомзаг (Заготскот). Теперь этот двор принадлежит Аблушевым¹.

Однажды, в поисках защиты со стороны своего односельчанина Миты Дурдиевича Чалина (так была записана в документах фамилия М. Чалаева, 1896—1931 гг., тайп ГЮрдалой), работавшего тогда уполномоченным ГПУ, Кана-Шайх послал к нему в Грозный свою дочь Макку. Последняя, как вдова бывшего начальника милиции Надтеречного округа Шамсуддина Мамакаева, беспрепятственно пропускалась во все инстанции. Макка приехала на квартиру Чалаева. В честь её приезда жена чекиста — кумычка из Элин-Юрта стала готовить еду. К вечеру вернулся домой Мита. Увидев гостью, он восторженно засыпал её вопросами:

— Макка, неужели это ты? Как хорошо, что ты приехала! Я переживал за вас. Как там Кана?

— Мита, отец прислал меня к тебе за твоим советом и поддержкой. Он переживает от того, что власти стали преследовать его, — отвечала дочь шайха.

— Знаешь, что ты должна передать Кане? Скажи ему, что пока я здесь работаю — пусть он спит спокойно. Ему ничего не угрожает, — убедительно заявил Мита.

После этого, шайха действительно перестали преследовать. Но в 1931 году Мита был убит бандитами в Галанчожском районе Чечни. Когда его привезли хоронить домой, Кана засвидетельствовал над телом погибшего:

— С убийством Миты мне обломали одно крыло. Если кто-то хочет увидеть человека, который попадёт в рай, посмотрите на Миту: он отдал свою душу на газавате².

Именем Чалина (Чалаева) был назван колхоз в Нижнем-Науре. Другой колхоз носил имя погибшего ранее Шамсуддина Мамакаева. Всего в Нижнем-Науре было четыре хозяйства. Контора колхоза имени Чалина располагалась на усадьбе Хожи Эльмурзаева, а имени Мамакаева — во дворе Усама Хачукаева, колхоз имени Кагановича — у Магомеда Хусиева, а контора колхоза имени Орджоникидзе располагалась на нынешней улице имени Арби Мамакаева³.

С уходом из жизни защитника в лице М. Чалаева, преследования Каны возобновились. 17 марта 1933 года за ним прислали работавшего в милиции односельчанина Магомеда Умхаева. С этим милиционером

¹ Записано со слов Нурди Хусиева.

² Записано со слов Муртаза Баташова (1928—2007) из сел. Надтеречное.

³ Записано со слов Нурди Хусиева.

небольшого роста никого больше не было. Магомед вежливо объяснил Кане, что ему приказали привести его на допрос. В это время шайх, совершив предвечерний намаз («малхбузу-ламаз»), сидел у себя дома, одевшись в тулуп. Его отвели в Верхний-Наура, где в доме Дады Цагалова расположился штаб милиции¹.

В тот же день в Верхнем-Наура, по обвинению за укрывательство и содействие абрекам Ахмади Зайпулаеву и Саадулле Магомадову были арестованы более ста человек. Против них было возбуждено уголовное дело № 48 в 6 томах. На 12–14 листах 4 тома этого дела, хранившегося ранее в архиве КГБ ЧИАССР, было написано, что «Хантиев Кана и Алдамов Магомет обвинялись в том, что являясь — первый руководителем религиозной секты, второй — активным мюридом и религиозным авторитетом — были вдохновителями создания банды под руководством Зайпулаева Ахмады и Магомадова Саадулы, которая с 1931-го по 1933 г. совершила 18 бандналётов и грабежей в колхозах и совхозах. При этом Хантиев в доме Зайпулаева проводил совещания и давал установки на совершение грабежей, а Алдамов вместе со своими сыновьями участвовал в ночь на 17.02. 1933 г. в ограблении сыпного пункта Заготзерно с вывозом 400 пудов кукурузы и дележе его в своём дворе среди грабителей». Согласно 1–4 листам 2 тома того же дела, Хантиев и Алдамов не признали себя виновными в предъявленном обвинении. Многие показания от жителей Верхнего-Наура органы ОГПУ сфабриковали, пользуясь безграмотностью чеченцев. Людей, не знающих что написано на бумаге, заставляли расписываться под готовыми показаниями, а в большинстве случаев — оставлять вместо росписи отпечаток пальца.

Ныне покойный Халид Магомадов из пос. Новый-Городок — очевидец тех событий. Когда зачитывался список жителей Верхнего-Наура, подлежащих аресту, Халид жил в этом селе. «Магомадов Х.» — прозвучало из уст читающего милиционера. Оказывается, имелся ввиду Хезар Магомадов, бежавший из села от преследования властей за укрывательство абреков. Когда никто не выступил вперёд, Халид Магомадов подумал, что вызывают его, и вышел из толпы сельчан. Всех обвинённых, словно сельдей в бочку, затолкали в реквизированный дом Умар-Хаджи Дадаева, где стоял штаб милиции. Среди них по ошибке оказался и молодой Халид. Органы не пожалели даже больного и прикованного к постели Бетту из тайпа аккий (абккхий). Он не мог стоять и арестанты, подложив одежду, уложили его на печку, которая не отапливалась. Вечером привели Кана-Шайха. Узники усадили его на подоконник. Больше негде, да и

¹ Записано со слов Тахира Ахматханова.

невозможно было сесть. Все арестанты стояли на ногах, вплотную прижавшись друг к другу. Вместе с ними 18 дней простоял и Халид Магомадов.

Однажды к ним заглянул руководитель этой операции Добровольский. Увидев среди заключённых Халида, он спросил у стоявшего рядом партсекретаря сел. Верхний-Наур Адама Усаева: «За что сюда привели этого молодого человека?».

— Это и есть тот парень, о котором я Вам говорил. Он сидит по ошибке вместо другого, — ответил Усаев.

Спустя некоторое время Халида Магомадова выпустили. Остальных арестантов вскоре построили в четыре шеренги и пешком погнали в Нижний-Наур. Кана-Шайха отвезли на повозке.

В это время старшиной Верхнего-Наура был Хада Хасиев (Хъасин Хъаьда из тайпа дишний).

Другой очевидец тех событий — Тахир Ахматханов вспоминает, что его деда Кана-Шайха из Верхнего-Наура везли в повозке в Нижний-Наур. За ним ехала вторая повозка, везущая арестованную дочь абрека Ахмади Зайпулаева — Петимат (Баьги). Её и Кану сопровождал конвой из 10 милиционеров. Тогда один из отделов милиции располагался в конфискованном властями доме Абдурахима (Петака) Канаевича Ахметханова, который преследовался за религиозную деятельность и находился в бегах. Дом этот стоял у спуска в нижнюю часть села Лаха-Невре, где позже был открыт продуктовый магазин. Туда и привезли арестантов. Перед этим домом собралось много людей, переживавших за старого и больного Кана-Шайха. Среди них был и Тахир Ахматханов. К дому никого не пускали. Только дочери Каны — Макке, как всегда сделали исключение. Она подошла к сидевшему на улице отцу. Кана сказал ей:

— Передай людям, стоящим на улице, мои слова. Я знаю, что они пришли увидеть меня из сочувствия и сострадания ко мне. Но власти специально посадили меня на улице, чтобы проверить, соберутся ли люди, переживающие за меня. Попроси их не обижаться и разойтись по домам. ОГПУ не оставит меня в покое, задавая вопросы по этому поводу.

Когда Макка передавала людям слова шайха, некоторые в толпе заплакали от волнения и сочувствия к нему. Они потоптались на месте, потоптались и вскоре медленно и неохотно разошлись по домам, исполняя волю своего уважаемого шайха. Остался один Тахир Ахматханов. Он видел, как вскоре Кана-Шайха и Петимат Зайпулаеву посадили на повозки и отправили к паромной переправе через Терек.

Боза Хакимов, накануне ареста ухаживавший за Петимат Зайпулаевой, вспоминал: «В то время на пароме работал брат моей матери Сардал

Товсултанов. Днём и ночью посменно паром сторожили Диди, Дада и Овтарханан Джамалха. ОГПУ в это время располагалось в доме, конфискованном в 1926 году у Гандора Муртаева. Начальником ОГПУ был душегуб и кровопийца Писаренко. Это был мрачный человек, низкого роста, с голубыми, вечно злыми глазами, похожий на самого дьявола. Из его резиденции — здания отдела главного политуправления Надтеречного района, Кану Хантиева и Петимат Зайпулаеву посадили на фургоны и повезли в сопровождении конвоиров к парому, чтобы переправить в Наурскую, а оттуда поездом доставить в Грозный. Узнав об этом, я быстро вскочил на коня и поскакал к парому. Оставив коня на этом берегу, я взял у дяди паром и переправил его на противоположный берег, надеясь помешать отправке арестантов. У того берега я стал делать вид, что выбрасываю из парома воду, чтобы конвоиры, сопровождающие шайха и девушку, подумали, что он вышел из строя. Приблизившись к берегу, милиция, стреляя в воздух, потребовала переправить паром обратно. Я понял, что моя хитрость не удалась и мне пришлось подчиниться их требованию. Я переправил арестантов со стражниками на левый берег Терека. Петимат плакала, глядя в мою сторону. Один из конвоиров спросил меня: «Кто она тебе?» Я ответил, что ухаживал за ней в одно время. Так Кана-Шайха с дочерью Ахмади Зайпулаева отправили в Грозный».

Далее Боза Хакимов поведал, что после Каны было арестовано много жителей Нижнего-Наура. Среди них были: отец Бозы — Микаил Хакимов, Махмуд Есиев, Исрепал Джабраилов, Абдурахман (Дара) Ахметханов — старший сын Кана-Шайха, Саид Вазарханов, Идрис Некдаров, Сахаб Такаев, Джабраил Ташухаджиев, Эдилсултан Дурдиев, Абу Узаев, Микли Гугушев, Гезамахма Шоипов, Магомед Хусиев.

Микаил Хакимов через судебного пристава Хамада договорился за взятку, что его освободят. За своё оправдание он заплатил деньги, собранные за счёт продажи двух лошадей с повозкой, двух коров и одной буйволицы. Откупившимся таким образом Хакимову и Джабраилу Ташухаджиеву (эпоним фамилии Джабраиловых из тайпа нижалой) освобождение мотивировали тем, что они не эксплуатировали батраков.

Арестантов держали в тюрьме, приспособленной в бывшем доме уехавшего Осмы Лосаева. Суд располагался у нынешнего хозяйственного магазина. Днём заключённых приводили в здание. Судебный процесс над ними продолжался три дня. Судьёй был Жюнид из Грозного, а присяжными заседателями: Висангири Албутов и Язу, жена Сараки из Верхнего-Наура, которая в одно время работала старшиной Нижнего-Наура. На этом суде были освобождены Микаил Хакимов и Джабраил Ташухаджиев.

За своё освобождение Сахаб Такаев заплатил 120 рублей, но этого оказалось мало. Судьи предложили добавить ещё 60 рублей. Но у Такаева денег больше не оказалось и его отправили в ссылку, откуда он так и не вернулся. Деньги тоже не вернули¹.

Саид Вазарханов был приговорён к 8 годам лишения свободы, но преждевременно был вызволен из мест ссылки прокурором Надтеречного района Бухади Гинаевым (1906—1977) из Мекен-Юрта. В то же время прокурор породнился с семьёй Вазархановых, женившись на дочери Саида².

В Грозненской тюрьме, стоявшей у дороги, идущей со стороны Старой-Сунжи (Соблже), Кана-Шайх и Идрис Некдаров оказались в одной камере на третьем или четвёртом этаже. После нескольких дней их совместного заключения, Кане приказали спуститься со своими вещами вниз, в приёмную. Но шайх в то время не мог самостоятельно передвигаться. Положив в его мешок еду, Идрис Некдаров прислонил Кану к своему плечу и помог ему спуститься. Приёмная представляла из себя длинную комнату. В ней Идрис посадил Кану, и они ждали дальнейших указаний начальства. В противоположном углу сидел ещё один арестант. Когда они зашли, тот начал плакать. Удивлённый его поведением, Идрис Некдаров подошёл к нему и, узнав знакомое лицо, обратился к нему с упрёком:

— Ты поздно плачешь. Если бы ты и твой брат поплакали чуть раньше — людей бы из-за вас не мучили. И Кану не привели бы сюда...

Услышав, что Идрис ругает человека, сидящего в приёмной, Кана подозвал его к себе и спросил:

— Кто он такой? Почему ты его ругаешь?

— Это брат абрека Ахмади — Кахид из Верхнего-Наура, — ответил Идрис на вопрос шайха.

— Неужели правда? Разве это Кахид? — спросил удивлённый Кана-Шайх, и продолжил, — никогда не поверил бы раньше, что он столь мягкосердечен.

— Да, это он, — ответил Некдаров.

— Оставь, не говори ему ничего. И не ругай его больше, — велел Кана Идрису. Тут их разговор прервал кто-то из начальников, зашедших в приёмную. Он вызвал Кану, а Идриса Некдарова отправил обратно в камеру. Больше они с шайхом не виделись. В этом году суд оправдал Идриса Некдарова и других арестованных с ним жителей Нижнего-На-

¹ Записано со слов Бозы Хакимова.

² Записано 29.02. 2016 г. со слов Халита (Ибрагима) Бухадиевича Гинаева, 1955 г. р., жителя сел. Мекен-Юрт.

ура. Магомеда Хусиева и Сахаба Такаева приговорили к тюремному заключению на пять лет ¹.

Обвинительное заключение шайха, составленное 3 апреля 1933 года, гласит: «Руководствуясь имеющимися в деле материалами, добытыми в процессе предварительного следствия, виновность нижепоименованных обвиняемых нахожу установленной в следующем:

1. Хангиев Кана, 85-ти лет, по нац. — чеченец, гр-н СССР, урож. сел. Н.-Наура, Надтеречного района, ЧАО, 6/партн., грам. по арабски, шейх, крупн. религ. авторитет по всему Надтеречному району, глава Аллероевского тейпа, при белых являлся поставщиком продуктов для белой армии, крупный кулак, в момент обыска обнаружено было и конфисковано: 467 пудов зерна, спрятанного в разных местах, яма с 15 центнерами картофеля, 29 голов крупного рогатого скота, рабочего скота — 9 буйволов, 5 лош., 5 молодняка, 15 голов овец. Женат, на иждивении никого не имеет, до дня ареста находился на полуполюгальном положении, ранее арестовывался за а/с работу, со слов не судим —

В том, что он:

а) Являясь шейхом, крупным религиозным авторитетом по Надтеречному р-ну ЧАО, главой Аллероевского тейпа и в силу этого непримиримым врагом существующего образа правления,

— в течении времени конца 1931 года по день арест[а] включительно, т. е. по второй половине февраля 33 года, как глава Аллероевского тейпа, вдохновил и организационно построил крупную к-р банд-организацию по сел. В.-Науру, в состав каковой в основном входили его мюриды и одготайповцы.

б) Проводя указанную работу, неоднократно в течение 32 года приезжал в В.-Науру, где в доме своего главного мюрیدا бандглаваря Зайпулаева Ахмада проводил совещания, где давал установки всячески препятствовать мероприятиям соввласти, вооруженным порядком выступать и нарушать путем банд-налетов и разгромов, правильное функционирование совхозов и колхозов района, дабы скомпрометировать совхозно-колх[о]зное строительство соввласти.

в) В результате названной деятельности была создана и в течении указанного выше времени оперировала крупная банда во главе с его главным мюридом Зайпулаевым Ахмадом и Магомадовым Саадулой, каковая совершила на протяжении указанного времени 18 дерзких грабежей и банд-налетов по колхозам и совхозам Надтеречного района, нанеся колоссальные материальные ущербы, главным образом совхозу

¹ Записано со слов Арба Идрисова (1920 г. р.) из сел. Надтеречного.

«Красн. Меринос» (Овцеводническ. совхоз), Хлопкосовхозу № 4, глубинному пункту Мундар-Юртовского Заготзерно, где бандой был произведен дерзкий налет и ограблено 400 пудов зерна под лозунгом «вооруженной рукой обратно забирать свой хлеб у соввласти», сопровождавшееся при этом физическими издевательствами над рабочими...

Дело за № ____ по обвинению вышеперечисленных обвиняемых вместе с заключением прокурора ЧАО — направить для внесудебного рассмотрения в крайполиттройку при ПП ОГПУ СКК гор. Ростов-на-Дону.

Обвинительное заключение составлено 3 апреля 1933 года в гор. Грозном»¹.

4 апреля 1933 года ОГПУ допросило Кану Хантиева. Шайх дал такие показания: «Виновным себя не признаю в том, что я являюсь вдохновителем и организатором к/р бандгруппировки в Надтеречном р-не, с целью подорвать прочность советской власти и ее проводимые мероприятия, путем грабежей совхозов..., происхожу из тейпа аллерой, Зайпулаев и Магомадов не являются моими мюридами и я с ними совершенно не знаком, в бандах я не был и таковые не организовал, сам я по соц. положению бедняк, кулаком не был и никаких к/р группировок не организовывал, в грабежах никогда не участвовал и к этому никого не подстрекал. Более показать ничего не могу, в чём и подп[исываюсь]. (Подпись на арабском — «Кана бин Ханти»). Переводил уполномоченный (подпись)².

Постановлением Тройки при ПП ОГПУ СКК и ДАССР от 9 апреля 1933 года шайх Кана Хантиев был приговорён к высшей мере наказания — расстрелу³. Приговор был приведён в исполнение 10 мая 1933 года.

Идрис Некдаров, сопровождавший Кана-Шайха в тюрьме, был освобождён. Но 28 июля 1937 года он вновь попал в число жертв «красного террора». Ордер № 62 на его арест был выдан сотруднику Д. Ножаеву. Согласно протокола обыска, ничего не было обнаружено. Состав семьи Идриса Некдарова, 1879 года рождения: жена Марем — 61 год, сын Ариб — 12 лет.

Нижненаурский сельский совет по запросу НКВД 15 сентября 1937 года выписывает справку: «Дана Надтеречному райотд[елу] НКВД в том, что гр-н Некдаров Идрис по с/совету числится бывшим кулаком,

¹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ), ф. АУД, д. П-9388, т. 4, л. 10, 11, 64. Копии дела предоставил потомок шайха Магомед Хамидович Абуев, житель села Надтеречное Надтеречного района Чеченской Республики.

² Там же, т. 2, л. 1 об.

³ АУП ЧР, ф. Р-1292, оп. 2кс, д. 5, л. 1.

в последнем состоит членом колхоза имени Мамакаева, что и удостоверяется».

Протокол допроса Идриса Некдарова 26 сентября 1937 года составлял помощник оперуполномоченного УГБ. Согласно протоколу, Некдаров ранее арестовывался дважды: в 1932 и 1934 годах.

Первый вопрос, заданный Идрису: «Следствием установлено, что Вы имеете тесную связь с главарем банды, Вашим родственником, Магоматовым Садулой и оказываете ему активную помощь продуктами питания и всем необходимым, подтверждаете?».

На что Некдаров *ответил*: «Я никакой помощи главарю банды Магоматову Садуле не оказывал и связи с бандой не имею».

Второй вопрос: «Известно, что Вы, состоя в колхозе, вели подрывную работу, в 1935 г. продали своих 2-х обобщественных лошадей и призывали колхозников последовать Вашему примеру, подтверждаете?».

Ответ: «Я своих лошадей продал, но колхозников не призывал следовать моему примеру».

Вопрос: «Следствием установлено, что Вы, состоя в колхозе, вели антисоветскую агитацию, среди гр-н говорили: «Колхозы скоро будут ликвидированы и нам надо помочь им распасться, продавать и забирать свое имущество из колхоза», подтверждаете?».

Ответ: «Я никому ничего не говорил и не призывал продавать свое имущество из колхоза».

Вопрос: «Известно, что Вы в июне м-це 1937 г. около мечети среди гр-н говорили: «Замучила эта власть наш народ колхозами, долго мы ещё будем её терпеть?». Подтверждаете?».

Ответ: «Я никому ничего не говорил о власти около мечети».

Вопрос: «Подтверждаете, что Вы в июле м-це среди гр-н говорили: «Идёт война, скоро сов-власти конец, нам надо молиться Богу, чтоб она скорей пропала?»

Ответ: «Я не призывал никого молиться Богу о скорейшей гибели сов-власти и никому не говорил о войне».

Вопрос: «Подтверждаете, что Вы призывали гр-н не выходить на работу в колхоз?».

Ответ: «Я никого не призывал не выходить на работу в колхоз».

Вопрос: «Признаете себя виновным в связи с бандой Магоматова Садулы и помощи ей, в проведении среди гр-н контрреволюционной пропаганды?».

Ответ: «Виновным себя я ни в чем не признаю. Протокол с моих слов записан верно, мне прочитан, на родной язык переведен, в чем

за моей неграмотностью за меня расписался переводчик Бетербиев (подпись)».

Согласно протоколу № 9 заседания Тройки при НКВД ЧИАССР от 15.10. 1937 года слушали дело № 2145 УГБ НКВД ЧИАССР по обвинению Некдарова Идриса, 1879 г. р., уроженца и жителя сел. Нижний-Наур, Надтеречного района ЧИАССР, бывшего кулака-лишенца. В 1932 г. был судим по ст. 58, п. 7 УК. В 1934 г. преследовался за связь с бандой Магомадова. «Обвиняется в том, что он, будучи враждебно настроен против Соввласти, среди населения вел к/р агитацию и распускал провокационные слухи о скорой гибели Соввласти. Некдаров Идрис на протяжении ряда лет имел близких родственников шейха Хантаева Кана и главаря банды Магомадова Саадулу, оказывал последним помощь, снабжал их продуктами питания, укрывал непрерывно по день ареста. **ПОСТАНОВИЛИ:** Некдарова Идриса — расстрелять».

Постановлением Президиума Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР от 24 ноября 1989 года, за подписью председателя Верховного Суда ЧИАССР И. А. Албастова, постановление тройки при НКВД ЧИАССР от 15.10. 1937 г. отменено, дело в отношении Некдарова Идриса прекращено за отсутствием состава преступления и Некдаров И. реабилитирован¹.

Шайх Тарам-Хаджи Керимов (возраст в документах указан различно — от 60 до 90 лет), уроженец села Старый-Юрт, проживавший в сел. Нижний-Наур, мурид шайха Кунта-Хаджи, тоже был арестован 5 марта 1933 года по обвинению в антисоветской агитации. По постановлению уполномоченного Чечоблотдела ОГПУ от 3 июня 1933 года Керимов был освобождён из под стражи. Второй раз арестован 15 сентября 1935 года. По постановлению УНКВД ЧИАССР от 15 января 1936 года дело в отношении него опять было приостановлено. После третьего ареста 1937 года не вернулся. Сведениями о дальнейшей его судьбе не располагаем².

Шайх Сангари-мулла Хутаев, 1868 г. р., уроженец и житель сел. Бено-Юрт, служил кубовым муллой. Постановлением Тройки ПП ОГПУ СКК и ДССР от 13 апреля 1933 года, по ст. 58-10 УК РСФСР, был выслан в Казахстан сроком на 10 лет, считая срок с 3 марта

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. АУД, д. П-9297, л. 2, 3 с об., 4 с об., 6, 7 с об., 8 с об., 14, 26. Копии дела предоставил Адлан Арбиевич Идрисов, житель села Надтеречное Надтеречного района Чеченской Республики.

² Сведения из справки ЦА ФСБ РФ от 11.06.2015 г. Копию предоставил Рамзан Эльсиевич Тарамов, житель села Надтеречное Надтеречного района Чеченской Республики.

Чеченские религиозные авторитеты на торжествах по случаю объявления автономии Чечни 15.01. 1923 г. в Урус-Мартане (РГАСПИ)

Почётные старики-чеченцы молятся на съезде в Урус-Мартане 15.01. 1923 г. (РГАСПИ)

Прокурор Надтеречного района Бухади Гинаев (с л е в а) зачитывает оправдательный приговор в Чанти-Юрте (1937)

С л е в а н а п р а в о: Кана-Шайх Хантиев с сыном Абу Канаевым

Старший сын шайха Каны –
Абдурахман (АУП ЧР, фото 1949 г.)

Второй сын Кана-Шайха –
Абдурахим (Петак) с женой Манаш

Третий сын Кана-Шайха – Абу Канаев
с женой Машок и детьми (весна, 1933 г.)

Младший сын Кана-Шайха – Яраги
(АУП ЧР, фото 1949 г.)

Старшая дочь Кана-Шайха – Макка
Мамакаева

Младшая дочь Кана-Шайха – Хадиджат
Висайтова (АУП ЧР, фото 1949 г.)

Слева направо: Яраги Закриев, его жена Хава Канаева и их дочь Аминат

Слева направо: Светлана и Хадижат Висайтовы

Памятные чурты Кана-Шайха (справа),
Замзы и Яраги (сел. Надтеречное)

Могила Абдурахмана Ахметханова
(сел. Надтеречное)

**Могила Абдурахима Ахметханова
(сел. Надтеречное)**

**Могила Хадижат Виситовой
(сел. Надтеречное)**

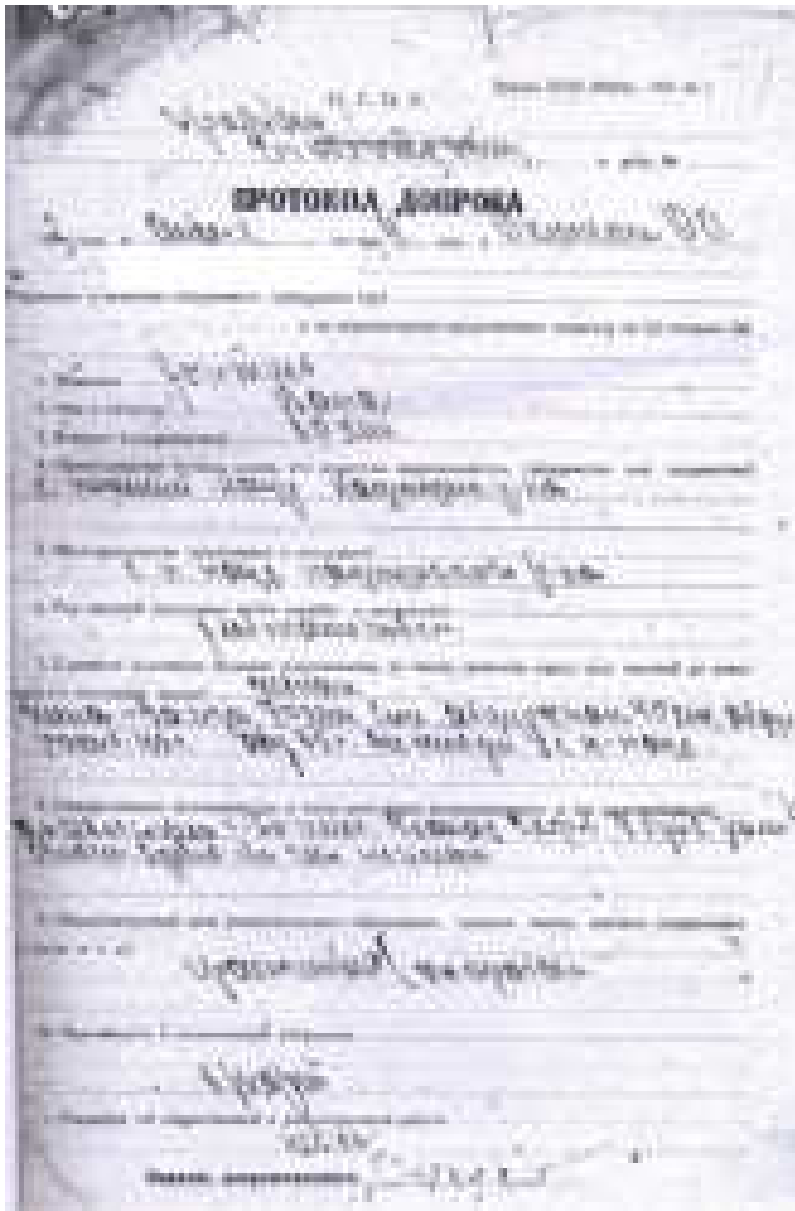
Могилы Макки Мамакаевой и Хавы Закриевой (сел. Надтеречное)

25

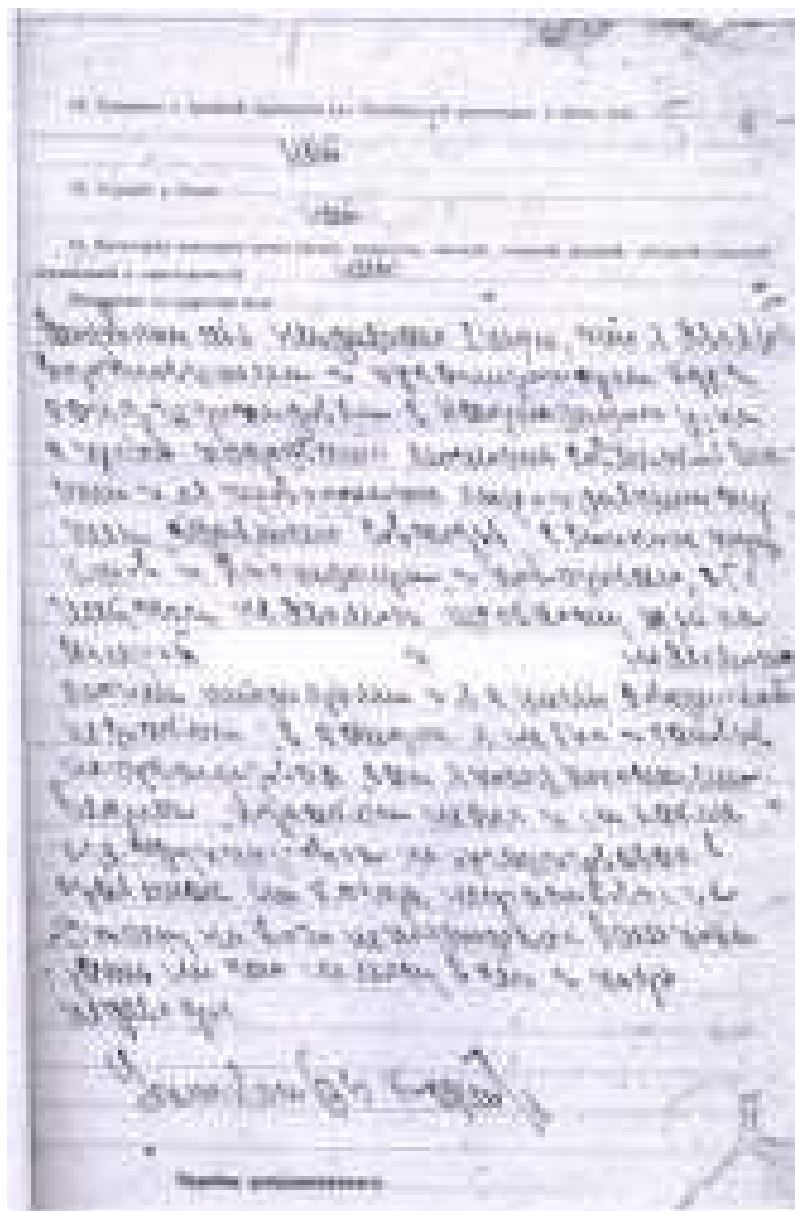
АНКЕТА АРЕСТОУ АНННИ

Исследования	Исследования
1. Имя	К. Шайх
2. Место рождения	Кавказ - Дагестан
3. Место жительства	Кавказ - Дагестан
4. Образование	Среднее образование
5. Профессия	Служба в органах безопасности
6. Дата рождения	1970 года
7. Место работы	Служба в органах безопасности
8. Должность	Служба в органах безопасности
9. Дата зачисления	Служба в органах безопасности
10. Дата увольнения	Служба в органах безопасности
11. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
12. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
13. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
14. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
15. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
16. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
17. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
18. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
19. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
20. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
21. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
22. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
23. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
24. Дата освобождения	Служба в органах безопасности
25. Дата освобождения	Служба в органах безопасности

Анкета Кана-Шайха

Протокол допроса Кана-Шайха

Протокол допроса Кана-Шайха (окончание)

СССР
Н.К.В.Д.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ
Чехословацкой АССР

1940 г.

П-7753
ДЕЛО № 274

Абу Канаев

Арх. № 34

ТОМ № 9379

Дело по обвинению Абу Канаева

№ _____

Анкета арестованного

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	Канаев
2. Имя и отчество	Абу
3. Год и место рождения	1954 г. в с. Вильямовка, Куйбышевская обл.
4. Образование (полное/начальное)	Полное высшее
5. Место работы и должности до ареста	Служба в Казани
6. Причины и обстоятельства ареста (дата, место)	1981 г. в г. Казань
7. Максимальное количество лет заключения (с указанием сроков и оснований)	1 год 6 месяцев по ст. 101 УК РСФСР за нарушение правил поведения в местах лишения свободы
8. Наименование колонии	Колония № 11/1
9. Наименование участка	Участок № 1
10. Наименование бригады	Бригада № 1
11. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
12. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
13. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
14. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
15. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
16. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
17. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
18. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
19. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек
20. Состав бригады (число и фамилии)	10 человек

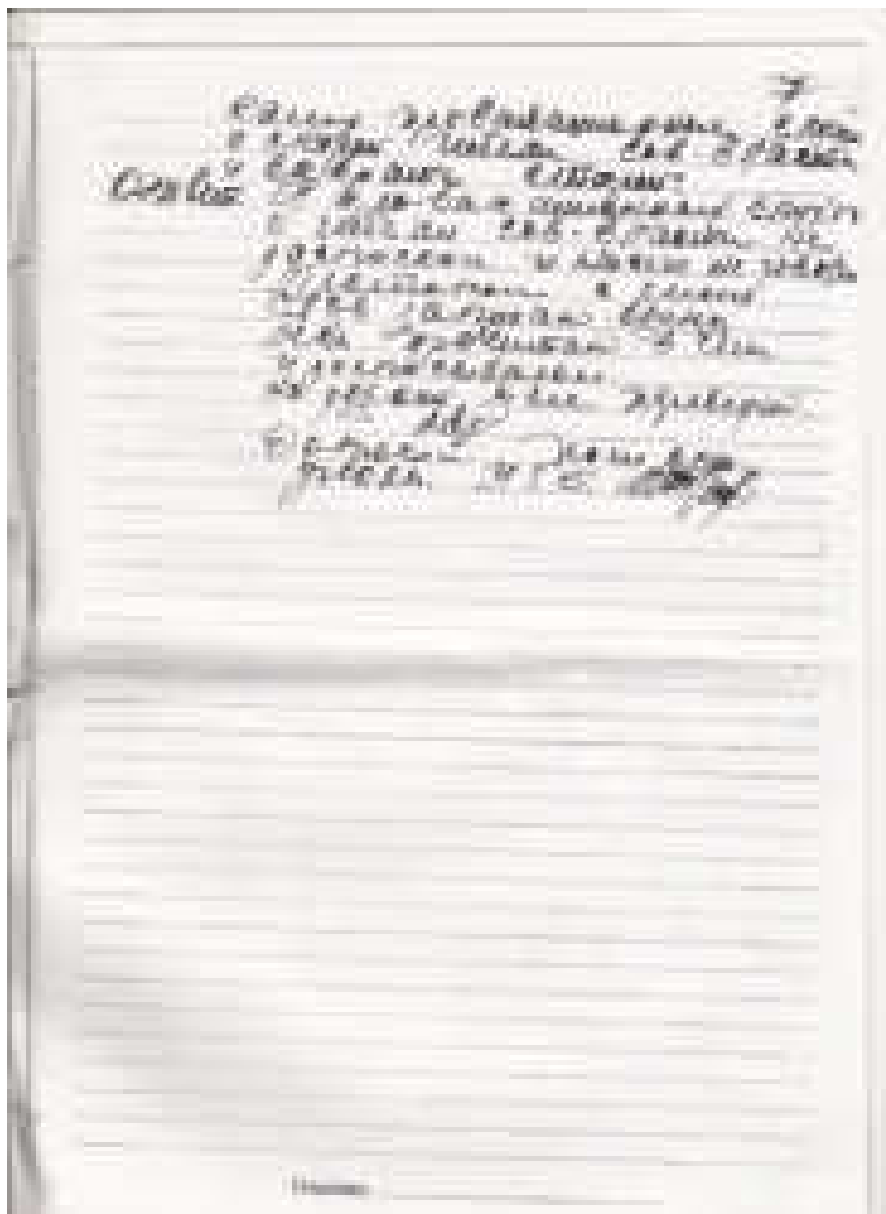
Анкета Абу Канаева

ОТВЕТЫ		ВЫБОРЫ		
10. Предпочтения в организации	Свободы по СССР			
11. Предпочтения в организации, в том числе в отношении И. Вильямса	И. Вильямс			
12. Организация (наименование) и вид деятельности (или вид работы)	Свободы по СССР			
13. Предпочтения в отношении языка	И. Вильямс			
14. Суровые ли для вас условия и насколько вы их лучше предпочли, чем условия на территории проживания	И. Вильямс			
15. Суровые ли условия	Свободы по СССР			
16. Какие виды деятельности (или виды работ) вы выполняли (выполняете) в настоящее время, где выполняли, кем и сколько лет, какие условия и возможности для вас работы в этом	Виды работ и организаций	Время работы, кем выполняли	Место работы	Сроки работы
	Свободы по СССР	И. Вильямс	И. Вильямс	И. Вильямс
17. Какие виды деятельности (или виды работ) вы выполняли (выполняете) в настоящее время, где выполняли, кем и сколько лет, какие условия и возможности для вас работы в этом	Виды работ и организаций	Время работы, кем выполняли	Место работы	Сроки работы
Свободы по СССР	И. Вильямс	И. Вильямс	И. Вильямс	И. Вильямс
Итого: _____				
18. Какие виды деятельности (или виды работ) вы выполняли (выполняете) в настоящее время, где выполняли, кем и сколько лет, какие условия и возможности для вас работы в этом				
Итого: _____				
19. Какие виды деятельности (или виды работ) вы выполняли (выполняете) в настоящее время, где выполняли, кем и сколько лет, какие условия и возможности для вас работы в этом				
Итого: _____				
20. Какие виды деятельности (или виды работ) вы выполняли (выполняете) в настоящее время, где выполняли, кем и сколько лет, какие условия и возможности для вас работы в этом				
Итого: _____				

Протокол допроса Абу Канаева

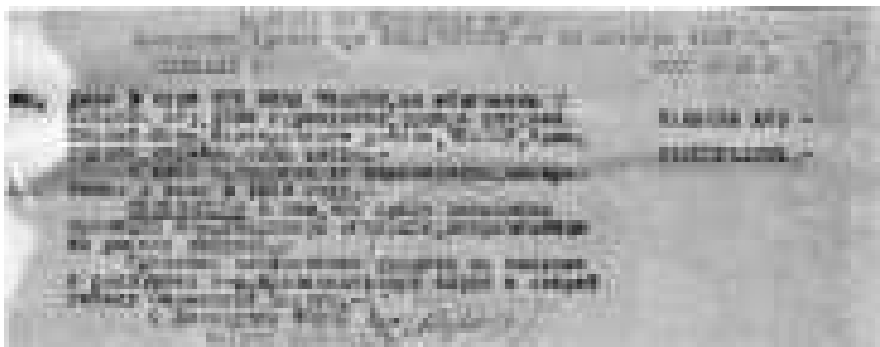
1) ...
2) ...
3) ...
4) ...
5) ...
6) ...
7) ...
8) ...
9) ...
10) ...
11) ...
12) ...
13) ...
14) ...
15) ...
16) ...
17) ...
18) ...
19) ...
20) ...
21) ...
22) ...
23) ...
24) ...
25) ...
26) ...
27) ...
28) ...
29) ...
30) ...
31) ...
32) ...
33) ...
34) ...
35) ...
36) ...
37) ...
38) ...
39) ...
40) ...
41) ...
42) ...
43) ...
44) ...
45) ...
46) ...
47) ...
48) ...
49) ...
50) ...
51) ...
52) ...
53) ...
54) ...
55) ...
56) ...
57) ...
58) ...
59) ...
60) ...
61) ...
62) ...
63) ...
64) ...
65) ...
66) ...
67) ...
68) ...
69) ...
70) ...
71) ...
72) ...
73) ...
74) ...
75) ...
76) ...
77) ...
78) ...
79) ...
80) ...
81) ...
82) ...
83) ...
84) ...
85) ...
86) ...
87) ...
88) ...
89) ...
90) ...
91) ...
92) ...
93) ...
94) ...
95) ...
96) ...
97) ...
98) ...
99) ...
100) ...

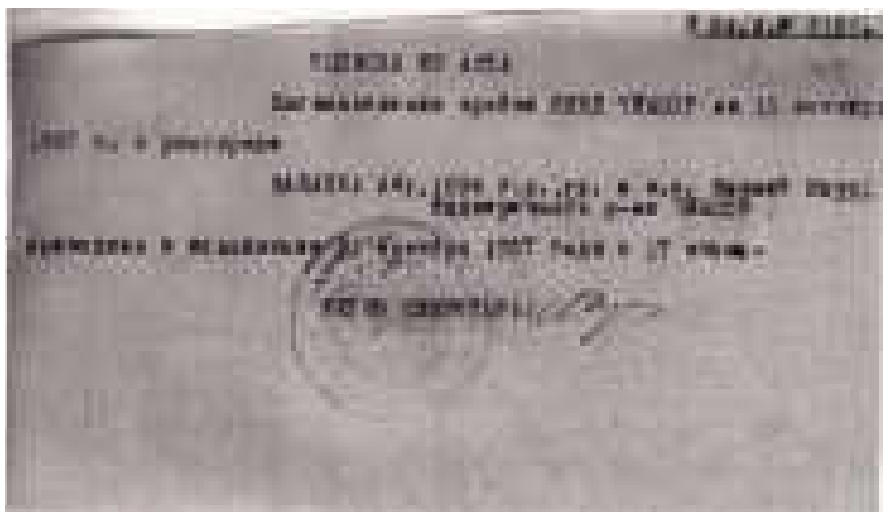
Протокол допроса Абу Канаева (окончание)

Обвинительное заключение Абу Канаева

Постановление Тройки о расстреле Абу Канаева

Исполнение приговора над Абу Канаевым

1933 года ¹. Сангари-мулла (Дадеш) скончался 18 августа 1940 года в колхозе «Моюнкум» на станции Чу, где отбывал срок ссылки ².

Мулла Араби Саралиев из Нижнего-Наура, 1840 г. р., мурид шайха Усмана-Хаджи был арестован 7 марта 1933 года. По постановлению тройки при ПП ОГПУ СКК и ДССР от 29 апреля 1933 г. за «антисоветскую агитацию» приговорён к сроку на 5 лет условно.

Сахаб Атазиев из Нижнего-Наура, 1863 г. р., арестован 28 июля 1937 года по обвинению в том, что «будучи в 1932 г. раскулаченным и арестованным за контрреволюционную деятельность, из-под стражи бежал и скрывался в разных селах до 1937 г.». 21 октября 1937 года приговорён Тройкой при НКВД ЧИАССР к расстрелу.

Абу Канаев, 1894 г. р., уроженец сел. Нижний-Наура, сын шайха Кана Хантиева, арестован 28 июля 1937 года. Заседанием Тройки при НКВД ЧИАССР от 15 октября 1937 года приговорён к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведён в исполнение в 17 часов 21 октября 1937 года ³.

Кади-мулла Индербиев, 1861 г. р., уроженец сел. Мундар-Юрт, кунтахаджинец, был арестован 4 ноября 1929 г. На допросе, состоявшемся того же числа, дал следующие показания: «Арабское образование, которое может быть приравнено к среднему, я получил учившись в общей сложности 13 лет. Учился я в сел. Нижний Наура и Ногай-Мирза-Юрте.

В Нижнем Наура учился у Успахаджиева Успа ⁴, а в Ногай-Мирза-Юрте у Темиркаева Эльбазука. Являюсь я мюридом Кунта-Хаджи, давал я «тоба» приблизительно лет двадцать тому назад своему отцу, который также являлся мюридом Кунта-Хаджи.

До 1922 года я муллою не служил, а занимался сельским хозяйством. В период Гражданской войны я один месяц служил в отряде Гикало, под начальством Мамакаева Шами и скрывался остальное время от белых.

Причиной моего скрывания от белых послужило следующее:

Когда я проживал в Мундар-Юрте, в селение приехал посланный от Гикало Мамакаев Шами, организовывать из жителей отряд против белых.

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. АУД, д. П-9371, л. 174, 176. Копии дела предоставил Висхан Шамсудинович Хутаев, житель села Бено-Юрт Надтеречного района Чеченской Республики.

² Кагерманов Д. Бена-Юртахъ зиярат сьхадобьлучохъ кхоллаелла ойланаш // Газета «Даймакх», № 91 от 15 августа 2013 г.; Базуркаев С.-Э. Бена-Юртага эвлаят Сангари-молла // Газета «Ан-Нур». № 2 от 28 января 2014 г.

³ ЦА ФСБ РФ, ф. АУД, д. П-7753, л. 11–12. Копии предоставил М. Х. Абуев.

⁴ Читайте — «Успахаджиева Хусейна». Возможно, что при жизни шайха Упа-Хаджи — Индербиев учился у него, а затем перешёл в школу Успахаджиева.

Я сочувствовал тогда Советской власти, т. к. я прочел в свое время в арабской книге под названием «Муцирул маннунаты» о том, что настанет время, когда не будет во всем мире царей, а управлять государствами будет сам народ, и об этом разъяснил населению. После чего из числа гр-н записалось много лиц в отряд Мамакаева Шами»¹.

5 февраля 1930 года Кади-мулла Индербиев был сослан на 5 лет в Северный край. Вернулся, отбыв наказание. Второй раз арестован 29 июля 1937 года. Просидел в тюрьме два месяца и был освобождён. Затем, по постановлению Тройки при УНКВД ЧИАССР от 4 октября 1937 года сослан на 10 лет в Ивдельлаг Свердловской области². Из мест лишения свободы не вернулся.

Во время «августовской генеральной операции» 1937 года были также репрессированы жители сел. Нижний-Наур: Аюб Атаев, Зука Хиблаев и другие. В ходе этой инквизиции всё чеченское духовенство было «изъято», как «социально опасный элемент». С ликвидацией шайхов и мулл завершилась целая эпоха в истории духовно-нравственного развития чечено-ингушского народа. Страну советов охватила идеология «воинствующего атеизма», которая под конец и погубила эту великую державу.

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. АУД, д. П-9548, л. 39 с об. Копии дела предоставил Хасан Адамович Индербиев, житель сел. Знаменское Надтеречного района Чеченской Республики.

² АУП ЧР, ф. Р-1292, оп. 2, д. 6, л. 3; См.: О реабилитации лиц, репрессированных в 30–40-х и начале 50-х гг. // Газета «Грозненский рабочий». № 125 (20057) от 31 мая 1990 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Х. Хийтанав. Книга о святых</i>	3
А. М. Бугаев. Рецензия на монографию А. Духаева «Эпоха шайхов» . . .	5
Предисловие	8
Поиск пути.	19
Становление шайхов.	34
В ореоле святости.	46
Шайхом быть нелегко	70
Просветители	120
Прощание с Усманом-Хаджи	184
За русскую школу	201
Миротворцы	207
Ссылка в Калугу	215
Смутное время	256
Полководец	281
Репрессии	306

Архивное издание

Духаев Адам Идрисович

ЭПОХА ШАЙХОВ

Корректор *Т. М. Ачабаева*

Художник *А. М. Иевлев*

Компьютерная верстка *О. Ф. Малюги*

Подписано в печать 09.12. 2016. Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура AcademyC. Бумага офсетная. Усл. п. л. 19,99. Тираж 1000 экз.
Заказ № 772

ООО «Печатный двор»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Калюжного, 1
Тел. 8(8662) 74-11-33
E-mail: printhouse07@gmail.com

1 406 005 7 40570 05 1

9 785002 770911